

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
журнал

NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL № 4 (28) 2017

ISSN 2079-6617 (print) ISSN 2309-9828 (online)

www.npsyj.ru

Перспективные технологии
изучения когнитивных
и аффективных процессов

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№4 (28) 2017
NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL
2017, no. 4

УЧРЕДИТЕЛЬ / ИЗДАТЕЛЬ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.
Факультет психологии
www.psy.msu.ru
Издается при поддержке
Общероссийской общественной организации
«Российское психологическое общество» (<http://rpo.pf>)

Главный редактор

Ю.П. Зинченко

Заместитель главного редактора

О.А. Карабанова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели

Ю.П. Зинченко, Л.А. Цветкова

Члены совета

М. Абалакина-Паап (США), В.М. Аллахвердов, А. Ардила (США), А.Г. Асмолов, Н.А. Батулин, Д.Б. Богоявленская, Б.М. Величковский (Германия), В.Ф. Воскобоев, Э.В. Галажинский, Е.Ф. Гутырчик (Германия), И.В. Дубровина, С.Н. Ениколопов, П.Н. Ермаков, А.Л. Журавлев, А.Г. Караяни, А.В. Карпов, Б. Котик-Фридгут (Израиль), Е.Е. Кравцова, А.С. Курский, А.Б. Леонова, С.Ю. Малков, С.А. Маничев, М.И. Марьин, А.И. Овсяник, В.Ф. Петренко, П.И. Падерно, О.В. Раевская, М. Роселли (США), В.В. Рубцов, В.С. Собкин, А.А. Стрельцов, Е.В. Субботский (Великобритания), А.Г. Тоневицкий, Я. Хаутамяки (Финляндия), А.В. Шаболтас, Ю.С. Шойгу, А.В. Юревич

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Т.В. Ахутина, Н.К. Бакланова, Н.Б. Березанская, Б.С. Братусь, И.А. Володарская, А.Н. Гусев, М.С. Егорова, В.А. Иванников, В.И. Ильченко, О.А. Карабанова, М.Ш. Магомед-Эминов, О.Г. Носкова, А.И. Подольский, В.М. Полонский, Н.С. Пращников, И.А. Самоненко, С.Д. Смирнов, Т.Г. Стефаненко, Н.Ф. Талызина, О.А. Тихомадрицкая, А.Ш. Тхостов, А.М. Черноризов

РЕДАКЦИЯ

Выпускающий редактор номера

О.А. Карабанова

Ответственный редактор

О.В. Решетникова

Над номером работали

Л.Г. Бардонова, М.С. Белоховская, И.В. Еремина,
Е.В. Зайцева, М.Ю. Цветков

Перевод

Е.В. Темнова

Интернет-версия

С.А. Козловский

Дизайн обложки

М.А. Коршунов, Л.Ю. Галушкина

Дизайн обложки

М.А. Коршунов, Л.Ю. Галушкина

Фото на обложке:

С 29 июня по 3 июля 2017 года на берегу Можайского водохранилища факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова провел Международную студенческую научно-практическую конференцию – Летнюю психологическую школу. География ЛППШ-2017 обширна: вся Россия и страны ближнего зарубежья.

В номере использованы фотоматериалы

О.В. Решетниковой и др.

Медиа-менеджер проекта

М.С. Белоховская

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-29062.

Свидетельства о перерегистрации СМИ: ПИ № ФС77-54510;

Эл ПИ №ФС77-54583; Эл №ФС77-54510 .

ISSN 2079-6617 (Print)

ISSN 2309-9828 (Online)

Год основания: 2006

Президент Международного союза психологической науки при ЮНЕСКО, доктор Сазасивэн Купер (Sathasivan Cooper) в своем выступлении на пленарном заседании Всероссийского психологического форума поднял проблему практической гуманитарной ценности психологической науки для человечества. Доктору Куперу на Форуме присвоили звание Почетного иностранного члена Российского психологического общества (Казань, Казанский федеральный университет, 5–7 октября 2017 г.)

XIX Всемирный фестиваль молодёжи и студентов (ВФМС 2017)

«Knowledge Creates Our Future» выставка-презентация достижений молодых ученых Московского университета в передовых областях науки и технологий. Представлены оригинальные международные научные проекты в геофизике, петрологии, биофотонике, в области виртуальной реальности и когнитивных наук. На стенде факультета психологии научные сотрудники А.И. Ковалев и О.А. Ковалева презентовали проект «Перспективные технологии изучения когнитивных и аффективных процессов» и тест на стрессоустойчивость и распознавание эмоций. (Сочи. Медиацентр. Youth Expo. 18 октября 2017).

АДРЕС РЕДАКЦИИ

125009 Москва, ул. Моховая, д. 11 строение 9
Факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Тел.: +7 (495) 629-3723, +7 (910) 407-8378

E-mail: NPGournal@mail.ru

Электронный адрес: www.psy.msu.ru/science/npj/

www.npsyj.ru/en

Журнал доступен в мобильном приложении «PsyMSU» в App Store

The President of the International Union of Psychological Science at UNESCO, Dr. Sathasivan Cooper, in his speech at the plenary session of the All-Russian Psychological Forum, raised the issue of the practical humanitarian value of psychological science for mankind. Dr. Cooper was awarded the title of Honorary Foreign Member of the Russian Psychological Society at the Forum (Kazan, Kazan Federal University, 5-7 October, 2017).

19th World Festival of Youth and Students (WFMS 2017)

"Knowledge Creates Our Future" exhibition of the young scientists' achievements of Lomonosov Moscow State University in the advanced fields of science and technology. Authentic international scientific projects in geophysics, petrology, biophotonics, virtual reality and cognitive sciences are presented. At the Department of Psychology stand, A.I. Kovalev and O.A. Kovalev, representatives of scientific staff, presented the project "Perspective Technologies for Studying Cognitive and Affective Processes" and the stress resistance test and recognition of emotions test were also introduced. (Sochi, Media Center, Youth Expo, October 18, 2017).

Lecture by Professor Salvatore Zappala: "Organizational Change and Development" where he talked about the main world trends in the psychology of labour and organizational psychology. (Lomonosov Moscow State University, Faculty of Psychology, November 16, 2017).

Salvatore Zappala (Italy) is the head of the European Certification Committee for the awarding of the EUROPSY European Federation of Psychological Associations (psychology and organizational psychology).

РОССИЙСКОЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

RUSSIAN
PSYCHOLOGICAL
SOCIETY

входит в международные организации:

IUPsyS

Международный союз психологической науки
при Юнеско

EFPA

Европейская федерация
психологических ассоциаций

"National Psychological Journal" is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications of the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Russian Federation

EDITORIAL OFFICE

Bld. 9, 11 Mokhovaya st. Moscow 125009 Russia
Department of Psychology Lomonosov Moscow State University
Tel.: +7 (495) 6293723, +7 (910) 4078378
E-mail: NPJournal@mail.ru

Official website: www.psy.msu.ru/science/npj/
www.npsyj.ru/en

The journal is available in «PsyMSU»
mobile application in App Store

NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL

2017, no. 4

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№4 (28) 2017

FOUNDER/ PUBLISHER

Lomonosov Moscow State University
Department of Psychology
www.psy.msu.ru

Published in collaboration with **the Russian Public Organization**
"Russian Psychological Society" (<http://psyrus.ru/en/>)

Editor-in-Chief

Yu.P. Zinchenko

Deputy Editor

O.A. Karabanova

EDITORIAL COUNCIL

Co-Chairs

Yu.P. Zinchenko, L.A. Tsvetkova

Council Members

M. Abalakina-Paap (USA), V.M. Allakhverdiv, A.E. Ardila (USA), A.G. Asmolov, N.A. Baturin, D.B. Bogoyavlenskaya, E.V. Cubbotsky, I.V. Dubrovina, S.N. Enikolopov, P.N. Ermakov, E.V. Galazhinsky, E.F. Gutyrchik (Germany), A.G. Karayani, A.V. Karpov, Ya. Khautamyaki (Finland), B. Kotik-Friedgut (Israel), E.E. Kravtsova, A.S. Kursky, A.B. Leonova, Ju.S. Malkov, S.A. Manichev, M.I. Maryin, A.Iv. Ovsyanik, V.F. Petrenko, P.Ios. Paderno, O.V. Raevskaya, M. Rosselli (USA), V.V. Rubtsov, A.V. Shaboltas, Yu.S. Shoygu, V.S. Sobkin, A.A. Streltsov, E.V. Subbotsky (Great Britain), A.G. Tonevitsky, B.M. Velichkovsky (Germany), V.F. Vockoboev, A.V. Yurevich, A.L. Zhuravlev

EDITORIAL BOARD

T.V. Akhutina, N.K. Baklanova, N.B. Berezanskaya, B.S. Bratus, M.S. Egorova, A.N. Gusev, V.Iv. Ilchenko, V.A. Ivannikov, O.A. Karabanova, M.Sh. Magomed-Eminov, O.G. Noskova, A.II. Podolskij, V.M. Polonsky, N.S. Pryajnikov, Ju.A. Samonenko, S.D. Smirnov, T.G. Stephanenko, N.Ph. Talyzina, O.A. Tihomandritskaya, A.Sh. Tkhostov, A.M. Chernorizov, I.A. Volodarskaya

EDITORIAL

Production Editor

O.A. Karabanova

Executive Editor

O.V. Reshetnikova

Production Unit

L.G. Bardonova, M.S. Belokhovskaya, I.V. Eremin,
E.V. Zaitseva, M.Yu. Tsvetkov

Translation

E.V. Temnova

Online Version

S.A. Kozlovskiy

Cover Design

M.A. Korshunov, L.Yu. Galushkina

Photographs used in this issue

O.V. Reshetnikova and others

Project Media Manager

M.S. Belokhovskaya

License of Mass Media Registration PI number FS77-29042
and **License of Mass Media Reregistration** PI number FS77-54510;
El PI number FS77-54583; El number FS77-54510

No materials published in the journal may be reproduced without written permission from the publisher. The publisher is not responsible for the legality of the information given in the advertisement materials

ISSN 2079-6617 (Print)

ISSN 2309-9828 (Online)

Founded in: 2006

SCIENTIFIC ANALYTICAL EDITION

ISSN 2079-6617 (Print)
ISSN 2309-9828 (Online)

NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL

2017, no. 4

CONTENT

Scientific life

Moscow Lomonosov University psychologists
at the 19th World Festival of Youth and Students
All-Russian psychological forum

Professional Identity

Vladimir S. Sobkin, Anna I. Andreeva, Fatima R. Rzaeva
Professional activity of the researcher in the field of education: features of planning, resources
for implementation, satisfaction with the results

Experimental Psychology

Tatyana V. Kornilova, Elizaveta M. Pavlova, Yuliya V. Krasavtseva, Anna U. Razvalyaeva
Relationship between the framing effect and individual differences in medical students and
psychology students
Dmitry S. Grigoryev
Development of a short version of the dual process model scales: right-wing authoritarianism,
social dominance orientation, dangerous and competitive worldviews

Social Psychology

Tatyana G. Stefanenko, Tanzila A. Tumgoeva, Marina V. Kotova
The IngushTs cultural memory and social identity as a representative of repressed ethnic group
Karina N. Stratilat
Models of the origin of the social loafing phenomenon

Gender Psychology

Victor F. Petrenko, Anatolij P. Suprun, Natalia G. Yanova
Psychosemantic study of female visual perception of men (Russian mentality)
Igor A. Fourmanov
Dispositional sexual motives as the mirror of values in heterosexual interpersonal relations

Military Psychology

Aleksandr G. Karayani
History of development and modern condition of modern Chinese military psychology
Vladimir L. Kubyshko
Improvement of psychological work in the system of moral and psychological support for the
operational activities in the internal affairs personnel

Developmental Psychology

Mariya G. Kiseleva
Depression in infants and toddlers
Sergey V. Molchanov
Personal factors of moral responsibility in adolescence

Sport Psychology

Vazha M. Devishvili, Marina O. Mdivani, Daria S. Elgina
Group cohesion in sports teams of different professional level

Psychology of Deviant Behaviour

Olga A. Belobrykina, Roman A. Limonchenko
Features of experiencing psychological problems in deviant adolescents

Application

Information For Authors
Guidelines for Abstract Writing

Perspective technologies of studying cognitive
and affective processes

All volumes in PDF

<http://www.psy.msu.ru/science/npj/contents.html>

Electronic versions of scientific scholarly journals

• "NATIONAL PSYCHOLOGICAL JOURNAL",
• "PSYCHOLOGY IN RUSSIA: STATE OF THE ART",
• "The Moscow University Herald
Series 14. Psychology", are accessible in the application of MSU
Department of Psychology "PsyMSU" for iPad and iPhone in
App Store

Information for readers

You can subscribe to the printed version of the journal in
post offices using the Catalogue of ROSPECHAT Agency
«Gazety. Zhurnaly» (www.rosp.ru), subscription index 36862,
or in the editorial office (2647541@mail.ru).
Certain issues or disk archive can be purchased in the
editorial office as well

You can also subscribe to the electronic versions at:
www.elibrary.ru, www.psy.msu.ru

www.ecp2019.ru

info@ecp2019.ru

Russia will host 16th European Congress of Psychology!

ISSN 2079-6617

9 772079 661772 >

Содержание

Научная жизнь

- Психологи МГУ на XIX Всемирном фестивале молодежи и студентов 3
 Всероссийский психологический форум 4

Профессиональное самоопределение личности

- В.С. Собкин, А.И. Андреева, Ф.Р. Рзаева
 Профессиональная деятельность исследователя в сфере образования: особенности планирования,
 ресурсы реализации, удовлетворенность результатами 5

Экспериментальная психология

- Т.В. Корнилова, Е.М. Павлова, Ю.В. Красавцева, А.Ю. Разваляева
 Связь фрейминг-эффекта с индивидуальными различиями у студентов-медиков и студентов-психологов 17
 Д.С. Григорьев
 Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка,
 ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир 30

Социальная психология

- Т.Г. Стефаненко, Т.А. Тумгоева, М.В. Котова
 Культурная память и социальная идентичность ингушей как представителей репрессированного народа 45
 К.Н. Стратилат
 Модели возникновения феномена социальной лености 57

Гендерная психология

- В.Ф. Петренко, А.П. Супрун, Н.Г. Янова
 Психосемантическое исследование визуального восприятия женщин мужчинами (Российская ментальность) 67
 И.А. Фурманов
 Диспозиционные сексуальные мотивы как зеркало ценностей в гетеросексуальных межличностных отношениях 75

Военная психология

- А.Г. Караяни
 История развития и современное состояние китайской военной психологии 83
 В.Л. Кубышко
 Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения
 оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел 95

Возрастная психология

- М.Г. Киселева
 Депрессия у детей младенческого и раннего возраста 104
 С.В. Молчанов
 Личностные факторы принятия моральной ответственности в подростковом возрасте 114

Спортивная психология

- В.М. Девитшвили, М.О. Мдивани, Д.С. Елгина
 Групповая сплоченность в спортивных командах разного профессионального уровня 121

Психология отклоняющегося поведения

- О.А. Белобрыкина, Р.А. Лимонченко
 Особенности переживания психологических проблем девиантными подростками 129

Приложение

- Информация для авторов 139
 Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям) 141

Content

Scientific life

- Moscow Lomonosov University psychologists at the 19th World Festival of Youth and Students 3
All-Russian psychological forum. 4

Professional Identity

- Vladimir S. Sobkin, Anna I. Andreeva, Fatima R. Rzaeva
Professional activity of the researcher in the field of education: features of planning,
resources for implementation, satisfaction with the results 5

Experimental Psychology

- Tatyana V. Kornilova, Elizaveta M. Pavlova, Yuliya V. Krasavtseva, Anna U. Razvalyaeva
Relationship between the framing effect and individual differences in medical students and psychology students 17
Dmitry S. Grigoryev
Development of a short version of the dual process model scales: right-wing authoritarianism,
social dominance orientation, dangerous and competitive worldviews 30

Social Psychology

- Tatyana G. Stefanenko, Tanzila A. Tumgoeva, Marina V. Kotova
The Ingush's cultural memory and social identity as a representative of repressed ethnic group 45
Karina N. Stratilat
Models of the origin of the social loafing phenomenon 57

Gender Psychology

- Victor F. Petrenko, Anatoliy P. Suprun, Natalia G. Yanova
Psychosemantic study of female visual perception of men (Russian mentality) 67
Igor A. Fourmanov
Dispositional sexual motives as the mirror of values in heterosexual interpersonal relations 73

Military Psychology

- Aleksandr G. Karayani
History of development and modern condition of Chinese military psychology 83
Vladimir L. Kubysenko
Improvement of psychological work in the system of moral and psychological support
for the operational activities in the internal affairs personnel 95

Developmental Psychology

- Mariya G. Kiseleva
Depression in infants and toddlers 104
Sergey V. Molchanov
Personal factors of moral responsibility in adolescence 114

Sport Psychology

- Vazha M. Devishvili, Marina O. Mdivani, Daria S. Elgina
Group cohesion in sports teams of different professional level 121

Psychology of Deviant Behaviour

- Olga A. Belobrykina, Roman A. Limonchenko
Features of experiencing psychological problems in deviant adolescents 129

Application

- Information For Authors 139
Guidelines for Abstract Writing 141

Психологи МГУ на XIX Всемирном фестивале молодёжи и студентов

18 октября 2017 года сотрудники факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова приняли участие в XIX Всемирном фестивале молодёжи и студентов

Moscow Lomonosov University psychologists at the 19th World Festival of Youth and Students

14–22 октября в Сочи состоялся XIX Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Основными участниками фестиваля были молодые люди из 150 стран мира общей численностью 25 000 человек. Средний возраст участников – 22 года.

Программа фестиваля состояла из различных мероприятий, посвящённых вопросам межкультурного взаимодействия, экономики, развития новых технологий, политики и мировой безопасности. Кроме того на площадках фестиваля прошли многочисленные музыкальные и спортивные мероприятия, образовательные мастер-классы, кинопоказы и цирковые представления, научные выставки и шоу технологий.

Одной из площадок ВФМС была выставка достижений Московского университета. На этой площадке любой желающий имел возможность за короткое время почувствовать себя пилотом самолёта в установке виртуальной реальности, приобрести навыки саморегуляции с помощью биологической обратной связи.

Научные сотрудники факультета психологии А.И. Ковалёв и О.А. Климо-

ва представили проект «Перспективные технологии изучения когнитивных и аффективных процессов» в рамках выставки “Knowledge creates our future”. Проект молодых учёных факультета вызвал большой интерес со стороны участников фестива-

ля из разных стран мира. Кроме того, более 50 человек в день приходили на площадку для того, чтобы повысить свою стрессоустойчивость. Эту работу так же обеспечивали представители факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Всероссийский психологический форум

С 5 по 7 октября в Казанском (Приволжском) федеральном университете прошли два крупнейших мероприятия психологического сообщества страны. В рамках Всероссийского психологического форума состоялись мероприятия VI съезда Российского психологического общества (РПО).

All-Russian psychological forum

На Форуме присутствовали более 500 психологов из 70 регионов Российской Федерации, представители психологических организаций стран ближнего и дальнего зарубежья, в том числе почетные гости, среди которых Президент Международного союза психологической науки при ЮНЕСКО доктор Сазасивэн Купер.

В рамках форума работало 30 секций по основным направлениям развития современной психологической науки и практики, в том числе, методологии, теории и истории психологии, прикладных задач военной, юридической, педагогической, организационной, инженерной психологии, психологической реабилитации, а так же психологического сопровождения образования.

На церемонии закрытия было отмечено, что на форуме была реализована очень большая программа. В частности, был принят ряд рекомендаций по совершенствованию повышения квалификации педагогов-психологов в регионах России, обсуждены вопросы создания и функционирования общественно-профессиональной экспертизы образовательного процесса и разработки профессионального стандарта деятельности психолога. По словам президента Российского психологического общества Ю.П. Зинченко, в настоящее время завершается работа по созданию концепции законопроекта о психологической помощи населению.

Профессиональная деятельность исследователя в сфере образования: особенности планирования, ресурсы реализации, удовлетворенность результатами

В.С. Собкин, А.И. Андреева, Ф.Р. Рзаева
Информационно-аналитический центр РАО, Москва, Россия

Поступила 9 августа 2017/ Принята к публикации: 26 сентября 2017

Professional activity of the researcher in the field of education: features of planning, resources for implementation, satisfaction with the results

Vladimir S. Sobkin*, Anna I. Andreeva, Fatima R. Rzaeva
Information and Analytical Centre of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia
* Corresponding author E-mail: sobkin@mail.ru

Received August 9, 2017 / Accepted for publication: September 26, 2017

Актуальность статьи. В статье рассматривается отношение научных сотрудников, занимающихся исследованиями в сфере образования, к различным аспектам профессиональной деятельности: особенности планирования, ресурсы реализации, удовлетворенность результатами. Актуальность исследования обусловлена рядом институциональных перемен в отечественной науке. Так, ее активное реформирование, начавшееся в 2013 году, было направлено на оптимизацию и увеличение эффективности деятельности различных научно-исследовательских институтов, в первую очередь, входящих в структуру государственных академий. В связи с этим представляется важным выявить мнение ученых о результатах примененных инициатив по прошествии трех лет.

Цель. Анализируется влияние возраста и социальных индикаторов профессионального статуса (наличие ученой степени, научного звания, занимаемой должности, публикационной активности) на различные аспекты профессиональной деятельности научного сотрудника.

Описание хода исследования. Разработана специальная анкета, включающая 72 вопроса (закрытых, открытых и шкальных), опрошен 721 респондент. В выборку вошли сотрудники с разным уровнем научной квалификации и стажем профессиональной научной деятельности. Опрашивались сотрудники как НИИ, так и вузов из разных регионов Российской Федерации.

Результаты исследования. Полученные результаты позволили зафиксировать проявление негативных тенденций, касающихся планирования научной деятельности, которые связаны с ее авторитарным характером и формальными требованиями к отчетности о результатах научной деятельности. Выявлены особенности самочувствия научных сотрудников на этапе завершения профессиональной карьеры. Рассмотрены особенности проявления профессионального кризиса, который характерен для возрастной когорты сорокалетних научных сотрудников. Выявлена специфика привлечения личных средств и дополнительных финансовых источников в зависимости от различных индикаторов профессионального статуса ученого.

Выводы. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что высокий научный статус может рассматриваться как своеобразный профессиональный капитал, обеспечивающий поддержку научных интересов сотрудника в организации. В целом, большинство ученых считает, что реализуемая в их научной организации стратегия поддержки публикационной активности не является стимулирующей. Наконец, среди научных сотрудников преобладают негативные оценки результатов своей профессиональной деятельности. При этом можно говорить о своеобразном возрастном кризисе профессиональной деятельности, возникающем на этапе достижения ученым сорокалетнего возраста.

Ключевые слова: научный сотрудник, образование, научная деятельность, планирование, удовлетворенность результатами деятельности, организационные и финансовые ресурсы, анкетный опрос, социально-профессиональный статус.

Background. The paper examines the attitude of scientists engaged in research in the field of education to various aspects of professional activity: the features of planning, resources for implementation, and satisfaction with the results. The relevance of the study is due to a number of institutional changes in the national science. Thus, the active reform initiated in 2013 was aimed at optimizing and increasing the efficiency of various research institutes, primarily those within the structure of state academies. In this regard, it seems important to identify the scientists' attitude to the results of the implemented initiatives within the period of the last four years.

Objective. The paper is to analyze the influence of age and social indicators of professional status (academic degree, academic title, position held, publication activity) on various aspects of the professional activity of the researchers.

Design and sample characteristics. A special questionnaire of 72 questions was developed (closed, open and scale), 721 respondents were interviewed. The sample included employees with different levels of scientific qualifications and length of professional scientific activity. Both employees of scientific research institutes and universities from different regions of the Russian Federation were interviewed.

Results. The results show the manifestation of negative tendencies concerning the planning of scientific activity related to its authoritarian nature and formal requirements for reporting on the results of scientific activity. The peculiarities of well-being of scientific employees at the stage of completing a professional career are revealed. The features of the manifestation of the professional crisis, which is characteristic for the age cohort of forty-year scientific workers, are considered. The specifics of attracting personal funds and additional financial sources depending on various indicators of the professional status of the scientist are shown.

Key words: researcher, education, scientific activity, planning, satisfaction with results of work, organizational and financial resources, questionnaire survey, social and professional status

Описание исследования

Статья подготовлена на основе материалов социологического опроса научных сотрудников, которые проводят исследования в сфере образования. Исследование было проведено Информационно-аналитическим центром РАО в период с ноября 2015 г. по апрель 2016 г. среди сотрудников научно-исследовательских институтов РАО, преподавателей педагогических вузов и ряда других научных организаций. Опрос проводился в разных городах России (Москва, Санкт-Петербург, Красноярск, Тюмень и др.).

Всего был опрошен 721 человек. В опросе приняли участие респонденты с разной научной квалификацией: доктора наук (22,0% от всех опрошенных), кандидаты наук (58,4%), не имеющие научной степени (19,6%). 14,9% опрошенных имеют звание профессора, 40,0% – доцента. Являются заведующими лабораториями –

10,0%, заведующими кафедрами – 10,1%. Распределение респондентов по возрасту: до 30 лет – 18,8%, 31–40 лет – 22,9%, 41–50 лет – 22,7%, 51–60 лет – 22,3%, более 60 лет – 13,3%.

При разработке инструментария учитывался опыт наших предыдущих исследований в сфере социологии образования (Собкин, Ткаченко, 2007; Собкин, Адамчук, 2016). В результате в рамках исследовательской программы была разработана анкета, включающая 72 вопроса (закрытых, открытых и шкальных), которые группируются относительно следующих семи основных содержательных блоков: жизненные ориентации и социальное самочувствие; особенности мотивации и целеполагания в научной и преподавательской деятельности; удовлетворенность работой, материальным и социальным обеспечением; профессиональная мобильность; оценка эффективности научного труда; особенности

психологического климата в коллективе; отношение к реформированию науки. Следует отметить, что перечисленные аспекты в той или иной степени затрагивались в целом ряде отечественных и зарубежных научных исследований (Kubie, 1953; Kornhauser, 1982; Schibeci, 1986; Graham, 1990; Иконников, 1993; Rabkin and Mirskaya, 1993; Mirskaya, 1995; Shauman, Xie, 1996; Юревич, 1998; Гохберг, Китова, Кузнецова, Шувалова, 2010; Roach, Sauermann, 2010).

При планировании программы исследования учитывался общий социокультурный контекст, который определяет и условия деятельности научно-исследовательских организаций, и работу самих ученых. Активное реформирование отечественной науки, начавшееся в 2013 году, было направлено на увеличение эффективности деятельности различных научно-исследовательских институтов, в первую очередь, входящих в структуру государственных академий (Федеральный закон от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ; Законопроект о реформировании РАН). Однако, несмотря на официально заявленные меры по оптимизации и повышению качества деятельности научных сотрудников, они оцениваются не однозначно. Так, Академик РАН Владимир Фортов пишет: «Сегодня трудно работать не только потому, что у нас есть объективные трудности. Но и потому, что нам все время навязывают бессмысленные бюрократические идеи, «новации», которые только тормозят настоящую работу, а на пользу делу не идут. Бюрократия – серьезная раковая болезнь нашей науки. Пока что мы живем по Жванецкому: «Бюрократы думают, что мы без них не можем. А мы-то знаем, что с ними у нас ничего не получится» (<http://www.kp.ru/daily/25824/2801778/>). Это мнение отнюдь не единично, что подтверждают активные дискуссии, периодически возникающие в СМИ (http://strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=58802#.WUpAMEhSDcs; <http://www.garant.ru/news/481883/>; <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=48374dac-45c1-4a45-80cf-dbb402c58777>). Поэтому, крайне важно выяснить мнение самих научных сотрудников о сложившейся ситуации с учетом неоднородности данной социально-профессиональной группы.

Владимир Самуилович Собкин – профессор, академик РАО, руководитель Информационно-аналитического центра Российской академии образования
E-mail: sobkin@mail.ru
Web: <http://www.socioedu.ru/node/103>

Анна Игоревна Андреева – старший научный сотрудник Информационно-аналитического центра РАО, аспирантка департамента психологии НИУ ВШЭ
E-mail: ann-94@bk.ru
Web: <https://www.hse.ru/org/persons/196136983>

Фатима Рза Кызы Рзаева – старший научный сотрудник Информационно-аналитического центра РАО
E-mail: fatia92@mail.ru

На сегодняшний день деятельность научного сотрудника помимо написания статей, проведения исследований и преподавания сопровождается различными формами отчетности, порой излишне формализованными. Это, в частности, подтверждается и материалами проведенного опроса (Собкин, Андреева, Рзаева, 2017а, 2017б, 2017в). Так, например, более половины научных сотрудников среди основных проблем отечественной науки отмечают бюрократический характер управления (55,8%) и неадекватные критерии оценки труда ученого (46,0%).

Особой проблемой является использование административно-финансовых ресурсов научных организаций для стимулирования научной деятельности. Следует отметить, что существующие стратегии повышения качества научной деятельности ученых явно недостаточны. Более того, некоторые меры ее стимулирования часто противоречат федеральным законам. Например, «Федеральный закон № 94 о госзакупках в его применении к научной сфере», по мнению большого числа научных сотрудников, парализует научную деятельность, поскольку он является непригодным и для закупок материалов для исследований, и для проведения конкурсов (Федеральный закон № 94 о госзакупках в его применении к научной сфере). Добавим, что, по данным опроса ученых, практически каждый второй (42,3%) среди ключевых проблем современной науки отмечает «недостаточное финансовое стимулирование» (Собкин, Андреева, Рзаева, 2017б). Помимо этого, необходимо учитывать и влияние характеристик, дифференцирующих ученых по социально-профессиональному статусу. Именно они в существенной степени влияют на доступ к разного рода ресурсам, обеспечивающим эффективность научной деятельности. В этом отношении социально-статусные характеристики можно рассматривать как своеобразный «профессиональный капитал».

Обозначенные выше проблемы административной и финансовой организации научной деятельности не только связаны с ее результативностью, но и отражаются на субъективной удовлетворенности ученого результатами своей профессиональной деятельности. Тема

Рассматривая психологические аспекты удовлетворенности научного сотрудника результатами своей деятельности, важно учитывать как особенности целеполагания, так и соответствие научной работы исследовательским интересам ученого, в которых проявляются его профессиональные потребности и мотивы

взаимосвязи удовлетворенности результатами научной деятельности и личностной включенности в нее сотрудника является ключевой при рассмотрении особенностей и стимулирования научного труда и используемых ресурсов. Таким образом, рассматривая психологические аспекты удовлетворенности научного сотрудника результатами своей деятельности, важно учитывать как особенности целеполагания, так и соответствие научной работы исследовательским интересам ученого, в которых проявляются его профессиональные потребности и мотивы.

Настоящая статья посвящена особенностям профессиональной деятельности научных сотрудников, проводящих исследования в сфере образования. Представленный материал сгруппирован в три содержательных раздела:

- 1) планирование профессиональной деятельности;
- 2) административно-финансовые ресурсы реализации профессиональной деятельности;
- 3) удовлетворенность результатами профессиональной деятельности.

Планирование профессиональной деятельности

В данном разделе будут рассмотрены два аспекта. Первый связан с самостоятельностью планирования, второй – с отношением к планированию как содержательному либо, напротив, как к фор-

мальному моменту необходимому для отчетности о результатах деятельности.

С целью выявления особенностей, касающихся самостоятельности планирования профессиональной деятельности, респондентам был задан специальный закрытый вопрос о составлении плана научной работы, проводимой ими в рамках бюджетного финансирования.

Процентное распределение ответов выглядит следующим образом. Каждый третий научный сотрудник (34,0%) указал, что планирование осуществляется им «самостоятельно». По сути дела, выбор данного варианта в контексте других предложенных ответов подчеркивает не столько самостоятельность, сколько независимость научного сотрудника от руководства при планировании своей работы. Четверть (26,0%) респондентов занимает не столь категоричную позицию – «составляю планы самостоятельно, но согласовываю их со своим руководством». Практически столько же сотрудников (27,9%), склонны подчеркивать коллективный характер планирования научной деятельности – «составляю свои планы с коллегами и руководством». И, наконец, каждый десятый (9,8%) указывает на авторитарный характер планирования научной деятельности, определяя себя при этом лишь как исполнителя – «планы спускаются сверху как задание».

Особый интерес представляет рассмотрение возрастных различий в выборе предложенных вариантов ответов (см. табл. 1).

Табл. 1. Распределение ответов научных сотрудников разных возрастных групп относительно особенностей планирования своей профессиональной деятельности (%)

Возраст	До 30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Более 60 лет
Составляю планы самостоятельно	21,6	35,8	37,2	38,9	60,6
Составляю самостоятельно, но согласовываю их со своим руководителем	32,8	39,4	25,6	33,1	17,0
Составляю планы совместно с руководителем подразделения и коллегами	36,6	22,4	36,6	26,8	23,40
Планы «спускаются сверху» как задание	20,9	6,7	11,0	6,4	7,40
Другое	1,5	7,3	1,8	2,5	0,00

Table 1. Answers of researchers of different age cohorts relative to the planning features of their professional activities (per cent)

Age	Under 30 yo	31-40 yo	41-50 yo	51-60 yo	over 60 yo
I make plans independently	21.6	35.8	37.2	38.9	60.6
I make plans independently, but have to receive an approval with my executive	32.8	39.4	25.6	33.1	17.0
I make plans with the executive and colleagues	36.6	22.4	36.6	26.8	23.40
Plans "go from above" as a production assignment	20.9	6.7	11.0	6.4	7.40
Other	1.5	7.3	1.8	2.5	0.00

Как видно из приведенных в таблице данных, двадцатилетние сотрудники (группа до 30-ти лет) существенно чаще, по сравнению со старшими коллегами (31–40 лет), указывают на то, что планы их научной деятельности «спускаются сверху». Высока среди них и доля тех, кто указывает на «совместное планирование с руководителем подразделения и коллегами». Иная картина характерна для тридцатилетних сотрудников (31–40 лет). Здесь резко возрастает доля фиксирующих «самостоятельное составление планов научной деятельности». При этом, параллельно, резко снижаются указания на «авторитарное планирование» («планы спускаются сверху как задание»).

Таким образом, в целом, основное различие возрастной группы тридцатилетних научных сотрудников, по сравнению с двадцатилетними, состоит в активизации стратегии самостоятельного планирования своей профессиональной деятельности. Следует подчеркнуть, что именно эта тенденция усиливается

в дальнейшем. Причем, второй резкий скачок в актуализации установок на самостоятельное планирование наблюдается в возрастной группе научных сотрудников старше шестидесяти лет.

Помимо возраста на ответы научных сотрудников о планировании своей работы влияют и социально-статусные профессиональные характеристики: ученая степень, научное звание, занимаемая должность, публикационная активность. Рассмотрим эти моменты подробнее.

Сравнительные данные о влиянии наличия ученой степени на особенности планирования приведены на рисунке 1.

Приведенные на рисунке процентные различия ответов между группами научных сотрудников (без степени, кандидаты наук, доктора наук) статистически значимы на уровне $p < .05$. Это однозначно свидетельствует о том, что более высокий научный статус научного сотрудника обуславливает его возможность самостоятельного планирования своей профессиональной деятельности. Добавим, что

та же тенденция в ответах проявляется и относительно научного звания. Так, если среди профессоров половина «самостоятельно планирует свою профессиональную деятельность» – 53,8%, то среди доцентов лишь треть – 36,2% ($p = .002$).

Помимо ученой степени и научного звания на характер планирования оказывает влияние и занимаемая должность. На «самостоятельное составление планов» среди младших научных сотрудников указывает 15,8%, среди научных сотрудников – 41,0%, среди старших – 58,5%, среди главных – 73,7% ($p = .001$). Тенденция очевидна. Вместе с тем, важно отметить, что заведующие лабораториями заметно реже указывают на «самостоятельное планирование профессиональной деятельности». Доля подобных ответов среди них составляет 40,3%. Это вполне объяснимо, поскольку, занимая административную должность, заведующие лабораториями чаще выбирают ответы, связанные с «совместным планированием» как с коллегами, так и с руководством организации. Доля подобных ответов у них суммарно составляет 51,4%.

И, наконец, следует обратить внимание на влияние уровня публикационной активности научных сотрудников (индекс Хирша) на составление ими своих рабочих планов. Отметим, что данный индикатор публикационной активности является на сегодняшний день наиболее известным показателем результативности научного труда ученого (Sorenson & Fleming, 2004; Bornmann, Daniel, 2005; Coğun, 2007). Полученные результаты показывают, что с увеличением публикационной активности явно возрастает доля тех, кто «составляет планы своей научной работы самостоятельно». Так, если у научных сотрудников с индексом Хирша менее 2-х доля самостоятельно планирующих свою профессиональную деятельность составляет 35,6%, то среди респондентов с индексом Хирша более 10-ти таких 77,3% ($p = .000$).

В целом, приведенные данные показывают, что различные индикаторы социально-профессионального статуса оказывают весьма значимое влияние на характер планирования научным сотрудником своей профессиональной деятельности. В этом отношении профессиональный статус можно рассматривать

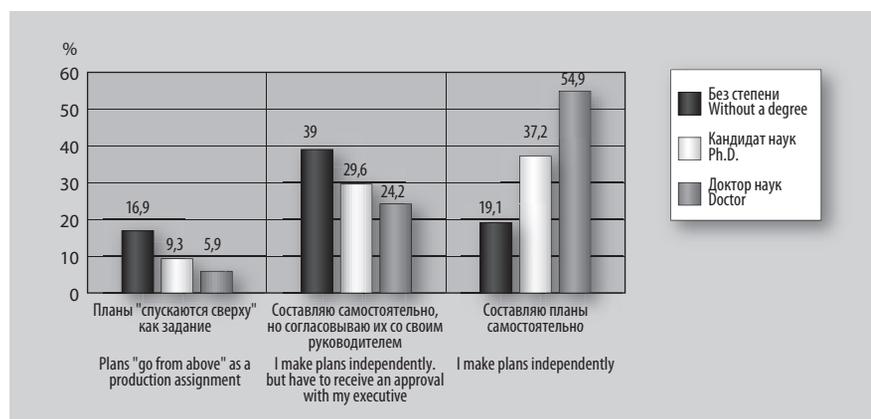

Рис. 1. Самостоятельность планирования профессиональной деятельности в зависимости от наличия у сотрудника ученой степени (%)

Fig. 1. Independence of professional activity planning depending on the degree of the employee (per cent)

как своеобразный социальный капитал, обеспечивающий научному сотруднику «свободу» профессиональной деятельности.

Для рассмотрения мнений научных сотрудников о соотношении планирования и отчетности приведем их ответы на специально поставленный закрытый вопрос: «Помогает ли Вам планирование, предусмотренное официальными формами отчетности, в организации своей научной деятельности?» (см. табл. 2).

Приведенные в таблице данные позволяют оценить значимость разных аспектов отношения научных сотрудников к планированию: признания в качестве эффективного средства организации деятельности, «жесткости планирования», его «детализированности», вплоть до бессмысленности – «формальные отписки». Именно последний вариант представляет, на наш взгляд, особый интерес. Поэтому рассмотрим его более детально.

Как видно из таблицы, каждый четвертый научный сотрудник (28,5%) считает составление планов, предусмотренных официальными формами отчетности, «формальной отпиской». При этом полученные данные показывают, что по мере увеличения возраста сотрудников последовательно растет доля подобных ответов (соответственно: среди сотрудников до 30-ти лет – 22,2%, в группе 31–40 лет – 24,2%, в группе 41–50 лет – 31,5%, в группе 51–60 лет – 31,6%, среди сотрудников старше 60-ти лет – 40,2%) ($p=0.02$).

Схожая тенденция проявляется и при сравнении ответов научных сотрудников с разным индексом Хирша: у тех, чей индекс Хирша менее 2-х, доля негативных ответов («формальная отписка») составляет 29,1%, а среди научных сотрудников с индексом Хирша более 10-ти – 52,2% ($p=0.01$).

Характерно и то, что среди сотрудников, «составляющих планы самостоятельно» (т.е. тех, кто склонен демонстрировать свою независимость в научной деятельности), практически каждый второй (47,0%) считает их «формальной отпиской».

В целом, полученные данные позволяют обозначить возрастающую тенденцию негативного отношения научных сотрудников к планированию, предусмотренному официальными формами от-

Табл. 2. Мнение научных сотрудников о соотношении планирования и форм отчетности при организации своей научной деятельности (%)

Вариант ответа	%
Да, но часто приходится вносить коррективы и не следовать плану	29,8
Да, это помогает эффективно организовывать работу в соответствии с основными целями	29,7
Нет, план является формальной отпиской	28,5
Да, но для меня важно зафиксировать лишь конечный результат, а не планировать сам процесс	10,1
Другое	1,9

Table 2. The attitude of researchers to the ratio between planning and reporting forms in organizing their scientific activities (per cent)

Option	%
Yes, but often I have to make adjustments to the plan and skip the plan	29.8
Yes, it helps to effectively organize the work in accordance with the main goals	29.7
No, the plan is a formal note	28.5
Yes, but for me it's important to fix only the final result. and not to plan the process itself	10.1
other	1.9

четности, в зависимости от целого ряда факторов: жизненного опыта (возраста), публикационной активности (индекс Хирша), профессионального статуса, и ценностных установок на самостоятельную реализацию профессиональной деятельности.

Административно-финансовые ресурсы реализации профессиональной деятельности

Материалы проведенного опроса показывают, что лишь незначительная часть научных сотрудников (12,9%) не тратит личные средства для обеспечения своей научной работы всем необходимым. Остальные же считают, что эти траты либо «незначительны» (16,2%), либо «вполне приемлемы» (27,0%), либо, на это стоит обратить особое внимание, – «достаточно ощутимы» (43,3%). Заметим, что на распределение этих ответов не оказывают особого влияния ни возрастные, ни социально-профессиональные факторы. Пожалуй, можно лишь выделить более высокую долю респондентов, указывающих на «ощутимость» своих затрат для обеспечения научной работы среди таких групп, как старшие научные сотрудники, кандидаты наук и доценты. Можно предположить, что в данном случае про-

является своеобразная тенденция привлечения собственных материальных ресурсов для перехода на новый социально-профессиональный уровень.

С целью более детального анализа проблем, связанных с ресурсами реализации профессиональной деятельности научного сотрудника, важно рассмотреть три сюжета:

- поддержка в организации собственных научных интересов сотрудника;
- стимулирование руководством его публикационной активности;
- спонсирование участия в научных конференциях.

Поддержка научных интересов

Стратегия поддержки профессиональных интересов является крайне важной для обеспечения эффективной деятельности научной организации, поскольку стимулирует личностную включенность и проявление инициативы исследователей. Учитывая это, в ходе опроса научным сотрудникам предлагался специальный вопрос, фиксирующий разные формы поддержки, вплоть до неприятия руководством личных инициатив научного сотрудника. Ответы на данный вопрос показывают, что явную «заинтересованность организации, включая финансовую поддержку» интересов ученого, фиксирует лишь каждый пятый сотрудник (22,1%). Указывают на «поддержку своих

научных интересов, но без финансирования) менее половины участников (40,7%), треть (32,3%) отмечает «нейтральное отношение организации к своим научным интересам». И, наконец, совсем немногие (2,6%) фиксируют явный конфликт – «мои научные интересы вызывают неприятие».

Понятно, что приведенные выше данные по всей выборке опрошенных нуждаются в более детальном анализе. Например, сопоставление ответов на данный вопрос представителей разных возрастных групп показывает явную смену доминант в выборе тех или иных вариантов ответа. Так, среди молодых научных сотрудников (до 30-ти лет) доминирует фиксация «нейтрального отношения» в организации к их профессиональным интересам. Среди представителей возрастных групп 41–50 лет и 51–60 лет существенно чаще фиксируется позитивное отношение – «мои научные интересы находят поддержку, но без финансирования», соответственно, 46,6% и 48,7% (для сравнения – в группе до 30-ти лет таких 31,3%; $p=0.01$). Наконец, в возрастной группе старше 60-ти лет обращает на себя внимание явное увеличение числа ответов, фиксирующих негативное отношение: «мои научные интересы вызывают неприятие» – 8,5% (для сравнения – в группах более молодых доля таких ответов существенно ниже 1–2%; $p=0.02$).

Таким образом, можно сделать вывод о своеобразной возрастной динамике отношения к научным интересам сотрудника в организации. Наряду с позитивной (от «нейтрального отношения» к «поддержке»), явно проявляется и негативная тенденция, когда на завершающем этапе профессиональной карьеры научные интересы сотрудника подвергаются явному отторжению, «неприятию». Заметим, что это отнюдь не единичный случай, поскольку подобную негативную тенденцию фиксирует почти каждый десятый сотрудник старше 60-ти лет. В связи с этим правомерна постановка специального вопроса о социально-профессиональном самочувствии научных сотрудников, достигших пенсионного возраста, в организации.

Полученные материалы показывают, что на поддержку научных интересов со-

трудника в организации оказывает явное влияние и его профессиональный статус. Так, среди научных сотрудников, не имеющих степени, на поддержку своих научных интересов (но без финансирования) указывают 35,6%, среди кандидатов наук – 38,2%, а среди докторов наук уже – 50,3%. ($p<0.05$). Та же тенденция проявляется и при сопоставлении ответов сотрудников, не имеющих научного звания, доцентов и профессоров (соответственно 33,0%, 42,1% и 55,7%; $p<0.05$). Эти данные показывают, что наиболее высокий профессиональный статус (доктор наук, профессор) является тем профессиональным капиталом, который обеспечивает поддержку собственных научных интересов сотрудника в организации.

Стимулирование руководством публикаций в научных журналах

Одним из критериев оценки деятельности ученого является публикация результатов своей работы в научных журналах. В частности, это сказывается на оплате его труда в соответствии с рекомендациями, предложенными Федеральным агентством научных организаций (ФАНО). Поэтому в ходе опроса респондентам был задан специальный вопрос: «Стимулирует ли Вас руководство для публикации статей в научных журналах?». Ответы распределились следующим образом: «да, это является одним из требований к моей работе» – 62,4%, «да, мне выплачивается материальное вознаграждение» – 10,0%, «да, предполагаются другие варианты вознаграждения» – 4,0%, «нет, не стимулирует» – 28,1%. Как видно из приведенных данных, большинство респондентов фиксируют не столько «стимулирование» публикационной активности, сколько «требование», которое предусмотрено в рамках планирования научно-исследовательской деятельности. Непосредственно же на финансовое стимулирование указывает лишь каждый десятый сотрудник. Весьма незначительна и та часть респондентов, которые отметили другие формы вознаграждения. При этом характерно, что почти каждый третий выбрал негативный вариант ответа, отмечая, что руководство специально не стимулирует публикацию статей в научных журналах.

Более детальный анализ показывает, что на выплату материального вознаграждения за публикацию статьи в науч-

ном журнале оказывает влияние профессиональный статус научного сотрудника в организации. Так, например, среди младших научных сотрудников указания на финансовое стимулирование за публикацию статьи в научном журнале вообще отсутствуют. Среди старших научных сотрудников доля подобных ответов весьма незначительна (3,8%). В то же время среди главных научных сотрудников отмечает финансовое стимулирование публикаций уже каждый пятый (21,1%), а среди заведующих лабораторией – каждый четвертый (23,9%). Таким образом, вывод очевиден: чем выше должностной статус научного сотрудника в организации, тем чаще руководство склонно стимулировать его публикационную активность в научных журналах.

К приведенным данным следует добавить, что в организации, в отличие от должностного статуса, наличие ни ученой степени, ни научного звания не оказывает влияния на финансовое стимулирование публикационной активности научного сотрудника руководством организации. В то же время явно проявляется тенденция финансового стимулирования именно тех научных сотрудников, кто проявляет крайне высокую публикационную активность. Так, среди сотрудников, чей индекс Хирша выше 10-ти, более четверти (26,1%) указали, что руководство организации финансово стимулирует их публикации (заметим, что эта доля в 2,5 раза выше, чем в среднем по всей выборке опрошенных).

Поскольку в настоящее время одним из важных требований к работе научного сотрудника является публикация статьи в иностранных научных журналах, индексируемых в базах Web of Science и Scopus, то особый интерес представляет характер подготовки публикаций научным сотрудником для зарубежных журналов. Результаты ответов на специальный вопрос «Как чаще всего осуществляется Вами подготовка текста для публикации на иностранном языке?» представлены в таблице 3.

Приведенные в таблице данные весьма показательны. Так, лишь чуть более трети научных сотрудников в состоянии написать текст на иностранном языке «самостоятельно». При этом следует отметить

довольно высокую степень взаимопомощи и сотрудничества внутри коллектива при подготовке подобных публикаций – более четверти указали, что «обращаются к коллегам за помощью». Вместе с тем следует отметить, что каждый пятый научный сотрудник тратит личные средства на переводы своих статей для их публикации в зарубежных изданиях. Для сравнения заметим, что количество организаций, оказывающих помощь в переводе статей (наличие переводчика в штате, оплата перевода статьи), суммарно не превышает пяти процентов. И, наконец, отметим еще один важный момент: каждый четвертый исследователь в сфере образования вообще «не имеет опыта публикаций своих работ на иностранном языке».

Участие в научных конференциях

Важным показателем профессиональной деятельности ученого является его участие в научных конференциях. На них происходит профессиональная экспертиза работ, апробация результатов, обмен опытом, установление профессиональных и личных контактов. Поэтому особый интерес представляет анализ тех возможных ресурсов, которые обеспечивают сотруднику участие в научных конференциях. С этой целью респондентам был предложен соответствующий закрытый вопрос: «За счет каких средств Вы принимаете участие в научных конференциях?». Процентное распределение ответов приведено на рисунке 2.

Как видно из рисунка, более половины респондентов отмечают, что принимают участие в научных конференциях «за свой счет». Треть – за счет организации, в которой они работают. Каждому пятому участие оплачивает «принимающая сторона». А каждый шестой указал, что оплата участия в конференциях осуществляется за счет средств фондов, грантов и т.п.

Более детальный анализ полученных данных показывает влияние высокого профессионального статуса на оплату командировок за счет «принимающей стороны». Так, среди докторов наук подобный тип оплаты указывают 36,2% сотрудников, а среди кандидатов – 16,0% ($p=0.01$). Та же тенденция проявляется при сравнении ответов профессоров и доцентов – соответственно 39,4%

Табл. 3. Ответы научных сотрудников на вопрос о подготовке текста для публикации на иностранном языке (%)

Я пишу (перевожу) текст самостоятельно	36,8
Я обращаюсь к коллегам за помощью	28,2
Организация, в которой я работаю, имеет в штате специалистов-переводчиков	2,9
Я оплачиваю переводчика из собственных средств	21,7
Организация, в которой я работаю, оплачивает перевод	1,8
Я не публикую работы на иностранном языке	24,1
Другое	1,7

Table 3. Responses of researchers to the question of preparing a text for publication in a foreign language (per cent)

I write (translate) the text myself	36.8
I ask colleagues for help	28.2
In the organization where I work there are no in-house translators	2.9
I pay translator fees using my own budget	21.7
the organization where I work covers translator fees	1.8
I don't publish works in foreign languages	24.1
other	1.7

и 15,0% ($p=0.02$). Схожая тенденция обнаруживается и в использовании средств фондов, грантов и т.п. для оплаты участия в конференциях. Среди докторов наук на это указывают 23,0%, а среди кандидатов – 13,6% ($p=0.02$), среди профессоров и доцентов – соответственно 24,0% и 14,6% ($p=0.02$).

старшие научные сотрудники. По сравнению с коллегами, занимающими другие научные должности, именно старшие научные сотрудники чаще указывают, что они «вообще не ездят в командировки, связанные с участием в научных конференциях» – 27,5%. Гораздо реже они используют средства грантов и фондов для

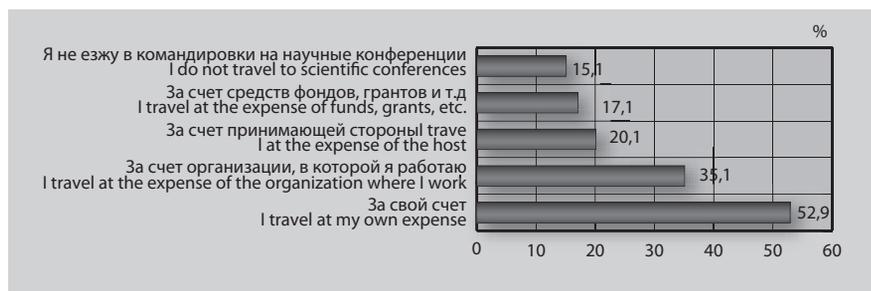

Рис. 2. Распределение значимости ресурсов, обеспечивающих участие сотрудников в научных конференциях (%)

Fig. 2. The importance of resources ensuring participation of employees in scientific conferences (per cent)

Таким образом, приведенные данные показывают, что именно высокий профессиональный статус (доктор наук, профессор) позволяет научному сотруднику использовать дополнительные финансовые ресурсы (средства принимающей стороны, фондов, грантов) для обеспечения своего участия в научных конференциях.

Относительно же статуса, связанного с занимаемой в организации должностью, картина не столь однозначна. При этом обращает на себя внимание сложность ситуации, в которой оказываются

участия в конференциях – всего 5,9%. Их также реже спонсирует и принимающая сторона – 17,3%. Вместе с тем, для участия в конференциях они значительно чаще других коллег используют свои собственные средства – 66,7%. В целом, приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что именно ученый, занимающий должность старшего научного сотрудника, испытывает наибольшие сложности при организации участия в научной коммуникации за пределами своей организации.

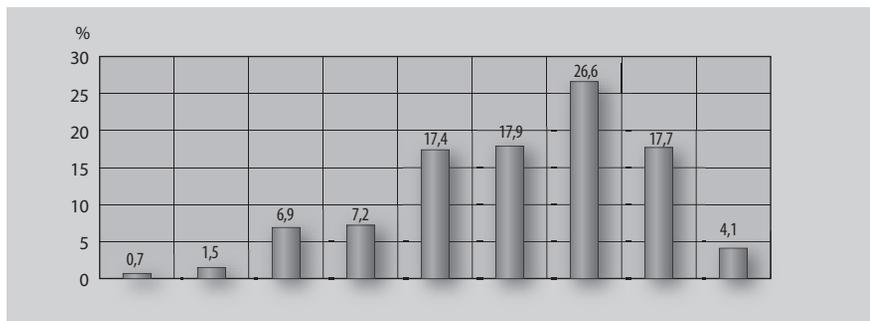

Рис. 3. Распределение балльных оценок научных сотрудников относительно уровня удовлетворенности результатами своей научной деятельности (%)

Fig. 3. Scores of researchers relative to the level of satisfaction with the results of their scientific activity (%)

Завершая данную тему, рассмотрим еще и такой важный аспект, как возможность участия в конференциях, проводимых за рубежом. Результаты ответов на вопрос: «Ездили ли Вы на научные конференции, которые проводились за рубежом, в последние 5 лет?» показывают, что подавляющее большинство (74,8%) научных сотрудников не имело такой возможности. Добавим, что полученные данные однозначно свидетельствуют о зависимости поездки сотрудника в зарубежные командировки для участия в конференциях от его профессионального статуса. Так, среди докторов наук 37,7% указали, что ездили на зарубежные конференции в последние 5 лет. Среди кандидатов таких 22,9%, а среди не имеющих ученой степени – лишь 13,9% ($p < 0,05$). Та же тенденция прослеживается и при сравнении ответов профессоров и доцентов, соответственно 42,3% и 23,0% ($p = 0,001$). В целом, эти данные еще раз подтверждают роль высокого профессионального статуса (доктор наук, профессор) как значимого социального капитала для реализации сотрудником своих научных интересов.

Удовлетворенность результатами профессиональной деятельности

Для выявления уровня удовлетворенности сотрудников результатами своей научной деятельности им был задан специальный шкальный вопрос. Для этого использовалась 9-балльная оценочная шкала (где 1 – «крайне не удовлетворен»,

9 – «полностью удовлетворен»). Процентное распределение балльных оценок относительно всей выборки опрошенных приведено на рисунке 3.

Ответы респондентов на предложенный шкальный вопрос соответствуют нормальному распределению, что подтверждает и статистическая проверка данных (z -значение Колмогорова-Смирнова = 5,1; $p = 0,000$). При этом средняя оценка удовлетворенности по всей выборке опрошенных сдвинута в сторону более высоких оценок и составляет 6,13 балла. Как видно из рисунка, «крайне не удовлетворены» результатами своей научной деятельности сравнительно немногие – 9,1% (оценка по шкале в интервале 1–3 балла). Остальные же либо в целом удовлетворены – 42,4% (оценка в интервале 4–6 баллов), либо «полностью удовлетворены» – 48,4% (оценка в интервале 7–9 баллов). При анализе особенностей удовлетворенности сотрудников результатами своей научной деятельности рассмотрим два аспекта: влияние возраста и влияние социально-профессиональных характеристик.

Влияние возраста на удовлетворенность результатами своей научной деятельности

Средние данные по 9-балльной «шкале удовлетворенности» в различных возрастных когортах выглядят следующим образом: у двадцатилетних научных сотрудников – 6,17 баллов, у тридцатилетних – 5,96, у сорокалетних – 5,82, у пятидесятилетних – 6,11, у научных сотрудников старше шестидесяти лет – 7,00 баллов. Эти данные можно дополнить сопоставлением доли «полностью удов-

летворенных» результатами своей научной деятельности (оценка по шкале в интервале 7–9 баллов) в следующих трех возрастных группах: двадцатилетних, сорокалетних и сотрудников старше шестидесяти лет. Доля «полностью удовлетворенных» в них составляет соответственно 50,8%, 35,4%, и 76,6% ($p = 0,001$).

Подобная динамика позволяет сделать вывод о двух характерных возрастных тенденциях. Одна свидетельствует о том, что по мере увеличения возраста научных сотрудников (вплоть до сорокалетнего) наблюдается последовательное снижение их удовлетворенности результатами своей научной деятельности. Другая, напротив, фиксирует увеличение удовлетворенности, которое проявляется при переходе в более старшие возрастные группы (после периода 40-ка лет).

Зафиксированное волнообразное изменение («снижение/увеличение») удовлетворенности результатами своей научной деятельности позволяет сделать вывод о том, что в сорокалетнем возрасте отчетливо проявляется своеобразный кризис профессиональной деятельности. Можно предположить, что в его основе лежат общие психологические закономерности возрастного развития. Сошлемся, в частности, на теорию психосоциального развития Э. Эриксона, где специально выделен «кризис середины жизни». Характеризуя его, Э. Эриксон отмечает, что главная дилемма человека, достигшего средних лет, – это тема «продуктивности/застоя» (Erikson, 1993; Erikson, 1994). Показательно, что при негативном разрешении данного кризиса человек чувствует неудовлетворенность, потерю внутреннего смысла. При положительном же его разрешении происходит пересмотр собственного жизненного пути и профессиональной деятельности, что ведет к увеличению творческого потенциала, приобретению жизненной мудрости и ощущению наполненности смыслом (Erikson, 1956; Stein, 1995). С учетом приведенной характеристики явное снижение удовлетворенности результатами своей научной деятельности среди сорокалетних научных сотрудников можно действительно рассматривать как проявление кризиса.

Заметим, что с переходом в более старшие возрастные группы значитель-

ная часть научных сотрудников позитивно разрешают для себя жизненно-смысловую задачу, связанную с оценкой результатов своей научной деятельности.

Вместе с тем, можно предложить и иную логику интерпретации возрастной динамики удовлетворенности результатами научной деятельности. Снижение критической оценки своих результатов может быть связано и с общим снижением с возрастом уровня профессиональных притязаний и значимости мотивации достижения.

Влияние социально-профессиональных характеристик на уровень удовлетворенности результатами научной деятельности

Анализ полученных данных показал, что с повышением ученой степени и научного звания явно увеличивается удовлетворенность сотрудников результатами своей научной деятельности. Эта тенденция отображена на рисунке 4.

Как видно из рисунка, с достижением наиболее высокого профессионального статуса (доктор наук, профессор) резко увеличивается позитивная оценка сотрудником результатов своей научной деятельности. Добавим, что, если среди кандидатов наук «полностью удовлетворены» результатами своей научной деятельности 44,5%, то среди докторов наук – 69,9% ($p = .001$). Та же тенденция прослеживается и при сравнении ответов доцентов и профессоров – соответственно 39,9% и 73,1% ($p = .001$).

Анализ данных о занимаемой должности показывает, что наиболее низкие средние значения удовлетворенности результатами характерны для младших научных сотрудников (5,95) и для старших научных сотрудников (5,72). Можно предположить, что именно на этих этапах профессиональной карьеры возникают серьезные проблемы. Они касаются не только результатов деятельности, но и вопросов, связанных с восходящей профессиональной мобильностью. Действительно, сравнение средних данных по «шкале удовлетворенности» у ведущих научных сотрудников и заведующих лабораторией показывает, что здесь они оказываются существенно выше – 6,67. Таким образом, здесь еще раз проявляется проблема, связанная с чувством неу-

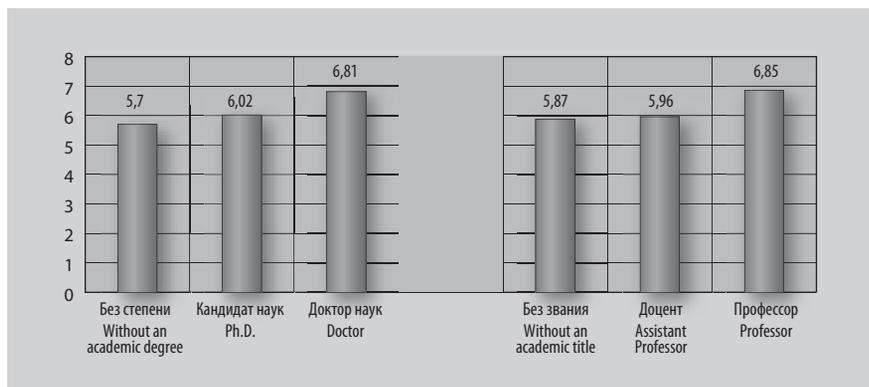

Рис. 4. Средние оценки по шкале «удовлетворенности результатами своей научной деятельности» в зависимости от наличия ученой степени и ученого звания (баллы)

Fig. 4. Average scores on the scale of «satisfaction with the results of scientific activity» depending on the availability of the academic degree and the academic title (scores)

довлетворенности при переходе на более высокий профессиональный уровень, который, как правило, предполагает защиту докторской диссертации.

И, наконец, проявляется отчетливая тенденция увеличения удовлетворенности результатами научной деятельности в зависимости от уровня публикационной активности (см. рис. 5).

В целом, приведенные выше данные свидетельствуют о том, что более высокий социально-профессиональный статус (научное звание, ученая степень, занимаемая должность, публикационная активность) связан с удовлетворенностью сотрудника результатами своей научной деятельности.

Завершая данный раздел, стоит рассмотреть еще один важный аспект, который касается сопоставления планирования и удовлетворенности результатами научной деятельности. Детальный анализ полученных данных показывает, что сотрудники, составляющие планы либо

самостоятельно, либо совместно с руководителем и коллегами, в значительно большей степени удовлетворены результатами научной деятельности, по сравнению с теми, кто указывает, что планы спускаются сверху как задание (соответственно 6,23, 6,21 и 5,78). Эти данные фиксируют принципиальный момент: отчуждение сотрудника от процесса целеполагания ведет к снижению его общей удовлетворенности результатами своей научной деятельности.

Проблема взаимосвязи удовлетворенности результатами и включенности сотрудника в деятельность обнаруживается также и при ответе на вопрос, связанный с поддержкой научных интересов. Так, средний балл по «шкале удовлетворенности» своими научными результатами у сотрудников, чьи интересы поддерживаются и финансируются в организации, равен 8,45, а у тех, кто чувствует поддержку, но не финансируется, этот показатель заметно ниже – 6,22. Самые низкие

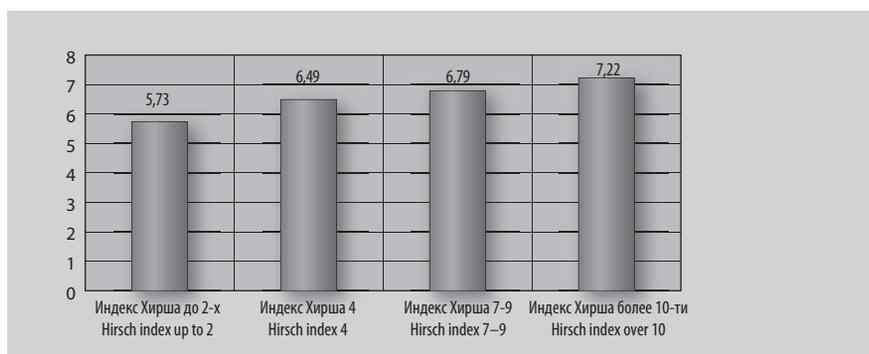

Рис. 5. Удовлетворенность результатами своей научной деятельности в зависимости от уровня публикационной активности сотрудника (баллы)

Fig. 5. Satisfaction with the results of scientific activity» depending on the publication index (scores)

Говоря о психологических аспектах удовлетворенности научных сотрудников результатами своей деятельности, важно иметь в виду не только проблему целеполагания, но и соответствие научной работы исследовательским интересам ученого, в которых проявляются его профессиональные потребности и мотивы

показатели у тех сотрудников, к чьим интересам в организации относятся нейтрально, или чьи интересы вызывают явное неприятие. Здесь средние баллы по «шкале удовлетворенности» равны, соответственно 5,46 и 5,25.

Таким образом, говоря о психологических аспектах удовлетворенности научных сотрудников результатами своей деятельности, важно иметь в виду не только проблему целеполагания, но и соответствие научной работы исследовательским интересам ученого, в которых проявляются его профессиональные потребности и мотивы. В свою очередь это позволяет сделать следующий основной вывод, используя деятельностную парадигму: именно связь между целями и мотивами определяет такую содержательную единицу анализа, как личностный смысл. Иными словами, важно подчеркнуть не столько общий момент «отчуждения», сколько именно его психологическую сторону – лишение деятельности личного смысла, т.е. ее «обесмысливание».

Основные результаты проведенного исследования

1. Отношение научных сотрудников к планированию своей профессиональной деятельности позволило выявить как позитивные, так и негативные моменты. К числу позитивных следует, в первую очередь, отнести стратегии, ориентированные на совместное составление планов, а также согласование их с руководством и коллегами (подобных стратегий придерживается более половины научных сотрудников). Помимо этого, каждый третий подчеркивает самостоятельность, независимость планирования своей науч-

ной деятельности. К явно негативным моментам следует отнести указания на авторитарный характер планирования научной деятельности, когда сотрудник определяет себя лишь как исполнителя (планы спускаются «сверху как задание»). Подобного ответа придерживается каждый десятый.

Полученные данные позволяют зафиксировать возрастающую тенденцию негативного отношения научных сотрудников к планированию, предусмотренному официальными формами отчетности, в зависимости от целого ряда факторов: жизненного опыта (возраста), публикационной активности (индекс Хирша), профессионального статуса (ученая степень, научное звание, занимаемая должность), а также ценностных установок на самостоятельную реализацию профессиональной деятельности.

2. Исследование выявило ряд особенностей отношения в организации к личным профессиональным интересам научного сотрудника: заинтересованность, финансовая поддержка, нейтральное отношение и неприятие.

На завершающем этапе профессиональной карьеры научные интересы сотрудника все чаще подвергаются явному неприятию. Здесь подобную негативную тенденцию фиксирует каждый десятый, что, в свою очередь, требует постановки специального вопроса о социально-профессиональном самочувствии научных сотрудников, достигших пенсионного возраста и завершающих свою научную карьеру. Исследование выявило, что наиболее высокий профессиональный статус (доктор наук, профессор) является тем профессиональным капиталом, который обеспечивает поддержку собст-

венных научных интересов сотрудника в организации.

3. Большинство ученых считает, что реализуемая в их научной организации стратегия поддержки публикационной активности не является стимулирующей, а предьявляется скорее как «норма» в требованиях к планированию научно-исследовательской деятельности. Непосредственно же на финансовое стимулирование указывает лишь каждый десятый. Весьма незначительна и та часть респондентов, кто отметил другие формы вознаграждения.

Исследование показало, что на выплату материального вознаграждения за публикацию статьи в научном журнале оказывает влияние должностной статус научного сотрудника в организации (главный научный сотрудник, заведующий лабораторией).

4. Значительная часть научных сотрудников тратит личные средства как на переводы своих статей для публикации в зарубежных изданиях, так и на участие в научных конференциях. При этом именно высокий профессиональный статус (доктор наук, профессор) позволяет научному сотруднику использовать дополнительные финансовые ресурсы.

5. Анализ ответов научных сотрудников об удовлетворенности результатами своей профессиональной деятельности показал высокую степень распространенности среди них негативных оценок (каждый десятый). При этом выявился своеобразный возрастной кризис профессиональной деятельности, возникающий на этапе достижения сорокалетнего возраста.

В целом, анализ полученных результатов показал, что более высокий социально-профессиональный статус (научное звание, ученая степень, занимаемая должность, публикационная активность) является существенным фактором, влияющим на удовлетворенность сотрудника результатами своей научной деятельности.

Литература:

Бюрократия науке противопоказана [Электронный ресурс] // Наука и технологии РФ : [сайт]. URL: <http://strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&idno=58802#.WUрAMEhSDcs> – (дата обращения: 17.04.2017).

Гохберг Л.М., Китова Г.А., Кузнецова Т.Е., Шувалова О.Р. Российские ученые: штрихи к социологическому портрету. – Москва : ГУ-ВШЭ, 2010. – 140 с.

- Законопроект о реформировании РАН принят в первом чтении [Электронный ресурс] // Гарант.ру: [сайт]. URL: <http://www.garant.ru/news/481883/> – (дата обращения: 20.04.2017).
- Иконников О.А. Эмиграция научных кадров из России. – Москва : Компас, 1993. – 104 с.
- Науку душит бюрократия [Электронный ресурс] // Российская академия наук : [сайт]. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=48374dac-45c1-4a45-80cf-dbb402c58777> – (дата обращения: 20.04.2017)
- Оплата труда научных сотрудников и руководителей федеральных учреждений, подведомственных федеральному агентству научных организаций [Электронный ресурс] // Федеральное агентство научных организаций : [сайт]. URL: http://fano.gov.ru/ru/documents/card/?id_4=66135 – (дата обращения: 20.04.2017)
- Собкин В.С., Адамчук Д.В. Современный учитель: жизненные и профессиональные ориентации // Труды по социологии образования. Т. XVII. Вып. XXX. – Москва : ФГБНУ «ИУО РАО», 2016. – 216 с.
- Собкин В.С., Ткаченко О.В. Студент педагогического вуза: жизненные и профессиональные перспективы // Труды по социологии образования. Т. XI–XII. Вып. XXI. – Москва : Центр социологии образования РАО, 2007. – 200 с.
- Собкин В.С., Андреева А.И. Рзаева Ф.Р. К вопросу о жизненных ценностях исследователей в сфере образования // Национальный психологический журнал. – 2017а. – № 2. – С. 106–115. doi: 10.11621/npj.2017.0212
- Собкин В.С., Андреева А.И. Рзаева Ф.Р. Научный сотрудник: отношение к реформированию российской науки в сфере образования (по материалам социологического опроса) // Образовательная политика. – 2017б. – № 1. – С. 13–23.
- Собкин В.С., Андреева А.И. Рзаева Ф.Р. Профессиональная мобильность исследователей в сфере образования // Педагогика. – 2017в. – № 1. – С. 42–57.
- Юревич А.В. Умные, но бедные: ученые в современной России // Моск. обществ. науч. фонд, серия «Научные доклады». Вып. № 70 – Москва, 1998. – 208 с.
- Фортов В. «Бюрократия – раковая болезнь нашей науки» [Электронный ресурс] // Комсомольская правда : [сайт]. URL: <http://www.kp.ru/daily/25824/2801778/> – (дата обращения: 10.04.2017).
- Федеральный закон от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – Электронный ресурс. – Режим доступа : <https://rg.ru/2013/09/27/ransite-dok.html> – (дата обращения: 10.04.2017).
- Федеральный закон № 94 о госзакупках в его применении к научной сфере. – Электронный ресурс. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54598/ – (дата обращения: 10.04.2017)
- Bornmann, L., & Daniel, H.D. (2005) Does the h-index for ranking of scientists really work? *Scientometrics*, 65(3), 391–392. doi: 10.1007/s11192-005-0281-4
- Coryn, C.L. (2007) The use and abuse of citations as indicators of research quality. *Journal of MultiDisciplinary Evaluation*, 3(4), 115–121.
- Erikson, E.H. (1993) *Childhood and society*. WW Norton & Company.
- Erikson, E.H. (1994) *Identity and the life cycle*. WW Norton & Company.
- Erikson, E.H. (1956) The problem of ego identity. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 4(1), 56–121. doi: 10.1177/000306515600400104
- Graham, L.R. (Ed.) (1990) *Science and the Soviet social order (2)*. Cambridge, MA. Harvard University Press. doi: 10.4159/harvard.9780674592568
- Kornhauser, W. (1982) *Scientists in industry: Conflict and accommodation*. Greenwood Pub Group.
- Kubie, L.S. (1953) Some unsolved problems of the scientific career. *American Scientist*. 41(4), 596–613.
- Mirskaya, E.Z. (1995). Russian academic science today: Its societal standing and the situation within the scientific community. *Social studies of science*, 25(4), 705–725. doi: 10.1177/030631295025004006
- Rabkin, Y.M., & Mirskaya, E.Z. (1993) Science and scientists in the post-Soviet disunion. *Social Science Information*, 32(4), 553–579. doi: 10.1177/053901893032004002
- Roach, M., & Sauermaun, H. (2010) A taste for science? PhD scientists' academic orientation and self-selection into research careers in industry. *Research Policy*, 39(3), 422–434. doi: 10.1016/j.respol.2010.01.004
- Shauman, K.A., & Xie, Y. (1996) Geographic mobility of scientists: Sex differences and family constraints. *Demography*, 33(4), 455–468. doi: 10.2307/2061780
- Schibeci, R.A. (1986) Images of science and scientists and science education. *Science Education*. 70(2), 139–149. doi: 10.1002/sce.3730700208
- Sorenson, O., & Fleming, L. (2004) Science and the diffusion of knowledge. *Research policy*, 33(10), 1615–1634. doi: 10.1016/j.respol.2004.09.008
- Stein, M. (Ed.). (1995) *Jungian analysis*. Open Court Pub Co.

References:

- Bornmann, L., & Daniel, H.D. (2005) Does the h-index for ranking of scientists really work? *Scientometrics*, 65(3), 391–392. doi: 10.1007/s11192-005-0281-4
- Bureaucracy strangles science. [*Rossiyskaya akademiya nauk*]. Retrieved from: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=48374dac-45c1-4a45-80cf-dbb402c58777> (accessed: April 20, 2017)
- Bureaucracy to science is contraindicated. [*Nauka i tehnologii RF*]. Retrieved from: http://strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=58802#.WUpAMEhSDcs (accessed: April 17, 2017).
- Coryn, C.L. (2007) The use and abuse of citations as indicators of research quality. *Journal of MultiDisciplinary Evaluation*, 3(4), 115–121.
- Erikson, E.H. (1993) *Childhood and society*. WW Norton & Company.
- Erikson, E.H. (1994) *Identity and the life cycle*. WW Norton & Company.

- Erikson, E.H. (1956) The problem of ego identity. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 4(1), 56–121. doi: 10.1177/000306515600400104
- Federal Law as of September 27, 2013 # 253-FZ «On the Russian Academy of Sciences, the reorganization of state academies of science and the introduction of changes in certain legislative acts of the Russian Federation». Retrieved from: <https://rg.ru/2013/09/27/ran-site-dok.html> (accessed: 04/10/2017).
- Federal Law # 94 on public procurement in its application to the scientific field. Retrieved from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54598/ accessed: 04/10/2017).
- Fortov, V. «Bureaucracy is a cancer of our science». [Komsomolskaya Pravda]. Retrieved from: <http://www.kp.ru/daily/25824/2801778/> (accessed: 04/10/2017)
- Gokhberg, L.M., Kitova, G.A., Kuznetsova, T.E., & Shuvalova O.R. (2010) Russian scientists: strokes to the sociological portrait. Moscow, GU-HSE, 140.
- Graham, L.R. (Ed.) (1990) Science and the Soviet social order (2). Cambridge, MA. Harvard University Press. doi: 10.4159/harvard.9780674592568
- Ikonnikov, O.A. (1993) Emigration of scientific personnel from Russia. M: Compass, 104.
- Kornhauser, W. (1982) Scientists in industry: Conflict and accommodation. Greenwood Pub Group.
- Kubie, L.S. (1953) Some unsolved problems of the scientific career. *American Scientist*. 41(4), 596–613.
- Mirskaya, E.Z. (1995). Russian academic science today: Its societal standing and the situation within the scientific community. *Social studies of science*, 25(4), 705–725. doi: 10.1177/030631295025004006
- Rabkin, Y.M., & Mirskaya, E.Z. (1993) Science and scientists in the post-Soviet disunion. *Social Science Information*, 32(4), 553–579. doi: 10.1177/053901893032004002
- Remuneration of scientific employees labour and heads of federal institutions subordinate to the federal agency of scientific organizations. [*Federal'noe agentstvo nauchnykh organizatsiy*]. Retrieved from: http://fano.gov.ru/en/documents/card/?id_4=66135 (accessed: April 20, 2017)
- Roach, M., & Sauer mann, H. (2010) A taste for science? PhD scientists' academic orientation and self-selection into research careers in industry. *Research Policy*, 39(3), 422–434. doi: 10.1016/j.respol.2010.01.004
- Shauman, K.A., & Xie, Y. (1996) Geographic mobility of scientists: Sex differences and family constraints. *Demography*, 33(4), 455–468. doi: 10.2307/2061780
- Schibeci, R.A. (1986) Images of science and scientists and science education. *Science Education*. 70(2), 139–149. doi: 10.1002/sce.3730700208
- Sobkin, V.S., & Adamchuk, D.V. (2016) Modern teacher: life and professional orientation. Works on the Sociology of Education, Vol. XVIII, Issue XXX. Moscow, FGBIU «IUO RAO», 216.
- Sobkin, V.S., & Tkachenko, O.V. (2007) A student of a teacher-training university: vital and professional perspectives. Works on the Sociology of Education. Vol. XI-XII. Issue. XXI. Moscow, Tsentri Sotsiologii obrazovaniya, RAO, 200.
- Sobkin, V.S., Andreeva, A.I. & Rzaeva, F.R. (2017) On the vital values of researchers in the field of education. *National Psychological Journal*, 2, 106–115. doi: 10.11621/npj.2017.0212
- Sobkin, V.S., Andreeva, A.I. & Rzaeva, F.R. (2017) Researcher: attitude to the reform of Russian science in the field of education (based on the sociological survey). [*Obrazovatel'naya Politika*], 1, 13–23.
- Sobkin, V.S., Andreeva, A.I. & Rzaeva, F.R. (2017) Professional mobility of researchers in the field of education. *Pedagogika*, 1, 42–57.
- Sorenson, O., & Fleming, L. (2004) Science and the diffusion of knowledge. *Research policy*, 33(10), 1615–1634. doi: 10.1016/j.respol.2004.09.008
- Stein, M. (Ed.). (1995) Jungian analysis. Open Court Pub Co.
- The bill on reforming the RAS adopted in the first reading. Garant.ru. Retrieved from: <http://www.garant.ru/news/481883/> (accessed: April 20, 2017).
- Yurevich A.V. Clever, but poor: scientists in modern Russia. [*Moskovskiy obshchestvenno-nauchnyy fond*]. «Scientific Reports» Series, Vol. 70. Moscow, 201.

Связь фрейминг-эффекта с индивидуальными различиями у студентов-медиков и студентов-психологов

Т.В. Корнилова, Е.М. Павлова, Ю.В. Красавцева, А.Ю. Разваляева
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 6 октября 2017/ Принята к публикации: 17 октября 2017

Relationship between the framing effect and individual differences in medical students and psychology students

Tatyana V. Kornilova*, Elizaveta M. Pavlova, Yuliya V. Krasavtseva, Anna U. Razvalyayeva

Lomonosov Moscow University, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: tvkornilova@mail.ru.

Received October 6, 2017 / Accepted for publication: October 17, 2017

Актуальность работы. Эффект рамки или фрейминг-эффект (framing effect) очень редко выступает предметом выявления связей с индивидуальными различиями. В когнитивной психологии он отражает искажения принятия решений в зависимости от контекста (оформления) высказываний об альтернативах, что выявлено, в частности, для врачей. Выбор вероятностных исходов рассматривается в задачах на выявление фрейминг-эффектов в качестве показателя принятия риска. Закономерно возникает вопрос о связи личностной готовности к риску с выраженностью фрейминг-эффекта (ФЭ).

Целями исследования стали, во-первых, выявление различий в подверженности фреймингу студентов медицинского и не медицинского вузов, во-вторых, установление в обеих группах связей индивидуальных стилей принятия решений (как копингов при необходимости совладания с неопределенностью) как с самооценками (интеллекта, рискованности и личности), так и с готовностью к риску и толерантностью/интолерантностью к неопределенности. В-третьих, мы стремились выявить специфику связи подверженности фрейминг-эффекту у студентов-медиков с их личностными свойствами.

Описание хода исследования. В работе описывается сравнение ФЭ на выборах студентов-медиков (N=78) и студентов-психологов (N=122). Показано, что в классической задаче на ФЭ – так называемой «задаче с азиатской болезнью» студенты-психологи демонстрируют эффект рефрейминга в позитивной формулировке, а будущие врачи не демонстрируют значимых различий при выборе. Лица, выбиравшие разные альтернативы в задаче при негативном контексте, отличались высотой самооценок рискованности и интолерантности к неопределенности. Отличий при позитивной формулировке альтернатив не обнаружено. Установлены различия в личностном профиле студентов разных специальностей, как по высоте показателей, так и по их связям. Студенты-медики характеризовались меньшей прокрастинацией и более высокой готовностью к риску. Самооценки риска положительно коррелировали с готовностью к риску в обеих группах и отрицательно – с рациональностью как шкалой личностных факторов решений (ЛФР) у психологов. Неожиданной выступила положительная связь готовности к риску с интолерантностью к неопределенности в обеих группах. У студентов-медиков специфичной выступила положительная связь готовности к риску с самооценкой личности по шкале плохой – хороший. Введенная нами новая шкала прямой самооценки рискованности оказалась не только связанной с соответствующей шкалой по опроснику ЛФР, но и выступила в связях с принадлежностью к группам студентов, проявивших и не проявивших ФЭ (в группе обучающихся в медицинском вузе и в совокупной студенческой выборке).

Вывод. Эти и другие связи позволили сделать заключение о специфике структурирования личностных свойств у студентов-медиков.

Ключевые слова: принятие решения, фрейминг-эффект, готовность к риску, рациональность, толерантность/интолерантность к неопределенности, Мельбурнский опросник принятия решений, самооценка интеллекта, самооценка рискованности.

Background. Framing effect is rarely studied in relation to individual differences. In cognitive psychology, it reflects distortions in decision-making depending on the context (phrasing) of statements about alternatives, and framing is found within medical professional samples.

Objective. The objective of the study are as follows: 1. to identify the differences in the students of medical and non-medical universities and susceptibility to framing, 2. establish in both groups similarities of individual decision-making styles (coping with uncertainty if any) in self-assessments (intelligence, risk taking and personality) and in willingness to take risks and tolerance/intolerance to uncertainty, 3. to identify the specific relationship between susceptibility to the framing effect (FE) in medical students with their personal properties.

Design. The paper describes the study of framing on medicine (n = 78) and psychology students (n = 122). It is demonstrated that in Kahneman and Tversky's "Asian disease problem", the psychology students show reframing effect while medical students don't show difference in answers.

Participants who choose different answers in negative phrasing of the issue differ in self-esteemed risk taking and intolerance for uncertainty; but there is no difference in positive version of the problem.

Differences in personality profiles of the future members of medical and non-medical students have been established, both in terms of the personality variables and their associations to the dynamic regulatory systems. Medical students are characterized with less procrastination and higher risk readiness.

Self-esteemed risk is correlated with risk readiness in both samples (and negatively connected to rationality within the psychology student sample).

Unexpectedly, risk preparedness is also correlated with intolerance for uncertainty in both groups. Medical students are characterized by specific correlation between risk readiness and personal self-esteem (good/bad person scale).

Self-esteemed risk proposed is shown to be not only connected to corresponding questionnaire scale of personal risk preparedness but also to correlate to the choice in the framing effect issues.

Results. These and other connections report about specifics of personal characteristics structure within the group of medical students.

Keywords: decision-making, framing effect, risk-readiness, rationality, tolerance-intolerance for uncertainty, The Melbourne Decision Making Questionnaire, self-esteem intelligence, self-esteem risk-readiness.

Фрейминг-эффект как когнитивный феномен

Фрейминг-эффект (ФЭ), как и ряд других эвристик, рассматриваются в качестве «ловушек ума» при вынесении суждений и принятии решений. При моделирующем подходе рационально действующему лицу, принимающему решение (ЛПР) приписывается целевая функция максимизации полезности (при многоэтапных решениях, предполагающих распределе-

Эвристическое мышление не обязательно понимается как иррациональное, оно предполагает использование человеком селективного поиска. При этом часто открытым остается вопрос о том, какой психологический процесс стоит за эвристикой

ние ресурсов) (Шумейкер, 1994). Однако в психологии понятие рационального выбора не сводится к формальным моделям, как и понятие рациональности к логическим схемам мышления (Бирюков, Тихомиров, 1979; Корнилова, 2016; Чумакова, 2013). Эвристическое мышление не обя-

зательно понимается как иррациональное, оно предполагает использование человеком селективного поиска. При этом часто открытым остается вопрос о том, какой психологический процесс стоит за эвристикой (например, Gegerenzer, 2008). В практике профессиональных решений эта селективность может также быть связана с проявлением усвоенных базовых знаний и схем.

Авторы перспективной теории Д. Канеман и А. Тверски обсуждают так называемые Систему 1 и Систему 2 (Система 1 действует на основе впечатлений, быстро и интуитивно, тогда как Система 2 подразумевает мысленные усилия и требует больших затрат). Эти авторы связывают ФЭ, понимаемый ими как когнитивный феномен, именно с работой первой системы. Д. Канеман вставил во ФЭ интерпретационный контекст предпочтения риска (Канеман, 2014). Но, если включать в феномен ФЭ регуляцию со стороны когнитивных репрезентаций риска, то из процессов принятия риска человеком – в решениях и действиях – трудно исключить субъектный вклад, задаваемый индивидуально-личностными особенностями, поскольку личностную готовность к риску трудно отделить от интеллектуального риска (Ординова, Корнилова, 2013).

А. Тверски и Д. Канеман используют понятие фрейминга в ситуациях принятия решений (decision frame) применительно к представлению ЛПР о действиях, исходах и вероятностях, связанных с определенным выбором. Фрейм (или дословно – «рамка») частично задается формулировкой решаемой задачи, а частично – нормами и привычками ЛПР. Представляется, что при рациональном выборе предпочтение того или иного варианта ответа не должно меняться с изменением фрейма. Однако, из-за несовершенства восприятия и процесса принятия решений, изменения «ракурса» рассмотрения задачи зачастую меняют относительное предпочтение выборов (Tversky, Kahneman, 1985).

Показано, что выбор, связанный с положительным исходом (или приобрете-

Татьяна Васильевна Корнилова – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: tvkornilova@mail.ru
Web: <http://www.psy.msu.ru/people/kornilova.html>

Елизавета Михайловна Павлова – кандидат психологических наук, инженер кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: pavlova.lisa@gmail.com
Web: <https://istina.msu.ru/profile/lisapavlova/>

Юлия Владимировна Красавцева – аспирант кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: julia.k7@gmail.com
Web: <https://istina.msu.ru/profile/yulia-krasavtseva/>

Анна Юрьевна Разваляева – аспирант кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: annraz@rambler.ru

нием) сопровождается избеганием риска, а выбор, связанный с отрицательным исходом (или потерей) – принятием риска. Таким образом, в классической задаче на ФЭ, так называемой «задаче с азиатской болезнью», выбор варианта – неминуемая смерть 400 человек – для многих участников оказывается менее приемлемым, чем выбор вероятностного исхода – 67% смерти для всех 600 человек. Различия в предпочтении ответов в двух вариантах задачи являются следствием эффекта фрейминга и противоречивым отношением к риску, связанным с потерей или приобретением (Tversky, Kahneman, 1985).

Эффект, обратный эффекту фрейминга и называемый «рефреймингом», заключается во включении определенных умственных усилий, которые позволяют человеку совершать более рациональный выбор. По данным японских исследователей, ФЭ не наблюдается, если участнику предлагается дольше (в течении трех минут) подумать над задачей (Takemura, 1994). Более того, если участника просят развернуто в письменной форме объяснить причины принятия того или иного решения, то наблюдается эффект рефрейминга. То есть, рефрейминг возникает при большей включенности участника в процесс принятия решения. Китайские студенты демонстрировали подверженность ФЭ только в ситуации ограничения времени, а при возможности дольше подумать ФЭ не проявлялся (Huangfu, Zhu, 2014). В исследовании на американских студентах готовность к развернутому разъяснению причин выбора также снизила ФЭ (Almashat et al., 2007; Sieck, Yates, 1997). При этом уверенность в правильности своего выбора значительно увеличилась после письменного разъяснения причин своего решения.

Показано также, что студенты, для которых значимость успешности результатов решения оказалась лично значимой (от правильности решения зависели аспекты их учебы в университете), не проявляли ФЭ (McElroy, Seta, 2003). Они подходили к решению задачи аналитически, системно, если речь шла о значимых для них последствиях.

Исследования показывают, что ФЭ наблюдается, в том числе, у лиц, осведомленных о его механизмах, у профессиональных философов, у тех, кто сообщал

Участники предпочитают вероятностный ответ или идут на больший риск, когда в гипотетической опасности находится небольшая по количеству группа, например, шесть человек. По мнению авторов исследования, детерминированная гибель любого количества участников маленькой группы оказывается менее приемлемой, чем риск при попытке сохранить жизнь всем членам группы

о наличии собственного устойчивого мнения по этим вопросам до участия в эксперименте, а также среди тех, кто считает себя экспертом в этих вопросах (Schwitzgebel, Cushman, 2015).

Пермские исследователи (Попов, Вишман, 2014) включили междисциплинарный принцип в изучение ФЭ как феномена когнитивных искажений (cognitive biases). Одним из оснований этого послужил, в частности, феномен врачебных ошибок, как несводимых к чисто когнитивным. Авторы проверили на российских выборках следователей, управленцев среднего звена, специалистов команды оптимизации, сотрудников таможенной службы и студентов (без указания специальности) гипотезу о выраженности ФЭ при внутригрупповом дизайне. Они предположили общий латентный фактор для фокусировки индивидуальных различий в подверженности когнитивным искажениям (по результатам исследования выделены четыре такие мета-эвристики). Но ФЭ выступил для них именно фактором мышления, наблюдаемым у 40% участников, а не личностных особенностей. Используемые ими тесты критического мышления и опросник эпистемологической мотивации не выявили значимых связей с эвристиками. К сожалению, авторы не привели данные о различиях между российскими профессиональными выборками.

Т. Корнилова, М. Чумакова и С. Корнилов при сопоставлении особенностей игровых стратегий и фрейминг-эффекта в Айова-тесте показали (при внутригрупповом дизайне для выявления ФЭ), что не подверженные ФЭ участники чаще выбирали «хорошие» колоды и достигали больших накоплений в игре, по сравнению с подверженными участниками (Корнилова, Чумакова, Корнилов, 2017). Если рассматривать ФЭ как индикатор индивидуальных предпочтений и опираться на интуитивные процессы (в соответствии с пониманием работы Системы 1 и Системы 2), то эти результаты свидетельствуют против гипотезы о ведущей роли эмоци-

ональных предвосхищений в стратегиях при решении Игровой задачи Айова (IGT), по сравнению с когнитивными.

Косвенные данные о становлении ФЭ дало недавно проведенное исследование возрастных различий в их проявлении. Молодые взрослые, в отличие от старших, демонстрировали склонность к выбору вероятностной альтернативы, т.е. выбора риска, если условия проблемы формулировались через проигрыш (Mikels, Reed, 2009).

Также межгрупповые схемы сравнений были применены в кросс-культурном исследовании, продемонстрировавшем различия во ФЭ, обусловленные разной значимостью для культурных выборок россиян, американцев и китайцев ориентировки на родственника или близкого человека (Савина, Ванг, 2003). Эти исследования показали, что участники предпочитают вероятностный ответ или идут на больший риск, когда в гипотетической опасности находится небольшая по количеству группа, например, шесть человек. По мнению авторов исследования, детерминированная гибель любого количества участников маленькой группы оказывается менее приемлемой, чем риск при попытке сохранить жизнь всем членам группы. Они также отмечали, что испытуемые выбирают более рискованные (вероятностные) ответы, если речь идет о жизни и смерти людей той же национальности, что сами испытуемые, но только в задачах с малым количеством потенциальных пострадавших. Гипотетическое наличие родственников (в задаче с болезнью на корабле) влияло на принятие решения у американских, бельгийских и китайских выборок, но не у российских.

Постановка проблемы личностной регуляции фрейминг-эффекта

Если устанавливаются межгрупповые различия по факторам культурной и профессиональной принадлежности и воз-

раста, то можно предполагать и наличие индивидуально-личностной обусловленности ФЭ. Кроме того, при ориентации на когнитивное понимание ФЭ исследователи обнаруживали влияние значимости условий, что несомненно представляет стоящие за этим процессы смысловой регуляции выбора.

Отметим также, что выбор вероятных исходов рассматривается в задачах на выявление фрейминг-эффектов в качестве показателя принятия риска. Закономерно возникает вопрос о связи личностной готовности к риску с выраженностью ФЭ.

Мы выдвинули гипотезу, что фрейминг-эффект может быть менее выражен именно у студентов медицинского вуза, по сравнению с обучающимися другим «помогающим» профессиям, в силу того, что в процессе обучения становление диагностического мышления включает развитие прогностической функции

В едином интеллектуально-личностном потенциале человека его свойства взаимосвязаны и образуют динамические системы регуляции принятия решений. Совладание с неопределенностью и готовность к риску выступают ключевыми свойствами в личностной регуляции принятия решений (Корнилова и др., 2010). И это предполагает исследовательскую цель установления связей ФЭ с такими личностными свойствами как готовность к риску и толерантность к неопределенности.

Ведущую регулятивную роль, согласно теории деятельности А.Н. Леонтьева, следует отводить уровню самосознания личности. Было показано, что интегративная интеллектуальная Я-концепция, базирующаяся, в частности, на самооценках, оказывается связующим звеном между интеллектуальной сферой и личностной, представляемой латентной переменной «принятие неопределенности и риска» (Корнилова и др., 2010). Таким образом, исследовательской целью должно стать также выявление связей переменных «принятия неопределенности и риска» с самооценками, что включает также вопрос о домен-специфичности самооценок (интеллекта, личности, рискованности).

Особую роль эти свойства играют в деятельности врача, которая включает постановку диагноза, прогноз и при-

нятие решений при неоднозначности и недостаточности информации. Исследования ФЭ на выборах врачей известны в литературе. Например, А. Тверски показал, что врачи проявляют его при позитивной формулировке задачи. Однако эти результаты получены в задачах, репрезентативных для профессиональной деятельности врача (Канеман, 2013). При изучении ФЭ на студентах медицинских специальностей, проинструктированных решать задачу, связанную с выбором лечения, с точки зрения врача или пациента, было показано, что испытуемые, принимавшие решение, в роли пациен-

та в большей мере склонны к фреймингу, чем испытуемые, «игравшие» врачей. При этом исследование реальных врачей и пациентов, в котором испытуемые участвовали заочно (протоколы рассылались по почте), показало, что и те, и другие подвержены ФЭ (Perneger, Agoritsas, 2011). Согласно другим исследованиям, фрейминг у врачей возникает не на всех типах медицинских задач (Bornstein, Emler, 2001) и зависит от того, представляются условия задачи в процентах или частотах (Bui et al., 2015).

Личностное становление медицинских работников идет параллельно с усвоением знаний. Достаточно много работ из журнала Medical Decision Making посвящено проблеме постановки диагноза. Например, на выборке врачей первичной медицинской помощи было показано, что постановка диагноза разворачивается не через проверку поставленных врачом гипотез, но с использованием индуктивных методов (Donner-Banzhoff et al., 2017).

Но нам неизвестны работы, в которых личностные особенности лиц медицинского персонала рассматривались бы в контексте выраженности ФЭ. Если учесть, что ФЭ связан с эвристической регуляцией вынесения суждений в условиях неопределенности и риска, то для врачей важно преодолевать эту тенденцию. Вместе с тем освещение этой про-

блемы должно включать и аспект психологического мониторинга при обучении студентов, поскольку именно в медицинском вузе происходит становление индивидуальных схем профессионального мышления на основе использования базовых знаний, усваиваемых в процессе учебной деятельности.

Выявление особенностей связей готовности к риску с другими составляющими в психологическом профиле студентов медицинского института может служить представлению путей их профессионализации с точки зрения развития взаимодействий личностных и интеллектуальных процессов при принятии решений.

Мы выдвинули гипотезу, что фрейминг-эффект может быть менее выражен именно у студентов медицинского вуза, по сравнению с обучающимися другим «помогающим» профессиям, в силу того, что в процессе обучения становление диагностического мышления включает развитие прогностической функции. При этом у студентов, не обучающихся постановке диагноза, возможна большая доля случаев принятия риска (в силу готовности к интуитивным решениям). Таким образом, открытым остается вопрос о том, в большей или меньшей степени у студентов-медиков, по сравнению с контрольной группой (не медиков), может наблюдаться ФЭ.

Выбор в качестве контрольной группы студентов-психологов является предпочтительным, поскольку они не учатся постановке диагноза (если речь не идет о специализации клинической психологии), но все проходят на младших курсах теорию вероятности, что может способствовать снижению склонности к ФЭ.

Важным условием становится также определение специфики индивидуально-личностных профилей, по которым могут различаться студенты-медики и студенты других специальностей.

Целями исследования стали, во-первых, выявление различий в подверженности фреймингу студентов медицинского и не медицинского вузов, во-вторых, установление в обеих группах связей индивидуальных стилей принятия решений (как копингов при необходимости совладания с неопределенностью) как с самооценками (интеллекта, рискованности

и личности), так и с готовностью к риску и толерантностью/интолерантностью к неопределенности. В-третьих, мы стремились выявить специфику связи подверженности ФЭ у студентов-медиков с их личностными свойствами.

Исходя из общего предположения о том, что фрейминг эффект обуславливается не только когнитивными механизмами, но и личностными особенностями, мы сформулировали следующие частные гипотезы:

1. Студенты-медики должны характеризоваться меньшей степенью подверженности эффекту фрейминга (в силу особенностей профессионального обучения). Контр-гипотеза: между представителями разных профессиональных групп не наблюдается различий по частоте ФЭ.
2. Студенты разных специальностей (медики и психологи) могут отличаться в переменных личностного профиля: ожидается большая готовность к риску и бдительность у студентов-медиков, поскольку эти переменные относятся к свойствам позитивного совладания с неопределенностью. Хотя нет оснований предполагать межгрупповые отличия в толерантности к неопределенности, можно ожидать более высокие показатели интолерантности к неопределенности у студентов-медиков.
3. Студенты разных профессий могут характеризоваться различиями в связях личностных переменных с ФЭ.

Участники исследования

Участниками исследования были 200 студентов в возрасте от 17 до 29 лет ($M = 19.46$, $SD = 1.31$), 162 женщины и 38 мужчин. Из них:

- 78 студентов Первого МГМУ имени Сеченова ($M = 19$, $SD = 1.37$), 57 женщин и 21 мужчин. Все они были протестированы по ФЭ и личностным опросникам.
- 122 студента факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова в возрасте от 18 до 28 лет ($M = 19.76$, $SD = 1.19$), 105 женщин и 17 мужчин. В этой выборке методику, направленную на диагностику ФЭ, прошел 91 человек, а пересечение по измеренным лич-

ностным переменным составляло от 25 до 103 человек.

Испытуемые принимали участие в исследовании на основании информированного согласия.

Методики

Задача для выявления ФЭ

В исследовании использовалась задача Канемана (Канеман, 2014) со следующими условиями: «Представьте себе, что на корабле разразилась эпидемия, способная унести жизни 600 человек. Вам нужно выбрать между двумя программами, предложенными медиками».

Участникам в случайном порядке предлагали один из двух вариантов, где нужно было выбрать между двумя возможными альтернативами решения поставленной задачи:

Вариант 1:

А. Если Вы выберете программу А, умрет 400 человек.

В. Если Вы выберете программу В, с вероятностью 67% умрет 600 человек.

Вариант 2:

А. Если Вы выберете программу А, будет спасено 200 человек.

В. Если Вы выберете программу В, с вероятностью 33% будет спасены все 600 человек.

С точки зрения вероятности, обе альтернативы (программы А и В) в каждом из вариантов предполагают идентичный исход. Однако, сформулированы они таким образом, что программа А в первом варианте отражает детерминистский «отрицательный» исход (неминуемая гибель 400 человек), а во втором варианте – детерминистский «положительный» исход (однозначное спасение 200 человек). Схожим образом, программа В в первом варианте отражает вероятностный «отрицательный» исход (все 600 человек умрут с вероятностью в 67%), а во втором – вероятностный «положительный» исход (все 600 человек выживут с вероятностью 33%).

В соответствии с исследованиями фрейминга Канемана и Тверски, люди склонны предпочитать программу В (вероятностный «отрицательный» исход)

в первом варианте и программу А (детерминистский «положительный» исход) во втором варианте.

Психодиагностические методики

1. Опросник «Личностные факторы принятия решений (ЛФР-21)». Он имеет шкалы готовности к риску, измеряющие эту готовность как личностную готовность к действиям при заведомой недостаточности ориентиров и рациональность как направленность на поиск максимальной информации и готовности обдумывать свои решения (Корнилова, 2003).
 2. Мельбурнский опросник принятия решений (МОПР). В нем предусмотрены следующие шкалы: продуктивного копинга – бдительность (готовность к поиску информации, оценки альтернатив и принятию решения в любой момент) и непродуктивных копингов – сверхбдительность (импульсивное принятие решения в форме «панического» выбора между альтернативами), избегание (избегание самостоятельного принятия решения), прокрастинация (перекладывание ответственности и рационализация сомнительный альтернатив) (Корнилова, 2013).
 3. Шкалы толерантности к неопределенности (ТН) (готовность действовать в неопределенных ситуациях) и интолерантности к неопределенности (ИТН) стремление к ясности и однозначности) по опроснику Баднера (Корнилова, Чумакова, 2014). ТН и ИТН не являются противоположными полюсами единого фактора, а рассматриваются в качестве самостоятельных образований, связанных с разными свойствами единого интеллектуально-личностного потенциала человека.
 4. Прямая самооценка по шкалам: самооценка интеллекта (СОИ), самооценка рискованности (СОР), а также самооценка личности (СОЛ) в процедуре А. Фернхема (Furnham, 2001). Участникам исследования предлагалось напрямую оценить себя по предложенным свойствам со вспомогательным использованием графика гауссовского распределения баллов ($m = 100$, $\sigma = 15$ для СОИ и СОР; $m = 50$, $\sigma = 7,5$ для СОЛ).
- В данном исследовании интеллект не измерялся, но использовалась мето-

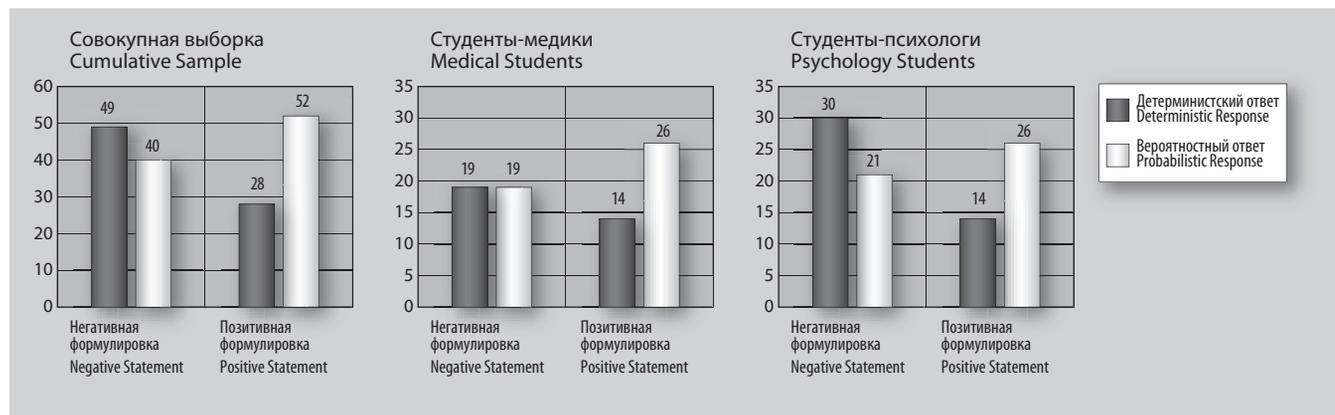

Рис. 1. Диаграммы распределения выбора детерминистского и вероятностного ответа в негативной и позитивной формулировке для выборок студентов-медиков, студентов-психологов и совокупной выборки

Fig 1. Diagrams of the deterministic and probabilistic response in the negative and positive statements for the samples of medical students, psychology students and the cumulative sample

Табл. 1. Средний балл по шкалам в группах испытуемых, выбирающих разные ответы в задаче Канемана

В обоих вариантах задачи				
Выборка	Шкала	Различие	Средний балл у выбирающих детерминистский ответ	Средний балл у выбирающих вероятностный ответ
Совокупная выборка	ИТН, опросник Баднера	$t = 2.055, p = .042$	30.33	27.82
	Самооценка риска	$t = -3.263, p = .001$	92.59	104.72
Психологи	Самооценка риска	$t = -2.162, p = .036$	92.56	104.3
Медики	ИТН, Опросник Баднера	$t = 3.034, p = .003$	32.18	27.51
	Самооценка риска	$t = -2.484, p = .016$	92.61	105.0
Выбор в варианте с негативной формулировкой				
Выборка	Шкала	Различие	Средний балл у выбирающих детерминистский ответ (нет ФЭ)	Средний балл у выбирающих вероятностный ответ (наличие ФЭ)
Совокупная выборка	ИТН, Опросник Баднера	$t = 2.357, p = .022$	30.57	26.58
	Самооценка риска	$t = -2.837, p = .006$	88.3	104.61
Медики	ИТН, Опросник Баднера	$t = 3.134, p = .003$	32.8	26.37
	Самооценка риска	$t = -2.550, p = .015$	86.11	104.58

Table 1. Mean value on scales in groups of subjects who choose different answers in the Kahnemann task

Both Versions, Negative and Positive Statement				
Sample	Scale	Difference	Mean value for deterministic response	Meanvalueforprobabilistic answer
CumulativeSample	Intolerance to Uncertainty, Badner Test	$t = 2.055, p = .042$	30.33	27.82
	Risk Self-Assessment	$t = -3.263, p = .001$	92.59	104.72
Psychology Students	Risk Self-Assessment	$t = -2.162, p = .036$	92.56	104.3
Medical Students	Intolerance to Uncertainty, Badner Test	$t = 3.034, p = .003$	32.18	27.51
	Risk Self-Assessment	$t = -2.484, p = .016$	92.61	105.0
The choice in the negative statement version				
Sample	Scale	Difference	Mean value for deterministic response (FE)	Meanvalueforprobabilistic response (FE not considered)
CumulativeSample	Intolerance to Uncertainty, Badner Test	$t = 2.357, p = .022$	30.57	26.58
	Risk Self-Assessment	$t = -2.837, p = .006$	88.3	104.61
Medical Students	Intolerance to Uncertainty, Badner Test	$t = 3.134, p = .003$	32.8	26.37
	Risk Self-Assessment	$t = -2.550, p = .015$	86.11	104.58

Табл. 2. Средние значения и t-критерия Стьюдента для шкал, по которым обнаружены различия между психологами и медиками

Шкала	Методика	t-критерий Стьюдента	Средний балл у студентов-психологов	Средний балл у студентов-медиков
Готовность к риску	ЛФР	t = -2.502, p = .014	0.57	2.47
Прокрастинация	МОПР	t = 2.525, p = .012	9.72	8.77

Table 2. Mean values and t-Student test for scales with differences between psychology students and medical students

Scale	Method	t-Student Test	Mean Value in Psychology Students	Mean Value in Medical Students
Risk Preparedness	Personal Factors of Decision Making	t = -2.502, p = .014	0.57	2.47
Procrastination	Melbourne Decision Making Questionnaire, MDMQ	t = 2.525, p = .012	9.72	8.77

дика СОИ для представления интеллектуального компонента самосознания личности. Данные зарубежных и отечественных исследований согласованно показывают значимые связи самооцениваемого и психометрического интеллекта на разных выборках (Корнилова, Новикова, 2012; Furnham, 2001).

СОР рассматривалась как представленность готовности к риску на уровне самосознания личности. СОЛ предполагала оценку себя в ориентировке на шкалу «плохой-хороший», что включает опору на общие характеристики самоотношения.

Результаты

Эффект фрейминга

При сравнении выборок студентов, обучающихся в медицинском институте (n = 78), и студентов факультета психологии (n = 91) с использованием коэффициента ϕ^* было установлено, что частота встречаемости вероятностных и детерминистских ответов в этих выборках не отличается ($\phi^* = .042$, p = .581). Но показано различие в выборе в зависимости от предлагаемого участнику исследования варианта ($\phi^* = .201$, p = .009). Согласно результатам использования бинаминального критерия m, в позитивном варианте испытуемые значимо чаще выбирают вероятностный ответ (p = .010).

Показано также, что частота встречаемости детерминистских и вероятностных ответов в зависимости от предложенного варианта различается только для выборки студентов-психологов ($\phi^* = .237$, p = .024). При этом у них значимо чаще встречается вероятностный ответ в позитивной формулировке задачи (p = .081, значимость на уровне тен-

денции). Частота встречаемости ответов в разных формулировках и на разных выборках представлена на рис. 1.

Разделение групп по уровню показывает, что нет значимых различий в предпочтении вероятностных и детерминистских ответов в задачах как на совокупной выборке, так и отдельно для профессиональных выборок (p от .343 до .952). При увеличении выборки студентов-психологов до 122 чел. соотношение выборов ответов в задаче не изменилось.

Различия личностного профиля испытуемых в зависимости от демонстрации фрейминг-эффекта

С использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок и критерия равенства дисперсий Ливиня установлены различия для групп с выбором разных альтернатив в высоте следующих показателей: самооенок – СОР и интолерантности к неопределенности (см. табл. 1).

Как видно из таблицы 1, студенты обеих групп, обладающие высокой самооенкой риска, склонны выбирать ответ с вероятностной формулировкой. При этом студенты-медики, характеризующиеся более высоким стремлением к ясности, выбирают детерминистский ответ. Выбор в задаче с негативной формулировкой дифференцирует испытуемых по изучаемым переменным в группе студентов-медиков, а также на совокупной выборке. При варианте с негативной формулировкой в группе с ФЭ (о чем свидетельствует предпочтение вероятностного выбора) у студентов-медиков ниже ИТН и выше самооценка риска. Это проявляется и в общей (совокупной) выборке.

Студенты, выбравшие тот или иной ответ при позитивной формулировке задачи, не отличались по измеренным личностным переменным.

Особенности личностного профиля представителей разных специализаций

Согласно схеме исследования, сопоставлялись связи измеренных личностных свойств в группах студентов-психологов и студентов-медиков. С использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок и критерия равенства дисперсий Ливиня отличия в высоте переменных установлены только для двух свойств: более низкой прокрастинации и более высокой готовности к риску у студентов-медиков (см. табл. 2).

Таким образом, не было обнаружено различий в самооенках и в отношении к неопределенности, но установлено, что студенты-медики характеризуются значимо более высокими показателями по личностной готовности к риску и более низкими – по прокрастинации.

С использованием ρ -коэффициента корреляции Спирмена обнаружены также отличия в связях между изучаемыми личностными свойствами (матрица интеркорреляций для выборок студентов-психологов и студентов-медиков представлена в табл. 3).

Готовность к риску отрицательно связана с рациональностью и отрицательно же – с копингом избегание в обеих группах, а для студентов-психологов – и со шкалой прокрастинации.

Рациональность на обеих выборках положительно связана с бдительностью, что соответствует ранее полученным данным для МОПР (Корнилова, 2013). Более интолерантные к неопределенности студенты обеих групп предпочитают копинги избегание и сверхбдительность, а студенты-психологи – также и прокрастинацию. При этом все непродуктивные копинги связаны между собой. На выборке психологов показана отрицательная

Таблица 3. Матрица интеркорреляций шкал ЛФР, опросника Бандера, опросника МОПР и самооценок интеллекта, личности и риска на выборках студентов-психологов и медиков

	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	
1. Готовность к риску (ЛФР)		-,260*	.152	-,402**	.049	,267*	,443**	-.137	-,353**	-.170	-,279*	Студенты-медики
2. Рациональность (ЛФР)	-,267*		.065	,414**	-.027	-.220	.054	,451**	-.020	-.086	.157	
3. Толерантность к неопределенности (опросник Бандера)	.147	-.109		-.103	.073	,230*	.041	-.081	.024	-.217	-.131	
4. Интолерантность к неопределенности (опросник Бандера)	-,276*	.039	-.148		-.164	-,362**	.061	.199	,264*	.165	,380**	
5. Самооценка интеллекта	.136	.017	.216	-.110		.171	.223	.012	-.096	-.178	-.115	
6. Самооценка риска	,513**	-,480**	.130	-.068	.252		.118	-.097	.003	-.041	-,252*	
7. Самооценка личности	.135	.223	.266	-.046	.109	.120		-.093	-.161	-.082	-.005	
8. Бдительность (МОПР)	.040	,609**	.142	-.121	.056	-.108	.269		-.094	-.052	.004	
9. Избегание (МОПР)	-,485**	-.025	-.106	,371**	-.108	-.310	-.076	-,252*		,540**	,361**	
10. Прокрастинация (МОПР)	-,520**	-.153	.037	,254*	-.125	-.286	-.090	-,263**	,651**		,354**	
11. Сверхбдительность (МОПР)	-.215	-.115	-.034	,261*	-,227*	-.264	-.158	-.152	,381**	,501**		
	Студенты-психологи											

Примечание: * $p < 0,05$;

** $p < 0,01$. Под диагональ в левой нижней части таблицы представлены результаты студентов-психологов, над диагональ в правой верхней части таблицы – результаты студентов-медиков.

связь продуктивного копинга бдительно-сти с избеганием и прокрастинацией.

Найдены связи самооценки риска и шкал опросника ЛФР: у медиков положительная связь проявляется для шкалы готовность к риску, а у психологов – для обеих шкал (связь отрицательная для рациональности). Сверхбдительные студенты-медики обладают более низкой самооценкой риска.

Студенты – представители обеих групп с более высокой личностной готовностью к риску более интолерантны к неопределенности. Рациональность положительно связана с ИТН у студентов-медиков.

У студентов медицинского факультета с более высокой готовностью к риску также выше самооценка личности (они выше оценивают себя как «хорошего» человеком) и меньше сверхбдительность (как неоправданные метания при принятии решений), а у психологов такой связи не выявлено. Студенты-психологи с низкой рациональностью выше оценивали свою склонность к риску (по

СОР). Студенты-медики, готовые принять неопределенность (с низкими показателями ИТН и высокими баллами ТН) выше оценивали свою склонность к риску в форме прямой самооценки. Самооценка интеллекта оказалась не связанной с другими изучаемыми переменными, за исключением связи со шкалой сверхбдительности на выборке психологов.

Обсуждение результатов

Нами было установлено, что студенты, проходящие обучение разным профессиям, не отличаются по приверженности эффекту фрейминга в задачах Канемана. Мы ожидали, что студенты медицинских специальностей будут значимо реже выбирать ответы, соответствующие эффекту фрейминга, так как их профессия включает в себя постановку диагноза и принятие решений о лечении пациентов, однако данные не подтверждают такое предположение. Это соответствует данным исследования, в котором проводи-

лось сравнение студентов медицинских специальностей с врачами разной квалификации, и было показано, что студенты в меньшей степени подвержены ФЭ (Christensen et al., 1995). Нами гипотеза о меньшей выраженности фрейминга у студентов-медиков (гипотеза 1) отвергается в пользу контр-гипотезы.

Согласно полученным данным, проявление ФЭ связано не с профессиональной принадлежностью, а с используемой формулировкой задачи. Участники нашего исследования значимо чаще выбирали вероятностный ответ в позитивном варианте задачи (как на совокупной выборке, так и на выборке студентов-психологов), а, значит, демонстрировали эффект рефрейминга (Канеман, 2013). При сравнении молодых и пожилых испытуемых с использованием метода мета-анализа (Best, Charness, 2015) было показано, что молодые предпочитают вероятностные ответы в задачах на моральный выбор, а не на экономические выгоды. Нами получены сходные результаты, однако только для позитивного варианта задачи.

Table 3. Intercorrelations Matrix of Personal Factors of Decision Making scales, Bandertest, Melbourne Decision Making Questionnaire and intelligence self-assessment, personality self-assessment and risk self-assessment within the samples of psychology students and medical students.

		1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	
1.	Risk Preparedness (Personal Factors of Decision Making)		-.260*	.152	-.402**	.049	.267*	.443**	-.137	-.353**	-.170	-.279*	Medical Students
2.	Rationality (Personal Factors of Decision Making)	-.267*		.065	.414**	-.027	-.220	.054	.451**	-.020	-.086	.157	
3.	Tolerance to uncertainty (Badner Test)	.147	-.109		-.103	.073	.230*	.041	-.081	.024	-.217	-.131	
4.	Intolerance to uncertainty (Badner Test)	-.276*	.039	-.148		-.164	-.362**	.061	.199	.264*	.165	.380**	
5.	Intelligence Self-Assessment	.136	.017	.216	-.110		.171	.223	.012	-.096	-.178	-.115	
6.	Risk Self-Assessment	.513**	-.480**	.130	-.068	.252		.118	-.097	.003	-.041	-.252*	
7.	Personality Self-Assessment	.135	.223	.266	-.046	.109	.120		-.093	-.161	-.082	-.005	
8.	Vigilance (MDMQ)	.040	.609**	.142	-.121	.056	-.108	.269		-.094	-.052	.004	
9.	Back-Passing (MDMQ)	-.485**	-.025	-.106	.371**	-.108	-.310	-.076	-.252*		.540**	.361**	
10.	Procrastination (MDMQ)	-.520**	-.153	.037	.254*	-.125	-.286	-.090	-.263**	.651**		.354**	
11.	Hypervigilance (MDMQ)	-.215	-.115	-.034	.261*	-.227*	-.264	-.158	-.152	.381**	.501**		
		Psychology Students											

Note: * $p < 0.05$;

** $p < 0.01$. Under the diagonal in the lower left of the table there are the results of the psychology students, above the diagonal in the upper right of the table there are the results of medical students.

Более яркий эффект рефрейминга у студентов-психологов может быть вызван тем, что они обучаются теории вероятности и, возможно, хотят проявить свою «чувствительность» к вероятностному варианту выбора.

Студенты-медики одинаково часто выбирают детерминистский и вероятностный ответ в негативном варианте задачи, что может быть связано с их ценностными установками и тем, что их профессия предполагает принятие решений о жизни и смерти. В этой же формулировке задачи студенты-психологи чаще (однако не значимо) выбирают детерминистский ответ, что говорит об их стремлении не играть с жизнями других, а спасти хотя бы кого-то. По данным китайских исследований, испытуемые значимо дольше принимают решения в задаче с негативной формулировкой, что может означать более вдумчивый и аналитический подход к той задаче, где речь идет о потенциальной гибели людей (Huangfu, Zhu, 2014). М. Томбу и Д. Мандел предложили объяснение, согласно которому зна-

нами были выявлены переменные, которые в большей степени характеризуют людей, подверженных рефреймингу, но только при негативной формулировке задачи: у них выше самооценка риска. Те испытуемые, которые выбирали вероятностный ответ в задаче с негативной формулировкой, менее интолерантны к неопределенности и выше оценивают свою рискованность

чимым является не только позитивный или негативный исход, но и позитивная или негативная «нагруженность» формулировки, что не учитывается проспективной теорией Канемана и Тверски (Tombu, Mandel, 2015).

Нами были выявлены переменные, которые в большей степени характеризуют людей, подверженных рефреймингу, но только при негативной формулировке задачи: у них выше самооценка риска. Те испытуемые, которые выбирали вероятностный ответ в задаче с негативной формулировкой (соответствующий пониманию ФЭ Д. Канеманом), менее интолерантны к неопределенности и выше оценивают свою рискованность (COP). Эти результаты наблюдаются на совокупной выборке и на выборке студентов-ме-

диков. Студенты обеих изучаемых групп, выбирающие вероятностный ответ, вне зависимости от формулировки задачи и ФЭ обладают более высокой самооценкой риска. Однако, различия в ИТН между студентами, предпочитающими вероятностный или детерминистский ответ, проявляются только в группе студентов-медиков или на совокупной выборке.

Можно предположить, что выбор детерминистского или вероятностного ответа у медиков связан с перечисленными выше личностными свойствами, тогда как выбор психолога в большей мере зависит от содержания задачи.

При сравнении величины изучаемых переменных у студентов-психологов и студентов-медиков было показано, что последние обладают более высокой го-

товностью к риску и более низкой склонностью к прокрастинации. Этот факт можно рассматривать как наличие личностных предпосылок у будущих медиков для принятия решений в ситуациях с риском, а зачастую в ситуациях дефицита времени и невозможности откладывать решения.

Нами не получено доводов в пользу предположения о том, что студенты медицинских специализаций характеризуются большей склонностью к позитивному копингу бдительности и более высокой ИТН. Наряду с этим, у студентов-

ностью свидетельствует о большей интегрированности у них именно свойств латентной переменной интолерантности к неопределенности.

Именно ИТН выступила значимой переменной в различиях между студентами-медиками, подверженными и неподверженными ФЭ в задаче с негативной формулировкой, наряду с самооценкой рискованности. Если самооценка риска связана с предпочтением вероятностных ответов во всех формулировках и у обеих выборок, то ИТН выступает в качестве значимого маркера только

Самооценка личности связана с готовностью к риску именно в группе студентов-медиков. Самооценка интеллекта оказалась не связана с другими измеряемыми шкалами, за исключением отрицательной связи со шкалой сверхбдительности на выборке студентов-психологов

медиков выявлена большая готовность к риску. На основе этих результатов гипотеза 2 принимается частично.

Установленные различия между выборками не только в высоте изучаемых показателей, но в их связях с интеллектуально-личностном потенциале человека позволяют, в целом, принять гипотезу 3.

Связь готовности к риску (значимо более высокой у студентов-медиков) и рациональности оказалась отрицательной на обеих выборках, что соответствует ранее полученным данным (Корнилова, 2003, 2016), как и отрицательная связь готовности к риску и интолерантности к неопределенности. Это выступает очередным доводом в пользу представления об этих переменных, как о манифестирующих разные латентные переменные, а именно – принятие неопределенности и риска и интолерантности к неопределенности (Корнилова и др., 2010). Установленным ранее данным также соответствует позитивная связь рациональности с бдительностью, которую можно рассматривать как форму осторожности при принятии решения. При этом непродуктивные копинги оказались отрицательно связаны с готовностью к риску (и положительно с ИТН), что позволяет говорить о ней как о свойстве, позволяющем продуктивно принимать условия неопределенности (как вызовы). Наблюдавшаяся у студентов-медиков (в отличие от психологов) положительная связь ИТН с рациональ-

у медиков и только в негативной формулировке. Если у психологов выбор можно атрибутировать только к самосознанию себя как рискованного человека, то у медиков, наряду с ней, выступает стремление к ясности.

Нами показано, что самооценка личности связана с готовностью к риску именно в группе студентов-медиков. Самооценка интеллекта оказалась не связана с другими измеряемыми шкалами, за исключением отрицательной связи со шкалой сверхбдительности на выборке студентов-психологов. Последнее свидетельствует о том, что именно при низкой самооценке интеллекта эти студенты склонны метаться между возможными альтернативами.

Таким образом, нами не было обнаружено показателей связи самооценок интеллекта и самооценок личности между собой, что позволяет рассматривать это как довод в пользу их специфичности (по доменам сфер).

У студентов-психологов прямая самооценка рискованности ожидаемо связана с такими личностными факторами, как готовность к риску и рациональность. У будущих врачей прямая самооценка риска не только соответствует личностной готовности к риску, полученной на материале опросника, но и связана с их показателями толерантности/интолерантности к неопределенности. Только студенты-психологи со сниженными по-

казателями рациональности более высоко оценивали свою рискованность.

Такой результат может объясняться различиями в имплицитных теориях риска, свойственных разным группам: для психологов идти на риск – не быть рациональным, тогда как для медиков, чья профессия более тесно связана с риском, – это один из способов принимать решение в ситуации неопределенности. Мы можем говорить о разноуровневом вхождении готовности к риску в личностные структуры, это соответствует как выделению уровня имплицитных теорий риска, так и различению уровней самосознания личности и личностной саморегуляции при принятии риска (Корнилова, 2016; Ординова, 2013).

Введенная нами новая шкала прямой самооценки рискованности оказалась при этом не только связанной с соответствующей шкалой по опроснику ЛФР, но и выступила в связях с принадлежностью к группам студентов, проявивших и не проявивших ФЭ (в группе обучающихся в медицинском вузе и в совокупной студенческой выборке). Наряду с тем фактом, что при этом не были получены межгрупповые различия по толерантности к неопределенности, бдительности и рациональности, это свидетельствует о правомерности выдвижения нами именно готовности к риску в качестве ключевого свойства, отличающего группу студентов-медиков.

Таким образом, это является еще одним доводом в пользу принятия гипотезы о разной интеграции изучаемых свойств когнитивной и личностной сферы (гипотеза 2).

Выводы:

1. На выборках студентов-психологов и студентов-медиков был получен эффект рефрейминга.
2. Полученные данные позволяют сделать более широкий вывод о невозможности сведения эффекта фрейминга к когнитивным структурам принятия решений, поскольку склонные и не склонные к ФЭ лица отличаются также личностными свойствами: самооценкой риска и интолерантностью к неопределенности.

3. Интолерантность к неопределенности наряду с самооценкой рискованности выступают личностными переменными, включенными в регуляцию выбора у студентов-медиков.
4. Готовность к риску у студентов-медиков может рассматриваться как важное свойство, ожидаемо интегрированное с личностными факторами отношения к неопределенности и самооценкой рискованности.
5. Самооценка рискованности выступает показателем личностной готовности к риску и предпосылкой выбора вероятностных (рискованных) альтернатив. Особую роль самооценка риска играет у представителей медицинской специализации, у которых она оказывается сильнее интегрирована в связи с другими переменными в едином интеллектуально-личностном потенциале.

Исследование поддержано РФФИ,
проект номер 17-06-00130

Литература:

- Бирюков Б.В., Тихомиров О.К. Принятие решений как предмет методологических и психологических исследований : послесловие к кн. // Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. – Москва : Прогресс, 1979. – С. 464–500.
- Канеман Д. Думай медленно..., решай быстро. – Москва : АСТ, 2014.
- Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016.
- Корнилова Т.В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6. – № 31 :[сайт]. URL: <http://psystudy.ru> – (дата обращения 14.05.2017).
- Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений : учебное пособие. – Москва, 2003.
- Корнилова Т.В., Новикова М.А. Самооценка интеллекта в структурных связях с психометрическим интеллектом и академической успеваемостью [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2012. – Т. 5. – №. 23 :[сайт]. URL: <http://psystudy.ru> – (дата обращения 14.05.2017).
- Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. – 2014. – Т. 7. – № 1. – С. 58–66.
- Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А. Интеллект и успешность стратегий прогнозирования при выполнении Айова-теста (IGT) // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. – 2017. – Т. 14. – № 4. (в печати)
- Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. – Москва : Смысл, 2010.
- Ординова Е.М. Изучение имплицитных теорий как составляющих когнитивного риска // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. – № 1. – С. 74–85.
- Попов А.Ю., Вихман А.А. Когнитивные искажения в процессе принятия решений: научная проблема и гуманитарная технология // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2014. – Т. 7. – № 31. – С. 5–16.
- Савина Е.А., Ванг Х.Т. Выбор и принятие решения: риск и социальный контекст // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 5. – С. 23–30.
- Чумакова М.А. Личностная регуляция рационального выбора: развитие идеи единства интеллекта и аффекта // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. – № 3. – С. 119–125.
- Шумейкер П. Модель ожидаемой полезности: разновидности, подходы, результаты и пределы возможностей // Альманах THESIS. Риск, неопределенность, случайность. – 1994. – № 5. – С. 29–80.
- Almashat, S., Ayotte B., Edelstein B., Margrett J.(2008) Framing effect debiasing in medical decision making. *Patient education and counseling*, 71(1), 102–107. doi: 10.1016/j.pec.2007.11.004
- Best, R., &Charness, N. (2015) Age differences in the effect of framing on risky choice: A meta-analysis. *Psychology and Aging*, 30(3), 688–698. doi: 10.1037/a0039447
- Bornstein, V.H., &Emler A.C. (2001) Rationality in medical decision making: a review of the literature on doctors' decision-making biases. *Journal of Evaluation in Clinical Practice*, 7(2), 97–107. doi: 10.1046/j.1365-2753.2001.00284.x
- Bui, T. C., Krieger, H. A., & Blumenthal-Barby, J. S. (2015) Framing Effects on Physicians' Judgment and Decision Making. *Psychological reports*, 117(2), 508–522. doi: 10.2466/13.PR0.117c20z0
- Christensen, C., Heckerung, P., Mackesy-Amiti, M.E., Bernstein, L.M., & Elstein, A.S. (1995) Pervasiveness of framing effects among physicians and medical students. *Journal of Behavioral Decision Making*, 8, 169–180. doi: 10.1002/bdm.3960080303
- Donner-Banzhoff, N., Seidel, J., Sikeler, A. M., Bönsner, S., Vogelmeier, M., &Westram A., et al. (2017) The phenomenology of the diagnostic process: A primary-care based survey. *Medical Decision Making*, 37(1), 27–34. doi: 10.1177/0272989X16653401
- Furnham, A. (2001) Self-estimates of intelligence. *Personality and Individual Differences*, 31, 1381–1405. doi: 10.1016/S0191-8869(00)00232-4
- Gigerenzer, G. (2008) Moral intuition – fast and frugal heuristics? Ed. W. Sinnott-Armstrong. *Moral Psychology: V. 2. The cognitive science of morality: Intuition and diversity*. Cambridge, MA, MIT Press, 1–28.
- Huangfu, G., &Zhu, L. (2014) A reexamination of the robustness of the framing effect in cognitive processing. *Social Behavior and Personality: an international journal*, 42(1), 37–43. doi: 10.2224/sbp.2014.42.1.37
- McElroy, T., &Seta, J.J. (2003) Framing effects: An analytic–holistic perspective. *Journal of Experimental Social Psychology*, 39(6), 610–617. doi:10.1016/S0022-1031(03)00036-2

- Mikels, J.A., & Reed, A.E. (2009) Monetary Losses Do Not Loom Large in Later Life: Age Differences in the Framing Effect. *Journal of Gerontology: Psychological Sciences*, 64B (4), 457–460. doi:10.1093/geronb/gbp043
- Perneger, T.V., & Agoritsas, T. (2011) Doctors and patients' susceptibility to framing bias: a randomized trial. *Journal of General Internal Medicine*, 26, 1411–1417. doi: 10.1007/s11606-011-1810-x
- Schwitzgebel, E., & Cushman, F. (2015) Professional Philosophers' Susceptibility to Order Effects and Framing Effects in Evaluating Moral Dilemmas. *Cognition*, 141, 127–137. doi: 10.1016/j.cognition.2015.04.015
- Sieck, W., & Yates, J.F. (1997) Exposition effects on decision making: Choice and confidence in choice. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 70(3), 207–219. doi: 10.1006/obhd.1997.2706
- Takemura, K. (1994) Influence of elaboration on the framing of decision. *The Journal of Psychology*, 128(1), 33–39. doi: 10.1080/00223980.1994.9712709
- Tombu, M., & Mandel, D. R. (2015) When does framing influence preferences, risk perceptions, and risk attitudes? The explicated valence account. *Journal of Behavioral Decision Making*, 28(5), 464–476. doi: 10.1002/bdm.1863
- Tversky, A., & Kahneman D. (1985) The framing of decisions and the psychology of choice. *Science. New Series*, 211(4481), 453–458.

References:

- Almashat, S., Ayotte B., Edelman B., Margrett J. (2008) Framing effect debiasing in medical decision making. *Patient education and counseling*, 71(1), 102–107. doi: 10.1016/j.pec.2007.11.004
- Best, R., & Charness, N. (2015) Age differences in the effect of framing on risky choice: A meta-analysis. *Psychology and Aging*, 30(3), 688–698. doi: 10.1037/a0039447
- Biryukov, B.V., & Tikhomirov, O.K. (1979) Decision-making as a matter of methodological and psychological research: afterword to the book. Kozeletsky Yu. [*Psychological theory of solution*], Moscow, Progress, 464–500.
- Bornstein, B.H., & Emler A.C. (2001) Rationality in medical decision making: a review of the literature on doctors' decision-making biases. *Journal of Evaluation in Clinical Practice*, 7(2), 97–107. doi: 10.1046/j.1365-2753.2001.00284.x
- Bui, T. C., Krieger, H. A., & Blumenthal-Barby, J. S. (2015) Framing Effects on Physicians' Judgment and Decision Making. *Psychological reports*, 117(2), 508–522. doi: 10.2466/13.PR0.117c20z0
- Christensen, C., Heckerung, P., Mackesy-Amity, M.E., Bernstein, L.M., & Elstein, A.S. (1995) Pervasiveness of framing effects among physicians and medical students. *Journal of Behavioral Decision Making*, 8, 169–180. doi: 10.1002/bdm.3960080303
- Chumakova, M.A. (2013) Personality regulation of rational choice: development of the idea of unity of intellect and affect. [*Psikhologicheskii zhurnal*], 34(3), 119–125.
- Donner-Banzhoff, N., Seidel, J., Sikeler, A. M., Bösner, S., Vogelmeier, M., & Westram A., et al. (2017) The phenomenology of the diagnostic process: A primary-care based survey. *Medical Decision Making*, 37(1), 27–34. doi: 10.1177/0272989X16653401
- Furnham, A. (2001) Self-estimates of intelligence. *Personality and Individual Differences*, 31, 1381–1405. doi: 10.1016/S0191-8869(00)00232-4
- Gigerenzer, G. (2008) Moral intuition – fast and frugal heuristics? Ed. W. Sinnott-Armstrong. *Moral Psychology: V. 2. The cognitive science of morality: Intuition and diversity*. Cambridge, MA, MIT Press, 1–28.
- Huangfu, G., & Zhu, L. (2014) A reexamination of the robustness of the framing effect in cognitive processing. *Social Behavior and Personality: an international journal*, 42(1), 37–43. doi: 10.2224/sbp.2014.42.1.37
- Kahneman, D. (2014) Think slowly ..., decide quickly. Moscow, AST.
- Kornilova, T.V. (2016) Intellectual potential of a person in conditions of uncertainty and risk. St. Petersburg, Nestor-History.
- Kornilova, T.V. (2013) Melbourne decision-making questionnaire: Russian-language adaptation. [*Psikhologicheskie issledovaniya*], 6(31). Retrieved from: <http://psystudy.ru> (accessed: May 14, 2017).
- Kornilova, T.V. (2003) Psychology of risk and decision-making: a textbook. Moscow.
- Kornilova, T.V., & Novikova, M.A. (2012) [*Psikhologicheskie issledovaniya*], 5(23). Retrieved from: <http://psystudy.ru> (accessed: May 14, 2017).
- Kornilova, T.V., & Chumakova, M.A. (2014) Scales of tolerance and intolerance to uncertainty in modifications of S. Badner's questionnaire [*Ekspperimental'naya psikhologiya*], 7(1), 58–66.
- Kornilova, T.V., Chumakova, M.A., & Kornilov, S.A. (2017) Intellect and the success of forecasting strategies in the implementation of the Iowa test (IGT). [*Psikhologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*], 14(4). (in press).
- Kornilova, T.V., Chumakova, M.A., Kornilov, S.A., & Novikova, M.A. (2010) The psychology of uncertainty: the unity of the person's intellectual-personal potential. Moscow, Smysl.
- McElroy, T., & Seta, J.J. (2003) Framing effects: An analytic–holistic perspective. *Journal of Experimental Social Psychology*, 39(6), 610–617. doi: 10.1016/S0022-1031(03)00036-2
- Mikels, J.A., & Reed, A.E. (2009) Monetary Losses Do Not Loom Large in Later Life: Age Differences in the Framing Effect. *Journal of Gerontology: Psychological Sciences*, 64B (4), 457–460. doi: 10.1093/geronb/gbp043
- Ordinova, E.M. (2013) The study of implicit theories as components of cognitive risk. [*Psikhologicheskii zhurnal*], 34(1), 74–85.
- Perneger, T.V., & Agoritsas, T. (2011) Doctors and patients' susceptibility to framing bias: a randomized trial. *Journal of General Internal Medicine*, 26, 1411–1417. doi: 10.1007/s11606-011-1810-x
- Popov, A.Yu., & Vikhman, A.A. (2014) Cognitive distortions in the decision-making process: the scientific problem and humanitarian technology. [*Vestnik SUSU*]. Series «Psychology», 7(31), 5–16.
- Savina, E.A., & Wang H.T. (2003) The choice and decision-making: risk and social context. [*Psikhologicheskii zhurnal*], 24(5), 23–30.
- Schwitzgebel, E., & Cushman, F. (2015) Professional Philosophers' Susceptibility to Order Effects and Framing Effects in Evaluating Moral Dilemmas.

Cognition, 141, 127–137. doi: 10.1016/j.cognition.2015.04.015

Shoemaker, P. (1994) Model of expected utility: varieties, approaches, results and bands of possibilities. [*Almanakh THESIS*]. Risk, uncertainty, randomness, 5, 29–80.

Sieck, W., & Yates, J.F. (1997) Exposition effects on decision making: Choice and confidence in choice. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 70(3), 207–219. doi: 10.1006/obhd.1997.2706

Takemura, K. (1994) Influence of elaboration on the framing of decision. *The Journal of Psychology*, 128(1), 33–39. doi: 10.1080/00223980.1994.9712709

Tombu, M., & Mandel, D. R. (2015) When does framing influence preferences, risk perceptions, and risk attitudes? The explicated valence account. *Journal of Behavioral Decision Making*, 28(5), 464–476. doi: 10.1002/bdm.1863

Tversky, A., & Kahneman D. (1985) The framing of decisions and the psychology of choice. *Science. New Series*, 211(4481), 453–458.

Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир

Д.С. Григорьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Поступила 11 февраля 2017/ Принята к публикации: 23 сентября 2017

Development of a short version of the dual process model scales: right-wing authoritarianism, social dominance orientation, dangerous and competitive worldviews

Dmitry S. Grigoryev

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation.

Received February 11, 2017 / Accepted for publication: September 23, 2017

Цель. В статье описывается процесс разработки короткой версии шкал из методики Дж. Даккита, которая позволяет комплексно подойти к проблеме изучения психологии авторитаризма.

Актуальность (контекст) тематики статьи. В отличие от зарубежной социальной психологии, в России это исследовательское направление так и не получило широкого распространения. К большому сожалению, на сегодняшний день существуют лишь единичные исследования, которые, хотя и продвигают нас в понимании обозначенной проблематики, скорее ставят больше вопросов, нежели дают ответов. Отчасти это можно объяснить отсутствием соответствующего доступного, надежного и валидного инструментария на русском языке. Для изучения авторитаризма методика Дж. Даккита, широко применяемая зарубежными коллегами, предлагает набор шкал, направленных на измерение: авторитаризма правого толка, который отражает мотивацию и установки на поддержание социальной сплоченности, порядка, стабильности и коллективной безопасности; ориентации на социальное доминирование, которая отражает мотивацию и установки на поддержание группового доминирования и превосходства; веры в опасный мир, отражающей представления о социальном мире как об опасном и угрожающем; веры в конкурентный мир, отражающей представления о социальном мире как о конкурентном и ожесточенном.

Описание хода исследования. Данные для анализа были собраны в результате опроса 241 человека, преимущественно жителей Москвы (Центральный федеральный округ) и Ульяновска (Приволжский федеральный округ). С помощью конфирматорного факторного анализа были протестированы четыре модели, содержащие различные конфигурации факторов короткой версии шкал.

Результаты исследования. Протестированные модели показали приемлемые показатели надежности и валидности, однако наилучшее соответствие данным показала модель, где все субфакторы рассматривались как отдельные конструируемые.

Выводы. В результате проведенного исследования была составлена короткая версия шкал Дж. Даккита, которые, несмотря на некоторые проблемы, по совокупности показателей, можно считать надежным и валидным инструментом исследования психологии авторитаризма в России.

Ключевые слова: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный мир, вера в конкурентный мир, аттитюды, социальные верования.

Objective. The article describes a short version of the dual process model scales by J. Duckitt that allow elaborating on an integrated exploratory approach for the assessment of authoritarianism.

Background. This area of research is not widespread in Russia in contrast to foreign social psychology. Unfortunately, there are only a few studies in Russia that advance our understanding of the indicated problems, and these few studies likely put more questions than give answers. It can be partly explained by the lack of appropriate available, reliable and valid measures in Russian. Dual process model for the study of authoritarianism offers the scales designed to measure: (1) right-wing authoritarianism that reflects the motivation and attitudes to maintain and preservation of the social cohesion, order, stability, and collective security; (2) social dominance orientation that reflects the motivation and attitudes to maintain and preservation of the dominance and superiority; (3) dangerous worldview that reflects views of the social world as the dangerous and threatening; and (4) competitive worldview that reflects views of the social world as the competitive and ferocious.

Design. The data for the analysis were collected in the survey of 241 participants, mostly residents of Moscow (Central Federal District), Russia, and Ulyanovsk (Volga Federal District), Russia. Using confirmatory factor analysis the four measurement models containing the different number of dimensions of the short version of the dual process model scales were tested. Also, cross-validation was performed (N = 576).

Results. The tested measurement models had acceptable reliability and validity indices. However, the best fit was shown by the model with multidimensional structure in which all the subfactors were as separate constructs.

Conclusion. The short version of scales was successfully compiled, the measures can be considered a reliable and valid measure to study of authoritarianism in Russia.

Keywords: right-wing authoritarianism, social dominance orientation, dangerous worldview, competitive worldview, attitudes, social worldviews.

Проблема изучения психологии авторитаризма в России периодически поднималась исследователями (Абалакина, Агеев, МакФарланд, 1990; McFarland, Ageyev, Abalakina-Paar, 1992; McFarland, Ageyev, Djintcharadze, 1996; Дьяконова, Юртайкин, 2000; Григорьева, 2012; Гулевич, Анিকেенок, Безменова, 2014; Григорьев, 2017), однако

Современные требования к шкалам зачастую включают в себя не только необходимость обеспечения надежных и валидных измерений, но и краткость как длины формулировок пунктов вопросов, так и их количества

широкого распространения эта тематика в отечественной психологии так и не получила. Отчасти это можно объяснить отсутствием соответствующего доступного инструментария на русском языке. Например, на сегодняшний день для исследователей доступны лишь два варианта адаптации шкалы авторитаризма правого толка, проведенной С. МакФарландом и его коллегами (McFarland, Ageyev, Abalakina-Paar, 1992) и Н.А. Дьяконовой (Дьяконова, Юртайкин, 2000). Также проведена адаптация шкалы веры в опасный и конкурентный мир, которая является важной частью инструментария для исследования авторитаризма (Гулевич, Анিকেенок, Безменова, 2014).

Современные требования к шкалам зачастую включают в себя не только необходимость обеспечения надежных и валидных измерений, но и краткость как длины формулировок пунктов вопросов, так и их количества. Количество пунктов особенно критично в случае применения комплексных статистических методов анализа данных, таких как моделирование структурных уравнений, при использовании которого рецензенты ведущих журналов достаточно требовательны к размеру выборки. Например, согласно популярному т.н. «правилу большого

пальца», необходимо иметь по 5–10 наблюдений на оцениваемый в модели параметр, хотя и было показано, что это не всегда оправдано (Wolf et al., 2013). Немаловажным является и тот факт, что опросники, состоящие из коротких шкал, охотнее заполняются респондентами, т.к. это требует меньше усилий и времени. Поэтому, особенно в последнее время,

разработка коротких версий шкал является важной задачей исследователей всего мира. Разнообразные короткие версии шкал авторитаризма правого толка также активно разрабатываются (см. напр. Beierlein et al., 2014; Aichholzer, Zeglovits, 2015).

Настоящее исследование посвящено разработке короткой версии шкал из методики Дж. Даккита (авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир), которая позволяет комплексно подойти к проблеме изучения психологии авторитаризма. В данной работе, опираясь на опыт предыдущих исследований (Funke, 2005; van Hiel et al., 2007; Mavor, Louis, Sibley, 2010; Duckitt, Bizumic, 2013), было рассмотрено несколько вариантов измерительной модели, содержащей различное количество факторов и субфакторов.

Двухкомпонентная модель Дж. Даккита

На сегодняшний день в социальной психологии многими исследователями активно поддерживается и развивается комплексный подход к изучению автори-

таризма, сформулированный Дж. Даккитом в рамках двухкомпонентной модели (dual process model) (Duckitt, 2001).

Двухкомпонентная модель Дж. Даккита содержит два относительно независимых мотивационных измерения, отражающих установки на поддержание:

- 1) социальной сплоченности, порядка, стабильности и коллективной безопасности («авторитаризм правого толка»);
- 2) группового доминирования и превосходства («ориентация на социальное доминирование»).

Поддержание этих мотивационных целей, по мнению автора, зависит от представлений о социальном мире как об (1) опасном и угрожающем («вера в опасный мир»), и как об (2) конкурентном и ожесточенном («вера в конкурентный мир»). Эти представления являются результатом личностных различий, обусловленных индивидуальным опытом социализации и воздействием определенной социальной среды (см. таблицу 1) (Duckitt, 2001; Sibley, Duckitt, 2013; Perry, Sibley, Duckitt, 2013). Сами эти представления можно рассматривать как согласованные социальные верования, содержащие относительно устойчивые интерпретации или представления о социальном мире и людях в нем (Ross, 1993).

Согласно мета-анализу 46-ти исследований (Perry, Sibley, Duckitt, 2013) вера в опасный мир надежно предсказывает авторитаризм правого толка, а вера в конкурентный мир – ориентацию на социальное доминирование, данный вид отношений носит причинно-следственный характер (Satherley, Sibley, 2016). Другими словами, вера в то, что мир полон опасности, и ценности и образ жизни порядочных людей находятся под угрозой, является одной из причин авторитаризма правого толка, а вера в то, что мир – это «конкурентные джунгли», место борьбы за власть и ресурсы, где «человек человеку волк», является одной из причин ориентации на социальное доминирование. В свою очередь, многочисленные исследования в течение последних нескольких десятилетий показали, что авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование являются мощными предикторами обообщенных предубеждений и этноцентризма (Sibley, Duckitt, 2013). Также предпо-

Дмитрий Сергеевич Григорьев –

младший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Экспертного института Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

E-mail: dgrigoryev@hse.ru

Web: <https://www.hse.ru/staff/dgrigoryev>

Для цитирования: Григорьев Д.С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир // Национальный психологический журнал. – 2017. – №4 (28). – С. 30–44. doi: 10.11621/npj.2017.0403

For citation: Grigoryev D.S. (2017) Development of a short version of the dual process model scales: right-wing authoritarianism, social dominance orientation, dangerous and competitive worldviews. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 4, 30–44. doi: 10.11621/npj.2017.0403

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2017
© Russian Psychological Society, 2017

Табл. 1. Два набора психологических аспектов, лежащих в основе предрассудков и этноцентризма, с причинно-следственной связью (слева направо) (см. оригинал Duckitt, 2001)

Социализация	Личность	Социальный мир	Мотивационные цели	Идеологические установки
Карательная и строгая / толерантная	Конформная / Автономная	Опасный и угрожающий / Безопасный	Социальный контроль / Личная свобода	Авторитаризм и консерватизм / Автономия и открытость
Отчужденная / Любящая	Расчетливая и циничная / Сентиментальная и сострадающая	Конкуренстный / Сотрудничающий	Превосходство и доминирование / Альтруистическая забота	Социальное доминирование / Эгалитарный гуманизм

Table 1. Two sets of psychological aspects that underlie prejudices and ethnocentrism, with a cause-effect relationship from left to right (Duckitt, 2001)

Social Adjustment	Personality	Social Environment	Motivation Goals	Ideological Guidelines
Punitive and strict / tolerant	Conformal / Autonomous	Dangerous and Threatening / Safe	Social control / Personal freedom	Authoritarianism and Conservatism / Autonomy and Openness
Alienated / Upendo	Calculating and cynical / Sentimental and compassionate	Competitive / Collaborative	Excellence and domination / Altruistic care	Social dominance / egalitarian humanism

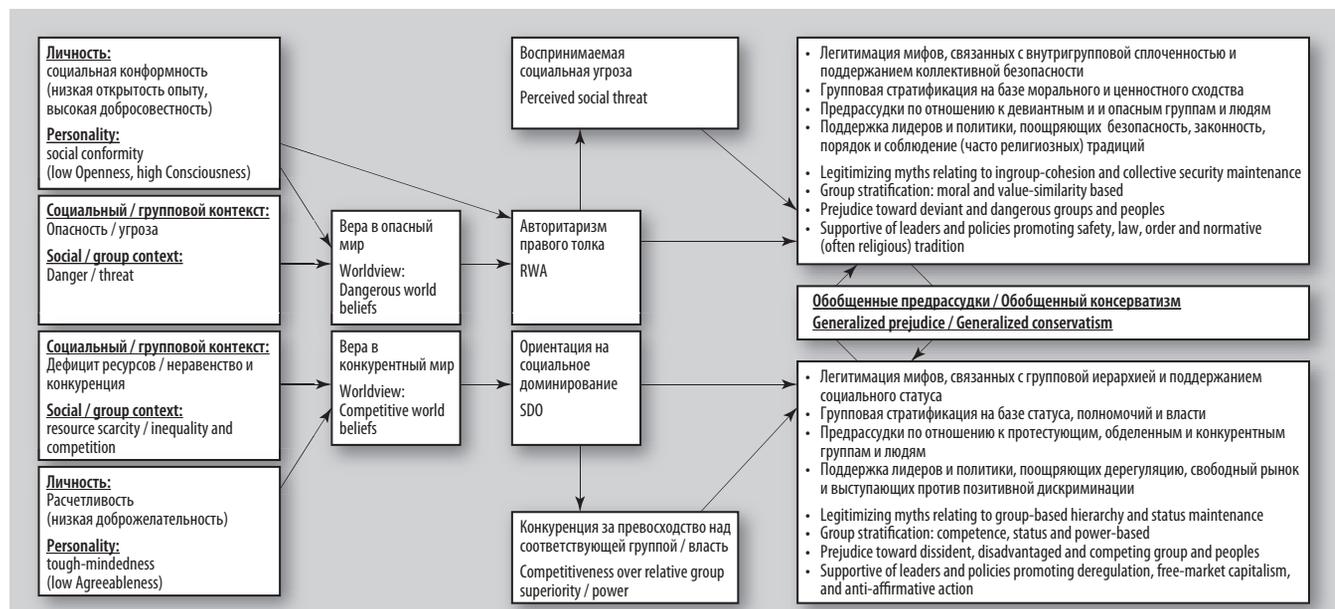

Рис. 1. Двухкомпонентная модель Дж. Даккита
Figure 1. Duckitt two-component model

лагается, что ориентация на социальное доминирование, прежде всего, связана с экономическими, а авторитаризм правого толка – с социальными аспектами консерватизма (Perry, Sibley, 2013).

Двухкомпонентная модель Дж. Даккита хорошо объясняет межгрупповую угрозу, неравенство и конкуренцию, которые и определяют межгрупповые предрассудки, именно эти факторы активизируют и направляют мотивационные цели, выраженные в авторитаризме правого толка и ориентации на социальное доминирование (Duckitt, Sibley, 2010).

Учитывая неразрешимый и, казалось бы, фундаментальный характер совре-

менных идеологических споров, исследователи из области социальных наук все чаще ищут более глубокие психологические корни различных политических взглядов людей, подчеркивая, что идеологическая близость или разногласия не являются психологически случайными даже среди тех, кто слабо разбирается в политике. Наиболее общими психологическими основами (т.н. «преполитические психологические переменные», отражающие предрасположенность людей к принятию определенных явных идеологических предпочтений) левых и правых политических взглядов являются два взаимосвязанных аспекта: (1) эгалита-

ризм и антиэгалитаризм; (2) открытость и сопротивление изменениям, которые также хорошо объясняются компонентами модели Дж. Даккита (Federico, Hunt, Ergun, 2009).

Двухкомпонентная модель Дж. Даккита, схематически изображенная авторами (см. Duckitt, Sibley, 2016), отражена на рисунке 1.

Авторитаризм правого толка

Согласно Дж. Даккиту и К. Сибли, изначально считалось, что социально-политические установки имеют одномер-

ную структуру (F-шкала, разработанная Т. Адорно и его коллегами в рамках теории авторитарной личности) (Duckitt, Sibley, 2010), однако последующие эмпирические исследования показали, что они имеют как минимум два относительно самостоятельных компонента. Данные компоненты носили в разное время разные названия. Тем не менее, при этом первый отражал авторитарность, традиционализм или социальный консерватизм на одном полюсе и открытость, автономию, либерализм или личную свободу – на другом. Второй же компонент отражал экономический консерватизм, власть, иерархию, неравенство на одном полюсе и эгалитаризм, гуманизм, социальное обеспечение, заботу – на другом. В дальнейшем Б. Алтемейером (Altemeyer, 1981) была составлена шкала авторитаризма правого толка, которая содержала три из девяти оригинальных кластеров F-шкалы: авторитарное подчинение (некритическое подчинение и принятие установленной внутригрупповой власти), авторитарную агрессию (общая агрессивность, направленная на инакомыслящих, нарушителей социальных норм и аутгруппы) и конвенционализм (строгое соблюдение традиций, устоявшихся ценностей и норм) (Hodson, Dhont, 2015).

Ориентация на социальное доминирование

Ф. Пратто с коллегами (Pratto, Sidanius, Stallworth, Malle, 1994), в рамках теории социального доминирования, была предложена шкала ориентации на социальное доминирование, охватывающая еще три кластера F-шкалы: деструктивность и цинизм, власть и доминантность, антиинтроцепцию (Duckitt, Sibley, 2010). С момента своего появления два десятилетия назад конструкт «ориентация на социальное доминирование» оказался одним из самых универсальных и полезных для понимания социально-политических идеологий, психологии предубеждений и межгруппового поведения в социальной психологии (Ho et al., 2012). Теория социального доминирования выделяется в качестве основной альтернативы теории социальной идентичности и как средство для объяснения наблюдаемых

закономерностей в межгрупповом поведении и верованиях, связанных с иерархическими структурами в разных культурах (Huddy, 2004). Однако, хотя сильная прогностическая валидность ориентации на социальное доминирование и была доказана, тем не менее, этот конструкт не в состоянии охватить все аспекты общественной жизни и полностью не заменяет объяснительный потенциал других конструктов, например, индивидуальных ценностей, социальных аксиом и верований (Kuşdil, Akoğlu, 2014). Существуют также некоторые вопросы и споры касательно ориентации на социальное доминирование. Например, одномерный это или двухмерный конструкт (доминирование и антиэгалитаризм), актуален ли он для современных межгрупповых отношений, направлен ли он на групповую иерархию вообще или же только на предпочтение доминирования ингруппы (тогда, чем это отличается от ингруппового фаворитизма)? (Ho et al., 2015).

Природа авторитаризма и его связь с другими ключевыми конструктами

Первое время считалось, что авторитаризм правого толка и ориентация на социальное доминирование являются чертами личности, однако потом стало понятно, что это социально-политические или, по-другому, – идеологические установки (Duckitt, Wagner, du Plessis, Birum, 2002; Duckitt, Sibley, 2010). Тем не менее, по мнению Т. Петтигрю (Pettigrew, 2016), только потому, что ситуативные и социальные факторы влияют на авторитаризм, не означает, что мы не можем рассматривать его как личностную черту, т.к. другие черты личности также подвержены социальному влиянию. Эти позиции не являются взаимоисключающими. Так, авторитаризм может изначально представлять собой определенную личностную черту (интегрируя в себе: неуверенность, конформность и подчинение, ориентацию на силу, закрытость и устойчивость к новому опыту), которая впоследствии, как правило, приводит к соответствующим политическим установкам. Исследования близнецов показали значительный уровень наследуе-

мости авторитаризма, была обнаружена также сильная корреляция между уровнем авторитарности детей и их родителей (Pettigrew, 2016).

Тот факт, что негативное отношение к одним аутгруппам, по большей части, связано с негативным отношением и к другим аутгруппам (Duckitt, Sibley, 2007), продолжает мотивировать исследователей на поиск какого-то одного фактора, который бы это объяснял. Так, в недавнем исследовании на данных двух мета-анализов было показано, что авторитаризм правого толка и ориентацию на социальное доминирование можно рассматривать как два измерения одного конструкта – обобщенного авторитаризма (generalized authoritarianism) (Hodson, MacInnis, Busseri, 2017). Таким образом, можно говорить о некотором возврате к идее F-шкалы Т. Адорно и его коллег, но уже на качественно ином уровне.

Важно отметить, что рассматриваемые идеологические установки связаны с другими ключевыми конструктами, определяющими мотивацию и установки личности, например с ценностными ориентациями. Так, ценностные блоки, выделенные Ш. Шварцем, ценности открытости к изменениям и сохранения воспроизводят два полюса для авторитаризма правого толка, а ценности самопреодоления и самовозвышения – два полюса для ориентации на социальное доминирование (Duckitt, 2001; Feather, McKee, 2012; Kuşdil, Akoğlu, 2014; Radkiewicz, 2016). Культурные измерения индивидуализм – коллективизм и низкая и высокая дистанция власти, предложенные Г. Хофстедом, также связаны с авторитаризмом правого толка и ориентацией на социальное доминирование (Duckitt, 2001). Согласно теории моральных оснований, можно выделить этику автономии – дихотомия моральных оснований: забота – причинение вреда, честность – обман и этику сообщества – дихотомия моральных оснований: верность группе – предательство, уважение к авторитетам – подрыв устоев. Недавно проведенное исследование показало, что авторитаризм правого толка положительно связан с этикой сообщества и отрицательно с этикой автономии. А ориентация на социальное доминирование отрицательно связана только с этикой

автономии (Radkiewicz, 2016). Обратим внимание на три основные ориентации в ситуациях межличностного взаимодействия:

- 1) кооперативную (или просоциальную), которая направлена на повышение собственных результатов и результатов другого человека, а также их равенство;
- 2) индивидуалистическую, которая стремится улучшить собственные результаты и в значительной степени безразлична к результатам другого человека;
- 3) конкурентная ориентация, которая направлена на повышение разницы между собственными результатами и результатами другого человека в свою пользу.

При этом ориентации в свою сторону (индивидуалистическая и конкурентная) положительно связаны с авторитаризмом правого толка и ориентацией на социальное доминирование (Chirumbolo, Leone, Desimoni, 2016).

Примечательно, что рассмотрение авторитарных установок может быть полезно не только в исследованиях межличностного взаимодействия и межгрупповых отношений, но и, например, в исследованиях отношения людей к животным, так было показано, что ориентация на социальное доминирование положительно связана с видовой дискриминацией (Dhont, Hodson, Leite, 2016).

Итак, после краткого введения в проблематику далее опишем процесс разработки короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир.

Метод

Выборка

Всего в ходе исследования в 2016 г. был опрошен 241 человек в возрасте от 17 до 79 лет ($M_{\text{возраст}} = 36.3$; $SD_{\text{возраст}} = 15.4$). 49.5% выборки составляли женщины, 87.6% – русские, 54.5% – православ-

ные, 66.3% имели высшее образование. Данные были собраны в результате опроса преимущественно жителей Москвы (Центральный федеральный округ) – 48.5% и Ульяновска (Приволжский федеральный округ) – 34.7%.

Инструменты

Социальные верования. Для их измерения использовалась 12-пунктовая версия шкалы веры в опасный мир и 12-пунктовая шкала веры в конкурентный мир Дж. Даккита (Duckitt, 2001), переведенная и адаптированная на русский язык (Гулевич, Аникеенок, Безменова, 2014). Примеры вопросов: «Наш мир – опасное и непредсказуемое место, в котором ценности и образ жизни порядочных людей находятся под угрозой», «В нашем обществе появилось много жестоких и опасных людей, которые нападают на окружающих без видимых причин», «Поскольку большинство людей хотят вас обмануть, вы должны обмануть их первыми. Тогда у вас будет шанс добиться успеха», «Нужно быть холодным и мстительным, если это необходимо для достижения поставленной цели» и т.д. Ответы: 7 = «Полностью согласен», 1 = «Полностью не согласен».

Авторитаризм правого толка. Для его измерения использовались 14 пунктов из 30-пунктовой шкалы¹ авторитаризма правого толка Б. Альтмейера (Altemeyer, 1996), переведенной и адаптированной на русский язык Н.А. Дьяконовой (Дьяконова, Юртайкин, 2000). Примеры вопросов: «Самые скверные люди в нашей стране – это те, кто не уважает наш флаг, наших политиков и традиции», «Рост преступности, сексуальной распущенности и отсутствие общественного порядка ясно показывают, что нам следует быть гораздо жестче с нарушителями спокойствия, смутьянами и представителями девиантных групп, если мы хотим сохранить нашу мораль, закон и порядок» и т.д. Ответы: 9 = «Полностью согласен», 1 = «Полностью не согласен»;

Ориентация на социальное доминирование. Для ее измерения использовались 10 пунктов из 16-пунктовой шкалы²

(Ho et al., 2012), переведенной и адаптированной на русский язык с применением метода обратного перевода. Примеры вопросов: «Это несправедливо – стремиться сделать все группы равными», «Структура идеального общества требует того, чтобы некоторые группы имели высокий статус, а другие – низкий» и т.д. Ответы: 9 = «Полностью согласен», 1 = «Полностью не согласен».

Анализ данных

Для проверки факторной структуры использованных шкал был проведен конфирматорный факторный анализ сначала отдельно для каждой полной шкалы в виду ограничений, связанных с количеством оцениваемых параметров и размером выборки. В случае неудовлетворительных показателей модели в процессе установления соответствия моделей эмпирическим данным на первом шаге были удалены пункты шкалы с факторными нагрузками $< .40$, затем использовались индексы модификации. После получения удовлетворительных показателей индексов соответствия моделей данным для каждой короткой шкалы были отобраны пункты, в соответствии с теорией содержательно отражающие рассматриваемые конструкты и имеющие при этом самые высокие факторные нагрузки. Далее было оценено и сравнено несколько вариантов моделей, содержащих различное количество факторов и субфакторов, при необходимости использовались индексы модификации. Оценка всех моделей осуществлялась с использованием робастной статистики хи-квадрат Саторры-Бентлера (MLM). Для установления пригодности моделей использовались рекомендуемые критерии: $CFI > .90$, $RMSEA < .08$, $SRMR < .08$ (Kline, 2011; van de Schoot, Lugtig, Hox, 2012). Для сравнения вложенных моделей между собой использовалась разница в статистике хи-квадрат (Satorra, Bentler, 2001) и информационный критерий Акаике (AIC).

Далее были рассмотрены показатели надежности, конвергентной и дискриминантной валидности шкал в каждой

¹ Следуя за предположением, что для отражающих (reflective) латентных конструктов существует гипотетическая генеральная совокупность пунктов, измеряющих этот конструкт, а шкала – это выборка таких пунктов, то, например, в данном случае из 30-пунктовой шкалы случайным образом была сделана подвыборка из 14 пунктов.

² См. предыдущее примечание.

Табл. 2. Показатели индексов соответствия для полной версии шкал

Шкала	Начальная модель			Модифицированная модель			Модификации модели
	CFI	RMSEA [90% CI]	SRMR	CFI	RMSEA [90% CI]	SRMR	
RWA-F	.739	.141 [.130, .153]*	.11	.972	.070 [.046, .093]	.05	Удаление пункта 4, 10, 11, 12, 14. Добавление ковариации между ошибками 1 и 3, 1 и 6, 8 и 9.
SDO-F	.901	.110 [.094, .127]*	.06	.970	.062 [.042, .081]	.04	Добавление ковариации между ошибками 9 и 10.
DW-F	.915	.072 [.056, .087]*	.05	.954	.064 [.044, .084]	.04	Удаление пункта 9 и 12. Добавление ковариации между ошибками 6 и 8.
CJW-F	.874	.095 [.082, .109]*	.07	.952	.064 [.047, .081]	.05	Удаление пункта 2. Добавление ковариации между ошибками 4 и 11, 11 и 12, 1 и 4.

CFI – сравнительный индекс соответствия Бентлера; RMSEA – корень среднеквадратической ошибки аппроксимации; 90% CI – границы доверительно-го интервала для RMSEA; SRMR – стандартизированный корень среднеквадратического остатка.

* — $p < .05$

Table 2. Compliance indices for the full version of the scales

Scale	Initial Model			Modified Model			Model modification
	CFI	RMSEA [90% CI]	SRMR	CFI	RMSEA [90% CI]	SRMR	
RWA-F	.739	.141 [.130, .153]*	.11	.972	.070 [.046, .093]	.05	Clauses 4, 10, 11, 12, 14 are deleted Covariances between errors 1 and 3, 1 and 6, 8 and 9 are added
SDO-F	.901	.110 [.094, .127]*	.06	.970	.062 [.042, .081]	.04	Covariance between errors 9 and 10 is added
DW-F	.915	.072 [.056, .087]*	.05	.954	.064 [.044, .084]	.04	Clauses 9 and 12 are deleted Covariance between errors 6 and 8 is added
CJW-F	.874	.095 [.082, .109]*	.07	.952	.064 [.047, .081]	.05	Clause 2 is deleted. Covariances between errors 4 and 11, 11 and 12, 1 and 4 are added

CFI – comparative Bentler compliance index; RMSEA – root mean square error of approximation; 90% CI – Confidence interval boundaries for RMSEA; SRMR – standardized root mean square residue.

* — $p < .05$

модели. Был рассчитан коэффициент α -Кронбаха, коэффициент ω – показатель составной надежности ρ -Рейкова, показатель максимальной надежности (H), показатель средней извлеченной дисперсии (AVE), показатель максимальной разделенной дисперсии (MSV), показатель средней разделенной дисперсии (ASV), для проверки дискриминантной валидности дополнительно был проведен тест Форнелла-Ларкера. Показатели должны быть следующими: шкала надежна, если $\alpha > .70$, хотя для коротких шкал будут приемлемы и меньшие значения (Nunnally, Bernstein, 1994), и $\omega > .70$. Конвергентная валидность есть, если $AVE > .50$. Дискриминантная валидность есть, если $MSV < AVE$, $ASV < AVE$ (Hair et al., 2010), а также, если квадратный корень из средней извлеченной дисперсии (AVE) больше, чем коэф-

фициенты корреляции между конструктами (Fornell, Lacker, 1981). Однако AVE являются очень строгим критерием, поэтому, если $AVE < .50$ при удовлетворительном показателе составной надежности (ω), несмотря на то, что более 50% дисперсии объясняется ошибкой измерения, шкала может быть пригодна для дальнейшего анализа (Maholtra, Dash, 2010). Показатель максимальной надежности для всех шкал должен быть $H > .80$ (Hancock, Mueller, 2001).

На следующем шаге с помощью парного t-критерия Стьюдента были оценены различия в средних значениях между полной и сокращенной шкалой. Для оценки величины различий использовалась статистика размера эффекта d-Коэна для парного t-критерия Стьюдента. Наконец, используя корреляцион-

ный анализ Пирсона и регрессионный анализ, были рассмотрены связи между полными и сокращенными версиями шкал и оценена их критериальная (текущая) валидность. Данные виды анализа рассчитывались с применением процедуры статистического бутстрепа с использованием 2000 псевдовыборок.

Результаты

Результаты конфирматорного факторного анализа для каждой полной шкалы отражены в таблице 2.³

Начальные модели для всех полных шкал имели неудовлетворительные показатели индексов соответствия данным. После удаления пунктов с низкими факторными нагрузками и добавления ко-

³ Условные обозначения шкал в таблицах: RWA-F – полная шкала авторитаризма правого толка, RWA-S – короткая шкала авторитаризма правого толка, RWA-AS – субшкала авторитарного подчинения, RWA-AA – субшкала авторитарной агрессии, RWA-C – субшкала конвенционализма, SDO-F – полная шкала ориентации на социальное доминирование, SDO-S – короткая шкала ориентации на социальное доминирование, SDO-D – субшкала доминирования, SDO-E – субшкала эгалитаризма (хотя по сути речь идет об антиэгалитаризме, здесь и далее будет сохранено название, данное разработчиками оригинальной шкалы), DW-F – полная шкала веры в опасный мир, DW-S – короткая шкала веры в опасный мир, CJW-F – полная шкала веры в конкурентный мир, CJW-S – короткая шкала веры в конкурентный мир.

вариаций между ошибками, добавление которых может быть содержательно объяснено, удалось получить удовлетворительные индексы соответствия для всех моделей. Далее были отобраны пункты каждой шкалы для составления их короткого варианта и последующего анализа. Анализ содержания проверяемых шкал позволяет говорить об их очевидной валидности (face validity).

Модель 1 содержала структуру шкал, точно соответствующую теоретическим представлениям. Пункты шкалы RWA-S и SDO-S отражают факторы первого порядка (авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, конвенционализм, доминирование и эгалитаризм, соответственно). В свою очередь факторы первого порядка отражают факторы второго порядка, (т.е. непосредственно авторитаризм правого толка и ориентацию на социальное доминирование). При оценке данной модели был обнаружен т.н. случай Хейвуда (Heywood case) для фактора второго порядка (ориентация на социальное доминирование), поэтому обе нагрузки к факторам первого порядка были оценены как равные. После этих изменений модель 1 идентифицировалась и имела удовлетворительные показатели индексов соответствия (здесь и далее см. таблицу 3).

Модель 2 содержала структуру шкал, которая, как правило, и используется в эмпирических исследованиях, а именно, в ней, в отличие от модели 1, отсутствует деление на субфакторы для авторитаризма правого толка и ориентации на социальное доминирование. Модель 2 требовала модификации, т.к. показывала неудовлетворительное соответствие данным. Исправить ситуацию помогло добавление ковариации между ошибками двух пунктов, направленных на измерение авторитарного подчинения, и двух пунктов, направленных на измерение конвенционализма. Сравнение модели 1 и модифицированной модели 2 (модель 2-М) по разнице в статистике хи-квадрат показало отсутствие значимой разницы между моделями, показатель AIC свидетельствовал в пользу модели 1, хотя и

Табл. 3. Показатели индексов соответствия для короткой версии шкал

Модели	χ^2 (df)	Diff. χ^2 (df)	CFI	RMSEA [90% CI]	SRMR	AIC
Модель 1	156.76(94)*		.952	.057 [.042, .072]	.069	13581
Модель 2	244.82(98)*	3.391(2)a	.888	.086 [.074, .099]*	.077	13679
Модель 2-М	160.17(96)*		.951	.058 [.043, .072]	.069	13582
Модель 3	126.14(83)*	31.231(11)*b	.967	.051 [.033, .067]	.050	13568
Модель 4	141.11(89)*	14.533(6)*c	.960	.054 [.038, .069]	.055	13575

χ^2 (df) – статистика хи-квадрат и количество степеней свободы; Diff. χ^2 (df) – разница в статистике хи-квадрат и степенях свободы; CFI – сравнительный индекс соответствия Бенглера; RMSEA – корень среднеквадратической ошибки аппроксимации; 90% CI – границы доверительного интервала для RMSEA; SRMR – стандартизированный корень среднеквадратического остатка; AIC – информационный критерий Акаике.

* – $p < .05$; a – Модель 1 vs. Модель 2-М, b – Модель 1 vs. Модель 3, c – Модель 3 vs. Модель 4.

Table 3. Indicators of compliance indices for a short version of scales

Model	χ^2 (df)	Diff. χ^2 (df)	CFI	RMSEA [90% CI]	SRMR	AIC
Model 1	156.76(94)*		.952	.057 [.042, .072]	.069	13581
Model 2	244.82(98)*	3.391(2)a	.888	.086 [.074, .099]*	.077	13679
Model 2-M	160.17(96)*		.951	.058 [.043, .072]	.069	13582
Model 3	126.14(83)*	31.231(11)*b	.967	.051 [.033, .067]	.050	13568
Model 4	141.11(89)*	14.533(6)*c	.960	.054 [.038, .069]	.055	13575

χ^2 (df) – chi-square statistics and degrees of freedom; Diff. χ^2 (df) – difference in chi-square statistics and degrees of freedom; CFI – Bentler comparative fit index; RMSEA – root mean square error of approximation; 90% CI – Confidence interval for RMSEA; SRMR – standardized root mean square residue; AIC – Akaike information criterion.

* – $p < .05$; a – Model 1 vs. Model 2-M, b – Model 1 vs. Model 3, c – Model 3 vs. Model 4.

отличался всего на единицу. Факторные нагрузки обеих моделей отражены на рисунке 2.

Модель 3 содержала структуру шкал, которая измеряет все субфакторы как отдельные конструкты, имела удовлетворительные показатели индексов соответствия и значимо лучше подходила к данным, чем модель 1. Однако в модели 3 наблюдалась очень высокая связь между субфакторами ориентации на социальное доминирование – доминирование и эгалитаризм ($r = .93$, $p < .001$), поэтому была составлена модель 4, рас-

сматривающая ориентацию на социальное доминирование как неделимый конструкт. Хотя модель 4 имела удовлетворительные показатели индексов соответствия, она, тем не менее, значимо хуже подходила к данным, чем модель 3. Таким образом, модель 3 лучше всех остальных оцениваемых моделей подходила к данным. Факторные нагрузки модели 3 и модели 4 отражены на рисунке 3.⁴

Показатели надежности, конвергентной и дискриминантной валидности шкал для оцененных моделей содержатся в таблице 4.⁵

⁴ Процедура кросс-валидации данных моделей на выборке из 576 человек (Пригорьев, 2017) демонстрирует стабильность показателей индексов соответствия данным показателям надежности, а также стабильность величины факторных нагрузок пунктов на соответствующий им латентный конструкт.

⁵ Показатели надежности, конвергентной и дискриминантной валидности шкал для модели 4 не были отдельно включены в таблицу, т.к. они практически полностью совпадают с моделью 2 для шкалы ориентации на социальное доминирование и моделью 3 для всех остальных шкал и субшкал.

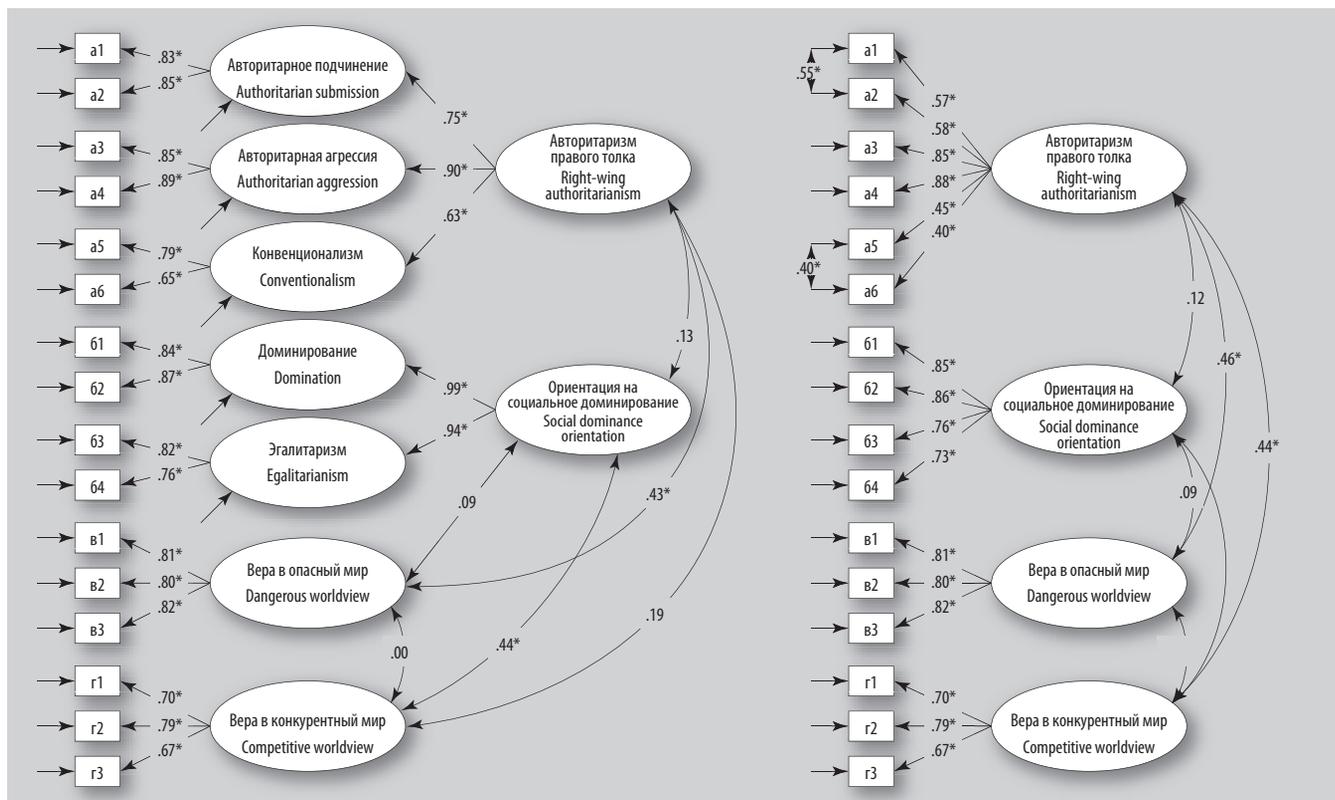

Рис. 2. Факторные нагрузки модели 1 и модели 2-M
Figure 2. Factor loading in Model 1 and Model 2-M

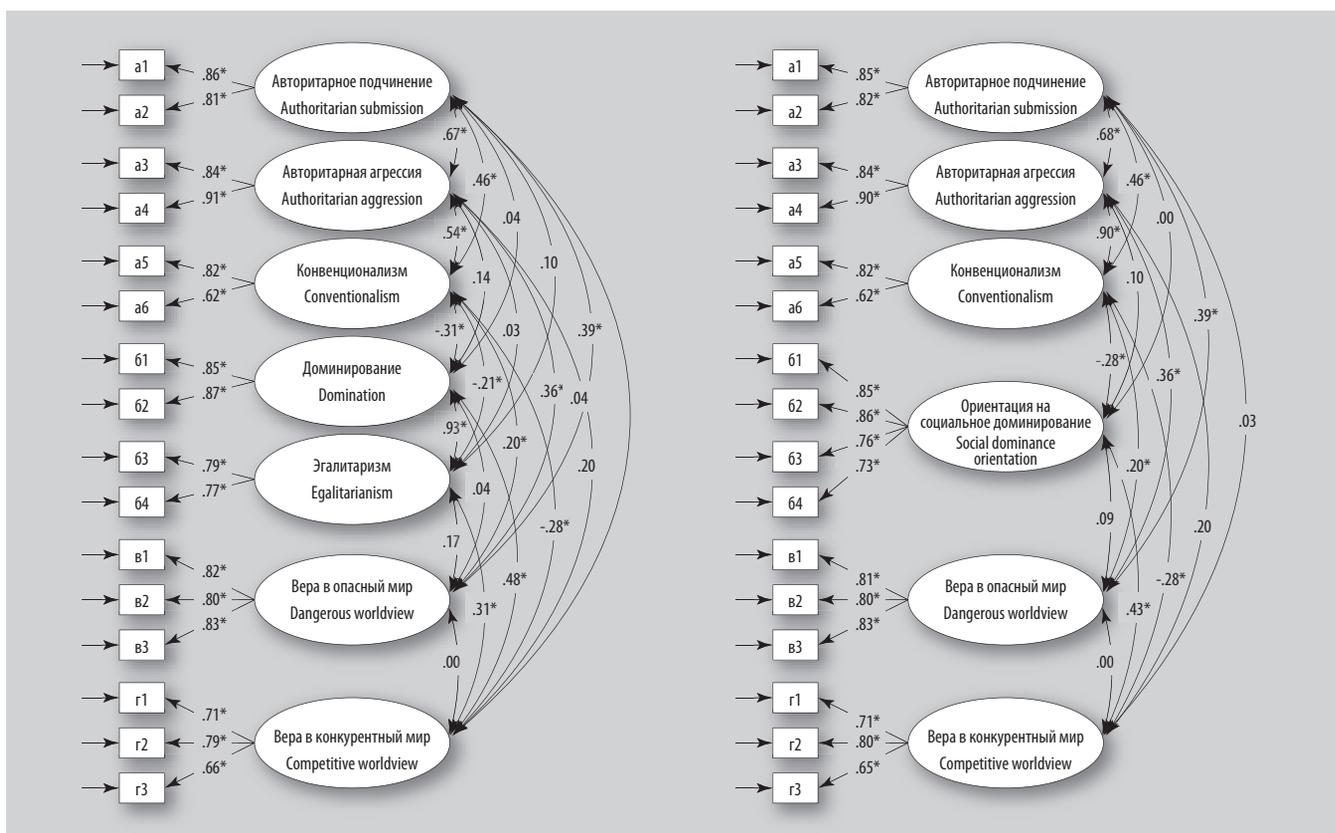

Рис. 3. Факторные нагрузки модели 3 и модели 4
Figure 3. Factor loading in Model 3 and Model 4

Для цитирования: Григорьев Д.С. Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир // Национальный психологический журнал. – 2017. – №4 (28). – С. 30–44. doi: 10.11621/npj.2017.0403

For citation: Grigoryev D.S. (2017) Development of a short version of the dual process model scales: right-wing authoritarianism, social dominance orientation, dangerous and competitive worldviews. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 4, 30–44. doi: 10.11621/npj.2017.0403

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2017
© Russian Psychological Society, 2017

Табл. 4. Корреляции Пирсона, показатели надежности и валидности

Шкала	RWA-AS	RWA-AA	RWA-C	SDO-D	SDO-E	DW	CJW	RWA	SDO
Модель 1									
Корреляции									
DW						.812			
CJW						.001	.716		
RWA						.425	.187	.768	
SDO						.085	.444	.129	.964
Надежность и валидность									
α	.824	.862	.673	.850	.759	.853	.750		
ω	.825	.863	.687	.845	.770	.853	.758	.852	.964
H	.825	.866	.701	.856	.776	.854	.774	.860	.980
AVE	.702	.759	.528	.732	.627	.660	.512	.590	.930
MSV						.181	.197	.181	.197
ASV						.063	.077	.077	.074
Модель 2									
Корреляции									
DW						.812			
CJW						.002	.716		
RWA						.386	.190	.656	
SDO						.087	.436	.118	.801
Надежность и валидность									
α						.853	.750	.819	.878
ω						.853	.758	.746	.877
H						.854	.774	.884	.774
AVE						.660	.716	.430	.641
MSV						.149	.190	.149	.190
ASV						.052	.125	.066	.116
Модель 3									
Корреляции									
RWA-AS	.837								
RWA-AA	.673	.872							
RWA-C	.458	.541	.738						
SDO-D	.039	.136	-.306	.860					
SDO-E	.102	.031	-.206	.931	.782				
DW	.391	.359	.200	.043	.169	.812			
CJW	.035	.199	-.280	.476	.310	.003	.714		
Надежность и валидность									
α	.824	.862	.673	.850	.759	.853	.750		
ω	.824	.864	.698	.850	.759	.853	.757		
H	.829	.873	.733	.851	.760	.854	.776		
AVE	.700	.761	.545	.740	.612	.660	.510		
MSV	.453	.453	.293	.867	.867	.153	.227		
ASV	.138	.156	.126	.201	.174	.059	.074		

α – коэффициент надежности α -Кронбаха, ω – показатель составной надежности ρ -Рейкова, H – показатель максимальной надежности, AVE – показатель средней извлеченной дисперсии, MSV – показатель максимальной разделенной дисперсии, ASV – показатель средней разделенной дисперсии. Все коэффициенты корреляции < .20 по модулю – не значимые; по диагонали квадратный корень из AVE.

Основные проблемы с надежностью, хотя и не критические, наблюдались для субшкалы RWA-C в модели 3 и модели 4. Также некоторые шкалы в нескольких мо-

делях показали недостаточную максимальную надежность (H). Серьезная проблема с дискриминантной валидностью наблюдалась у субшкал SDO-D и SDO-E в модели 3.

Средние значения для всех шкал и субшкал показаны в таблице 5.

Сравнение средних для полных и коротких шкал продемонстрировало ста-

Table 4. Pearson Correlation coefficient, reliability and validity indicators

Scale	RWA-AS	RWA-AA	RWA-C	SDO-D	SDO-E	DW	CJW	RWA	SDO
Model 1									
Correlations									
DW						.812			
CJW						.001	.716		
RWA						.425	.187	.768	
SDO						.085	.444	.129	.964
Reliability and validity									
α	.824	.862	.673	.850	.759	.853	.750		
ω	.825	.863	.687	.845	.770	.853	.758	.852	.964
H	.825	.866	.701	.856	.776	.854	.774	.860	.980
AVE	.702	.759	.528	.732	.627	.660	.512	.590	.930
MSV						.181	.197	.181	.197
ASV						.063	.077	.077	.074
Model 2									
Correlation									
DW						.812			
CJW						.002	.716		
RWA						.386	.190	.656	
SDO						.087	.436	.118	.801
Reliability and validity									
α						.853	.750	.819	.878
ω						.853	.758	.746	.877
H						.854	.774	.884	.774
AVE						.660	.716	.430	.641
MSV						.149	.190	.149	.190
ASV						.052	.125	.066	.116
Model 3									
Correlation									
RWA-AS	.837								
RWA-AA	.673	.872							
RWA-C	.458	.541	.738						
SDO-D	.039	.136	-.306	.860					
SDO-E	.102	.031	-.206	.931	.782				
DW	.391	.359	.200	.043	.169	.812			
CJW	.035	.199	-.280	.476	.310	.003	.714		
Reliability and validity									
α	.824	.862	.673	.850	.759	.853	.750		
ω	.824	.864	.698	.850	.759	.853	.757		
H	.829	.873	.733	.851	.760	.854	.776		
AVE	.700	.761	.545	.740	.612	.660	.510		
MSV	.453	.453	.293	.867	.867	.153	.227		
ASV	.138	.156	.126	.201	.174	.059	.074		

α – Cronbach's alpha, coefficient of reliability, ω – integral reliability index, H – maximum reliability index, AVE – average variance extracted, MSV – maximum shared variance, ASV – average shared variance. All correlation coefficients < .20 module are not significant; on the diagonal square root of AVE.

Табл. 5. Средние значения по полной и короткой версиями шкал

Шкала	M (SD)	Min.-Max.	Skew.	Kurt.	t	d
RWA-F	4.99 (2.08)	1-9	-.28	-.79	7.536***	.18
RWA-S	4.57 (2.02)	1-9	-.01	-.77		
RWA-AS	3.77 (2.52)	1-9	.54	-.92		
RWA-AA	5.46 (2.68)	1-9	-.28	-1.08	-4.707***	.10
RWA-C	4.48 (2.40)	1-9	.36	-.88		
SDO-F	4.12 (2.06)	1-9	.34	-.66		
SDO-S	4.39 (2.42)	1-9	.21	-1.08	-3.026***	.10
SDO-D	4.09 (2.62)	1-9	.34	-1.15		
SDO-E	4.69 (2.57)	1-9	.08	-1.10		
DW-F	4.28 (1.32)	1.2-7	-.14	-.41	-3.026***	.10
DW-S	4.46 (1.69)	1-7	-.29	-.82		
CJW-F	2.88 (1.30)	1-7	.82	.52	3.946***	.12
CJW-S	2.68 (1.53)	1-7	1.00	.56		

M – среднее; SD – стандартное отклонение; Min.-Max. – минимальные и максимальные значения по шкале; Skew. – коэффициент асимметрии; Kurt. – коэффициент эксцесса; t – статистика различий парный t-критерий Стьюдента; d – статистика размера эффекта d-Коэна для парного t-критерия Стьюдента.
*** — $p < .001$

Table 5. Mean of full and short versions of scales

Scale	M (SD)	Min.-Max.	Skew.	Kurt.	t	d
RWA-F	4.99 (2.08)	1-9	-.28	-.79	7.536***	.18
RWA-S	4.57 (2.02)	1-9	-.01	-.77		
RWA-AS	3.77 (2.52)	1-9	.54	-.92		
RWA-AA	5.46 (2.68)	1-9	-.28	-1.08	-4.707***	.10
RWA-C	4.48 (2.40)	1-9	.36	-.88		
SDO-F	4.12 (2.06)	1-9	.34	-.66		
SDO-S	4.39 (2.42)	1-9	.21	-1.08	-3.026***	.10
SDO-D	4.09 (2.62)	1-9	.34	-1.15		
SDO-E	4.69 (2.57)	1-9	.08	-1.10		
DW-F	4.28 (1.32)	1.2-7	-.14	-.41	-3.026***	.10
DW-S	4.46 (1.69)	1-7	-.29	-.82		
CJW-F	2.88 (1.30)	1-7	.82	.52	3.946***	.12
CJW-S	2.68 (1.53)	1-7	1.00	.56		

M – mean; SD – standard deviation; Min.-Max. – minimum and maximum value on the scale; Skew. – skew symmetric; Kurt. – index of kurtosis; t – Difference statistics on paired t-Student; d – statistics of the d-Cohen effect for the paired t-Student.
*** — $p < .001$

Табл. 6. Результаты корреляционного анализа Пирсона и регрессионного анализа

Шкала	RWA-F			RWA-S			SDO-F			SDO-S			DW-F			CJW-F			
	r	B (SE)	R2	r	B (SE)	R2	r	B (SE)	R2	r	B (SE)	R2	r	B (SE)	R2	r	B (SE)	R2	
RWA-S	.93	.951 (.027)	.86																
RWA-AS	.74	.612 (.042)	.55	.80	.638 (.037)	.64													
RWA-AA	.90	.695 (.023)	.81	.86	.644 (.028)	.73													
RWA-C	.55	.475 (.053)	.30	.73	.614 (.041)	.53													
SDO-S							.95	.805 (.016)	.90										
SDO-D							.90	.709 (.026)	.81	.866 (.023)	.88								
SDO-E							.87	.697 (.031)	.75	.881 (.023)	.87								
DW-F	.36	.566 (.105)	.13	.33	.504 (.109)	.11													
DW-S	.36	.436 (.093)	.17	.34	.409 (.087)	.12							.88	.687 (.028)	.77				
CJW-F							.47	.734 (.099)	.22	.40	.740 (.132)	.16							
CJW-S							.44	.592 (.103)	.19	.36	.566 (.124)	.13				.89	.755 (.030)	.79	

r – коэффициент корреляции Пирсона; B – нестандартизированный коэффициент регрессии; SE – стандартная ошибка; R2 – коэффициент детерминации. Все коэффициенты корреляции и регрессии значимы на уровне значимости $p < .001$.

Table 6. Results of the Pearson correlation analysis and regression analysis

Scale	RWA-F			RWA-S			SDO-F			SDO-S			DW-F			CJW-F			
	r	B (SE)	R2	r	B (SE)	R2	r	B (SE)	R2	r	B (SE)	R2	r	B (SE)	R2	r	B (SE)	R2	
RWA-S	.93	.951 (.027)	.86																
RWA-AS	.74	.612 (.042)	.55	.80	.638 (.037)	.64													
RWA-AA	.90	.695 (.023)	.81	.86	.644 (.028)	.73													
RWA-C	.55	.475 (.053)	.30	.73	.614 (.041)	.53													
SDO-S							.95	.805 (.016)	.90										
SDO-D							.90	.709 (.026)	.81	.866 (.023)	.88								
SDO-E							.87	.697 (.031)	.75	.881 (.023)	.87								
DW-F	.36	.566 (.105)	.13	.33	.504 (.109)	.11													
DW-S	.36	.436 (.093)	.17	.34	.409 (.087)	.12							.88	.687 (.028)	.77				
CJW-F							.47	.734 (.099)	.22	.40	.740 (.132)	.16							
CJW-S							.44	.592 (.103)	.19	.36	.566 (.124)	.13				.89	.755 (.030)	.79	

r – Pearson correlation coefficient; B – unstandardized regression coefficient; SE – standard error; R2 – determination factor. All correlation and regression coefficients are significant at the significance level $p < .001$.

тистически значимые различие между ними, однако показатель размера эффекта для всех этих различий ($d < .20$) говорил о том, что полные и короткие версии шкал различались очень незначительно, размер эффекта не достигал даже до малого.

Результаты корреляционного анализа Пирсона и регрессионного анализа показаны в таблице 6.

Коэффициент корреляции Пирсона между полными и короткими версиями шкал был от .88 до .95, при этом короткие шкалы объясняли от 77% до 90% дисперсии полных шкал. Связи между верой в опасный мир и авторитаризмом правого толка, а также верой в конкурентный мир и ориентацией на социальное доминирование сохраняли свою стабильность, а оценки связей для обеих версий шкал попадали в границы доверительного интервала, полученного в ранее проведенном мета-анализе (Perry, Sibley, Duckitt, 2013).

Связи оставались стабильными даже в случае контроля социо-демографических ковариат и стиля ответов.

Обсуждение результатов

Разработку короткой версии шкал из методики Дж. Даккита (авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир), в целом, можно оценить как успешную. Короткая версия шкал доступна в приложении к настоящей статье (см. Приложение). Несмотря на некоторые проблемы, по совокупности показателей все шкалы можно считать надежными и валидными, качество измерения короткой версии шкал сопоставимо с изначальным их вариантом.

Модель 3, содержащая шкалу RWA-S в форме трех независимых субшкал (RWA-

При всех этих недостатках разработанная короткая версия может положительно повлиять на интенсивность процесса изучения психологии авторитаризма в России

AS, RWA-AA, RWA-C), лучше соответствует данным так же, как это было показано в нескольких предыдущих исследованиях (Funke, 2005; van Hiel et al., 2007; Mavor, Louis, Sibley, 2010; Duckitt, Bizumic, 2013). Тем не менее, в исследовательской практике могут использоваться оба варианта, как с выделением субшкал, так и без, т.к., в целом, оба варианта измерительной модели показывают приемлемые показатели соответствия данным. Сходная ситуация имеет место со шкалой SDO-S в форме двух независимых субшкал (SDO-D и SDO-E). Однако очень сильная корреляция между SDO-D и SDO-E создает проблемы с дискриминантной валидностью – для сравнения, коэффициент корреляции Пирсона между субшкалой SDO-D и SDO-E, как сообщали еще разработчики, варьировался в семи выборках от .36 до .76 (Ho et al., 2012).

Отсутствие значимой корреляции между RWA-S и SDO-S несколько расхождается с оценками 95% доверительного интервала от .27 до .35, сообщенного в мета-анализе (Perry, Sibley, Duckitt, 2013). RWA-C отрицательно коррелирует с SDO-S, SDO-D и SDO-E. При этом интересно, связано ли это с содержанием пунктов, входящих в шкалу (этот вопрос также обсуждается в данном мета-анализе), со спецификой конкретной, использованной в данном исследовании выборки или российской выборки вообще, т.к. поддерживающие авторитаризм правого толка поддерживают только те нормы и ценности, которые считаются консервативными в их культуре. Например, уравнительная норма справедливости была положительно связана с авторитаризмом правого толка у россиян и от-

рицательно – у американцев (McFarland, Ageyev, Abalakiina-Paar, 1992). Будущие исследования должны сосредоточить внимание на прояснении этого вопроса.

К основным ограничениям и недостаткам разработанной короткой версии можно отнести тот факт, что полученный вариант содержит только прямые или обратные пункты, при этом шкала CJW-S и субшкала RWA-C состоят целиком из обратных пунктов их полной версии. Также данный вариант не подойдет для проведения кросс-культурных исследований, которые потребуют использования полной версии. Тем не менее, при всех этих недостатках разработанная короткая версия может положительно повлиять на интенсивность процесса изучения психологии авторитаризма в России.

Статья подготовлена по результатам работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Благодарность

Автор благодарит В.С. Девятова, М.Р. Хачатурову и И.И. Данилова за их любезную помощь в сборе данных.

Литература:

- Абалакина М.А., Агеев, В.С., МакФарланд С. Авторитарная личность в США и СССР // Человек. – 1990. – № 6. – С. 110–118.
- Григорьев Д.С. Дискриминация мигрантов в социоэкономической сфере: роль межгрупповых установок принимающего населения // Социальная психология и общество. – 2017. – № 8(3). – С. 63–84.
- Григорьева Е.Б. Современный взгляд на исследование авторитарности в России // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 19(3). – С. 177–191.
- Гулевич О.А., Анисеев О.А., Безменова И.К. Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – № 11(2). – С. 68–89.
- Дьяконова Н.А., Юртайкин В.В. Авторитарная личность в России и США: ценностные ориентации и локус контроля // Вопросы психологии. – 2000. – № 4. – С. 51–60.

- Aichholzer, J., & Zeglovits, E. (2015) Balancierte Kurzsкала autoritärer Einstellungen (B-RWA-6). Zusammenstellung sozialwissenschaftlicher Items und Skalen. Retrieved from: [http://zis.gesis.org/skala/Aichholzer-Zeglovits-Balancierte-Kurzskala-autoritärer-Einstellungen-\(B-RWA-6\)](http://zis.gesis.org/skala/Aichholzer-Zeglovits-Balancierte-Kurzskala-autoritärer-Einstellungen-(B-RWA-6)) (accessed: 20.09.2016).
- Altemeyer, B. (1981) *Right-Wing Authoritarianism*. Winnipeg, Manitoba, Canada: University of Manitoba Press, 352.
- Altemeyer, B. (1996) *The Authoritarian Specter*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 374.
- Beierlein, C., Asbrock, F., Kauff, M., & Schmidt, P. (2014). Die Kurzsкала Autoritarismus (KSA-3): Ein ökonomisches Messinstrument zur Erfassung dreier Subdimensionen autoritärer Einstellungen. Zusammenstellung sozialwissenschaftlicher Items und Skalen. Retrieved from: [http://zis.gesis.org/skala/Beierlein-Asbrock-Kauff-Schmidt-Kurzskala-Autoritarismus-\(KSA-3\)](http://zis.gesis.org/skala/Beierlein-Asbrock-Kauff-Schmidt-Kurzskala-Autoritarismus-(KSA-3)) (accessed: 20.09.2016).
- Chirumbolo, A., Leone, L., & Desimoni, M. (2016) The interpersonal roots of politics: Social value orientation, socio-political attitudes and prejudice. *Personality and Individual Differences*, 91, 144–153. doi: 10.1016/j.paid.2015.12.001
- Dhont, K., Hodson, G., & Leite, A.C. (2016). Common Ideological Roots of Speciesism and Generalized Ethnic Prejudice: The Social Dominance Human-Animal Relations Model (SD-HARM). *European Journal of Personality*, 30(6), 507–522. doi: 10.1002/per.2069
- Duckitt, J. (2001). A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice. In M. P. Zanna (Ed.). *Advances in Experimental Social Psychology* (V. 33, pp. 41–113). New York, NY: Academic Press, 325. doi: 10.1016/S0065-2601(01)80004-6
- Duckitt, J., & Bizumic, B. (2013) Multidimensionality of Right-Wing Authoritarian Attitudes: Authoritarianism–Conservatism–Traditionalism. *Political Psychology*, 34(6), 841–862. doi: 10.1111/pops.12022
- Duckitt, J., & Sibley, C.G. (2007) Right wing authoritarianism, social dominance orientation and the dimensions of generalized prejudice. *European Journal of Personality*, 21(2), 113–130. doi: 10.1002/per.614
- Duckitt, J., & Sibley, C.G. (2010) Personality, Ideology, Prejudice, and Politics: A Dual-Process Motivational Model. *Journal of Personality*, 78(6), 1861–1894. doi: 10.1111/j.1467-6494.2010.00672.x
- Duckitt, J., & Sibley, C.G. (2016) The dual process motivational model of prejudice. In C.G. Sibley, F.K. Barlow (Eds.), *The Cambridge Handbook of the Psychology of Prejudice*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 686.
- Duckitt, J., Wagner, C., du Plessis, I., & Birum, I. (2002) The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 83(1), 75–93. doi: 10.1037/0022-3514.83.1.75
- Feather, N.T., & McKee, I.R. (2012) Values, Right-Wing Authoritarianism, Social Dominance Orientation, and Ambivalent Attitudes Toward Women. *Journal of Applied Social Psychology*, 42(10), 2479–2504. doi: 10.1111/j.1559-1816.2012.00950.x
- Federico, C.M., Hunt, C.V., & Ergun, D. (2009) Political Expertise, Social Worldviews, and Ideology: Translating “Competitive Jungles” and “Dangerous Worlds” into Ideological Reality. *Social Justice Research*, 22(2–3), 259–279. doi: 10.1007/s11211-009-0097-0
- Fornell, C., & Lacker, D. (1981) Evaluating Structural Equation Models with Unobservable Variables and Measurement Error. *Journal of Marketing Research*, 18(1), 39–50. doi: 10.2307/3151312
- Funke, F. (2005) The Dimensionality of Right-Wing Authoritarianism: Lessons from the Dilemma between Theory and Measurement. *Political Psychology*, 26(2), 195–218. doi: 10.1111/j.1467-9221.2005.00415.x
- Hair, J., Black, W., Babin, B., & Anderson, R. (2010). *Multivariate Data Analysis, (7th Ed.)*. NJ: Prentice-Hall, Inc. Upper Saddle River, 816.
- Hancock, G.R., & Mueller, R.O. (2001) Rethinking construct reliability within latent variable systems. In R. Cudeck, S. du Toit, & D. Sörbom (Eds.), *Structural Equation Modeling: Present and Future — A Festschrift in honor of Karl Jöreskog* (pp. 195–216). Lincolnwood, IL: Scientific Software International, Inc, 598.
- Ho, A.K., Sidanius, J., Kteily, N., Sheehy-Skeffington, J., Pratto, F., Henkel, K. E., ... & Stewart, A.L. (2015) The nature of social dominance orientation: Theorizing and measuring preferences for intergroup inequality using the new SDO₇ scale. *Journal of Personality and Social Psychology*, 109(6), 1003–1028. doi: 10.1037/pspi0000033
- Ho, A.K., Sidanius, J., Pratto, F., Levin, S., Thomsen, L., Kteily, N., & Sheehy-Skeffington, J. (2012) Social Dominance Orientation: Revisiting the Structure and Function of a Variable Predicting Social and Political Attitudes. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 38(5), 583–606. doi: 10.1177/0146167211432765
- Hodson, G., & Dhont, K. (2015) The person-based nature of prejudice: Individual difference predictors of intergroup negativity. *European Review of Social Psychology*, 26(1), 1–42. doi: 10.1080/10463283.2015.1070018
- Hodson, G., MacInnis, C.C., & Bussler, M.A. (2017) Bowing and kicking: Rediscovering the fundamental link between generalized authoritarianism and generalized prejudice. *Personality and Individual Differences*, 104, 243–251. doi: 10.1016/j.paid.2016.08.018
- Huddy, L. (2004) Contrasting Theoretical Approaches to Intergroup Relations. *Political Psychology*, 25(6), 947–967. doi: 10.1111/j.1467-9221.2004.00404.x
- Kline, R.B. (2011). *Principles and Practice of Structural Equation Modeling (3rd ed.)*. New York, NY: Guilford Press.
- Kuşdil, M.E., & Akoğlu, S.Ç. (2014) Relationships Among Social Dominance Orientation, Social Axioms, and Values. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 42(8), 1395–1407. doi: 10.2224/sbp.2014.42.8.1395
- Maholtra, N.K., & Dash, S. (2010) *Marketing Research: An Applied Orientation, (6th Ed.)*. London, UK: Pearson Education. 1000.
- Mavor, K.I., Louis, W.R., & Sibley, C.G. (2010) A bias-corrected exploratory and confirmatory factor analysis of right-wing authoritarianism: Support for a three-factor structure. *Personality and Individual Differences*, 48(1), 28–33. doi: 10.1016/j.paid.2009.08.006
- McFarland, S.G., Ageyev, V.S., & Abalakina-Paap, M. (1992) Authoritarianism in the former Soviet Union. *Journal of Personality and Social Psychology*, 63, 1004–1010. doi: 10.1037/0022-3514.63.6.1004
- McFarland, S.G., Ageyev, V.S., & Djintcharadze, N. (1996) Russian authoritarianism two years after communism. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 22, 210–217. doi: 10.1177/0146167296222010
- Nunnally, J., & Bernstein, I. (1994). *Psychometric Theory (3ed)*. NY: McGraw-Hill. 774.

- Perry, R., & Sibley, C.G. (2013) A Dual-Process Motivational Model of Social and Economic Policy Attitudes. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 13(1), 262–285. doi: 10.1111/asap.12019
- Perry, R., Sibley, C.G., & Duckitt, J. (2013) Dangerous and competitive worldviews: A meta-analysis of their associations with Social Dominance Orientation and Right-Wing Authoritarianism. *Journal of Research in Personality*, 47(1), 116–127. doi: 10.1016/j.jrp.2012.10.004
- Pettigrew, T. F. (2016) In Pursuit of Three Theories: Authoritarianism, Relative Deprivation, and Intergroup Contact. *Annual Review of Psychology*, 67(1), 1–21. doi: 10.1146/annurev-psych-122414-033327
- Pratto, F., Sidanius, J., Stallworth, L.M., & Malle, B.F. (1994) Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67(4), 741–763. doi: 10.1037/0022-3514.67.4.741
- Radkiewicz, P. (2016) Another look at the duality of the dual-process motivational model. On the role of axiological and moral origins of right-wing authoritarianism and social dominance orientation. *Personality and Individual Differences*, 99, 106–112. doi: 10.1016/j.paid.2016.04.080
- Ross, M.H. (1993) *The Culture of Conflict: Interpretations and Interests in Comparative Perspective*. New Haven, CT: Yale University Press, 264.
- Satherley, N., & Sibley, C.G. (2016) A Dual Process Model of attitudes toward immigration: Predicting intergroup and international relations with China. *International Journal of Intercultural Relations*, 53, 72–82. doi: 10.1016/j.ijintrel.2016.05.008
- Satorra, A., & Bentler, P.M. (2001) A scaled difference chi-square test statistic for moment structure analysis. *Psychometrika*, 66(4), 507–514. doi: 10.1007/BF02296192
- Sibley, C.G., & Duckitt, J. (2013) The dual process model of ideology and prejudice: a longitudinal test during a global recession. *The Journal of Social Psychology*, 153(4), 448–466. doi: 10.1080/00224545.2012.757544
- van de Schoot, R., Lugtig, P., & Hox, J. (2012) A checklist for testing measurement invariance. *European Journal of Developmental Psychology*, 9, 486–492. doi: 10.1080/17405629.2012.686740
- van Hiel, A., Cornelis, I., Roets, A., & De Clercq, B. (2007) A comparison of various authoritarianism scales in Belgian Flanders. *European Journal of Personality*, 21(2), 149–168. doi: 10.1002/per.617
- Wolf, E.J., Harrington, K.M., Clark, S.L., & Miller, M.W. (2013). Sample Size Requirements for Structural Equation Models: An Evaluation of Power, Bias, and Solution Propriety. *Educational and Psychological Measurement*, 73(6), 913–934. doi: 10.1177/0013164413495237

References:

- Abalakina, M.A., Ageev, V.S., & McFarland, S. (1990) Authoritarian personality in the USA and the USSR. [*Chelovek*], 6, 110–118.
- Aichholzer, J., & Zeglovits, E. (2015) Balancierte Kurzsкала autoritärer Einstellungen (B-RWA-6). Zusammenstellung sozialwissenschaftlicher Items und Skalen. Retrieved from: [http://zis.gesis.org/skala/Aichholzer-Zeglovits-Balancierte-Kurzskala-autoritärer-Einstellungen-\(B-RWA-6\)](http://zis.gesis.org/skala/Aichholzer-Zeglovits-Balancierte-Kurzskala-autoritärer-Einstellungen-(B-RWA-6)) (accessed: 20.09.2016).
- Altemeyer, B. (1981) *Right-Wing Authoritarianism*. Winnipeg, Manitoba, Canada: University of Manitoba Press, 352.
- Altemeyer, B. (1996) *The Authoritarian Specter*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 374.
- Beierlein, C., Asbrock, F., Kauff, M., & Schmidt, P. (2014). Die Kurzsкала Autoritarismus (KSA-3): Ein ökonomisches Messinstrument zur Erfassung dreier Subdimensionen autoritärer Einstellungen. Zusammenstellung sozialwissenschaftlicher Items und Skalen. Retrieved from: [http://zis.gesis.org/skala/Beierlein-Asbrock-Kauff-Schmidt-Kurzskala-Autoritarismus-\(KSA-3\)](http://zis.gesis.org/skala/Beierlein-Asbrock-Kauff-Schmidt-Kurzskala-Autoritarismus-(KSA-3)) (accessed: 20.09.2016).
- Chirumbolo, A., Leone, L., & Desimoni, M. (2016) The interpersonal roots of politics: Social value orientation, socio-political attitudes and prejudice. *Personality and Individual Differences*, 91, 144–153. doi: 10.1016/j.paid.2015.12.001
- Dhont, K., Hodson, G., & Leite, A.C. (2016). Common Ideological Roots of Speciesism and Generalized Ethnic Prejudice: The Social Dominance Human-Animal Relations Model (SD-HARM). *European Journal of Personality*, 30(6), 507–522. doi: 10.1002/per.2069
- Duckitt, J. (2001). A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice. In M. P. Zanna (Ed.). *Advances in Experimental Social Psychology* (V. 33, pp. 41–113). New York, NY: Academic Press, 325. doi: 10.1016/S0065-2601(01)80004-6
- Duckitt, J., & Bizumic, B. (2013) Multidimensionality of Right-Wing Authoritarian Attitudes: Authoritarianism-Conservatism-Traditionalism. *Political Psychology*, 34(6), 841–862. doi: 10.1111/pops.12022
- Duckitt, J., & Sibley, C.G. (2007) Right wing authoritarianism, social dominance orientation and the dimensions of generalized prejudice. *European Journal of Personality*, 21(2), 113–130. doi: 10.1002/per.614
- Duckitt, J., & Sibley, C.G. (2010) Personality, Ideology, Prejudice, and Politics: A Dual-Process Motivational Model. *Journal of Personality*, 78(6), 1861–1894. doi: 10.1111/j.1467-6494.2010.00672.x
- Duckitt, J., & Sibley, C.G. (2016) The dual process motivational model of prejudice. In C.G. Sibley, F.K. Barlow (Eds.), *The Cambridge Handbook of the Psychology of Prejudice*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 686.
- Duckitt, J., Wagner, C., du Plessis, I., & Birum, I. (2002) The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 83(1), 75–93. doi: 10.1037/0022-3514.83.1.75
- Dyakonova, N.A., & Yurtaikin, V.V. (2000) Authoritarian personality in Russia and the United States: value orientations and the locus of control. [*Voprosy psikhologii*]. 4, 51–60.
- Feather, N.T., & McKee, I.R. (2012) Values, Right-Wing Authoritarianism, Social Dominance Orientation, and Ambivalent Attitudes Toward Women. *Journal of Applied Social Psychology*, 42(10), 2479–2504. doi: 10.1111/j.1559-1816.2012.00950.x
- Federico, C.M., Hunt, C.V., & Ergun, D. (2009) Political Expertise, Social Worldviews, and Ideology: Translating “Competitive Jungles” and “Dangerous Worlds” into Ideological Reality. *Social Justice Research*, 22(2–3), 259–279. doi: 10.1007/s11211-009-0097-0
- Fornell, C., & Lacker, D. (1981) Evaluating Structural Equation Models with Unobservable Variables and Measurement Error. *Journal of Marketing Research*, 18(1), 39–50. doi: 10.2307/3151312

- Funke, F. (2005) The Dimensionality of Right-Wing Authoritarianism: Lessons from the Dilemma between Theory and Measurement. *Political Psychology*, 26(2), 195–218. doi: 10.1111/j.1467-9221.2005.00415.x
- Grigoriev, D.S. (2017) Discrimination of migrants in the socioeconomic sphere: the role of inter-group attitudes of the host population. [*Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*]. 8 (3), 63–84.
- Grigorieva, E.B. (2012) A Modern View of the Study of Authoritarianism in Russia. [*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*], Series: Philosophy. Sociology. Political science. 19 (3), 177–191.
- Gulevich, O.A., Anikeiken, O.A., & Bezmenova, I.K. 2014 Social beliefs: adaptation of J. Dakkit's methods. [*Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*], 11 (2), 68–89.
- Hair, J., Black, W., Babin, B., & Anderson, R. (2010). *Multivariate Data Analysis, (7th Ed.)*. NJ: Prentice-Hall, Inc. Upper Saddle River, 816.
- Hancock, G.R., & Mueller, R.O. (2001) Rethinking construct reliability within latent variable systems. In R. Cudeck, S. du Toit, & D. Sörbom (Eds.), *Structural Equation Modeling: Present and Future — A Festschrift in honor of Karl Jöreskog* (pp. 195–216). Lincolnwood, IL: Scientific Software International, Inc, 598.
- Ho, A.K., Sidanius, J., Kteily, N., Sheehy-Skeffington, J., Pratto, F., Henkel, K. E., ... & Stewart, A.L. (2015) The nature of social dominance orientation: Theorizing and measuring preferences for intergroup inequality using the new SDO₇ scale. *Journal of Personality and Social Psychology*, 109(6), 1003–1028. doi: 10.1037/pspi0000033
- Ho, A.K., Sidanius, J., Pratto, F., Levin, S., Thomsen, L., Kteily, N., & Sheehy-Skeffington, J. (2012) Social Dominance Orientation: Revisiting the Structure and Function of a Variable Predicting Social and Political Attitudes. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 38(5), 583–606. doi: 10.1177/0146167211432765
- Hodson, G., & Dhont, K. (2015) The person-based nature of prejudice: Individual difference predictors of intergroup negativity. *European Review of Social Psychology*, 26(1), 1–42. doi: 10.1080/10463283.2015.1070018
- Hodson, G., MacInnis, C.C., & Busseri, M.A. (2017) Bowing and kicking: Rediscovering the fundamental link between generalized authoritarianism and generalized prejudice. *Personality and Individual Differences*, 104, 243–251. doi: 10.1016/j.paid.2016.08.018
- Huddy, L. (2004) Contrasting Theoretical Approaches to Intergroup Relations. *Political Psychology*, 25(6), 947–967. doi: 10.1111/j.1467-9221.2004.00404.x
- Kline, R.B. (2011). *Principles and Practice of Structural Equation Modeling (3rd ed.)*. New York, NY: Guilford Press.
- Kuşdil, M.E., & Akoğlu, S.Ç. (2014) Relationships Among Social Dominance Orientation, Social Axioms, and Values. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 42(8), 1395–1407. doi: 10.2224/sbp.2014.42.8.1395
- Maholtra, N.K., & Dash, S. (2010) *Marketing Research: An Applied Orientation, (6th Ed.)*. London, UK: Pearson Education. 1000.
- Mavor, K.L., Louis, W.R., & Sibley, C.G. (2010) A bias-corrected exploratory and confirmatory factor analysis of right-wing authoritarianism: Support for a three-factor structure. *Personality and Individual Differences*, 48(1), 28–33. doi: 10.1016/j.paid.2009.08.006
- McFarland, S.G., Ageyev, V.S., & Abalakina-Paap, M. (1992) Authoritarianism in the former Soviet Union. *Journal of Personality and Social Psychology*, 63, 1004–1010. doi: 10.1037/0022-3514.63.6.1004
- McFarland, S.G., Ageyev, V.S., & Djintcharadze, N. (1996) Russian authoritarianism two years after communism. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 22, 210–217. doi: 10.1177/0146167296222010
- Nunnally, J., & Bernstein, I. (1994). *Psychometric Theory (3ed)*. NY: McGraw-Hill. 774.
- Perry, R., & Sibley, C.G. (2013) A Dual-Process Motivational Model of Social and Economic Policy Attitudes. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 13(1), 262–285. doi: 10.1111/asap.12019
- Perry, R., Sibley, C.G., & Duckitt, J. (2013) Dangerous and competitive worldviews: A meta-analysis of their associations with Social Dominance Orientation and Right-Wing Authoritarianism. *Journal of Research in Personality*, 47(1), 116–127. doi: 10.1016/j.jrp.2012.10.004
- Pettigrew, T. F. (2016) In Pursuit of Three Theories: Authoritarianism, Relative Deprivation, and Intergroup Contact. *Annual Review of Psychology*, 67(1), 1–21. doi: 10.1146/annurev-psych-122414-033327
- Pratto, F., Sidanius, J., Stallworth, L.M., & Malle, B.F. (1994) Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67(4), 741–763. doi: 10.1037/0022-3514.67.4.741
- Radkiewicz, P. (2016) Another look at the duality of the dual-process motivational model. On the role of axiological and moral origins of right-wing authoritarianism and social dominance orientation. *Personality and Individual Differences*, 99, 106–112. doi: 10.1016/j.paid.2016.04.080
- Ross, M.H. (1993) *The Culture of Conflict: Interpretations and Interests in Comparative Perspective*. New Haven, CT: Yale University Press, 264.
- Satherley, N., & Sibley, C.G. (2016) A Dual Process Model of attitudes toward immigration: Predicting intergroup and international relations with China. *International Journal of Intercultural Relations*, 53, 72–82. doi: 10.1016/j.ijintrel.2016.05.008
- Satorra, A., & Bentler, P.M. (2001) A scaled difference chi-square test statistic for moment structure analysis. *Psychometrika*, 66(4), 507–514. doi: 10.1007/BF02296192
- Sibley, C.G., & Duckitt, J. (2013) The dual process model of ideology and prejudice: a longitudinal test during a global recession. *The Journal of Social Psychology*, 153(4), 448–466. doi: 10.1080/00224545.2012.757544
- van de Schoot, R., Lugtig, P., & Hox, J. (2012) A checklist for testing measurement invariance. *European Journal of Developmental Psychology*, 9, 486–492. doi: 10.1080/17405629.2012.686740
- van Hiel, A., Cornelis, I., Roets, A., & De Clercq, B. (2007) A comparison of various authoritarianism scales in Belgian Flanders. *European Journal of Personality*, 21(2), 149–168. doi: 10.1002/per.617
- Wolf, E.J., Harrington, K.M., Clark, S.L., & Miller, M.W. (2013). Sample Size Requirements for Structural Equation Models: An Evaluation of Power, Bias, and Solution Propriety. *Educational and Psychological Measurement*, 73(6), 913–934. doi: 10.1177/0013164413495237

Приложение

Короткая версии шкал из методики Дж. Даккита

Авторитаризм правого толка (RWA-S)

Ниже представлен ряд утверждений, касающихся некоторых аспектов функционирования общества. Вы, вероятно, обнаружите, что в различной мере согласны с одними утверждениями и не согласны с другими. Оцените, насколько Вы согласны со следующими утверждениями:

Авторитарное подчинение (RWA-AS)

a1. В наше сложное время нужно устанавливать строгие законы, особенно в том, что касается тех, кто пытается восставать против властей.

a2. Самые скверные люди в нашей стране – это те, кто не уважает наш флаг, наших политиков и традиции.

Авторитарная агрессия (RWA-AA)

a3. Рост преступности, сексуальной распущенности и отсутствие общественного порядка ясно показывают, что нам следует быть гораздо жестче с нарушителями спокойствия, смутьянами и представителями девиантных групп, если мы хотим сохранить нашу мораль, закон и порядок.

a4. Когда представители правительства и власти осуждают опасных для общества людей, обязанность каждого патриотически настроенного гражданина – помочь властям вырвать с корнем то зло, которое разъедает нашу страну изнутри.

Конвенционализм (RWA-C)

a5. Нет ничего плохого в добром сексе.*

a6. Многие из наших правил, касающихся скромности или сексуального поведения, это просто обычаи, которые ничем не лучше тех, которым следуют другие люди.*

Ориентация на социальное доминирование (SDO-S)

В обществе сосуществуют различные социальные группы (бедные, богатые, бизнесмены, мигранты, чиновники, сексуальные меньшинства и т.д.) и они занимают разное положение в обществе. Оцените, насколько Вы согласны со следующими утверждениями:

Доминирование (SDO-D)

b1. Структура идеального общества требует того, чтобы некоторые группы имели высокий статус, а другие – низкий.

b2. Это, вероятно, хорошо, когда одни социальные группы занимают высокое положение в обществе, а другие – низкое.

Эгалитаризм (отрицание эгалитаризма, антиэгалитаризм) (SDO-E)

b3. Это несправедливо – стремиться сделать все группы равными.

b4. Мы не должны настаивать на равенстве всех социальных групп в обществе.

Вера в опасный мир (DW-S)

Подумайте о мире, в котором мы живем. Оцените, насколько Вы согласны со следующими утверждениями:

v1. Наш мир – опасное и непредсказуемое место, в котором ценности и образ жизни порядочных людей находятся под угрозой.

v2. В нашем обществе появилось много жестоких и опасных людей, которые нападают на окружающих без видимых причин.

v3. Вероятность стать жертвой нападения, ограбления или убийства постоянно увеличивается.

Вера в конкурентный мир (CJW-S)

Подумайте о том, как разные люди взаимодействуют друг с другом. Оцените, насколько Вы согласны со следующими утверждениями:

g1. Лучше вызывать у окружающих симпатию, чем страх.*

g2. Быть честным в отношениях с другими гораздо важнее, чем обладать деньгами или властью.*

g3. Мы можем построить общество, основанное на кооперации, доброте и взаимопомощи, а не на конкуренции и жадности.*

* – обратный вопрос

Культурная память и социальная идентичность ингушей как представителей репрессированного народа

Т.Г. Стефаненко, Т.А. Тумгоева

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

М.В. Котова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Поступила 12 октября 2017/ Принята к публикации: 30 октября 2017

The Ingush's cultural memory and social identity as a representative of repressed ethnic group

Tatyana G. Stefanenko*, Tanzila A. Tumgoeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Marina V. Kotova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

* E-mail: tstef@yandex.ru

Received October 12, 2017 / Accepted for publication: October 30, 2017

Актуальность (контекст) тематики статьи. Авторы статьи задаются вопросом о том, каким образом осуществляется преемственность и поддержание социальной идентичности из поколения в поколение. Особое внимание привлекают факты сохранения памяти о травматичном прошлом группы, например, происшедших репрессиях, депортациях, поскольку они противоречат распространенному взгляду на социальную идентичность как инструмент достижения позитивной индивидуальной самооценки на основании позитивного образа группы. В статье предполагается, что культурная память, играя роль связующего звена между прошлым, настоящим и будущим социальной группы, обеспечивает преемственность социальной идентичности. В том числе и идентичности, включающей осмысление и переживание негативного прошлого группы.

Цель. Целью настоящего исследования выступило обоснование роли культурной памяти как основы идентификации с группой и эмпирическая проверка существования взаимосвязи между этими двумя конструктами.

Описание хода исследования. В письменном анкетировании приняли участие 296 человек, в возрасте от 17 до 70 лет ($M = 26,22$, $SD = 10,0$), идентифицировавших себя как ингуши. Респонденты отвечали на вопросы относительно своей социальной идентичности (этнической, гражданской и религиозной), оценивали свои переживания, связанные с фактом депортации, и развернуто обосновывали необходимость сохранения культурной памяти о депортации.

Результаты исследования. Обработка данных показала, что мера идентичности с группой положительно взаимосвязана с мерой переживания факта депортации, хотя эти переживания отнюдь не позитивные (гнев, обида, унижение, душевная боль и др.), а также с частотой вспоминания о факте депортации и желании больше узнать об этом событии.

Выводы. Полученные результаты подтверждают высказанное предположение о роли культурной памяти. Они позволяют проводить дальнейшие исследования по уточнению взаимосвязи между культурной памятью и социальной идентичностью, по оценке действия дополнительных факторов, например, групповых эмоций, психологического благополучия и других.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, религиозная идентичность, культурная память, депортация, ингуши

Background. The authors of the paper enquire how the continuity and maintenance of social identity is carried out from generation to generation. Particular attention is drawn to the memory of the traumatic past of the group, such as repression and deportation, as they contradict the widespread view of social identity as a tool for achieving positive individual self-esteem based on a positive image of the group. The paper assumes that cultural memory being a link between the past, the present and the future of the social group ensures the continuity of social identity. Identity that includes the comprehension and experience of the negative past of the group is also considered.

Objective. The objective of this study is to justify the role of cultural memory as the basis of identification with the group and an empirical test of the relationship between the two constructs.

Design. A written questionnaire was offered to 296 people aged between 17 and 70 ($M = 26.22$, $SD = 10.0$) who identified themselves as Ingush. The respondents answered questions about their social identity (ethnic, civil and religious), assessed their experiences related to the deportation fact, and substantively argued the need to preserve the cultural memory of the deportation.

Conclusion. The data obtained show that the extent of identity within the group is positively correlated with the extent of the deportation experience, although these experiences are by no means positive (anger, insult, humiliation, heart pain, etc.), and also with the frequency of recalling the fact of deportation and desire to learn more about this event.

The obtained results confirm the suggested assumption about the role of cultural memory and allow to develop further research on clarifying the relationship between cultural memory and social identity, assessing the impact of such additional factors as group emotions, psychological well-being, etc.

Keywords: ethnic identity, national identity, religious identity, cultural memory, deportation, Ingush

Социальная идентичность является давним предметом интереса психологов, социологов, антропологов и философов (Андреева, 2013; Барт, 2006; Гудков, 2004; Ashmore, 2004; Tajfel, 1982). Можно утверждать, что внимание исследователей при изучении социальной идентичности, прежде всего,

учается значительно реже (Gongaware, 2011). Эта проблема заключается в следующем. С одной стороны, идентификация человека с группой формируется и изменяется в течение жизни конкретного индивидуума, то есть это индивидуальный процесс, ограниченный длительностью жизни отдельного человека. С другой

Роль идентичности в поддержании группы особенно подчеркивается при конструкционистском взгляде на идентичность и группу, с точки зрения которого принадлежность к группе, равно как и сама группа, формируется и конструируется, а не задается биологически или «от рождения»

привлекают вопросы участия социальной идентичности и ее различных видов (этнической, гражданской, религиозной и других) в процессах межгрупповых отношений (Brown, 2000; Ellemers et al., 2002; Tajfel, 1982). Однако не меньшее значение имеет проблема преемственности идентичности из поколения в поколение, которая на данный момент из-

стороны, социальная идентичность с необходимостью включается в поддерживающие жизнеспособности группы (Blanz et al., 1998; Tajfel, 1982), то есть она должна успешно передаваться из поколения в поколение.

Проблема преемственности идентичности, на наш взгляд, связана с двумя методологическими вопросами, важны-

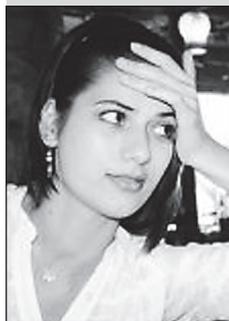
ми для ее понимания. Во-первых, роль идентичности в поддержании группы особенно подчеркивается при конструкционистском взгляде на идентичность и группу, с точки зрения которого принадлежность к группе, равно как и сама группа, формируется и конструируется, а не задается биологически или «от рождения» (Барт, 2006; Стефаненко, 2014). Соответственно, если принять точку зрения об отсутствии биологических оснований для существования социальных групп в обществе, то возникает вопрос о том, что позволяет сохранять группу из поколения в поколение. Во-вторых, отдельный интерес и отдельную сложность представляют негативные события в истории группы и их значение для ее сохранения, так как негативные события представляют своеобразную угрозу позитивному образу группы, но при этом память о них тщательно сохраняется (Кениг, 2005; Эткинд, 2016).

Анализ литературы показывает, что, обсуждая межпоколенную устойчивость группы и культуры, исследователи обращаются к понятиям ценностей (Schönpflug, 2001), мотивации этнокультурной преемственности (при изучении стратегий аккультурации в новой культуре) (Smeeke, Verkuyten, 2014) и культурной, социальной или коллективной памяти (Хальбвакс, 2005; Wersch, Roediger, 2008). Из перечисленных феноменов в рамках данной работы мы остановимся на понятии культурной памяти, поскольку оно теснее всего связано с содержанием передаваемой информации, то есть с содержанием культурных нарративов, что напрямую имеет отношение к переживанию травмирующего опыта, которым является депортация.

Несмотря на наличие большого числа исследований социальной идентичности и достаточного числа исследований культурной памяти, их соотношение и анализ, с точки зрения указанных выше проблем, практически не проводился. Таким образом, целью настоящего исследования выступает теоретический анализ и обоснование роли культурной памяти как основы идентификации с группой и эмпирическая проверка существования взаимосвязи между двумя конструктами.

Татьяна Гавриловна Стефаненко – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: tstef@yandex.ru
Web: <http://www.psy.msu.ru/people/stefanenko.html>

Танзила Ахметовна Тумгоева – стажер кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: prima.rondine@gmail.com

Марина Викторовна Котова – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры организационной психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: mkotova@hse.ru
Web: <https://www.hse.ru/staff/marinakotova>

Роль культурной памяти как основы идентификации с группой

Проблема преемственности идентичности при наличии травмирующего события в истории группы

Изучение преемственности идентичности (или identity continuity) в основном связано с вопросами тождественности «Я» человека во времени и пространстве (McLean, 2008). Исследований преемственности социальной (коллективной, культурной) идентичности не очень много. Однако этот феномен все чаще вызывает интерес при изучении процессов, сопровождающих социальные изменения (Gongaware, 2011), формирование наций и национальной идентичности (Denison, 2009; Takei, 1998), травмы, заболевания и тяжелые жизненные события, вынуждающие человека расстаться с привычными профессиональными группами или сменить статус (Haslam et al., 2008; Papa, Lancaster, 2016), а также сочетание «идентичностей», то есть интеграцию бикультурной идентичности, религиозной идентичности (Arweck, Nesbitt, 2010) и разрешение ролевого конфликта (Gilchrist, Camara, 2012). В качестве методологической основы многие исследования берут теорию социальной идентичности А. Тэшфела (Tajfel, 1982) и теорию самокатегоризации Дж. Тернера (Turner, 1999). Они ссылаются на положения данных теорий о ключевой роли принадлежности к группе в поддержании позитивной самооценки и уровня субъективного благополучия (Haslam et al., 2012; Iyer, Jetten, 2011). Однако, с нашей точки зрения, при наличии опыта депортации в истории этнической группы возникает ряд сомнений в возможности построения последовательной и непротиворечивой цепочки процессов, происходящих при «передаче» идентичности новым поколениям, на основании теории социальной идентичности и теории самокатегоризации.

Одно из ключевых положений теории социальной идентичности заключается в том, что различные когнитивные процессы, происходящие при «взаимодействии» человека и группы (категоризация, идентификация и дифференциация), на-

правлены на установление «позитивной отличительности», нужной для поддержки позитивного самоотношения человека (Brown, 2000; Tajfel, 1982). Если же позитивное сравнение в свою пользу ока-

примеры памяти о геноциде, истреблении и депортациях, сохраняющейся на протяжении веков, и, казалось бы, «не нужной» ныне живущим представителям этих групп, сильно ограничивают подобное

Правомерно предположить, что память о травмирующих событиях сохраняется, поскольку, несмотря на негативность подобной информации, ее сохранение крайне важно для существования группы, важнее вероятных негативных последствий для переживания человеком своей принадлежности к такой группе

зывается под угрозой, например, человек принадлежит к низкостатусной группе, либо возникают различные угрозы статусу группы, то активируются стратегии поддержания позитивной идентичности, которые могут принимать различные формы – от выхода из группы до поиска оснований для ее позитивной переоценки (Becker, 2012; Blanz et al., 1998; Tajfel, 1982). Исходя из этого положения, можно было бы предположить, что негативные события, связанные с историей группы, должны либо вести к постепенному исчезновению группы (если ее члены массово примут стратегию индивидуальной мобильности), либо отвергаться и подвергаться забвению при помощи различных практик забывания (в случае групп с низкой или «нулевой» мобильностью, какими являются этнические общности). Депортация целого народа, вне всякого сомнения, является негативным и травмирующим событием, которое связано с унижением, принудительным снижением статуса и долгосрочными последствиями. Тем не менее, анализ показывает, что память о таких событиях, напротив, бережно собирается и хранится (Донцов, Гончарова, 2005; Кениг, 2005; Саакян, Худавердян, 1995). Получается, что группа в некотором роде проводит «двойную» работу по поддержанию своей целостности: сохраняет память о негативных событиях и при этом поддерживает свою привлекательность как группы членства.

С одной стороны, такую «нелогичность» в «поведении» группы можно объяснить небольшим временным интервалом – группа сохраняется по инерции, пройдет время, сменятся поколения и группа либо распадется, либо негативные события забудутся. С другой стороны,

объяснение. Соответственно, правомерно предположить, что память о травмирующих событиях сохраняется, поскольку, несмотря на негативность подобной информации, ее сохранение крайне важно для существования группы, важнее вероятных негативных последствий для переживания человеком своей принадлежности к такой группе.

Наиболее известными примерами подобного превращения «негативных» феноменов в «позитивные» служат обоснование позитивных функций конфликта как силы, ведущей к социальным изменениям и сплочению группы (Козер, 2000), и изучение роли воспринимаемой внешней угрозы в сплочении группы (Riek et al., 2006). Однако сохранение памяти о травмирующих событиях происходит без наличия явного конфликта или внешней угрозы группе, что не позволяет применить данные объяснения. Для поиска альтернативных моделей и концепций мы обратились к изучению культурной памяти, поскольку данная область исследований напрямую связана с осмыслением процессов создания, переживания, хранения и передачи информации об истории группы (Wertsch, Roediger, 2008).

Культурная память как основа передачи социальной идентичности из поколения в поколение

Долгое время память считалась индивидуальным явлением, пока в 1925 году не вышла книга «Коллективная память» социолога Мориса Хальбвакса, в корне изменившая представления о ней (Halbwachs, 1992). Труды М. Хальбвакса положили начало новому направлению – социологическому исследованию памяти, в котором память понимается как социально опосредованный процесс, возникающий у человека только в

процессе социализации. С точки зрения М. Хальбвакса, индивид, выросший в одиночестве, не имел бы специфически человеческой памяти, а лишь более или менее длительно сохраняющиеся воспоминания о событиях только его индивидуального опыта (Halbwachs, 1992). С момента появления идей М. Хальбвакса возникло большое количество близких им концепций социальной памяти (Warburg, 1992), культурной памяти (Erl, 2008), истории

жет распределяться между членами группы не одинаково. Простейший вариант распределения – «однородный», когда память всех членов группы в целом идентична. Однако могут быть и «дополняющий» (различные члены группы помнят разные моменты из групповой истории, но они не противоречат, а дополняют друг друга) и «оспаривающий» варианты распределения воспоминаний в группе (Wertsch, 2002).

Роль передачи информации о пережитых событиях стоит особо отметить в случае трансляции информации в устных семейных историях и ее влиянии на стиль воспитания детей, семейный уклад, жизненные установки членов семьи, переживших эти значимые события

памяти (Ассман, 2004), коллективной памяти (Нора, 2005; Wertsch, Roediger, 2008). Поскольку их авторы не проводят сопоставительный анализ ключевых понятий, мы остановимся в нашей работе на термине «культурная память», что ближе содержанию последующего эмпирического исследования, и будем его использовать как синоним социальной, коллективной и тому подобных видов памяти.

Изучение культурной памяти на сегодняшний день представляет собой достаточно разнообразную по своим методологическим основаниям область. Применительно к целям нашего исследования можно выделить несколько ключевых идей. Во-первых, культурная память существует на двух взаимосвязанных уровнях (индивидуальном и коллективном), которые отличаются «носителями». В первом случае – это индивиды и межличностные взаимоотношения, во втором – социальные институты, практики и межгрупповые отношения (Erl, 2008; Mazzara, Leone, 2001).

Во-вторых, культурную память необходимо отличать от истории, она в существенно большей степени подвержена влиянию мотивационных и эмоциональных факторов, сильнее включена в принятие решений и межгрупповое поведение (Halbwachs, 1992; Wertsch, Roediger, 2008).

В-третьих, культурная память образует вокруг значений, нарративов (Gillespie, 2007). Но это не значит, что каждый в группе имеет одинаковые знания об этих «нарративных текстах» (Wertsch, 2007). Культурная память мо-

жет распределяться между членами группы не одинаково. Простейший вариант распределения – «однородный», когда память всех членов группы в целом идентична. Однако могут быть и «дополняющий» (различные члены группы помнят разные моменты из групповой истории, но они не противоречат, а дополняют друг друга) и «оспаривающий» варианты распределения воспоминаний в группе (Wertsch, 2002).

В-четвертых, культурная память – это не фиксированное хранение прошлого, а процесс отбора, интерпретации и постоянной реконструкции, который включает в себя как воспоминания, так и забвение (Cabecinhas, Abadia, 2013). Он позволяет интегрировать прошлое и будущее в единый образ (Ассман, 2017). Содержание памяти может быть сохранено или забыто, бессознательно искажено или присвоено. Воспоминания могут быть латентными в течение длительного времени, а затем снова пробудиться к жизни (Нора, 2005). Важно отметить, что на разных возрастных этапах плотность воспоминаний может быть разной. Молодость, по мнению исследователей, представляет собой фазу повышенной плотности, когда человек приобретает массу воспоминаний, во многом потому, что многое переживается впервые, зачастую определяя при этом последующую его жизнь (Schacter, 1999). Молодость – это жизненный этап человека, наполненный различными событиями, которые случаются с ним в первый раз, поэтому очень значимы для него, и воспоминания о них сохраняются в памяти на долгие годы. Также совершенно очевидно, что воспоминания пожилых людей о молодости ярче, чем о последних событиях, хотя бы в силу того, что восприимчивость и работа памяти в старости значительно ухудшается. Но такие процессы лучше описывают ситуацию «обычного» человека, прожившего спокойную жизнь. Совершенно иначе обстоит дело, если с обществом, в котором живет человек, происходит нечто, не вписывающе-

ся в обыденные рамки, например, война, геноцид, депортация (Эткинд, 2016). В таком случае, сколько бы лет не было человеку на тот момент, память о таких событиях будет достаточно сильна.

А. Эрл отмечает, что в воспоминаниях о прошлых событиях важно не только то, что запоминается (данные, факты), но и то, как это помнится. Так, могут существовать различные режимы запоминания. Например, Вторую мировую войну можно помнить как часть политической истории (катастрофа XX века), как часть травматического опыта (ужасы войны, взрывы, разрушения, жертвы), как часть семейной истории (член семьи – участник военных событий) и т.д. (Erl, 2008). Роль передачи информации о пережитых событиях стоит особо отметить в случае трансляции информации в устных семейных историях и ее влиянии на стиль воспитания детей, семейный уклад, жизненные установки членов семьи, переживших эти значимые события. Так происходит не только формирование семейной идентичности, но и идет приобщение к культуре народа, к переживанию важных исторических событий. Говоря о динамике культурной памяти, чрезвычайно интересно вспомнить наблюдение М. Хальбвакса о том, что культурная память передается не линейно, не от одного поколения к другому, а через поколение – от дедов к внукам, минуя родителей. Ребенок, находясь в контакте со своими дедушками и бабушками, через них дотрагивается до более отдаленного прошлого. Дедушки и бабушки сближаются с детьми, возможно потому, что по разным причинам ни те, ни другие не интересуются современными событиями, которые притягивают внимание родителей (Хальбвакс, 2005).

Существенным является и тот факт, что для интеграции заимствованных воспоминаний в собственную историю человека важно, чтобы они соответствовали фоновому эмоциональному ощущению, которое у человека связано с той эпохой, к которой они относятся, то есть важна связь с нынешними мотивами. Непосредственные очевидцы события фокусируют свою память на его значении для себя, в то время как следующие поколения скорее ориентируются на его политиче-

ское значение. Индивидуальная память о социальных явлениях часто сцеплена с воспоминаниями о событиях собственной жизни, при которых новость была узнана. Память о специфическом общественном событии может рассматриваться как черта коллективной идентичности, отражающая процесс коллективной идентификации, при этом репрезентирующая стратегию построения памяти об общественных событиях. Влияние исторических событий весьма ощутимо в процессе самопринятия, самовосприятия и самоидентификации группы (Gongaware, 2003). Результатом подобного влияния воспоминаний и переданной молодому поколению информации становится передача когнитивной и эмоциональной составляющих отношения к событиям, а также проникновение в более глубокие пласты личностных образований, непосредственно не связанные с этим опытом (Middleton et al., 2007).

В России и странах постсоветского пространства появляются работы, где предметом интереса выступает связь между культурной памятью и идентичностью. Среди их авторов – историки, философы, искусствоведы, но не психологи (Культурная память..., 2015). Эмпирические психологические исследования представляют еще большую редкость. Тем не менее, они существуют и представляют интерес для анализа. Так, украинский психолог О. Иванова, взяв за теоретическую основу идеи Дж. Верча о видах коллективной памяти, провела исследование, целью которого было выявление особенностей коллективной памяти украинских студентов о Холокосте и степени ее влияния на социальную идентичность. На основе проведенного анализа автор пришла к выводу, что такая коллективная память является не однородной, а во многом дополняющей и оспаривающей. Также в коллективной памяти молодежи сплетаются официальные версии (из учебников и средств массовой информации) и неофициальные версии, существующие на бытовом уровне. О наличии связи между коллективной памятью и идентичностью можно говорить только в отношении одной трети респондентов, и то связь эта является относительной. В целом, Холокост для молодежи

Украины является событием прошлого, не имеющего отношения к настоящему и будущему. Также память о Холокосте не является основой для поддержания социальной идентичности (Ivanova, 2007). На наш взгляд, полученные результаты правомерны, поскольку участники исследования не являются представителями еврейского народа, что вызывает вопрос о степени травматичности для них Холокоста.

В исследовании, проведенном А.И. Донцовым и В.А. Гончаровой, Холокост рассматривается как феномен со-

Для интеграции заимствованных воспоминаний в собственную историю человека важно, чтобы они соответствовали фоновому эмоциональному ощущению, которое у человека связано с той эпохой, к которой они относятся, то есть важна связь с нынешними мотивами

циальной памяти (Донцов, Гончарова, 2005). Респондентами выступили юные представители еврейского народа, часть из которых имеет родственников, переживших Холокост, а часть является выходцами из семей, не имевших такого экстремального опыта. Полученные результаты позволили говорить о том, что отношение к Холокосту более эмоционально окрашено у респондентов, члены семей которых не являлись его жертвами, в отличие от респондентов, в чьих семейных историях имелся такой опыт. Авторы объясняют это тем, что либо люди, пережившие Холокост, ограждают своих детей от этой травмирующей информации, либо рассказы о Холокосте настолько

Культурная память представляет собой определенную структуру общих представлений о прошлом, выражающихся в мифах, традициях, воспоминаниях, которые группа разделяет и принимает как должное

«одомашнились», что не имеют уже такой сильной эмоциональной окраски. Также противоречивые результаты авторы получили о связи между опытом Холокоста и национальной (этнической) идентичностью. Респонденты, в семьях которых не имеется опыта Холокоста, проявили большую идентификацию со своей национальной группой, чем респонденты, семьи которых пережили Холокост. Авторы предполагают, что это связано с тем, что люди, пережившие Холокост и наученные горьким опытом, не считают нужным формировать национальную

идентичность своих детей, которая с необходимостью включила бы травмирующее событие (Донцов, Гончарова, 2005).

Культурная память представляет собой определенную структуру общих представлений о прошлом, выражающихся в мифах, традициях, воспоминаниях, которые группа разделяет и принимает как должное. Значимый пласт культурной памяти представлен трагическими событиями из жизни социальной группы, память о которых передается из поколения в поколение, оказывая влияние на социальную идентичность.

Культурная память динамична: она может трансформироваться под влиянием различных факторов, опосредованных запросами общества. Одни воспоминания могут актуализироваться, другие – преданы забвению (коллективная амнезия). Культурная память – это не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом. Поскольку оживление разделяемых образов культурного прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования социальных групп в настоящем и, возможно, в будущем (Ассман, 2016,

2017). Зафиксированные культурной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях.

По мнению исследователей, культурная память лежит в основе динамического взаимодействия между культурой, познанием и идентичностью (Cabecinhas, Abadia, 2013). При этом воспоминания выбираются по общей значимости для членов группы и определяют ее дальней-

шее существование (Tallentire, 2001). Соответственно, культурная память становится основой самоопределения группы и связующей нитью между ее членами.

На основании проведенного нами теоретического анализа в эмпирическом исследовании, описанном далее, был проверен ряд гипотез и о структуре конструкта культурной памяти, и о его взаимосвязях с компонентами социальной идентичности представителей ингушского этноса, как несомненного носителя травматичного опыта депортации в советское время (Эткинд, 2016).

Эмпирическое исследование

Выборка и инструментарий

В исследовании приняли участие 296 человек, идентифицировавших себя как ингуши. 52,4% из них – мужчины. Возраст респондентов – от 17 до 70 лет ($M = 26,22$, $SD = 10,0$).

При сборе данных использовался метод опроса. Анкета заполнялась респондентами самостоятельно. Она включала, помимо демографических характеристик (пол, возраст, место рождения и проживания, отнесение себя к этнической группе, этническая принадлежность родителей и бабушек-дедушек), измерение конструктов, описанных далее.

Этническая идентичность измерялась с помощью 14 утверждений, часть которых были заимствованы из методики Дж. Финни MEIM (Roberts et al., 1999) в адаптации А.М. Арбитайло (Стефаненко, 2013), часть – из методики О.Л. Романовой (Стефаненко, 2013). Респонденты выражали меру согласия с каждым утверждением по шкале от 1 – «Совершенно не согласен», до 4 – «Совершенно согласен». Пример утверждения: «Для человека важно ощущать принадлежность к своему народу». По нашему изначальному предположению методика должна была включать три шкалы: осознание своей принадлежности к этнической группе (познание идентичности, identity exploration) – 6 утверждений, отношение к своей принадлежности к этнической группе (этническая приверженность, identity commitment) – 6 утверждений, соблюдение поведенческих практик группы – 2 утверждения. Однако, учитывая комби-

нированный характер методики, сначала была осуществлена проверка факторной структуры методики, на основании чего рассчитывались средние показатели по шкалам.

Гражданская и религиозная идентичность измерялась с помощью модификации утверждений оценки этнической идентичности посредством замены слов и словосочетаний, касающихся этнической принадлежности, на слова о гражданской и религиозной принадлежности. Оценка структуры методик и дальнейшие расчеты идентичны процедуре для этнической идентичности.

Культурная память о депортации измерялась при помощи набора из 20 авторских вопросов и утверждений, включавших как оценку мнения респондента при помощи ранговых и порядковых шкал, так и открытые вопросы.

Обработка данных осуществлялась в приложении IBM SPSS Statistics 21.0. Для анализа были использованы: метод эксплораторного факторного анализа, корреляционный анализ, расчет согласованности шкал, показатели описательной статистики.

Результаты исследования

Обработка результатов проводилась в два этапа. На первом этапе был оценен состав и надежность шкал, измеряющих компоненты идентичности и культурной памяти. Каждый набор из 14 утверждений, предназначенных для оценки этнической, гражданской и религиозной идентичности, был подвергнут факторизации. Применялись различные сочетания методов извлечения факторов (главных компонент и максимального правдоподобия) и вращения (варимакс и облимин) для поиска наилучшей структуры.

В результате для методики измерения этнической идентичности были выделены три фактора (процент объясненной дисперсии = 54,5, КМО = .86): этническая приверженность ($\alpha = .85$), знание и соблюдение традиций ($\alpha = .60$), познание идентичности, желание узнать больше о своем народе ($\alpha = .54$). Для религиозной идентичности также были выделены три фактора (процент объясненной дисперсии = 64,5, КМО = .86), с одной стороны, со схожим, с другой – с отличным содержанием: религиозная привер-

женность ($\alpha = .89$), интерес к традициям своей религии и их знание ($\alpha = .79$), желание защитить свою религию от неуважительного отношения извне ($\alpha = .71$). Для гражданской идентичности было выделено только два фактора (процент объясненной дисперсии = 57,9, КМО = .90): гражданская приверженность ($\alpha = .92$), знание и соблюдение традиций и законов своего государства ($\alpha = .73$). Третий фактор обладал слишком маленьким собственным значением.

Корреляционный анализ шкал идентичности показал, что они тесно связаны как «внутри» конструкта ($r = .24 \dots .50$, $p = .000$), так и «между» конструктами, то есть шкалы разных видов идентичности связаны друг с другом. Исключение составляют шкалы религиозной приверженности и защиты религии, они не показывают связей ни с одной другой шкалой, кроме относительно слабых связей внутри конструкта религиозной идентичности. Отчасти это может быть связано с крайне большим числом максимальных баллов в этих шкалах (4,00 даже после усреднения), что резко снижает дисперсию переменных и, соответственно, результативность процедур расчета корреляций и факторизации данных.

На основании данных по вопросам о культурной памяти был проведен как частотный и качественный анализ, так и оценка ранговых и порядковых переменных. Качественный и частотный анализ показывает общую экспрессивность ответов респондентов на вопросы о депортации, их желание оставить комментарий в графе «другое». На открытые вопросы анкеты были даны подробные и эмоциональные ответы. Все без исключения респонденты согласились с тем, что необходимо передавать память о депортации следующим поколениями, и с тем, что о депортации ингушского народа нужно рассказывать своим детям. Каждый участник исследования дал развернутый ответ-обоснование по этим вопросам. Обобщая ответы, можно выделить следующие категории: обоснование не просто желательности, но необходимости и обязательности передачи памяти о депортации; подчеркивание роли старших в культуре и уважения к старшим; исключительная травматичность опыта депортации, который переживается в на-

стоящем, а не находится в далеком прошлом; чувство несправедливости и желание восстановить справедливость; гордость от принадлежности к своему народу.

Один из блоков анкеты, посвященный культурной памяти, содержал утверждение для оценки выраженности тех чувств (гнев, чувство обиды, унижение, желание отомстить, сочувствие, скорбь, душевную боль), которые респондент испытал, когда впервые услышал о депортации, и которые он испытывает сейчас при воспоминании о ней (то есть оценка чувств происходила 2 раза). Эти переменные были подвергнуты факторизации. Это позволило объединить их в 2 новые шкалы, одинаковые и для чувств, испытанных в момент получения знания о депортации, и для воспоминания об этом событии: негативные активные чувства (гнев, обида, унижение, желание отомстить, $\alpha = .64$ и $.67$, соответственно) и негативные пассивные чувства (сочувствие, скорбь, душевная боль, $\alpha = .84$ и $.84$). Полученные шкалы выражено, значимо и позитивно взаимосвязаны друг с дру-

гом ($r = .33 \dots .84$, $P = .000$). При этом особенно сильную взаимосвязь показывают шкалы одинаковые по тональности, т.е. пассивные ($r = .81$) и активные негативные чувства, пережитые при первом узнавании о депортации и возникающие при воспоминании о ней ($r = .84$).

На втором этапе были рассчитаны взаимосвязи компонентов идентичности и культурной памяти, измеренные при помощи ранговых или порядковых шкал (шкал чувств, частоты воспоминаний о депортации, уровня осведомленности о депортации, согласия с тем, что семья респондента и ингушский народ в целом были бы счастливее без депортации). Полученные взаимосвязи (все положительные, кроме нескольких исключений), указывают на несколько паттернов (см. таблицу 1).

Во-первых, наиболее сильные связи с элементами культурной памяти (и по абсолютному значению, и по количеству) свойственны шкалам этнической идентичности. Причем, шкалы этнической приверженности и соблюдения тра-

диций связаны теснее (18 коэффициентов корреляции из 20 значимы). Шкала познания идентичности связана в целом слабее и совсем не связана со шкалами чувств о депортации.

Во-вторых, компоненты религиозной идентичности (религиозная приверженность и защита религии) в наибольшей мере связаны с чувствами о депортации, первый – с пассивными чувствами (сожаление, боль и др.), а второй – с активными чувствами (гнев, унижение, желание отомстить). Шкала знания и соблюдения религиозных традиций теснее связана с компонентами культурной памяти, так как, помимо чувств, она связана с мерой осведомленности о событиях депортации и с представлением о том, что семья респондента была бы счастливее без депортации.

В-третьих, гражданская идентичность показывает более тесные связи с мерой осведомленности о событиях депортации и частотой воспоминания о них. Что касается чувств, то для обеих шкал присутствуют связи с пассивными чувствами.

Табл. 1. Взаимосвязи компонентов культурной памяти и социальной идентичности

Утверждения и шкалы культурной памяти	Компоненты идентичности							
	Этническая идентичность			Религиозная идентичность			Гражданская идентичность	
	Приверженность	Традиции	Познание	Приверженность	Традиции	Защита религии	Приверженность	Знание законов
Возраст, когда респондент впервые услышал о депортации	-,141*	-,142*	-,130*	,022	-,153**	,001	,021	-,048
Мера осведомленности о депортации ингушского народа	,156**	,262***	,289***	-,005	,210***	,009	-,053	,226***
Как часто Вы вспоминаете о депортации ингушского народа?	,326***	,247***	,188**	,084	,094	,018	,166**	,140*
Выраженность желания больше узнать о событиях депортации	,163**	,158**	,159**	,048	,079	,068	,107+	,186**
Мера согласия с утверждением: «Если бы не депортация, то моя семья была бы более счастливой»	,191**	,081	,193**	,097	,212**	,068	,147*	,234**
Мера согласия с утверждением «Если бы не депортация, то ингушский народ был бы намного счастливее»	,264***	,094	,128*	,071	,089	,083	,100	,142*
Выраженность активных негативных чувств при узнавании о депортации	,306***	,206***	,072	,109+	,106+	,157**	-,105+	-,075
Выраженность пассивных негативных чувств при узнавании о депортации	,217***	,246***	,066	,179**	,137*	,095	,114+	,138*
Выраженность активных негативных чувств при воспоминаниях о депортации	,352***	,268***	,084	,102+	,133*	,174**	-,044	-,045
Выраженность пассивных негативных чувств при воспоминаниях о депортации	,277***	,236***	,097	,166**	,113+	,111+	,133*	,093

Примечание: *** – $p \leq 0,001$, ** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$, + – $p \leq 0,1$

Для цитирования: Стефаненко Т.Г., Тумгоева Т.А., Котова М.В. Культурная память и социальная идентичность ингушей как представителей репрессированного народа // Национальный психологический журнал. – 2017. – №4 (28). – С. 45–56. doi: 10.11621/npsj.2017.0404

For citation: Stefanenko T.G., Tumgoeva T.A., Kotova M.V. (2017) The Ingush's cultural memory and social identity as a representative of repressed ethnic group. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 4, 45–56. doi: 10.11621/npsj.2017.0404

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2017
© Russian Psychological Society, 2017

Table 1. Interrelations between the components of cultural memory and social identity

Statements and Scales of Cultural Memory	Components of Social Identity							
	Ethnic Identity			Religious Identity			Civic identity	
	Committal	Traditions	Cognition	Committal	Traditions	Protection of Religion	Committal	Knowledge of Law
Age, when the respondent first heard about deportation	-.141*	-.142*	-.130*	.022	-.153**	.001	.021	-.048
Degree of awareness of the Ingush people deportation	.156**	.262***	.289***	-.005	.210***	.009	-.053	.226***
How often do you recall the event of the Ingush people deportation?	.326***	.247***	.188**	.084	.094	.018	.166**	.140*
Extent of desire to learn more about deportation events	.163**	.158**	.159**	.048	.079	.068	.107+	.186**
Degree of agreement with the statement: "If it were not for deportation. my family would be happier"	.191**	.081	.193**	.097	.212**	.068	.147*	.234**
Degree of agreement with the statement: "If it were not for deportation. the Ingush people would be happier"	.264***	.094	.128*	.071	.089	.083	.100	.142*
Extent of active negative feelings when learning about deportation	.306***	.206***	.072	.109+	.106+	.157**	-.105+	-.075
Extent of passive negative feelings when learning about deportation	.217***	.246***	.066	.179**	.137*	.095	.114+	.138*
Extent of active negative feelings when recalling the fact of deportation	.352***	.268***	.084	.102+	.133*	.174**	-.044	-.045
Extent of passive negative feelings when recalling the fact of deportation	.277***	.236***	.097	.166**	.113+	.111+	.133*	.093

Note: *** – $p \leq 0.001$. ** – $p \leq 0.01$. * – $p \leq 0.05$. + – $p \leq 0.1$

В-четвертых, возраст, в котором респондент впервые узнал о депортации, отрицательно взаимосвязан с различны-

отдельных слов) свидетельствуют о чрезвычайной эмоциональной насыщенности переживания событий депортации,

Отвечая на наш центральный вопрос о связи культурной памяти и социальной идентичности, можно сказать, что эта связь достаточно выраженная, но неоднородная для каждого из видов идентичности (этнической, религиозной и гражданской)

ми шкалами идентичности. Соответственно, выраженность идентичности тем сильнее, чем младше был респондент, когда узнал о депортации.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование подтверждает уже установленные факты, позволяет ответить на несколько вопросов и поставить новые. Комментарии респондентов в графе «другое», детальность ответов на открытые вопросы, экспрессивная пунктуация и орфография (восклицательные знаки, выделение ряда слов прописными буквами, повторение

несмотря на то, что подавляющее большинство респондентов родились существенно позже репатриации этнической группы. Таким образом, можно утверждать, что мы действительно имеем дело с событиями культурной памяти, активно переживаемыми в настоящем. Это создает основу для дальнейшей интерпретации результатов и еще раз подтверждает идеи исследователей о том, что коллективная память в течение длительного времени активно сохраняет события из прошлого группы и наделяет их эмоциональной насыщенностью.

Отвечая на наш центральный вопрос о связи культурной памяти и социальной идентичности, можно сказать, что

эта связь достаточно выраженная, но неоднородная для каждого из видов идентичности (этнической, религиозной и гражданской). Полученные результаты показывают, что из трех видов идентичности сильнее всего с культурной памятью ингушей о депортации связана этническая идентичность. Это представляется достаточно логичным, так как репрессировали и депортировали ингушей именно по этническому признаку, а не по религиозному или гражданскому. Но более важным, с нашей точки зрения, является тот факт, что все связи, которые представлены в таблице 1 (кроме первой строки и ряда редких исключений) являются положительными. Соответственно, чем сильнее выражена связь со своей этнической группой, тем в большей мере респонденты включены и в переживание памяти о депортации. Либо, напротив, переживание памяти о депортации ведет к усилению связи с группой. При этом нужно обратить внимание на тот факт, что такие же связи наблюдаются и у негативных эмоций – чем сильнее выраженность негатив-

ных переживаний (как пассивных, так и негативных), тем сильнее респондент чувствует приверженность группе, разделяет ее традиции. Такой результат отчасти подтверждает наши рассуждения о том, что культурная память, которая позволяет осмысливать и «примирять» разное прошлое, позволяет включать в общий позитивный образ своей группы и негативные события ее прошлого.

Религиозная и гражданская идентичность слабее связаны с компонентами культурной памяти. Однако есть ряд особенностей, на которых хотелось бы остановиться. Шкалы приверженности и защиты религии для религиозной идентичности неоднородно связаны с эмоциональными переживаниями о депортации. Если шкала приверженности, в первую очередь, связана с пассивными чувствами боли и скорби, то шкала защиты религии – с активными чувствами обиды и желания отомстить. Причем, это единственные составляющие культурной памяти, с которыми связана данная шкала. На этом основании можно предположить двойное значение культурной памяти для религиозной идентичности, когда из воспоминаний могут заимствоваться разные акценты и оттенки, включая сплочение вокруг агрессивных идей. Разумеется, данное предположение требует дополнительной проверки.

Гражданская идентичность показывает связи в основном с «когнитивными» составляющими культурной памяти (частотой воспоминания, мерой знания о событиях и т.п.), это же касается и шкалы познания этнической идентичности, которая не связана с эмоциональными компонентами. Опять же стоит заметить, что связи положительные. Учитывая, что после событий депортации представители репрессированного народа могли бы возложить вину на государство и представителей большинства, можно было бы ожидать отрицательных взаимосвязей,

чего не происходит, и что является хорошим знаком общей сплоченности государства.

Проведенное исследование не лишено ограничений. Необходима дальнейшая методическая работа, особенно с инструментами измерения культурной памяти. Результаты обработки показывают, что авторская методика, созданная для целей данного исследования, лучше всего позволяет оценить эмоциональный компонент переживаний событий депортации. Однако вопросы, касающиеся знания и поведения, требуют дальнейшей доработки и тестирования. Схожие замечания касаются и методик измерения идентичности. С одной стороны, существенное значение могли иметь особен-

Учитывая, что после событий депортации представители репрессированного народа могли бы возложить вину на государство и представителей большинства, можно было бы ожидать отрицательных взаимосвязей, чего не происходит, и что является хорошим знаком общей сплоченности государства

ности выборки, так как распределение ответов по методикам этнической идентификации сильно сдвинуто в сторону максимального согласия. С другой стороны, этническая, гражданская и религиозная идентичность обладают каждая своей спецификой, поэтому возможно не целесообразно делать утверждения методик изоморфными друг другу. Поскольку исходной методикой выступал инструментарий, разработанный именно для этнической идентичности, то это могло привести к меньшей конструктивной валидности двух других измерений (гражданской и религиозной идентичности).

Кроме того, полученные данные позволили бы сделать более глубокие выводы, если бы включали измерение ряда конструктов. С нашей точки зрения, такими могут выступать: показатели субъективного благополучия, чувство воспринимаемой угрозы, чувство вины за

произошедшие события (либо отсутствие данного чувства), а также атрибуция вины. Каждый из перечисленных конструктов позволит точнее понять процессы, происходящие «между» содержанием памяти о травмирующем событии в истории группы и идентификацией с группой.

Заключение

Исследование было посвящено эмпирической проверке предположения о том, что культурная память может выполнять роль своеобразной «основы» для передачи социальной идентичности группы от поколения к поколению.

Особенное значение культурная память приобретает в случае наличия травмирующего опыта в истории группы. Таким опытом, безусловно, являются депортации в советское время многих этнических общностей, в том числе ингушей.

Опираясь на полученные результаты, можно утверждать, что культурная память о депортации действительно взаимосвязана с особенностями социальной идентичности представителей репрессированного народа. На данном этапе сложно в полной мере описать качественные характеристики этой взаимосвязи. Тем не менее, проведенный анализ и полученные эмпирические результаты представляются полезными для разработки дальнейших исследований в этом направлении.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00980

Литература:

- Андреева Г.М. Социальная психология в пространстве современной науки и культуры [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2013. – Т. 30. – № 6. : [сайт]. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/861-andreeva30.html> – (дата обращения 20.12.2015)
- Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016.
- Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017.
- Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий : сборник статей / под ред. Ф. Барт. – Москва : Новое изд-во, 2006. – С. 9–48.

- Гудков Л. Негативная идентичность: статьи 1997–2002 годов : авторский сборник. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004.
- Донцов А.И., Гончарова В.А. Холокост как феномен социальной памяти // Век толерантности. – 2005. – № 1–2. – С. 55–61.
- Кениг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. : [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ke11.html>
- Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : коллективная монография. – Москва : Совпадение, 2015.
- Нора П. Всемирное торжество памяти. [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. : [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>
- Саакян Р, Худавердян К. Геноцид армян. Сквозь призму десятилетий. – Ереван : Государственная комиссия по мероприятиям в связи с 80-летием геноцида армян, 1995.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : практикум. – Москва : Аспект Пресс, 2013.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология : учебник для вузов. – Москва : Аспект Пресс, 2014.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. : [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>
- Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016.
- Arweck, E., & Nesbitt, E. (2010) Young People's Identity Formation in Mixed-Faith Families: Continuity or Discontinuity of Religious Traditions? *Journal of Contemporary Religion*, 25(1), 67–87. doi: 10.1080/13537900903416820
- Ashmore, R.D., Deaux, K., & McLaughlin-Volpe, T. (2004) An Organizing Framework for Collective Identity: Articulation and Significance of Multidimensionality. *Psychological Bulletin*, 130(1), 80–114. doi: 10.1037/0033-2909.130.1.80
- Blanz, M., Mummendey, A., Mielke, R., & Klink, A. (1998) Responding to negative social identity: a taxonomy of identity management strategies. *European Journal of Social Psychology*, 28, 697–729. doi: 10.1002/(SICI)1099-0992(199809/10)28:5<697::AID-EJSP889>3.0.CO;2-#
- Brown, R. (2000) Social Identity Theory: past achievements, current problems and future challenges. *European Journal of Social Psychology*, 30, 745–778. doi: 10.1002/1099-0992(200011/12)30:6<745::AID-EJSP24>3.0.CO;2-O
- Cabecinhas, R., & Abadia, L. (2013) Narratives and social memory: theoretical and methodological approaches. Braga, University of Minho.
- Denison, M. (2009) The art of the impossible: Political symbolism, and the creation of national identity and collective memory in Post-Soviet Turkmenistan. *Europe-Asia Studies*, 61(7), 1167–1187. doi: 10.1080/09668130903068715
- Erl, A. (2008) Cultural Memory Studies: An Introduction. In A.Erl (Ed.) *Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary Handbook*, 1–18. doi: 10.1515/9783110207262
- Gilchrist, E.S., & Camara, S. (2012) Cultural Dis/Continuity in African-American and Ghanaian Mothers' Voices and Identities. *Journal of Intercultural Communication Research*, 41(1), 81–108. doi: 10.1080/17475759.2011.651152
- Gillespie, A. (2007) The social basis of self-reflection. In Valsiner J., Rosa A. (Eds.), *The Cambridge Handbook of Sociocultural Psychology*, 692–709. Cambridge, Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511611162.037
- Gongware, T.B. (2011) Keying the past to the present: Collective memories and continuity in collective identity change. *Social Movement Studies*, 10(1), 39–54. doi: 10.1080/14742837.2011.545226
- Halbwachs, M. (1992) *On Collective Memory*. Chicago, University of Chicago Press.
- Haslam, C., Holme, A., Haslam, S.A., Iyer, A., Jetten, J., & Williams, W.H. (2008) Maintaining group memberships: Social identity continuity predicts well-being after stroke. *Neuropsychological Rehabilitation*, 18 (5/6), 671–691. doi: 10.1080/09602010701643449
- Ivanova, O. (2007) Collective Memory of the Holocaust and National Identity of the Student Youth in Ukraine. In *Third Annual Danyliw Research Seminar on Contemporary Ukraine*.
- Iyer, A., & Jetten, J. (2011) What's Left Behind: Identity Continuity Moderates the Effect of Nostalgia on Well-Being and Life Choices. *Journal of Personality and Social Psychology*, 101(1), 94–108. doi: 10.1037/a0022496
- McLean, K.C. (2008) Stories of the Young and the Old: Personal Continuity and Narrative Identity. *Developmental Psychology*, 44(1), 254–264. doi: 10.1037/0012-1649.44.1.254
- Papa, A., & Lancaster, N. (2016) Identity continuity and loss after death, divorce, and job loss. *Self and Identity*, 15(1), 47–61. doi: 10.1080/15298868.2015.1079551
- Riek, B.M., Mania, E.W., & Gaertner, S.L. (2006) Intergroup threat and outgroup attitudes: A meta-analytic review. *Personality and Social Psychology Review*, 10(4), 336–353. doi: 10.1207/s15327957pspr1004_4
- Roberts, R.E., Phinney, J.S., Masse, L.C., Chen, R., Roberts, C.R., & Romero, A. (1999) The Structure of Ethnic Identity of Young Adolescents from Diverse Ethnocultural Groups. *The Journal of Early Adolescence*, 19, 301–322. doi: 10.1177/0272431699019003001
- Schönpflug, U. (2001) Intergenerational transmission of values: The role of transmission belts. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32(2), 174–185. doi: 10.1177/0022022101032002005
- Smeekes, A., & Verkuyten, M. (2014) When national culture is disrupted: cultural continuity and resistance to Muslim immigrants. *Group Processes and Intergroup Relations*, 17(1), 45–66. doi: 10.1177/1368430213486208
- Tajfel, H. (1982) Social Psychology of Intergroup Relations. *Annual Review of Psychology*, 33, 1–39. doi: 10.1146/annurev.ps.33.020182.000245
- Takei, M. (1998) Collective memory as the key to national and ethnic identity: The case of Cambodia. *Nationalism and Ethnic Politics*, 4(3), 59–78. doi: 10.1080/13537119808428538
- Turner, J.C. (1999) Some current issues in research on social identity and self categorization theories. In N. Ellemers, R. Spears, B. Doosje (Eds.) *Social Identity*. Oxford: Blackwell Publishing, 6–34.

Wertsch, J.V., & Roediger, H.L. (2008) Collective Memory: Conceptual foundation and theoretical approach. *Memory*, 16(3), 318–326. doi: 10.1080/09658210701801434

References:

- Andreeva, G.M. (2013) Social psychology in the space of modern science and culture. [*Psikhologicheskie issledovaniya*], 30(6). Retrieved from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/861-andreeva30.html> (Accessed: 20.12.2015)
- Assman, A. (2016) New discontent with the memorial culture. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Assman, A. (2017) Disintegrated with the ligature of times? The rise and decline of the temporal regime of the Modern art. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Arweck, E., & Nesbitt, E. (2010) Young People's Identity Formation in Mixed-Faith Families: Continuity or Discontinuity of Religious Traditions? *Journal of Contemporary Religion*, 25(1), 67–87. doi: 10.1080/13537900903416820
- Ashmore, R.D., Deaux, K., & McLaughlin-Volpe, T. (2004) An Organizing Framework for Collective Identity: Articulation and Significance of Multidimensionality. *Psychological Bulletin*, 130(1), 80–114. doi: 10.1037/0033-2909.130.1.80
- Bart, F. (2006) Introduction In F. Bart (Ed.) *Ethnic groups and social boundaries. The social organization of cultural differences. Collection of articles*. Moscow, Novoe Izdatel'stvo, 9–48.
- Blanz, M., Mummendey, A., Mielke, R., & Klink, A. (1998) Responding to negative social identity: a taxonomy of identity management strategies. *European Journal of Social Psychology*, 28, 697–729. doi: 10.1002/(SICI)1099-0992(199809/10)28:5<697::AID-EJSP889>3.0.CO;2-#
- Brown, R. (2000) Social Identity Theory: past achievements, current problems and future challenges. *European Journal of Social Psychology*, 30, 745–778. doi: 10.1002/1099-0992(200011/12)30:6<745::AID-EJSP24>3.0.CO;2-O
- Cabecinhas, R., & Abadia, L. (2013) Narratives and social memory: theoretical and methodological approaches. Braga, University of Minho.
- (2015) Cultural memory in the context of the formation of Russia's national identity in the 21st century: Collective monograph. Moscow, Sovpadenie.
- Denison, M. (2009) The art of the impossible: Political symbolism, and the creation of national identity and collective memory in Post-Soviet Turkmenistan. *Europe-Asia Studies*, 61(7), 1167–1187. doi: 10.1080/09668130903068715
- Dontsov, A.I., & Goncharova, V.A. (2005) The Holocaust as a phenomenon of social memory. *The Age of Tolerance*, 1–2, 55–61.
- Erl, A. (2008) Cultural Memory Studies: An Introduction. In A.Erl (Ed.) *Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary Handbook*, 1–18. doi: 10.1515/9783110207262
- Etkind, A. (2016) Crooked grief: The memory of the unburied. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Gilchrist, E.S., & Camara, S. (2012) Cultural Dis/Continuity in African-American and Ghanaian Mothers' Voices and Identities. *Journal of Intercultural Communication Research*, 41(1), 81–108. doi: 10.1080/17475759.2011.651152
- Gillespie, A. (2007) The social basis of self-reflection. In Valsiner J., Rosa A. (Eds.), *The Cambridge Handbook of Sociocultural Psychology*, 692–709. Cambridge, Cambridge University Press. doi: 10.1017/CBO9780511611162.037
- Gongaware, T.B. (2011) Keying the past to the present: Collective memories and continuity in collective identity change. *Social Movement Studies*, 10(1), 39–54. doi: 10.1080/14742837.2011.545226
- Gudkov, L. (2004) Negative identity. Articles of 1997–2002. Author's collection. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Halbwachs, M. (1992) *On Collective Memory*. Chicago, University of Chicago Press.
- Halbwachs, M. (2005) Collective and historical memory. *Reserve stock*, 2–3. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>
- Haslam, C., Holme, A., Haslam, S.A., Iyer, A., Jetten, J., & Williams, W.H. (2008) Maintaining group memberships: Social identity continuity predicts well-being after stroke. *Neuropsychological Rehabilitation*, 18 (5/6), 671–691. doi: 10.1080/09602010701643449
- Ivanova, O. (2007) Collective Memory of the Holocaust and National Identity of the Student Youth in Ukraine. In *Third Annual Danyliw Research Seminar on Contemporary Ukraine*.
- Iyer, A., & Jetten, J. (2011) What's Left Behind: Identity Continuity Moderates the Effect of Nostalgia on Well-Being and Life Choices. *Journal of Personality and Social Psychology*, 101(1), 94–108. doi: 10.1037/a0022496
- Koenig, H. (2005) The memory of National Socialism, the Holocaust and World War II in the political consciousness of Germany. *Reserve stock*, 2–3. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ke11.html>.
- McLean, K.C. (2008) Stories of the Young and the Old: Personal Continuity and Narrative Identity. *Developmental Psychology*, 44(1), 254–264. doi: 10.1037/0012-1649.44.1.254
- Nora, P. (2005) World Memory Celebration. *Reserve stock*, 2–3. Internet resource. Retrieved from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>.
- Papa, A., & Lancaster, N. (2016) Identity continuity and loss after death, divorce, and job loss. *Self and Identity*, 15(1), 47–61. doi: 10.1080/15298868.2015.1079551
- Riek, B.M., Mania, E.W., & Gaertner, S.L. (2006) Intergroup threat and outgroup attitudes: A meta-analytic review. *Personality and Social Psychology Review*, 10(4), 336–353. doi: 10.1207/s15327957pspr1004_4
- Roberts, R.E., Phinney, J.S., Masse, L.C., Chen, R., Roberts, C.R., & Romero, A. (1999) The Structure of Ethnic Identity of Young Adolescents from Diverse Ethnocultural Groups. *The Journal of Early Adolescence*, 19, 301–322. doi: 10.1177/0272431699019003001
- Sakhakyan, R., & Khudaverdyan, K. (1995) The Armenian Genocide. Through the prism of decades. Yerevan, Gosudarstvennaya komissiya po meropriyatiyam v svyazi s 80-letiem genotsida armyan.
- Schönpflug, U. (2001) Intergenerational transmission of values: The role of transmission belts. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 32(2), 174–185. doi: 10.1177/0022022101032002005

- Smeekes, A., & Verkuyten, M. (2014) When national culture is disrupted: cultural continuity and resistance to Muslim immigrants. *Group Processes and Intergroup Relations.*, 17(1), 45–66. doi: 10.1177/1368430213486208
- Stefanenko, T.G. (2013) *Ethnopsychology: Practical course*. Moscow, Aspekt Press.
- Stefanenko, T.G. (2014) *Ethnopsychology: Textbook for high schools*. Moscow, Aspekt Press.
- Tajfel, H. (1982) Social Psychology of Intergroup Relations. *Annual Review of Psychology*, 33, 1–39. doi: 10.1146/annurev.ps.33.020182.000245
- Takei, M. (1998) Collective memory as the key to national and ethnic identity: The case of Cambodia. *Nationalism and Ethnic Politics*, 4(3), 59–78. doi: 10.1080/13537119808428538
- Turner, J.C. (1999) Some current issues in research on social identity and self categorization theories. In N. Ellemers, R. Spears, B. Doosje (Eds.) *Social Identity*. Oxford: Blackwell Publishing, 6–34.
- Wertsch, J.V., & Roediger, H.L. (2008) Collective Memory: Conceptual foundation and theoretical approach. *Memory*, 16(3), 318–326. doi: 10.1080/09658210701801434

Модели возникновения феномена социальной лености

К.Н. Стратилат

Центр образования № 28, Владивосток, Россия

Поступила 26 июня 2016/ Принята к публикации: 12 июля 2017

Models of the origin of the social loafing phenomenon

Karina N. Stratilat

Education center 28, Vladivostok, Russia

Received June 26, 2017 / Accepted for publication: July 12, 2017

Актуальность (контекст) тематики статьи. В психологической науке существует несколько моделей возникновения социальной лености. Данные модели широко представлены в зарубежной психологической и управленческой литературе. Российские ученые при рассмотрении феномена социальной лености эти теории не учитывают. На наш взгляд, весьма актуальным будет перевод и описания распространенных моделей возникновения социальной лености и их анализ.

Цель теоретического исследования: способствовать обеспечению ученых и специалистов-практиков, изучающих/работающих с группами, фундаментальными и объективными знаниями о социальной лености. Знание моделей социальной лености позволит грамотно выстраивать теоретические и эмпирические исследования рассматриваемого феномена и управлять им.

Описание хода теоретического исследования. В статье рассматриваются следующие зарубежные модели возникновения социальной лености: модель Р.Е. Кидвелла и Н. Беннетта (1993), модель коллективных усилий С.Дж. Каро и К.Д. Уильямса (1993), модель Д.Р. Комер (1995) и модель С.М. Давуди с коллегами (2012). Производится критический анализ содержания названных моделей. Делаются выводы. Приводятся ограничения проведенного теоретического исследования и обозначаются варианты дальнейших исследований по рассматриваемой проблеме.

Выводы. На основании предпринятого анализа данных моделей делаются следующие выводы. Во-первых, практически во всех моделях указываются только мотивационные причины социальной лености и не рассматриваются координационные. Данный подход не совсем корректный, поскольку в ряде эмпирических исследований было установлено, что социальная леность возникает вследствие как координационных, так и мотивационных причин. Во-вторых, авторы почти всех моделей в качестве мотивационных причин социальной лености называют деиндивидуализацию и социальное сравнение. В-третьих, почти во всех моделях не разграничиваются причины и факторы социальной лености. Такой подход является не совсем оправданным, поскольку причины предполагают причинно-следственную связь, а факторы корреляционную. В-четвертых, практически во всех моделях рассматриваются ситуационные факторы социальной лености и игнорируются диспозиционные. В-пятых, все модели социальной лености не содержат исчерпывающее описание причин и факторов рассматриваемого феномена.

Ключевые слова: социальная психология, мотивация, социальная леность, модели социальной лености, индивидуальная и групповая работа.

Relevance. Foreign scientists have developed several models of the emergence of social loafing. These models are widely presented in foreign psychological and management literature. Russian scientists when considering the phenomenon of social loafing does not even mention the existence of these models. In connection with this situation is very important to produce translations into Russian language of the common models of the emergence of social loafing and to perform them. Knowledge of models of social loafing will help competently conduct theoretical and empirical researches of the phenomenon under consideration and manage it.

The objective of the theoretical study is to facilitate provision of fundamental and objective knowledge of social loafing to scientists and practitioners who study groups or work with them. Knowledge of models of social loafing will help competently conduct theoretical and empirical researches of the phenomenon under consideration and manage it.

Description of the course of theoretical research. The article considers the following foreign models of the origin of social loafing: R. E. Kidwell and N. Bennett's model (1993), the collective effort model by S. J. Karau and K. D. Williams (1993), D. R. Comer's model (1995) and S. M. Davoudi and his colleagues' model (2012). The author of the article indicates limitations of the research conducted and outlines variants of the future researches on the concerned problem.

Conclusions. On the basis of the analysis of the foreign models the author reaches several conclusions. Firstly, almost all the models indicate only motivational causes of social loafing while coordinating causes are omitted. Such an approach is not entirely proper as a number of empirical researches revealed that social loafing emerges due to both coordinating and motivational causes. Secondly, the authors of almost all the models refer to deindividuation of personality and social comparison as motivational causes of social loafing. Thirdly, almost all the models do not distinguish between causes and factors of social loafing. This approach is not entirely justified as implies causation while factors suggest correlation. Fourthly, almost all the models consider situational factors of social loafing while dispositional factors are ignored. Finally, all the models do not exhaustively describe causes and factors of the phenomenon under consideration.

Keywords: social psychology, motivation, social loafing, models of social loafing, individual and group work.

Социальная лень (СЛ) – вид процессуальных потерь (мотивационных и координационных), проявляющийся в тенденции людей прилагать при групповой работе меньше усилий, чем при индивидуальной. Данный феномен был открыт в 1913 году Максом Рингельманом (Kravitz, Martin, 1986). С тех пор зарубежные ученые стали изучать различные аспекты этого эффекта. В частности, проводились исследования причин СЛ и влияния различных факторов на выраженность рассматриваемого феномена. Результаты некоторых исследований были объединены в модели СЛ.

Перечисленные модели социальной лени широко представлены в зарубежной психологической и управленческой литературе. Российские же ученые при рассмотрении феномена СЛ даже не упоминают о существовании этих моделей. Они перечисляют лишь некоторые причины и факторы, входящие в состав названных моделей

В периодике можно встретить описание нескольких таких моделей. Среди них наибольшее распространение получили: модель Р.Е. Кидвелла и Н. Беннетта (1993) (Kidwell, Bennett, 1993), модель коллективных усилий (МКУ), разработанная С. Дж. Каро и К.Д. Уильямсом (1993) (Karau, Williams, 1993, 1995) и модель Д.Р. Комер (1995) (Comer, 1995). Также, на наш взгляд, заслуживает внимания модель СЛ, представленная в работе С.М. Давуди с коллегами (2012) (Davoudi et al., 2012).

Следует отметить, что перечисленные модели социальной лени широко представлены в зарубежной психологической и управленческой литературе. Российские же ученые при рассмотрении феномена СЛ даже не упоминают о существовании этих моделей. Они перечисляют лишь некоторые причины и факторы, входящие в состав названных моделей (Стратилат, 2015). В связи с таким положением дел весьма актуально произвести

перевод на русский язык перечисленных выше моделей и проанализировать их. Актуальность анализа распространенных моделей СЛ обусловлена также тем, что по нашим данным только одним зарубежным ученым была проделана подобная работа. В частности М. Жу (Zhu M.) в рамках докторской диссертации (2013) сравнил три модели СЛ: модель коллективных усилий С. Каро и К. Уильямса, модель Д. Комер и модель Р. Кидвелла и Н. Беннетта (Zhu, 2013). В своей работе ученый не производил критический анализ содержания этих моделей. Вместе с тем, существует потребность сделать та-

- сделать выводы о проделанной работе;
- с учетом результатов проведенного теоретического исследования предложить варианты возможных будущих исследований причин проявления СЛ и факторов, влияющих на ее выраженность;
- указать ограничения проведенного теоретического исследования.

Описание и анализ основных моделей СЛ

Модель СЛ в производственных группах Р.Е. Кидвелла и Н. Беннетта (1993)

Данную модель можно рассматривать как модификацию синтезирующей модели мотивации Д. Ноук (D. Knoke) (1990) (Kidwell, Bennett, 1993). Отличия между ними заключается в том, что первая дает прогноз эффективной/неэффективной работы людей только в рабочих группах, а вторая – в различных группах.

По мнению Р.Е. Кидвелла и Н. Беннетта, существуют четыре класса факторов СЛ:

- особенности групповой структуры;
- особенности группового взаимодействия;
- характеристики заданий;
- система вознаграждения.

Названные классы включают в себя несколько компонентов. Структура группы включает в себя: размер группы, текущее количество кадров и одинаковое время пребывания работников в производственной группе. Авторы считают, что первые две переменные положительно коррелируют с СЛ, а третья – отрицательно.

Групповое взаимодействие подразумевает осознание индивидами наличия в группе справедливости и альтруизма, а также уверенность в том, что все члены группы уважают и соблюдают групповые нормы. По мнению ученых, все три переменные отрицательно связаны с проявлением СЛ.

Характеристики задач включают две переменные: взаимозависимость и видимость (тип задачи, при котором руководитель или согруппники имеют возможность оценить индивидуальный вклад в групповую работу каждого члена груп-

кой анализ, поскольку с момента опубликования перечисленных выше моделей СЛ прошло достаточно много времени. За этот период было проведено множество исследований, результаты которых либо подтверждают либо, напротив, опровергают те или иные положения моделей СЛ. Кроме того М. Жу проанализировал не все модели СЛ.

Цель теоретического исследования: способствовать формированию у российских и зарубежных ученых и практиков фундаментальных и объективных знаний о СЛ. Знание моделей СЛ позволит ученым грамотно выстраивать теоретические и эмпирические исследования данного эффекта, а практикам – управлять им.

Задачи:

- произвести перевод на русский язык описание основных моделей СЛ;
- произвести сравнительный и критический анализ моделей СЛ;

Карина Николаевна Стратилат – магистр психологии, педагог-психолог Центра образования №28, г. Владивосток.
E-mail: karina_stratilat@mail.ru.

пы) задачи. По мнению Р.Е. Кидвелла и Н. Беннетта, взаимозависимость положительно коррелирует с СЛ, а видимость задачи – отрицательно.

Система вознаграждения – это надбавки к заработной плате сотрудников. Ученые считают, что с помощью премий можно снизить СЛ. Однако система премирования будет эффективна только в случае, если у сотрудников не будет возможности заработать дополнительные деньги в другой организации.

Поскольку, как уже говорилось, Р.Е. Кидвелл и Н. Беннетт в качестве основы своей модели взяли синтезирующую модель мотивации Д. Ноук, то все факторы ученые разделили на три группы: рациональный выбор, следование групповым нормам и аффективная привязанность. Первая группа включает в себя следующие факторы: размер группы, взаимозависимость и видимость задачи, осознание возможности лишиться премии. Вторая группа – осознание справедливости и уверенность в том, что все члены группы уважают и соблюдают групповые нормы. Третья – текучесть кадров, время пребывания работников в производственной группе, осознание индивидами, что их коллеги склонны к альтруизму.

Поясним, что, по мнению Д. Ноука, Р.Е. Кидвелла и Н. Беннетта, рациональный выбор – это сопоставление членом группы индивидуальных усилий и материальной выгоды. Следование групповым нормам – это стремление индивида придерживаться/не придерживаться норм, принятых в группе. А аффективная привязанность – это выраженность идентификации индивида с группой и потребность в эмоциональных отношениях (Kidwell, Bennett, 1993; Zhu, 2013).

Следует отметить, что данная модель в полном виде не подвергалась эмпирической проверке, однако отдельные ее компоненты были практически изучены. В частности, зарубежными учеными были проведены исследования связи СЛ с такими переменными, как размер группы (Kravitz, Martin, 1986; Ingham et al, 1974; Alyce, 1999; Liden et al., 2004), осознание справедливости (Liden et al., 2004; Piezon, Ferree, 2008), взаимозависимость и видимость задания (Liden et al., 2004), поощрение (George, 1995; Shepperd,

Taylor, 1999). Результаты этих исследований лишь частично подтвердили предположения авторов модели СЛ.

Так, в результате эмпирической проверки гипотезы о влиянии размера группы на выраженность СЛ, были получены противоречивые данные. В одних исследованиях была установлена отрицательная корреляция между названными переменными, в других – также обнаружилась отрицательная корреляция (Kravitz, Martin, 1986; Liden et al., 2004), но характер этой связи был не прямолинейный, а криволинейный (Ingham et al, 1974), в третьих – установлена положительная связь (Honeywell-Johnson, 1999). В связи с этим в некоторых работах ученых (Hernandez-Pozas, 2005) указывается, что вопрос влияния размера группы на выраженность СЛ неоднозначен и нуждается в дополнительных эмпирических исследованиях. Но стоит сказать, что в российской и зарубежной литературе часто можно встретить однозначное утверждение, что по мере увеличения размера группы возрастает СЛ (Ойстер, 2004; Hassan, 2014; Евтихов, 2010). С учетом противоречивых результатов эмпирических исследований данной проблемы распространенную точку зрения можно расценивать как стереотип.

Рассмотрим влияние на СЛ такого фактора, как осознание справедливости. Здесь надо отметить, что Р.Е. Кидвелл и Н. Беннетт, выдвигая гипотезу об отрицательной связи СЛ с осознанием справедливости, не учли того факта, что существует несколько видов справедливости (например, справедливость процесса, справедливость результата) (Гулевич, 2011). В ряде эмпирических исследований было установлено, что восприятие членами группы дистрибутивной справедливости отрицательно связано с СЛ (Liden et al., 2004; Piezon, Ferree, 2008), а осознание наличия процедурной справедливости не коррелирует с рассматриваемым феноменом (Liden et al., 2004). Также было выявлено, что осознание подчиненными наличия справедливого обмена с руководителем группы отрицательно коррелирует с СЛ (Hernandez-Pozas, 2005).

Относительно гипотез Р.Е. Кидвелла и Н. Беннетта о том, что взаимозависимость задания положительно коррелирует

ет с СЛ, а видимость – отрицательно, необходимо сказать, что ученые оказались правы, поскольку в эмпирических исследованиях были зафиксированы названные закономерности (Liden et al., 2004).

Р.Е. Кидвелл и Н. Беннетт оказались правы и относительно того, что материальное поощрение снижает СЛ. В эмпирических исследованиях было установлено, что убежденность членов группы в том, что прилагаемые ими усилия будут соответствующим образом вознаграждены, способствует снижению СЛ (George, 1995; Shepperd, Taylor, 1999). Однако в этих исследованиях ученые рассматривали феномен поощрения в широком смысле, а не сводили его исключительно к материальной составляющей.

Модель коллективных усилий (МКУ) С. Дж. Каро и К.Д. Уильямса (1993)

Данная модель появилась на свет благодаря тому, что ученые провели метаанализ всех известных исследований СЛ (Karau, Williams). В частности, они интегрировали в своей модели результаты 78 эмпирических исследований СЛ и все известные на тот момент теории, объясняющие этот феномен: теорию социального воздействия Б. Латане (B. Latane'), теорию возбуждения Р. Зайонца (R. Zajonc), теорию потенциала оценки С. Харкинса (S. Harkins), Д.М. Джексона (J.M. Jackson) и К. Жимански (K. Szymanski), теорию ненужности усилий Н.Л. Керра и С.Е. Брууна (N.L. Kerr, S.E. Bruun), теорию ожидания-валентности В. Врума (W. Vroom) (Karau, Williams, 1993, 1995).

Следует отметить, что в зарубежной научной литературе периода 1913–1993 гг. можно встретить и другие теории возникновения СЛ: теорию самовнимания Б. Маллена (B. Mullen) (Karau, Williams, 1993), теорию сопоставления усилий С. Харкинса и Д. Джексона (Jackson, Harkins, 1985) и предположение Б. Латане с коллегами, что рассматриваемый феномен возникает из-за выученной беспомощности (Latane' et al, 1979). Однако в ходе эмпирической проверки названных теорий были получены противоречивые данные (Karau, Williams, 1993; Jackson, Harkins, 1985; Peterson et al., 1986). В связи с этим С.Дж. Каро и К.Д. Уильямс не включили названные теории в МКУ, а лишь кратко упоминают их в своей ра-

боте «Социальная лень: мета-аналитический обзор и теоретическая интеграция» (Karau, Williams, 1993).

Поскольку большинство перечисленных теорий достаточно хорошо представлены как в зарубежной, так и в российской психологической литературе, мы не станем их рассматривать. Приведем только объяснение возникновения СЛ с помощью малоизвестных в России теорий: потенциала оценки, осознания ненужности усилий, самовнимания и сопоставления усилий.

Согласно теории потенциала оценки, СЛ возникает, поскольку при работе в группе сложно идентифицировать и оценить индивидуальный вклад в групповую работу. Такое положение дел позволяет индивидам «спрятаться в толпе» и не брать на себя ответственность за результат групповой работы (Karau, Williams, 1993, 1995). Данная теория подтвердилась в ряде эмпирических исследований. В частности, учеными было установлено, что люди проявляют СЛ в ситуации, когда убеждены, что экспериментатор не будет оценивать их индивидуальный вклад в групповую работу (Harkins, Jackson, 1985). Также следует отметить, что в эмпирических исследованиях было установлено, что возможность самооценки своей деятельности (Szymanski, Harkins, 1987) и вера в то, что групповой результат будет сравниваться с эталоном или результатами других групп (Harkins, Szymanski, 1989), сдерживают СЛ.

Теория ненужности усилий была высказана и эмпирически проверена Н.Л. Керром и С.Е. Бруном (1983). Согласно данной теории, СЛ возникает из-за того, что люди считают, что их индивидуальный вклад не является необходимым для достижения группового результата (Kerr, Bruun, 1983).

Согласно теории самовнимания Б. Маллена, работа в группе приводит к снижению самосознания, что ведет к снижению саморегуляции, проявлению СЛ и игнорированию стандарта производительности. Коллективная производительность меньше индивидуальной, поскольку, работая индивидуально, люди уделяют больше внимания поставленной задаче и ориентируются на стандарт производительности (Karau, Williams, 1993).

Теория сопоставления усилий, предложенная С. Харкинсом и Д. Джексоном, базируется на теории социального сравнения Л. Фестингера и теории социальной справедливости С. Адамса. С. Харкинс и Д. Джексон считают, что СЛ возникает тогда, когда люди знают, что их согруппник (согруппники) обладает навыками, позволяющими выполнить задание, но намеривается работать не в полную силу. В данном случае индивиды проявляют СЛ, поскольку хотят восстановить справедливость (Jackson, Harkins, 1985).

Рассмотрев теории СЛ, проанализируем модель коллективных усилий (МКУ). Согласно МКУ, сила мотивации людей при групповой работе зависит от:

- а) ожидания того, что индивидуальные усилия приведут/не приведут к высокой групповой производительности;
- б) убежденности в том, что высокая производительность группы будет оценена/не оценена и вознаграждена/не вознаграждена;
- в) субъективной значимости/незначимости вознаграждения.

СЛ возникает потому, что при работе в группе взаимосвязь между индивидуальными усилиями и групповой производительностью, и между групповым результатом (вознаграждением) и значимостью их для себя слабее, чем когда они работают индивидуально. При этом на групповой результат оказывают положительное влияние следующие переменные: сплоченность группы, перспектива оценки групповой деятельности и ожидание внешнего вознаграждения (например, премии, высокие отметки) за хорошую групповую работу. На индивидуальный результат оказывает положительное влияние высокий групповой результат и такие факторы, как возможность самооценки своей деятельности, идентификация с группой, ожидание внутреннего (например, удовлетворенность качеством своей работы) и внешнего вознаграждения. Валентность результата (значимость вознаграждения), по мнению С.Дж. Каро и К.Д. Уильямса, повышают такие аспекты как субъективная важность задания, соотношение задания со значимостью вознаграждения, восприятие возможности оценки, индивидуальные различия. Авторы считают, что для представителей восточных – коллективистских культур

и женщин более важен групповой результат, чем для членов западных – индивидуалистических культур и мужчин, поэтому первые меньше склонны к СЛ, чем вторые.

С.Дж. Каро и К.Д. Уильямс также описали факторы, способствующие снижению СЛ:

- уверенность людей, что их вклад в групповую работу будет оценен экспериментатором/начальником/преподавателем, согруппниками, самостоятельно или же в том, что групповой результат будет сравниваться с результатами других групп;
- небольшой размер группы;
- убежденность людей в том, что их вклад в групповую работу является уникальным, а не избыточным;
- существование стандарта, с которым сравнивается индивидуальная и групповая производительность;
- субъективная важность и интересность задания для членов группы;
- наличие у людей выраженной групповой идентификации и высокая сплоченность группы;
- тенденция членов группы рассматривать групповой результат как индивидуальный (Karau, Williams, 1993, 1995).

Необходимо отметить, что МКУ С.Дж. Каро и К.Д. Уильямса интегрирует результаты исследований СЛ, проведенные до 1993 года. По нашим данным, авторы не производили пересмотр своей модели. Вероятно, поэтому в МКУ не входят результаты исследований некоторых аспектов СЛ (например, влияния на нее диспозиционных факторов, хотя в ряде эмпирических исследований была установлена связь рассматриваемого феномена с различными личностными характеристиками) (Семечкин, Стратилат, 2013), и некоторые положения этой модели нельзя рассматривать как однозначные. Так, например, как мы уже упоминали, С.Дж. Каро и К.Д. Уильямс утверждают, что представители восточных – коллективистских культур и женщины меньше склонны к проявлению СЛ, чем члены западных – индивидуалистических культур и мужчины. Однако, поскольку результаты современных исследований демонстрируют противоречивые данные (Стратилат, Семечкин, 2013, 2014, 2015), нельзя делать однозначные выводы от-

носителю вопроса гендерных и культурных различий СЛ.

Модель СЛ в реальных рабочих группах Д.Р. Комер (1995)

Американская исследовательница считает, что люди проявляют СЛ из-за различных внутренних мотивов. Основываясь на этих мотивах, Д. Комер приводит следующую классификацию типов СЛ:

- Карательная лень (retributive loafing). Причина проявления – избегание роли «простофили». Под «простофилями» подразумеваются люди, позволяющие своим согруппникам эксплуатировать себя.
- Лень из-за отчаяния (disheartening loafing). Проявляется, когда индивид осознает, что никак не может повлиять на результат групповой работы.
- Лень из-за скромности (self-effacing loafing). Возникает, когда индивид не хочет выделяться из группы, показывая свою чрезмерную компетентность в проблеме, решаемой группой.
- Самомаргинальная лень (self-marginalized loafing). Причина проявления – восприятие ненужности индивидуального вклада для достижения группового результата.
- Самоусиливающаяся лень (self-enhancing loafing). Причина возникновения – стремление индивидов не демонстрировать свою некомпетентность в решаемой группой проблеме.

По мнению Д.Р. Комер, на возникновение различных видов СЛ в реальных рабочих группах влияют такие общие причины рассматриваемого феномена:

- восприятие СЛ (убежденность людей, что их согруппники проявляют СЛ);
- индивидуализм/коллективизм;
- восприятие низкой эффективности группы;
- осознание своей способности/неспособности выполнить задание.

Так, восприятие СЛ может способствовать возникновению карательной лени и лени из-за отчаяния. Индивидуализм может привести к карательной лени, а коллективизм – к лени из-за отчаяния. В результате восприятия низкой эффективности группы также может проявиться лень из-за отчаяния. В случае осознания своей способности выполнить задание может проявиться ле-

ность из-за скромности и лень из-за отчаяния, а в ситуации осознания неспособности выполнить задание – самомаргинальная и самоусиливающаяся лень.

В качестве отдельной причины СЛ в реальных рабочих группах Д.Р. Комер называет мотивацию к выполнению задания. Под ней автор подразумевает такие характеристики задания, как важность, тривиальность и интересность/скучность. Ученая предполагает, что скучность и тривиальность задания способствуют проявлению СЛ, а важность и интересность – сдерживают ее (Comer, 1995).

Необходимо внести ряд комментариев относительно модели СЛ Д.Р. Комер.

а) Д.Р. Комер впервые отметила, что коллективизм также может способствовать СЛ. До нее зарубежные ученые считали, что коллективизм, напротив, сдерживает СЛ. Интересно, что это предположение Д.Р. Комер не было услышано, и этот стереотип широко распространен по сей день (Стратилат, Семечкин, 2014);

Вопреки общепринятому мнению о том, что группы индивидов с общими интересами действуют с тем же рвением, с каким один человек действует для достижения своей цели, некоторые члены таких групп, если их каким-то образом не принуждают, уклоняются от внесения вкладов в общественное благо

б) По нашим данным, высказанные Д.Р. Комер положения эмпирически ею не проверялись. Результаты эмпирических исследований других ученых подтвердили ряд положений, представленных в модели Д.Р. Комер, но были и такие гипотезы, которые в результате такой проверки оказались неоднозначными. В частности, речь идет о влиянии восприятия СЛ на возникновение данного феномена. Так, в одних исследованиях была зафиксирована положительная корреляция между восприятием СЛ и проявлением этого феномена (Piezon, Ferree, 2008), а в других, напротив, – отрицательная (Liden et al., 2004). Исследователи СЛ считают, что такое положение дел объясняется тем, насколько значимо для членов группы выполняемое задание (Liden et al., 2004). Так, в эмпирическом исследовании С.Дж. Каро и К.Д. Уильямса (1991) было установлено, что люди проявляют социальную компенсацию

(противоположный СЛ эффект), когда выполняют значимую для них задачу и знают, что другие члены группы намереваются работать не в полную силу (Karau, Williams, 1991);

в) Как мы видим, на основании внутренних мотивов автор выделяет несколько видов СЛ. В психологической литературе можно встретить еще один такой вид СЛ – «безбилетный проезд». Это возможность получить личную выгоду от усилий других членов группы (Бэрон и др., 2003). Данный эффект впервые зафиксировал экономист М. Олсон (M. Olson). Ученый провел анализ (1965) поведения членов различных групп относительно внесенных ими вкладов в общественное благо – любой товар или услуга, которые соответствуют следующему требованию: если их потребляет один индивид из группы, то их могут потреблять все остальные члены группы. Примером общественных благ может служить: повышение зарплаты представителям определен-

ной профессии, выборы хорошего (по мнению народа) правительства, повышение или понижение цен на определенный товар, чистый город и т.д. В результате анализа М. Олсон пришел к выводу, что, вопреки общепринятому мнению о том, что группы индивидов с общими интересами действуют с тем же рвением, с каким один человек действует для достижения своей цели, некоторые члены таких групп, если их каким-то образом не принуждают, уклоняются от внесения вкладов в общественное благо. Рассуждая при этом, что кто-то другой вместо него может сделать это (Олсон, 1995).

В дальнейшем эффект «безбилетного проезда» стали изучать в рамках различных дисциплин: социальной психологии, менеджмента, экономики, чаще всего термин «безбилетный проезд» встречался в работах по менеджменту и экономике (Kidwell, Bennett, 1993; Vermeulen et al., 2000). Стоит отметить, что среди ученых

долго шла дискуссия по вопросу: существуют ли отдельные виды СЛ или же, перечисляя так называемые виды, исследователи говорят о причинах возникновения рассматриваемого феномена? Сторонники того, что существуют отдельные демотивирующие эффекты – «безбилетный проезд» и эффект «простофили», утверждают, что данные феномены отличаются от СЛ причинами возникновения (Kerr, Bruhn, 1983; Бэрн и др., 2003; Холодков, 2008). Сторонники же позиции, что «безбилетный проезд» и эффект «простофили» – причины СЛ, утверждают, что между рассматриваемыми феноменами и СЛ нет никакой разницы, поскольку в основе всех этих эффектов лежит сдерживание активности участников группы (Kidwell, Bennett, 1993).

В результате дискуссии победила вторая точка зрения. Данный вывод напрашивается, поскольку в современных работах по СЛ ученые не перечисляют виды данного феномена, а приводят его различные причины и факторы. Сами же термины «безбилетный проезд», эффект «простофили» можно рассматривать как синонимы СЛ. Необходимо сказать, что такое положение дел обоснованно, поскольку в эмпирических исследованиях так называемого «безбилетного проезда» было установлено, что на выраженность данного феномена влияют те же факторы, что и на СЛ: особенности задания, размер группы (Бэрн и др., 2003), сплоченность группы, наличие/отсутствие вознаграждения (Ойстер, 2004). Поэтому можно сделать вывод, что все перечисленные Д.Р. Комер виды СЛ – это причины и факторы рассматриваемого феномена.

Научно-исследовательская комплексная модель СЛ иранских ученых во главе с С.М. Давуди (2012)

При разработке данной модели С.М. Давуди с коллегами опирались на antecedенты СЛ, описанные в статье Р.С. Лидена с коллегами (Liden et al., 2004), и причины СЛ, представленные в магистерской диссертации Э.С. Хассана (Hassan, 2010). Согласно этой модели на возникновение СЛ влияют:

– Индивидуальные и групповые antecedенты СЛ, рассмотренные в модели Р.С. Лидена с коллегами. По их мне-

нию, в качестве первых выступают взаимозависимость и видимость задания, осознание процедурной и дистрибутивной справедливости, а в качестве вторых – размер группы, сплоченность и восприятие СЛ. В результате эмпирического исследования, проведенного на выборке, состоящей из 168 сотрудников двух фирм, Р.С. Лиден с коллегами обнаружили, что СЛ положительно коррелирует с взаимозависимостью задания, размером группы и отрицательно – с осознанием дистрибутивной справедливости, видимостью задания и восприятием СЛ. Связь же СЛ с процедурной справедливостью отсутствовала (Liden et al., 2004).

- Тривиальность и бессмысленность задания.
- Отсутствие мотивации.
- Отсутствие справедливой системы вознаграждения. Под сказанным авторы подразумевают ожидание того, что индивидуальный вклад в групповую работу не будет признан и справедливо вознагражден.
- Неоднородный состав группы. Авторы считают, что из-за различных интересов, культуры, уровня образования, политических и религиозных предпочтений и т.п. люди могут не ладить друг с другом, что, в свою очередь, может привести к СЛ.
- Надежда на других членов группы. Под этим ученые подразумевают уже описанный в данной работе «безбилетный проезд».
- Лень.
- Возможность «затеряться в группе». По мнению авторов, данная переменная положительно связана с размером группы.
- Осознание того, согруппники не вносят равный вклад в групповую работу. Здесь речь идет о восприятии СЛ.
- Субмаксимальная постановка цели. Данная причина подразумевает, что люди проявляют СЛ из-за того, что неправильно поняли инструкцию начальника/преподавателя/экспериментатора. Так, последний мог попросить выполнить задание на максимизацию (в которой важно количество, а не качество), а сотрудники/учащиеся/испытуемые могли расценить его как задание на оптимизацию (в которой важно

качество), что могло повлечь за собой снижение производительности.

- Ослабление связи между прилагаемыми индивидуальными усилиями и результатом групповой работы. Здесь речь идет об упрощенном варианте теории В. Врума. Упрощенном, поскольку Э.С. Хассан и С.М. Давуди с коллегами указывают только один компонент этой теории – ожидание, игнорируя другие – инструментальность и валентность.
- Отсутствие оценки. В данном случае речь идет об отсутствии оценки индивидуального вклада в групповую работу.
- Разобщенность группы.
- Неравномерное распределение компенсации. Здесь авторы говорят о том, что СЛ возникает из-за того, что люди понимают, что компенсация (денежное вознаграждение, продвижение по службе, оценка, положительная обратная связь) не была разделена поровну между всеми членами группы.

По мнению авторов, СЛ приводит к снижению индивидуальной, групповой и, в целом, организационной производительности (Davoudi et al., 2012).

Рассмотрев модель С.М. Давуди с коллегами можно заметить, что она внутренне противоречива, и влияние некоторых переменных на возникновение СЛ недостаточно обоснованно. Так, авторы предприняли попытку интегрировать взгляды Э.С. Хассана и Р.С. Лидена с коллегами относительно детерминантов СЛ, однако, на наш взгляд, у них это не совсем получилось, поскольку некоторые указанные в их модели причины дублируют друг друга. Например, отсутствие справедливой системы вознаграждения и дистрибутивная справедливость. Кроме того, С.М. Давуди с коллегами не учли того факта, что Р.С. Лиден с коллегами в своей модели приводит факторы, которые как отрицательно, так и положительно связаны с СЛ, и отнесли все индивидуальные и групповые antecedенты к причинам рассматриваемого феномена.

Противоречивость модели С.М. Давуди с коллегами также заключается в том, что авторы приводят противоположные причины СЛ – отсутствие справедливой системы вознаграждения и неравномерное распределение компенсации. Что касается неравномерного распределения компенсации, то данная переменная, напротив,

может сдерживать СЛ, более того, известно, что уравниловка – одна из форм деиндивидуализации является одной из причин рассматриваемого феномена.

Если говорить о необоснованности влияния некоторых переменных модели С.М. Давуди с коллегами на СЛ, то здесь речь идет о лени и об отсутствии мотивации. Отсутствие мотивации слишком обширная причина, поскольку феномен СЛ сам по себе – вид процессуальных потерь (мотивационных и координационных). Что же касается влияния лени на СЛ, то, по нашим данным, не было проведено эмпирических исследований, подтверждающих данную гипотезу.

Несмотря на все недочеты модели С.М. Давуди с коллегами, мы решили проанализировать ее в нашей работе, поскольку данная модель единственная, в которой наряду с мотивационными причинами и ситуационными факторами рассматриваются координационные причины (речь идет о субмаксимальной постановке цели) и диспозиционные факторы (лень). Кроме того, в этой модели описывается, к каким последствиям приводит СЛ.

Выводы и заключение

Рассмотрев известные модели СЛ можно заметить, что у авторов моделей разный подход к описанию причин/факторов этого феномена. Кроме того, ученые приводят различные причины/факторы СЛ. Однако есть то, что эти модели объединяет.

1. Практически во всех моделях (кроме модели С.М. Давуди с коллегами) приводятся только мотивационные причины СЛ, при этом игнорируются координационные. Отметим, что такой подход недостаточно обоснован, поскольку изначально М. Рингельман объяснял обнаруженный им феномен координационными потерями (потери по причине несовершенства организации процесса) (Kravitz, Martin, 1986). В дальнейшем А. Ингхэм с коллегами (1974) (Ingham et al., 1974) и Б. Латане с коллегами (1979) (Latane' et al., 1979) в эмпирических исследованиях установили, что СЛ возникает вследствие как координационных, так и мотивационных причин. Кроме того, названные

причины взаимосвязаны – координационные могут вызвать мотивационные и наоборот.

2. Во всех моделях в качестве мотивационных причин СЛ называют деиндивидуализацию (проявляющуюся в форме анонимности, уравниловки и отсутствия оценки) и социальное сравнение (лежащее в основе ожидания проявления согруппником СЛ, восприятия СЛ, восстановления справедливости, снижения взаимосвязи между индивидуальными усилиями и групповой производительностью, и между групповым результатом и значимостью его для себя).

Отсутствие мотивации слишком обширная причина, поскольку феномен СЛ сам по себе – вид процессуальных потерь (мотивационных и координационных). Что же касается влияния лени на СЛ, то, по нашим данным, не было проведено эмпирических исследований, подтверждающих данную гипотезу

3. Авторы практически всех моделей (кроме С. Дж. Каро и К.Д. Уильямса) не ограничивают причины и факторы СЛ. Здесь нужно пояснить, что такой подход является не совсем оправданным, поскольку причины предполагают причинно-следственную связь, а факторы – корреляционную. Так, например, СЛ не возникает вследствие выполнения тривиального и легкого задания, но характер задания может повлиять на степень выраженности этого эффекта. Отметим также, что все факторы СЛ можно условно поделить на ситуационные и диспозиционные.

Все модели СЛ не являются исчерпывающим описанием причин и факторов рассматриваемого феномена. Так, например, несмотря на наличие эмпирических и теоретических исследований, во всех моделях не рассматривается влияние на СЛ таких факторов, как возраст, религия, способ формирования групп, стадии развития групп, социальный остракизм

4. Почти во всех моделях рассматривается влияние на выраженность СЛ таких ситуационных факторов, как индивидуализм/коллективизм, размер группы, характеристики задания и степень сплоченности группы.

5. Практически во всех моделях (кроме моделей С.М. Давуди с коллегами) игнорируются диспозиционные факторы СЛ.

6. Все модели СЛ не являются исчерпывающим описанием причин и факто-

ров рассматриваемого феномена. Так, например, несмотря на наличие эмпирических и теоретических исследований, во всех моделях не рассматривается влияние на СЛ таких факторов, как возраст, религия, способ формирования групп, стадии развития групп, социальный остракизм и т.д., и практически во всех (за исключением МКУ С.Дж. Каро и К.Д. Уильямса) – гендер. Однако, скорее всего, создание какой-то одной исчерпывающей модели возникновения СЛ невозможно. Ведь этот феномен изучается учеными различных стран в рамках нескольких наук уже более 100 лет.

Подводя итог сказанному, отметим, что

данная статья не претендует на исчерпывающее рассмотрение всех моделей возникновения СЛ (возможно, в литературе можно найти и другие модели рассматриваемого эффекта) и, тем более, всех причин и факторов этого феномена. Кроме того, в данной работе не производится интеграция рассмотренных зарубежных моделей. Поэтому в дальнейшем необходимо сделать это и разработать новую модель возникновения СЛ или же четко прописать причины и факторы этого феномена.

Также стоит сказать, что в данной работе рассматривались только модели возникновения СЛ. В ней ничего не го-

ворилось о современных тенденциях исследования таких аспектов СЛ, как особенности восприятия этого феномена, толерантность к социальным бездельникам и приманка для социальных бездельников. В будущих исследованиях необходимо проанализировать модели и точки зрения зарубежных ученых относительно названных аспектов СЛ.

Также в дальнейшем, в связи с отсутствием, по нашим данным, модели воз-

никновения социальной компенсации (СК), необходимо ее разработать. После анализа причин и факторов и/или разработки моделей СК, СЛ и различных аспектов СЛ можно выработать для ру-

ководителей/лидеров различных групп рекомендации, позволяющие управлять СЛ/СК. Думается, соблюдение этих рекомендаций позволит не только повысить групповую производительность, но и бу-

дет способствовать повышению удовлетворенности людей своей деятельностью в группе и, в целом, окажет благотворное влияние на самооценку и «Я»-концепцию индивидов, работающих в группах.

Литература:

- Барон Р., Керр Н., Миллер Н. Социальная психология группы: процессы, решения действия : учеб. пособие. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 272 с.
- Гулевич О.А. Социальная психология справедливости. – Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – 284 с.
- Евтихов О. В. Психология управления персоналом: теория и практика : учеб. пособие. – Санкт-Петербург : Речь, 2010. – 319 с.
- Ойстер К. Социальная психология групп : учеб. пособие. – Санкт-Петербург : прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 224 с.
- Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. – Москва : Фонд Экономической Инициативы, 1995. – 165 с.
- Семечкин Н.И., Стратилат К.Н. Социальная лень и ее связь с диспозиционными характеристиками личности: обзор зарубежных исследований // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 6 (26). – С. 84–89.
- Стратилат К.Н., Семечкин Н.И. Гендерные различия в проявлении социальной лени: пересмотр проблемы // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10. – № 4. – С. 169–181.
- Стратилат К.Н. Изучение феномена социальной лени в отечественной психологии [Электронный ресурс] // SCI-ARTICLE. – 2015. – № 27 : [сайт]. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1447132481> – (дата обращения 25.06.2016).
- Стратилат К.Н., Семечкин Н.И. Кросскультурные исследования социальной лени // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2014. – № 1 (17). – С. 122–128.
- Стратилат К.Н., Семечкин Н.И. Опыт экспериментального исследования социальной лени на выборке российских мужчин и женщин // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2015. – № 1. – С. 124–132.
- Холодков А.В. Особенности мотивации персонала крупных промышленных предприятий [Электронный ресурс] // Журнал управления персоналом. – 2008. – № 12 : [сайт] URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1644> – (дата обращения 02.08.2015).
- Comer, D.R. (1995) A Model of Social Loafing in Real Work Groups. *Human Relations*. 48(6), 647–667. doi: 10.1177/001872679504800603
- Davoudi, S.M., Oraji, S., & Kayr, R. (2012) Social Loafing as a Latent Factor in Organizations: Productivity Loss in Group Work. *A Journal of Economics and Management*. 1(2), 1–12.
- George, J. (1995) Asymmetrical effects of rewards and punishments: the case of social loafing. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 1. Retrieved from: <http://www.highbeam.com/doc/1G1-17837231.html> (accessed: 07.10.2017).
- Harkins, S.G., & Jackson, J.M. (1985) The role of evaluation in eliminating social loafing. *Journal of Personality and Social Psychology*, 11, 457–465. doi: 10.1177/0146167285114011
- Harkins, S.G., & Szymanski, K. (1989) Social Loafing and Group Evaluation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56 (6), 934–941. doi: 10.1037/0022-3514.56.6.934
- Hassan, E.S. (2010) Investigate the major reasons that increase social loafing in a team to improve morale and team productivity: project Paper Submitted in Partial Fulfillment of the Requirement for the Degree of Master of Business Administration. Malaysia, Open University Malaysia.
- Hernandez-Pozas, O. (2005) The effect of allocentrism – idiocentrism, long-term relationship and relationship meaningfulness on social loafing: a field – based study. Monterrey, Latin kollokium predoctoral.
- Honeywell-Johnson, & J.A., Dickinson A.M. (1999) Small Group Incentives: A Review of the Literature. *Journal of Organizational Behavior Management*, 19(2), 89–121. doi: 10.1300/J075v19n02_06
- Ingham A.G., Levinger G., Graves J., & Peckham V. (1974) The Ringelmann effect: Studies of group size and group performance. *Journal of Experimental Social Psychology*, 10, 371–384. doi: 10.1016/0022-1031(74)90033-X
- Jackson, J.M., & Harkins, S. G. (1985) Equity in Effort: An Explanation of the Social Loafing Effect. *Journal of Personality and Social Psychology*, 49 (5), 1199–1206. 10.1037/0022-3514.49.5.1199
- Karau, S.J., & Williams, K.D. (1993) Social Loafing: A meta – analytic review and theoretical integration. *Journal of Personality and Social Psychology*, 65(4), 681–706. doi: 10.1037/0022-3514.65.4.681
- Karau, S.J., & Williams K.D. (1991) Social Loafing and Social Compensation: The Effects of Expectations of Co-Worker Performance. *Journal of Personality and Social Psychology*. 4, 570–581.
- Karau, S.J., & Williams, K.D. (1995) Social Loafing: Research Findings, Implications and Future Directions. Cambridge University Press, 1–8. doi: 10.1111/1467-8721.ep10772570
- Kerr, N.L., & Bruun, S. E. (1983) Dispensability of Member Effort and Group Motivation Losses: Free-Rider Effects. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44 (1), 78–94. doi: 10.1037/0022-3514.44.1.78
- Kidwell, R.E., & Bennett, N. (1993) Employee Propensity to withhold effort: a Conceptual Model to Intersect Three Avenues of Research. *Academy of Management Review*, 18 (3), 429–456.
- Kravitz, D.A., & Martin, B. (1986) Ringelmann Rediscovered: The Original Article. *Journal of Personality and Social Psychology*, 50 (5), 936–941/ doi: 10.1037/0022-3514.50.5.936

- Latane, B., Williams, K., & Harkins, S. (1979) Many Hands Make Light the Work: The Causes and Consequences of Social Loafing. *Journal of Personality and Social Psychology*, 37 (6), 822–832. doi: 10.1037/0022-3514.37.6.822
- Liden, R.C., Wayne, S.J., Jaworski, R.A., & Bennett, N. (2004) Social Loafing: A Field Investigation. *Journal of Management*, 30(2), 285–304. doi: 10.1016/j.jm.2003.02.002
- Peterson, C., Zaccaro, S.J., & Daly, D.C. (1986) Learned Helplessness and the Generality of Social Loafing. *Cognitive Therapy and Research*, 10(5), 563–570. doi: 10.1007/BF01177819
- Piezon, S.L., & Ferree, S. L. (2008) Perceptions of Social Loafing in Online Learning Groups: A study of Public University and U.S. Naval War College students. IRRODL. The international review of research in open and distance learning. 9 (2), Retrieved from: <http://www.irrodl.org/index.php/irrodl/article/view/484/1034>. (accessed: 07.10.2017).
- Shepperd, J.A., & Taylor, K.M. (1999) Social Loafing and Expectancy-Value Theory. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 25 (9), 1147–1158. doi: 10.1177/01461672992512008
- Szymanski, K., & Harkins, S.G. (1987) Social Loafing and Self-Evaluation With a Social Standard. *Journal of Personality and Social Psychology*. 53 (5), 891–897. doi: 10.1037/0022-3514.53.5.891
- Vermeulen, P., Vissers, G., & Benders, J. (2004) Do Loafers Shirk? The relation between team performance and individual effort: Fourth International Workshop on Teamworking. Nijmegen.
- Zhu, M. (2013) Perception of Social Loafing, Conflict and Emotion in the Process of Group Development: Dissertation. In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Minnesota, University of Minnesota.

References:

- Baron, R., Kerr, N., & Miller, N. (2003) *Social Psychology of the Group: Processes, Decisions of Action: Textbook*. St. Petersburg: Peter, 272.
- Evtikhov, O.B. (2010) *Psychology of Personnel Management: Theory and Practice: Textbook*. allowance St. Petersburg, Rech', 319.
- Comer, D.R. (1995) A Model of Social Loafing in Real Work Groups. *Human Relations*. 48(6), 647–667. doi: 10.1177/001872679504800603
- Davoudi, S.M., Oraji, S., & Kayr, R. (2012) Social Loafing as a Latent Factor in Organizations: Productivity Loss in Group Work. *A Journal of Economics and Management*. 1(2), 1–12.
- George, J. (1995) Asymmetrical effects of rewards and punishments: the case of social loafing. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 1. Retrieved from: <http://www.highbeam.com/doc/1G1-17837231.html> (accessed: 07.10.2017).
- Gulevich, O.A. (2011) *Social psychology of justice*. Moscow, Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN», 284.
- Harkins, S.G., & Jackson, J.M. (1985) The role of evaluation in eliminating social loafing. *Journal of Personality and Social Psychology*, 11, 457–465. doi: 10.1177/0146167285114011
- Harkins, S.G., & Szymanski, K. (1989) Social Loafing and Group Evaluation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56 (6), 934–941. doi: 10.1037/0022-3514.56.6.934
- Hassan, E.S. (2010) Investigate the major reasons that increase social loafing in a team to improve morale and team productivity: project Paper Submitted in Partial Fulfillment of the Requirement for the Degree of Master of Business Administration. Malaysia, Open University Malaysia.
- Hernandez-Pozas, O. (2005) The effect of allocentrism – idiocentrism, long-term relationship and relationship meaningfulness on social loafing: a field – based study. Monterrey, Latin kollokium predoctoral.
- Honeywell-Johnson, & J.A., Dickinson A.M. (1999) Small Group Incentives: A Review of the Literature. *Journal of Organizational Behavior Management*, 19(2), 89–121. doi: 10.1300/J075v19n02_06
- Ingham A.G., Levinger G., Graves J., & Peckham V. (1974) The Ringelmann effect: Studies of group size and group performance. *Journal of Experimental Social Psychology*, 10, 371–384. doi: 10.1016/0022-1031(74)90033-X
- Jackson, J.M., & Harkins, S. G. (1985) Equity in Effort: An Explanation of the Social Loafing Effect. *Journal of Personality and Social Psychology*, 49 (5), 1199–1206. doi: 10.1037/0022-3514.49.5.1199
- Karau, S.J., & Williams, K.D. (1993) Social Loafing: A meta – analytic review and theoretical integration. *Journal of Personality and Social Psychology*, 65(4), 681–706. doi: 10.1037/0022-3514.65.4.681
- Karau, S.J., & Williams K.D. (1991) Social Loafing and Social Compensation: The Effects of Expectations of Co-Worker Performance. *Journal of Personality and Social Psychology*. 4, 570–581.
- Karau, S.J., & Williams, K.D. (1995) *Social Loafing: Research Findings, Implications and Future Directions*. Cambridge University Press, 1–8. doi: 10.1111/1467-8721.ep10772570
- Kerr, N.L., & Bruun, S. E. (1983) Dispensability of Member Effort and Group Motivation Losses: Free-Rider Effects. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44 (1), 78–94. doi: 10.1037/0022-3514.44.1.78
- Kholodkov, A.V. (2008) Features of personnel motivation of large industrial enterprises. [*Zhurnal upravleniya personalom*]. 12. Retrieved from: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1644> (accessed: August 2, 2015).
- Kidwell, R.E., & Bennett, N. (1993) Employee Propensity to withhold effort: a Conceptual Model to Intersect Three Avenues of Research. *Academy of Management Review*, 18 (3), 429–456.
- Kravitz, D.A., & Martin, B. (1986) Ringelmann Rediscovered: The Original Article. *Journal of Personality and Social Psychology*, 50 (5), 936–941/ doi: 10.1037/0022-3514.50.5.936
- Latane, B., Williams, K., & Harkins, S. (1979) Many Hands Make Light the Work: The Causes and Consequences of Social Loafing. *Journal of Personality and Social Psychology*, 37 (6), 822–832. doi: 10.1037/0022-3514.37.6.822

- Liden, R.C., Wayne, S.J., Jaworski, R.A., & Bennett, N. (2004) Social Loafing: A Field Investigation. *Journal of Management*, 30(2), 285–304. doi: 10.1016/j.jm.2003.02.002
- Oyster, C. (2004) Groups: a user's guide. St. Petersburg, Praim-EVROZNAK, 224.
- Olson, M. (1995) Logic of collective action. Public goods and group theory. Moscow, Fond Ekonomicheskoy Initsiativy, 165.
- Peterson, C., Zaccaro, S.J., & Daly, D.C. (1986) Learned Helplessness and the Generality of Social Loafing. *Cognitive Therapy and Research*, 10(5), 563–570. doi: 10.1007/BF01177819
- Piezon, S.L., & Ferree, S. L. (2008) Perceptions of Social Loafing in Online Learning Groups: A study of Public University and U.S. Naval War College students. IRRODL. The international review of research in open and distance learning. 9 (2), Retrieved from: <http://www.irrodl.org/index.php/irrodl/article/view/484/1034>. (accessed: 07.10.2017).
- Semechkin, N.I., & Stratilat, K.N. (2013) Social policy and its relation to dispositional characteristics of the individual: a review of foreign research. *[Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke]*, 6 (26), 84–89.
- Shepperd, J.A., & Taylor, K.M. (1999) Social Loafing and Expectancy-Value Theory. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 25 (9), 1147–1158. doi: 10.1177/01461672992512008
- Stratilat, K.N., & Semechkin, N.I. (2013) Gender differences in the manifestation of social indolence: a revision of the problem. *[Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki]*, 10(4), 169–181.
- Stratilat, K.N. (2015) Studying the phenomenon of social loafing in national psychology. SCI-ARTICLE. 27. Retrieved from: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1447132481> – (accessed: June 25, 2016).
- Stratilat, K.N., & Semechkin, N.I. (2014) Cross-cultural studies of social laziness. *[Vestnik Permskogo universiteta]*. Philosophy. Psychology. Sociology. 1 (17), 122–128.
- Stratilat, K.N., & Semechkin, N.I. (2015) Experience in the experimental study of social laziness on a sample of Russian men and women. *[Vestnik Moskovskogo universiteta]*. Series 14. Psychology, 1, 124–132.
- Szymanski, K., & Harkins, S.G. (1987) Social Loafing and Self-Evaluation With a Social Standard. *Journal of Personality and Social Psychology*. 53 (5), 891–897. doi: 10.1037/0022-3514.53.5.891
- Vermeulen, P., Vissers, G., & Benders, J. (2004) Do Loafers Shirk? The relation between team performance and individual effort: Fourth International Workshop on Teamworking. Nijmegen.
- Zhu, M. (2013) Perception of Social Loafing, Conflict and Emotion in the Process of Group Development: Dissertation. In Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Minnesota, University of Minnesota.

Психосемантическое исследование визуального восприятия женщин мужчинами (Российская ментальность)

В.Ф. Петренко

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

А.П. Супрун

Институт системного анализа Российской академии наук, Москва, Россия

Н.Г. Янова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Поступила 1 сентября 2017/ Принята к публикации: 14 октября 2017

Psychosemantic study of female visual perception of men (Russian mentality)

Victor F. Petrenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Anatoliy P. Suprun*

Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Natalia G. Yanova

Altai State University, Barnaul, Russia

* Corresponding author E-mail: anatoly.suprun@gmail.com

Received July September 1, 2017 / Accepted for publication: October 14, 2017

Актуальность (контекст) тематики статьи. Оценка визуального объекта воспринимающим субъектом зависит как от особенностей объекта (качеств, характеристик, свойств), так и от особенностей субъекта восприятия (ментальности, врожденных архетипов, пола, системы эстетических представлений, системы ценностей, мотивации и т.д.). Поэтому говоря о внешней красоте, мы должны предварительно построить типологию субъектов оценивания, а затем уже проводить анализ предпочтений внутри однородных групп.

Цель. Выделение признаков и смысловых интерпретаций визуальных предпочтений – задача комплексная. Мы ограничиваем ее решение поисковым, пилотажным исследованием предположительно более или менее однородной выборки студентов мужского пола одного из сибирских вузов.

Описание хода исследования. В исследовании принимали участие 30 мужчин в возрасте 20–23 лет одного из сибирских вузов. Испытуемым предъявлялись 9 фотографий женщин, которые они должны были ранжировать по 8 дескрипторам, предварительно обсуждаемых в фокус-группах. Ранжирование фото-портретов осуществлялось в отношении двух мотивов: желания достижения физической близости и возможности достижения счастья с данной женщиной.

Результаты исследования. Было выявлено четыре основных независимых фактора оценки женщин мужчинами, объясняющие 89% общей дисперсии. Мотивационный вектор определялся как некоторое направление в семантическом пространстве, задающее самое оптимальное соотношение факторов, необходимых для удовлетворения существующей потребности. Проекции каждой координаты вектор-объекта всех осей семантического пространства на заданные мотивационные направления позволяют определить конкретный вклад каждого фактора в мотивационную значимость каждого объекта по любому мотиву.

Выводы. Психосемантический подход может быть реализован при решении широкого спектра задач при исследовании различных предпочтений человека (рекламы, моды, имиджа социально значимых лиц, объектов восприятия искусства и т.п.), а также для анализа мотивации человека, на которой основана система его предпочтений. Векторные описания, используемые в психосемантике, открывают психологу возможность применять математический аппарат и аналоги методов естественных наук для анализа менталитета человека и его картины мира.

Ключевые слова: межличностное восприятие, визуальный образ, привлекательность, мотивация, семантическое пространство, факторный анализ.

Background. The evaluation of the visual object by the perceiving subject depends both on the features of the object (qualities, characteristics, properties), on the one hand, and the characteristics of the subject of perception (mentality, inherent archetypes, gender, aesthetic representations, value systems, motivation, etc.). Therefore, speaking about external beauty, we must first build a typology of subjects of evaluation, and then conduct an analysis of preferences within homogeneous groups.

Objective. Isolation of signs and semantic interpretations of visual preferences is a complex task. We limit its decision to a search, pilotage study of a supposedly more or less homogeneous sample of male students from one of the Siberian universities, Russia.

Design. The study involved 30 males aged 20–23 years. The subjects were presented with 9 photographs, which they had to rank according to 8 descriptors discussed in focus groups previously. The ranking of photo portraits was carried out with respect to two motives: the desire to have physical intimacy and the possibility to be happy with woman in the photo.

Conclusion. Four main independent factors of female's estimation of men were revealed, which explained 89 per cent of the total variance. Motivational vector is identified as a certain direction in the semantic space that defines the most optimal ratio of factors required to meet the existing needs. Projections of each coordinate of the vector object of all axes of the semantic space allow to determine the contribution of each factor to the motivational significance of the objects.

The psychosemantic approach can be realized when solving a wide range of research in the study of human preferences (advertising, fashion, image of socially significant persons, objects of perception of art, etc.), and also to analyze the motivation of the person on whom the system of his preferences is based. Vector descriptions used in psychosemantics provides the psychologist with the opportunity to apply the mathematical methods and analogues of the natural sciences methods to analyze the mentality of a person and his/her individual picture of the world.

Keywords: interpersonal perception, visual image, attractiveness, motivation, semantic space, factor analysis.

Внося суждение – «это красивая женщина», мы даем оценочную характеристику не только облику самой женщины, но и имплицитно характеризуем самих себя (Harlow, 1966; Auckett, Ritchie, Mill 1988; Basow, 1992:), ибо представление о женской красоте было весьма различным в разные периоды истории человечества. В неолите, судя

рождения эталоном стали полнотелые рубенсовские красавицы, а в настоящее время – анорексичные модели «унисекс».

На вариативность представления о красоте необходимо еще наложить этно-национальную специфику многообразия человеческих культур, подчас обретающих вредоносный для здоровья аспект. Вспомним искусственно дефор-

Оценка визуального объекта воспринимающим субъектом зависит, как минимум, от особенностей (качеств, характеристик, свойств) объекта и от особенностей субъекта восприятия (ментальности, врожденных архетипов, системы эстетических представлений, системы ценностей, мотивации и т.д.)

по найденной археологами скульптуре «неолитической Евы», красивыми считались женщины с гипертрофированными половыми признаками такими, как большой размер бедер и груди (как признаки способности к деторождению), крупные формы (необходимые для выживания в суровых условиях) и т.п. В эпоху Воз-

мированные, уродливые (с нашей точки зрения) малосенькие ножки китайок в средневековье, искусственно удлиненные шеи некоторых народностей Африки и Юго-Восточной Азии, неестественную бледность, обусловленную потреблением уксуса, рафинированных красавиц Европы прошлых веков. То

есть, представление о физической красоте весьма различно в разных культурах, хотя и наличествуют определенные универсальные инварианты, характеризующие здоровье на уровне, как фенотипа, так и генотипа, отражающие фертильность и способность к рождению здорового потомства.

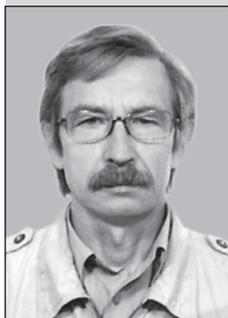
Оценка визуального объекта воспринимающим субъектом зависит, как минимум, от особенностей (качеств, характеристик, свойств) объекта и от особенностей субъекта восприятия (ментальности, врожденных архетипов, системы эстетических представлений, системы ценностей, мотивации и т.д.) (Узнадзе 1969; Arkes, Garske, 1982; Heider, 1960; Kelley, 1971). Поэтому, говоря о красоте женщин как о характеристике самих женщин, мы должны предварительно построить типологию субъектов оценивания, а затем уже проводить анализ предпочтений внутри однородных групп (Берн, 2001; Ильин, 2002; Семенов, 1973). Таким образом, корректно говорить только о предпочтениях, присущих представителям данной культуры, данной социальной группы, на данный момент времени (Brenner, Tomkiewicz, 1989; Werner, 1972; Young, 1961).

Задача выделения признаков и смысловых интерпретаций визуальных предпочтений – задача комплексная. Мы ограничиваем ее решение поисковым, пилотажным исследованием предположительно более или менее однородной выборки студентов мужского пола одного из сибирских вузов.

Виктор Федорович Петренко –

доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, зав. лабораторией «Психология общения и психосемантика» факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. лабораторией «Когнитивные исследования» Института системного анализа РАН
E-mail: victor-petrenko@mail.ru
Web: <http://www.psy.msu.ru/people/petrenko.html>

Анатолий Петрович Супрун –

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории «Когнитивные исследования» Института системного анализа РАН
E-mail: anatoly.suprun@gmail.com
Web: <https://istina.msu.ru/profile/Akkem/>

Наталья Геннадьевна Янова –

кандидат социологических наук, доцент, зав. базовой кафедрой психометрики и педагогической квалиметрии факультета психологии и педагогики Алтайского государственного университета
E-mail: yanova@sny-research.com
Web: http://www.asu.ru/univer_about/personalities/178/

Процедура исследования

В исследовании принимали участие 30 мужчин в возрасте 20–23 лет.

На первом этапе испытуемым предъявлялись 9 фотографий женщин (см. ниже фото 1–9), которые они должны были ранжировать по 8 дескрипторам таким, как красивая женщина, потенциальная жена, потенциальная любовница (секс-партнер), надежный товарищ, заботливая опекунша, социальный и семейный лидер, послушный исполнитель, интересный собеседник, оказывающийся в центре внимания. Дескрипторы предварительно обсуждались в фокус-группах.

Это позволило до некоторой степени согласовать их неизбежную семантическую расплывчатость.

Кроме того, ранжирование фото-портретов осуществлялось в отношении двух мотивов: достижение физической близости и достижение счастья с данной женщиной. После нахождения средних рангов осуществлялось построение семантического пространства по стандартной методике (Петренко, 2010).

Факторный анализ (метод главных компонент после варимакс-вращения) показал, что мужчинам свойственны четыре основные независимые критерия оценки женщин (см. табл. 1).

Первый фактор F1 определяет «потенциальную супругу» (0,92), физически привлекательную (0,69), достаточно волевою, способную брать решение на себя (0,62) и заботливую (0,56). Показательно, но «потенциальная супруга» оказалась не ассоциирована в одном факторе с сексуальной «потенциальной любовницей».

Второй фактор F2 включает способность быть интересным собеседником (0,92), а также качества семейного и социального лидера (0,71), т.е. способность быть центром общества, блистать в компании друзей или коллег.

Третий фактор F3 включает роль надежного товарища или «girl-friend» (0,95), которая может быть и сексуальным партнером (0,78).

Четвертый критерий F4 исключает сексуальное партнерство (-0,55) и характеризует роль послушного исполнителя, помощника (0,95) и опекуна (0,55). Так можно характеризовать близкую родственницу и преданную подругу.

Второй этап исследования заключался в определении возможности (с точки зрения мужской выборки) каждой женщины (из нашего набора фотографий) быть способной к реализации двух выбранных нами мотивов: «достижения близости с этой женщиной» и «достижения семейного счастья с этой женщиной».

На втором этапе исследования нас интересовало то, как реализуются выделенные нами факторы при актуализации двух выбранных мотивов. Согласно А.Н. Леонтьеву, мотив всегда имеет определенную направленность на предмет потребности (некоторую совокупность ресурсов – свойств объектных и инстру-

Фото 1.
Photo 1.

Фото 2.
Photo 2.

Фото 3.
Photo 3.

Фото 4.
Photo 4.

Фото 5.
Photo 5.

Фото 6.
Photo 6.

Фото 7.
Photo 7.

Фото 8.
Photo 8.

Фото 9.
Photo 9.

Табл. 1. Факторные веса основных критериев оценки женщин мужчинами

Свойства	Факторы			
	F1	F2	F3	F4
Объект мужской гордости и престижа (физическая привлекательность, женственность, спортивность)	0,69	0,19	0,33	-0,48
Потенциальная жена	0,92	0,09	-0,07	-0,13
Сексуальная, потенциальная любовница	0,03	0,19	0,78	-0,55
Верный друг, надежный коллега	0,05	0,11	0,95	0,11
Заботливый опекун (поможет в бедах, болезнях и несчастьях)	0,56	0,44	-0,12	0,52
Социальный и семейный лидер	0,62	0,71	0,05	0,08
Послушный исполнительный помощник	-0,19	0,04	0,01	0,95
Интересный собеседник, коммуникативный лидер в коллективе	0,03	0,92	0,23	-0,03
Общая дисперсия, объясняемая фактором	2,06	1,65	1,70	1,74

Table 1. Factor loading of the main evaluation criteria for women

Properties	Factors			
	F1	F2	F3	F4
The object of male pride and prestige (physical attractiveness, femininity, athletic appearance)	0,69	0,19	0,33	-0,48
Potential wife	0,92	0,09	-0,07	-0,13
Sexual, potential love-maker	0,03	0,19	0,78	-0,55
A faithful friend, a reliable colleague	0,05	0,11	0,95	0,11
Careful guardian (will help in trouble, illness and misfortune)	0,56	0,44	-0,12	0,52
Social and family leader	0,62	0,71	0,05	0,08
Obedient, compassionate, ready to help	-0,19	0,04	0,01	0,95
An interesting interlocutor, a communicative leader in a team	0,03	0,92	0,23	-0,03
The overall variance attributable to the factor	2,06	1,65	1,70	1,74

Табл. 2. Мотивационный вектор физической близости

Категории	Семантические координаты мотивационного вектора M1
f_1	0,09
f_2	0,27
f_3	0,94
f_4	-0,19

Table 2. Motivational vector of physical intimacy

Category	Semantic coordinates of motivational vector M1
f_1	0,09
f_2	0,27
f_3	0,94
f_4	-0,19

Табл. 3. Мотивационный вектор семейных отношений

Категории	Семантические координаты мотивационного вектора M2
f_1	0,59
f_2	0,53
f_3	0,07
f_4	-0,57

Table 3. Motivational vector of family relations

Category	Semantic coordinates of motivational vector M2
f_1	0,59
f_2	0,53
f_3	0,07
f_4	-0,57

ментальных, необходимых для реализации актуальной потребности) и, следовательно, при формализации описывается как величина векторная. Причем, сам мотив, как правило, не осознается, и его реальная направленность и субъективная интерпретация могут сильно расходиться. Поэтому, вначале мы просили испытуемых дать вербальную субъективную оценку значимости (выраженности) всех четырех факторов (в интервале 0–1), а затем проранжировать все фотографии по первому и второму мотивам.

Исходя из вышесказанного, мотивационный вектор **M** определялся нами как единичный вектор (направление) в семантическом пространстве, задаю-

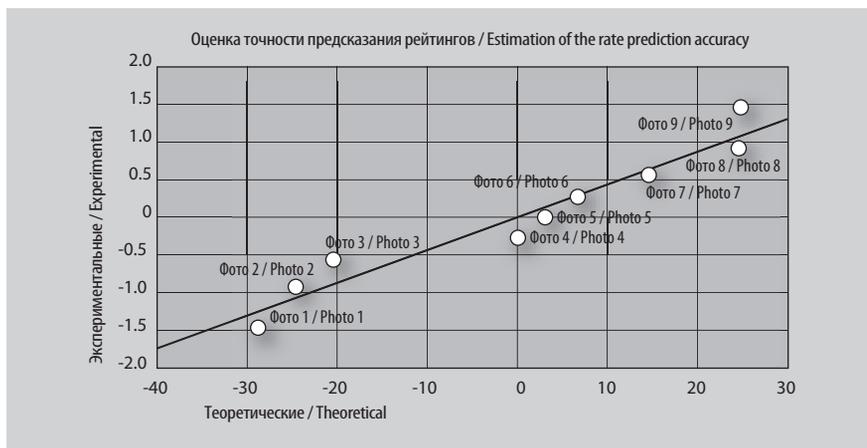

Рис. 1. Оценка точности предсказания рейтингов мотивации семейных отношений
Fig. 1. Estimation of the prediction accuracy of the motivation of family relations rate

щий самое оптимальное соотношение факторов, необходимое для удовлетворения актуальной потребности (Супрун, Янова, Носов, 2013; Петренко, Супрун, 2012). Предполагалось, что проекции всех векторов, описывающих соответствующие объекты (9 фото) в 4-мерном факторном пространстве (F1–F4), на этот мотивационный вектор **M** (теоретические рейтинги R_t) будут соответствовать желательности (экспериментальным рейтингам R_e) данных объектов по данному мотиву¹. Эта проекция будет тем больше, чем ближе вектор объекта будет находиться к направлению на мотив. Эта близость отражает ценность и значимость данного ресурса. Именно эта составляющая и является средством удовлетворения данной потребности, в отличие от ортогональной ее составляющей, являющейся своеобразным невосребованным балластом. В качестве объективной меры точности (ϵ) построения мотивационного вектора можно взять коэффициент корреляции между экспериментальными R_e и теоретическими R_t рейтингами (рассчитанными по соответствующим проекциям вектор-объекта на мотивационное направление).

Мотивация физической близости. Семантические координаты (f_i) мотивационного вектора **M1** (возможность физической близости) представлены в табл. 2. Точность построения **M** в данном случае равна: $\epsilon = 0,70$ ($r = 0,70$ ($P < 0,05$)).

Интересно отметить, что, согласно опросам, в своей мотивации физической

близости с женщиной мужчины в равной мере указывали на все 4 фактора, однако семантический анализ показывает, что реально работает только третий фактор. Именно угловая близость вектора-объекта к этому направлению **M1** фактически и определяет желательность объекта для субъекта.

Мотивация семейных отношений. Мотивационный вектор **M2** по условию «достижение счастья с этой женщиной» имеет координаты в семантическом пространстве, представленные в табл. 3. Близость объектов к этому направлению обеспечивает максимальное соответствие с ролью потенциальной жены.

Субъективная желательность ее по факторам составила: (0,95; 0,94; 0,32; -0,95), что в некоторой степени отражает реальные пропорции факторов в оценке: (0,59; 0,53; 0,07; -0,57). Корреляция между экспериментальными и теоретическими рангами (ϵ) равна 0,82 ($P < 0,05$).

На рисунке 1 в качестве примера показан график уравнения регрессии экспериментальных рейтингов R_e и теоретических R_t . Как видно из рисунка, достигается достаточно хорошее соответствие между теоретическими и экспериментальными рейтингами.

Свое счастье мужчины связывают, прежде всего, с первым фактором и такими качествами женщины, как семейный партнер, надежный друг, лидер. Интересно отметить, что для молодых мужчин «исполнительность» и «опека» отрицательно влияют на ожидание «счастья».

¹ Это являлось условием нахождения мотивационного вектора. Подробнее см. в статье (Петренко, Супрун, 2012).

По-видимому, эти качества создают образ старшего родственника и порождают другую установку по отношению к женщине. И опять мы видим, что для мужчин семейное счастье непосредственно не ассоциировано с сексуальными отношениями – семейный партнер выбирается по иным критериям.

Точно также мы можем найти проекции каждой координаты вектор-объекта всех осей семантического пространства на заданные направления и определить конкретный вклад каждого фактора в мотивационную значимость (рейтинг) каждого объекта как предмета соответствующей потребности (см. табл. 4,5 и рис. 2,3). Фактически мы сразу же наглядно видим «из чего состоит» рейтинг каждого объекта по каждому мотиву.

Рассматривая объект как фактор связи различных свойств, мы автоматически выходим на ряд квантовых эффектов: множественность значений объекта или его состояний, их дискретность и т.д. Фактически это связано с тем, что объекты во второй сигнальной системе (Павлов, 1957) определяются из разных систем референции (различных субъективных реальностей или систем отсчета) для удовлетворения разных потребностей (целей) и в различных условиях.

Очевидно, что в рамках одной ментальности, то есть у индивидов, живущих в сходных условиях и имеющих сходные актуальные потребности, должна образовываться общая смысловая семиотическая система коммуникаций.² Кроме того, все смысловые интерпретации объектов должны в рамках однородной ментальности реализовываться с определенной вероятностью.³ Это связано с тем, что актуализация той или иной интерпретации зависит от контекста конкретных ситуаций, частота которых определяется общими условиями жизни и окружения этих людей. Если эти условия отличаются, то нарушается и адекватность коммуникаций (понимание людьми друг друга) (Petrenko, Suprun, 2012). В качестве примера можно вспомнить поведение полуграмотной цветочницы Элизы Дулиттл

Табл. 4. Индивидуальные вклады факторов в мотив «Близость» (R-рейтинг)

Предметы исследования	f ₁	f ₂	f ₃	f ₄	R
Фото 1	6,51	73,77	-4,39	-11,76	132,41
Фото 2	-10,22	-53,63	-4,90	-0,62	2,15
Фото 3	9,16	50,89	-264,17	22,27	-421,59
Фото 4	-19,16	13,81	51,41	-28,38	-18,02
Фото 5	8,72	26,42	-163,27	24,55	24,01
Фото 6	-5,36	-8,29	179,74	-40,69	-5,31
Фото 7	-0,38	25,04	-89,08	-30,47	-6,65
Фото 8	-5,31	63,55	-99,21	-13,19	7,54
Фото 9	17,84	16,43	-68,12	19,47	5,13

Table 4. Individual contributions of factors to the "Intimacy" motive (R-rating)

Subject of research	f ₁	f ₂	f ₃	f ₄	R
Photo 1	6,51	73,77	-4,39	-11,76	132,41
Photo 2	-10,22	-53,63	-4,90	-0,62	2,15
Photo 3	9,16	50,89	-264,17	22,27	-421,59
Photo 4	-19,16	13,81	51,41	-28,38	-18,02
Photo 5	8,72	26,42	-163,27	24,55	24,01
Photo 6	-5,36	-8,29	179,74	-40,69	-5,31
Photo 7	-0,38	25,04	-89,08	-30,47	-6,65
Photo 8	-5,31	63,55	-99,21	-13,19	7,54
Photo 9	17,84	16,43	-68,12	19,47	5,13

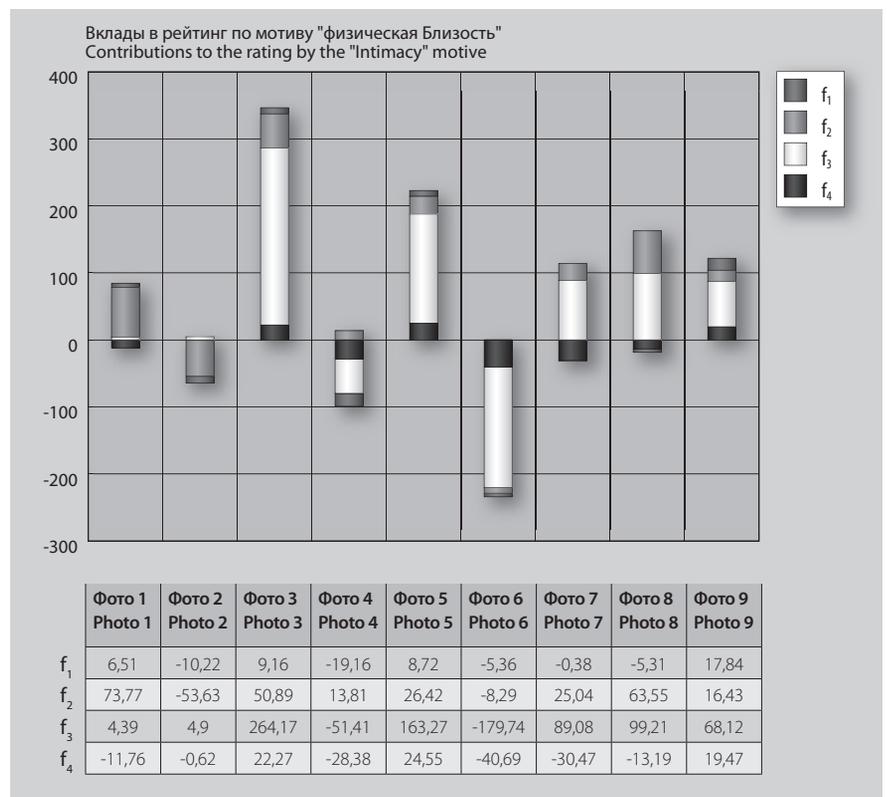

Рис. 2. Вклады факторов в рейтинг объектов по мотиву «Близость»

Fig. 2. Factor contributions to the object rating by the «Intimacy» motive

² Знаки только тогда приобретают смысл, когда за ними закреплены устойчивые значения.

³ Это также важно для адекватного понимания индивидуального поведения другими «субъектами». Если индивид использует в жизни маловероятные интерпретации, то он выглядит, по меньшей мере, странно. Например, при шизофрении больной из тройки объектов: «карандаш, бумага, ботинок» объединяет вместе «карандаш и ботинок» на том основании, что «оба оставляют след». С формальной точки зрения это логично. Однако обычно такая интерпретация крайне маловероятна у нормальных людей, поэтому остается чаще всего латентной.

Табл. 5. Индивидуальные вклады факторов в мотив «Счастье» (R-рейтинг)

Предметы исследования	f ₁	f ₂	f ₃	f ₄	R
Фото 1	0,26	19,57	-0,52	-6,92	21,17
Фото 2	-5,62	-13,34	-0,21	8,37	0,63
Фото 3	23,04	17,18	0,76	-1,51	56,97
Фото 4	-3,43	-5,02	-0,81	-23,75	-60,28
Фото 5	-3,76	5,52	1,98	-8,26	26,01
Фото 6	-11,53	-1,92	-2,15	-18,81	-3,18
Фото 7	-6,91	8,35	0,07	-11,03	-26,79
Фото 8	4,55	11,10	0,57	-21,28	21,25
Фото 9	8,37	13,72	1,59	10,17	18,61

Table 5. Individual contributions of factors to the «Happiness» motive (R-rating)

Subject of research	f ₁	f ₂	f ₃	f ₄	R
Photo 1	0,26	19,57	-0,52	-6,92	21,17
Photo 2	-5,62	-13,34	-0,21	8,37	0,63
Photo 3	23,04	17,18	0,76	-1,51	56,97
Photo 4	-3,43	-5,02	-0,81	-23,75	-60,28
Photo 5	-3,76	5,52	1,98	-8,26	26,01
Photo 6	-11,53	-1,92	-2,15	-18,81	-3,18
Photo 7	-6,91	8,35	0,07	-11,03	-26,79
Photo 8	4,55	11,10	0,57	-21,28	21,25
Photo 9	8,37	13,72	1,59	10,17	18,61

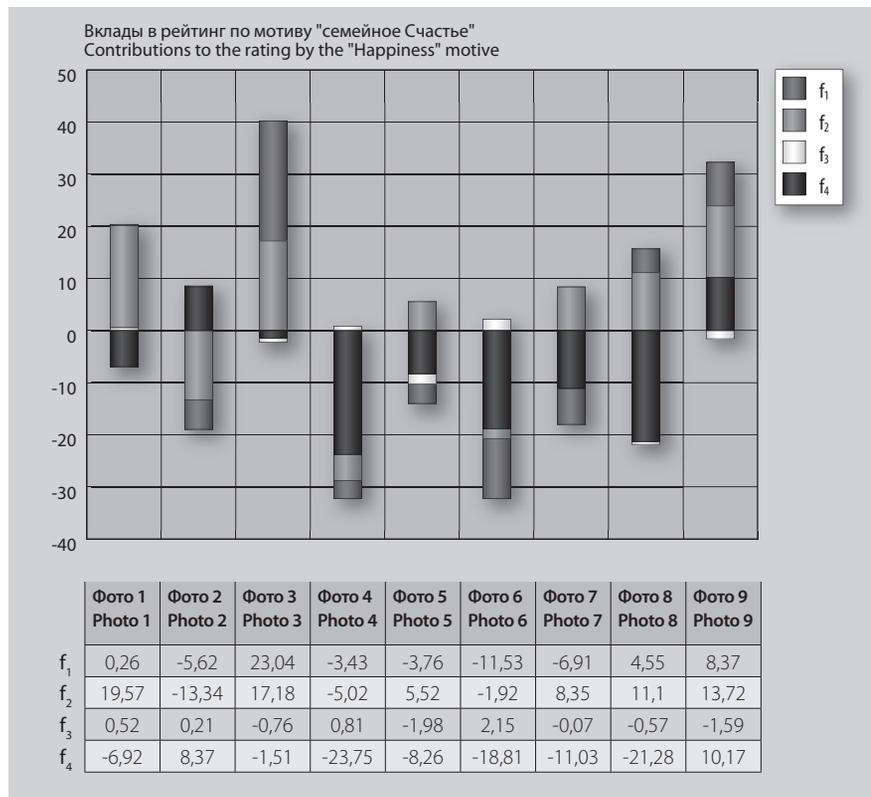

Рис. 3. Вклады факторов в рейтинг объектов по мотиву «Счастье»

Fig. 3. Factor contributions to the object rating by the «Happiness» motive

в светском окружении доктора Хиггинса в пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион».

Множественность интерпретаций любого понятия хорошо известна лингви-

стам (Кобозева, 2000) и частично представлена в толковых словарях. В них обычно указываются и области наиболее вероятного употребления конкретных значений (например, в просторечии, в диалекте, в науке и т.д.). Попытка описать объект как «самодостаточный», независимый от условий восприятия, неизбежно делает его многозначным и «виртуальным», как и квантовое описание системы (Петренко, Коротченко, Супрун, 2010; Petrenko, Korotchenko, Suprun, 2010, 2015; Супрун, 2016).

Общая форма описания объектов восприятия для различных респондентов

Опишем в общем виде то, как можно выделить возможные состояния восприятия или интерпретации каждого объекта для нашего случая. Мы имеем матрицы экспериментальных данных ($u_{qj}^{(i)}$) описаний L объектов ($i = 1, 2, \dots, L$) каждым из N респондентов ($q = 1, 2, \dots, N$). Каждая строка матрицы – это описание i -го объекта q -ым респондентом. В нашем случае мы имеем 9 матриц, в которых представлены описания каждого из 9 объектов всеми 30 испытуемыми (представлены его нормированные координаты в пространстве свойств). Респондент описывает объекты посредством n шкал-дескрипторов ($j = 1, 2, \dots, n$), в нашем случае $n=8$. Фактически, это аналогично проведению N независимых серий измерений⁴ L явлений (ситуаций, объектов) по n показателям.

Таким образом, результаты эксперимента можно представить в виде L матриц, которые описывают L объектов N респондентами, т.е. в каждой матрице содержится N описаний только одного из L объектов:

$$(u_{qj}^{(i)}) = \begin{Bmatrix} u_{11}^{(i)} & u_{12}^{(i)} & \dots & u_{1n}^{(i)} \\ u_{21}^{(i)} & u_{22}^{(i)} & \dots & u_{2n}^{(i)} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ u_{N1}^{(i)} & u_{N2}^{(i)} & \dots & u_{Nn}^{(i)} \end{Bmatrix}$$

Строки i -ой матрицы представляют собой векторы-описания i -го объекта q -ым респондентом: $(u_q^{(i)}) = \{u_{q1}^{(i)}, u_{q2}^{(i)}, \dots, u_{qj}^{(i)}, \dots, u_{qn}^{(i)}\}$

Очевидно, что в рамках конкретной ментальности эти векторы (после про-

⁴ Каждое восприятие здесь эквивалентно акту измерения состояния ментальности в конкретных условиях.

ведения факторного анализа) должны образовывать в n -мерном факторном пространстве достаточно узкие «пучки» вокруг согласованных мнений⁵ в отношении каждого из объектов, которым можно сопоставить единичные векторы⁶ $(s_m^{(i)})$. ($m = 1, 2, \dots, K$), где K – количество «пучков» векторов индивидуальных оценок (см. рисунок 4). Каждый вектор $(s_m^{(i)})$ задает некоторое общее для всей ментальности значение i -го объекта (его допустимую интерпретацию, общую для всех индивидов).

Таким образом, мы заменяем N индивидуальных оценок каждого объекта на K согласованных интерпретаций этого объекта.

Набор K общих согласованных устойчивых интерпретаций (или «значений» в лингвистике) каждого объекта в рамках изучаемой однородной ментальности⁷ будем называть независимыми состояниями объекта $(s_m^{(i)})$. ($m = 1, 2, \dots, K$). Вероятность актуализации каждого состояния, очевидно, пропорциональна количеству векторов, входящих в него.

В принципе можно использовать и другие инструменты для выделения со-

гласованных оценок объектов (например, кластерный анализ), но в этом случае состояния не будут ортогональными, и «виртуальное» (полное) описание объекта в семантическом пространстве нельзя будет представить, как простую сумму (суперпозицию, в терминах квантовой механики) отдельных состояний. Техника представлений найденных состояний в семантическом пространстве описана в работе (Петренко, Супрун, 2012, С. 19–24).

Заключение

Подводя итог проведенной работы, подчеркнем, что она представляет собой иллюстрацию психосемантического подхода применительно как к анализу визуальных предпочтений, так и к исследованию мотивации субъекта восприятия. Данный подход может быть реализован по отношению к широкому классу задач на исследование предпочтений человека (рекламы, моды, имиджа социально значимых лиц, объектов восприятия искусства и т.п.), а также для анализа мотивации человека, на которой основана

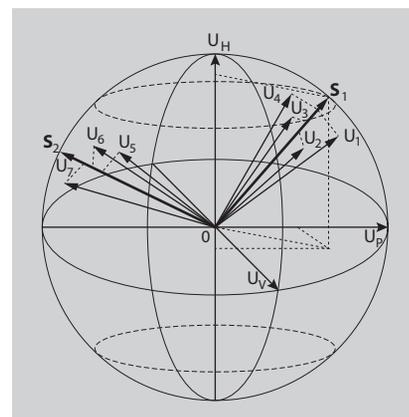

Рис. 4. Определение состояний (S) объекта по результатам оценок (U)

Fig. 4. Defining the states (S) of the object according to the evaluation (U)

система его предпочтений. Векторные описания, используемые в психосемантике, открывают возможность психологу применять математический аппарат и аналоги методов естественных наук для анализа менталитета человека и его картины мира.

Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) грант № 15-06-10451.

Литература:

- Барабанчиков В.А. Психология восприятия: организация и развитие перцептивного процесса. – Москва : Когито-Центр, 2006.
- Берн Ш. Гендерная психология. – Санкт-Петербург ; Москва, 2001.
- Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – Санкт-Петербург : Питер, 2002.
- Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – Санкт-Петербург : Питер, 2002.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000.
- Павлов И.П. Полное собрание сочинений. Т. III. Кн. 2. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1951–1952.
- Петренко В.Ф. Многомерное сознание. – Москва : Эксмо, 2013.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – Москва : Эксмо, 2010.
- Петренко В.Ф., Коротченко Е.А., Супрун А.П. Натюрморт как визуальный афоризм // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. – 2010. – Т. 7. – № 2. – С. 26–44.
- Петренко В.Ф., Супрун А.П. Психосемантический подход к проблеме мотивации : развитие личности // Прометей. – 2015. – № 3. – С. 158–177.
- Петренко В.Ф., Супрун А.П. Целеустремленные системы, эволюция и субъективный аспект системологии // Труды Института системного анализа РАН. – 2012. – Т. 62. – Вып. 1. – С. 3–25.
- Семенов В. Е. Образы брака и любви в молодежных журналах (опыт контент-анализа) // Молодежь, образование, воспитание, трудовая деятельность. – Ленинград, 1973. – С. 85–93.
- Супрун А.П. Методы оценок и самооценок личности по непрерывным шкалам // Развитие личности / Development of personality. – 2016. – № 1. – С. 200–208.
- Супрун А.П., Янова Н.Г., Носов К.Н. Метапсихология. Релятивистская психология. Квантовая психология. Психология креативности. – Москва : URSS, 2013.

⁵ Если общие компоненты индивидуальных ментальных карт отсутствуют (у «знаков» нет общих значений), то коммуникации между индивидами становятся невозможны. Это будет означать невозможность отнесения их к одной ментальности.

⁶ Проходящие через «центр тяжести» пучка.

⁷ Т.е. людей, способных к адекватному пониманию друг друга в процессе коммуникаций. Это не означает, что они имеют абсолютно одинаковые взгляды на окружающую их реальность в интересующей нас области. Однако они способны адекватно понимать позиции других представителей этой же ментальности. Например, в маркетинге ментальность характеризует некоторый сегмент потребителей, живущих в сходных социальных условиях.

- Узнадзе Д. Н. Психологические мотивации поведения человека. – Москва, 1969.
- Atkinson, J.W. (1964) *An Introduction to Motivation*. N.Y.
- Arkes, H.R., & Garske, Y.P. (1982) *Psychological Theories of Motivation*. Monterey.
- Auckett, R., Ritchie, J. & Mill, K. (1988) Gender differences in friendship patterns. *Sex Roles*, 19, 57–66. doi: 10.1007/BF00292464
- Basow, S. (1992) *Gender stereotypes and roles*. CA, Brooks/Cole Publ. Comp.
- Berelson, B., & Steiner, G. (1964) *Human behavior*. N.-Y., Harcourt Brace Jovanovich.
- Bern, Sh. (2001) *Gender psychology*. St. Petersburg, Moscow.
- Brenner, O.C., Tomkiewicz, E.C., & Schein, V E. (1989) The relationship between sex role stereotypes and requisite management characteristics revisited. *Acad. Of Management J.*, 32(3), 662–669. doi: 10.2307/256439
- Harlow, H.F., & Harlow M. (1966) Learning to love. *Am. Sci.* 55, 3.
- Heider, F. (1960) The gestalt theory of motivation. Jones M.R. (ed.). *Nebraska symposium on motivation*, 8, Lincoln, University of Nebraska Press.
- Kelley, H.H. (1971) *Attribution in social interaction*. N.Y.
- McClelland D.C. (1971) *Assessing Human Motivation*. N.Y.
- Petrenko, V.F., Korotchenko, E.A., & Suprun, A.P. (2011) Research on language of perception still-life as a visual aphorism. *Psychology in Russia. State of the Art*, 4, 467–494.
- Petrenko, V.F., & Suprun, A.P. (2012) The Mental Representation of the World in Psychosemantics. *The Fifth International Conference on Cognitive Science*, 1, Kaliningrad, 137–138.
- Uznadze, D.N. (1969) *Psychological motivations of human behavior*. Moscow.
- Werner, B. (1972) *Theories of Motivation*. Chicago.
- Young, P.T. (1961) *Motivation and Emotion*. N.Y.

References:

- Atkinson, J.W. (1964) *An Introduction to Motivation*. N.Y.
- Arkes, H.R., & Garske, Y.P. (1982) *Psychological Theories of Motivation*. Monterey.
- Auckett, R., Ritchie, J. & Mill, K. (1988) Gender differences in friendship patterns. *Sex Roles*, 19, 57–66. doi: 10.1007/BF00292464
- Barabanshikov, V.A. (2006) *Psychology of perception: the organization and development of the perceptual process*. Moscow, KogitoTsentr.
- Basow, S. (1992) *Gender stereotypes and roles*. CA, Brooks/Cole Publ. Comp.
- Berelson, B., & Steiner, G. (1964) *Human behavior*. N.-Y., Harcourt Brace Jovanovich.
- Bern, Sh. (2001) *Gender psychology*. St. Petersburg, Moscow.
- Brenner, O.C., Tomkiewicz, E.C., & Schein, V E. (1989) The relationship between sex role stereotypes and requisite management characteristics revisited. *Acad. Of Management J.*, 32(3), 662–669. doi: 10.2307/256439
- Harlow, H.F., & Harlow M. (1966) Learning to love. *Am. Sci.* 55, 3.
- Heider, F. (1960) The gestalt theory of motivation. Jones M.R. (ed.). *Nebraska symposium on motivation*, 8, Lincoln, University of Nebraska Press.
- Ilyin, E.P. (2002) *Differential psychophysiology of men and women*. St. Petersburg, Piter
- Ilyin, E.P. (2002) *Motivation and motives*. St. Petersburg, Piter.
- Kelley, H.H. (1971) *Attribution in social interaction*. N.Y.
- Kobozeva, I.M. (2000) *Linguistic semantics*. Moscow, Editorial URSS.
- Korotchenko, E.A., & Suprun A.P. (2015) Metaphor in Visual Art. *Investigations of Cultural Life: Quantitative Aspects. Proceeding of the International Symposium dedicated to the memory of Colin Martindale and 100-th anniversary of Russian formalist school*. Ekatininburg, 126–145.
- McClelland D.C. (1971) *Assessing Human Motivation*. N.Y.
- Pavlov, I.P. *Full composition of writings*. Vol. III. Book. 2. Moscow; Leningrad, AN SSSR, 1951–1952.
- Petrenko, V.F. (2010) *Fundamentals of psychosemantics*. Moscow, Eksmo.
- Petrenko, V.F., Korotchenko, E.A., & Suprun, A.P. (2010) Still-life as a visual aphorism. [*Psihologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly ekonomiki*], 7(2), 26–44.
- Petrenko, V.F., & Suprun, A.P. (2012) Purposeful systems, evolution and subjective aspect of systemology. [*Trudy Instituta sistemnogo analiza RAN*], 62(1), 3–25.
- Petrenko, V.F. (2013) *Multidimensional consciousness*. Moscow, Eksmo.
- Petrenko, V.F., & Suprun, A.P. (2015) Psychosemantic approach to the problem of motivation: Development of personality. [*Prometey*], 3, 158–177.
- Petrenko, V.F., Korotchenko, E.A., & Suprun, A.P. (2011) Research on language of perception still-life as a visual aphorism. *Psychology in Russia. State of the Art. Lomonosov Moscow State University, Russian Psychological Society*. Moscow, 4, 467–494.
- Petrenko, V.F., & Suprun, A.P. (2012) The Mental Representation of the World in Psychosemantics. *The Fifth International Conference on Cognitive Science*, 1, Kaliningrad, 137–138.
- Semenov, V.E. (1973) Images of marriage and love in youth magazines (experience of content analysis). [*Molodezh', obrazovanie, vospitanie, trudovayadeyatel'nost'*]. Leningrad, 85–93.
- Suprun, A.P. (2016) Methods of assessments and self-assessments of personality on continuous scales. *Development of personality*. Moscow, Prometey, 1, 200–208.
- Suprun, A.P., Yanova, N.G., & Nosov, K.N. (2013) *Metapsychology. Relativistic psychology. Quantum psychology. Psychology of creativity*. Moscow, URSS.
- Uznadze, D.N. (1969) *Psychological motivations of human behavior*. Moscow.
- Werner, B. (1972) *Theories of Motivation*. Chicago.
- Young, P.T. (1961) *Motivation and Emotion*. N.Y.

Диспозиционные сексуальные мотивы как зеркало ценностей в гетеросексуальных межличностных отношениях

И.А. Фурманов

Белорусский государственный университет Минск, Республика Беларусь

Поступила 12 октября 2017/ Принята к публикации: 30 октября 2017

Dispositional sexual motives as the mirror of values in heterosexual interpersonal relations

Igor A. Fourmanov

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Received October 12, 2017 / Accepted for publication: October 30, 2017

Актуальность (контекст) тематики статьи. В статье анализируется проблема взаимосвязи сексуальной мотивации и особенностей гендерных межличностных отношений. Система ценностей определяет иерархию и динамику сексуальных мотивов личности на разных этапах жизненного пути. В процессе социокультурного полового развития могут формироваться новые ценности, высоко значимые для данной личности.

Цель. Определить иерархию, половые и возрастные различия в диспозиционных сексуальных мотивах в период ранней взрослости.

Описание хода исследования. Сексуальная мотивация рассматривалась как интерес к достижению общего класса побуждений (стимулов), которые обеспечивают тот же самый основной тип удовлетворения, так или иначе связанный с выражением сексуальности. Изучались восемь определенных типов побуждений, которые мотивировали сексуальное поведение: ощущение себя ценным партнером, подтверждение ценности партнера, получение эмоциональной разрядки от стресса или негативных психологических состояний, обеспечение опеки (потребности в покровительстве, заботы о партнере) через сексуальное взаимодействие с целью улучшения психологического состояния партнера, усиление чувства личной власти, ощущение власти партнера, переживание удовольствия и воспроизведение рода.

В исследовании приняли участие 836 человек, в возрасте 17–45 лет. В качестве методики исследования использовался адаптированный, отвечающий всем психометрическим требованиям, русскоязычный «Опросник аффективных мотивационных ориентаций в сексуальной жизни» – «AMORE» (Hill, Preston, 1996; Фурманов, 2016).

Результаты исследования. В результате проведенного исследования было установлено, что, независимо от пола и возраста, в иерархии диспозиционных сексуальных мотивов доминирующее положение занимают мотивы значимости партнера, удовольствия и заботы о партнере, а субординационное положение – мотивы комфорта, собственной значимости, власти и подчинения. Выявлено, что с возрастом интенсивность мотивов значимости партнера, комфорта, власти и удовольствия имеет тенденцию к увеличению, а мотивов подчинения, собственной значимости, заботы о партнере – к снижению. Сила мотива произведения потомства с возрастом не изменяется.

Выводы. В конце статьи обозначаются тренды диспозиционной сексуальной мотивации мужчин и женщин на разных этапах периода ранней взрослости.

Ключевые слова: сексуальная мотивация, диспозиционные сексуальные мотивы, ценность партнеров, власть, подчинение, удовольствие, забота.

Background. Values of sexual relations repeatedly changed throughout various cultural/historical periods. As a result of acquiring values and norms of sexual culture many actual requirements of the person that were significant at certain ontogenetic and sociogenetic stages could get deprived of the relevance at further stages. As the sociocultural sexual development progresses the subsequent new values, highly significant for the given person are can be shaped. The system of values finds the reflexion in hierarchy and defines dynamics of sexual motives at different stages of the course of life.

Objective. The objective is to define hierarchy, sexual and age distinctions in dispositional sexual motives in early adulthood.

Design. The paper regards the issue of interrelation between sexual motivation and features of gender interpersonal relations. The sexual motivation was considered as interest in a general class of related incentives, all of which provide the same basic type of satisfaction associated with sexual expression. Eight specific types of incentives intrinsic to sexual expression that motivate sexual behaviour are studied: (1) feeling valued by the partner, (2) reinforcing partner's value, (3) obtaining relief from stress or negative psychological states, (4) providing care and custody through sexual interaction to improve a partner's psychological condition, (5) enhancing feelings of personal power, (6) feeling partner's power, (7) feeling pleasure, and (8) productive fertility.

Conclusion. Disregarding gender and age, the leading position in the hierarchy of sexual disposition motives is occupied by the motives of reinforcing partner's value, pleasure and care, and subordination position, i.e. motives of comfort, personal value, power and submission. Females in comparison with males differ by higher intensity of submission motives and the partner's significance, while males manifest more force of motive of production fertility. Within the years intensity of motives of partner's significance, comfort, power and pleasure tends to increase, whereas the motives of submission, personal value and care tend to decrease. The motive of reproduction fertility does not change during years.

Trends of sexual disposition motivation in males and females at different stages of the early adulthood are designated.

Keywords: sexual motivation, dispositional sexual motives, value of partners, power, submission, pleasure, nurturance

С благородным развитием культуры, чем дальше, тем больше выясняется, что половая жизнь уже в своем чистом виде обладает решающей силой, которой обуславливаются основные формы самого непосредственного и тесного союза человека с человеком.

Е. Дюринг

Ценности сексуальных отношений неоднократно видоизменялись на протяжении различных культурно-исторических эпох. Однако во все времена сексуальные отношения, как никакие другие, отражали не только общепризнанные нормы, правила, установки полового поведения, но и ценности межличностного гендерного взаимодействия, поскольку отличались такими универсальными значимыми социально-психологическими характеристиками, как близость и интимность.

стей и норм сексуальной культуры многие актуальные потребности человека, значимые на одних онтогенетических и социогенетических этапах, в дальнейшем могут утратить свою актуальность. В процессе социокультурного полового развития могут формироваться новые ценности, высоко значимые для данной личности.

Культурно-исторические и научные воззрения на факторы, объясняющие сексуальное поведение человека, изменялись во времени от теоретически тща-

(Hull, 1943; Kinsey, Pomeroy, Martin, 1948; Masters, 1966; Beck, Bozman, Qualtrough, 1991). Такая же точка зрения преобладала и в представлениях о мотивации, развиваемых в традиционных теориях научения и редукции мотива (Хекхаузен, 2003; Gorman, 2002). И только относительно недавно сексуальное желание и сексуальное возбуждение постепенно начинают рассматриваться как теоретические основания детерминации сексуального поведения и как центральные мотивационные факторы человеческой сексуальности (Aron, Aron, 1991; Rosen, Beck, 1988).

В целом ряде исследований была предпринята попытка определить диапазон причин интереса к сексу (Carroll, Volk, Hyde, 1985; Denney, Field, Quadagno, 1984; Leigh, 1989; Whitley, 1988). К таким причинам были отнесены стремление испытать удовольствие, выразить эмоциональную близость, произвести потомство, понравиться партнеру, испытать чувство завоевания (покорения) партнера, снизить сексуальную напряженность.

Вместе с тем, большинство исследований показывают, что среди основных мотивов сексуальных отношений наиболее часто упоминается, так называемая «Большая тройка»: любовь, желание получить удовольствие и эротизм (достижение физического наслаждения, секс как развлечение, «спортивное траханье») и надежда на деторождение (Hatfield, Luckhurst, Rapson, 2010). Помимо этого, обозначается множество других причин секса: желание подтвердить самооценку, статус, превосходство, исполнение долга, конформность, сердечность (нежность чувств), завоевание/власть, подчинение другим, жажда мести (стремление победить, унижить и наказать), любопытство, деньги, желание сгладить ситуацию после ссоры («примирительный секс»), вызвать у кого-то ревность, редукция стресса и т.д. (Hatfield, Luckhurst, Rapson, 2011).

С.А. Hill и L.K. Preston предложили структуру сексуальной мотивации, опи-

Независимо от пола и возраста, в иерархии диспозиционных мотивов доминирующее положение занимают мотивы значимости партнера, удовольствия и заботы о партнере, а субординационное положение – мотивы комфорта, собственной значимости, власти и подчинения

Диалектика сексуального поведения современного общества с присущим ему обилием гендерных, возрастных, социальных и культурных проявлений позволяет утверждать, что сексуальное поведение каждого человека сугубо индивидуально, но лишь в сравнительно узких рамках социальных и групповых стандартов (Кащенко, Агарков, 2015). Причем, индивидуальные ценности – это еще и то, что отличает одного человека от другого.

Система ценностей определяет содержательную сторону мотивации личности и составляет основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, основу мировоззрения, Я-концепции и жизненной философии. Вместе с тем, в процессе усвоения ценно-

тельно продуманных, динамических теорий к простым, операционализированным определениям поведения. Отсутствие широко принятой теории причин сексуального поведения привело к чрезвычайно фрагментированным исследованиям в области человеческой сексуальной мотивации.

Начиная с З. Фрейда (Фрейд, 1990), человеческие сексуальные реакции понимались как результат возникновения и редукции сексуальной энергии с целью получения удовольствия, обусловленные комбинацией внешних и внутренних факторов. И позднее при рассмотрении природы сексуального поведения исследователи по большей части придерживались упрощенного взгляда, ориентируясь на биологизаторские позиции

Игорь Александрович Фурманов –

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Белорусского государственного университета
E-mail: fourmigor@gmail.com
Web: <http://ffsn.bs.u.by/personalnye-stranitsy/kaf-psi/79-furmanov-ia/153-furmanov-ia-b.html>

рающуюся на понятия традиционной теории научения и теорий личности (Hill, Preston, 1996). Согласно традиционным подходам, мотивация включает процесс инициации, возбуждения, поддержания и направления действия к цели (Хекхаузен, 2003). Таким образом, мотивация – это состояние сильного интереса к достижению определенной цели, которое предполагает последовательное выполнение когнитивных, эмоциональных и моторных действий, ведущих к достижению цели. Мотивационные процессы могут активизироваться и усиливаться при наличии и доступности релевантных стимулов и, наоборот, тормозиться при отсутствии или недоступности таких стимулов.

Наряду с ситуационными факторами мотивации, которые связаны с наличием/отсутствием и доступностью/недоступностью стимулов, было рассмотрено влияние внутренних факторов, особенно тех, которые, воздействуя на индивида, могут иметь для него субъективную ценность и значимость, а, следовательно, также определять состояние мотивации. Исходя из этого, устойчивый интерес к определенному типу стимула можно определить как диспозиционный мотив (Хекхаузен, 2003) или потребность (Murray, 1938). Именно влияние диспозиционных мотивов определяет индивидуальные различия в реакциях на воздействующие стимулы. Индивиды, которые ценят определенные стимулы, имеющиеся в данной ситуации, склонны испытывать более сильную мотивацию, тогда как индивиды, для которых эти стимулы обладают меньшей ценностью, будут мотивированы меньше.

Следуя указанным выше представлениям о мотивации, С.А. Hill и L.K. Preston (Hill, Preston, 1996) определяют сексуальную мотивацию как интерес к достижению общего класса связанных стимулов, которые обеспечивают один и тот же основной тип удовлетворения, так или иначе связанный с сексуальной активностью индивида. Основываясь на теории взаимозависимости (Kelley, Thibaut, 1978) и на инвестиционной модели (Rusbult, Martz, Agnew, 1998), они предложили восемь специфических типов внутренних побуждений, мотивирующих сексуальное поведение:

- 1) подтверждение собственной ценности для партнера;
- 2) подтверждение ценности партнера;
- 3) получение эмоциональной разрядки от стресса или негативных психологических состояний;
- 4) проявление заботы с целью улучшения психологического состояния партнера;
- 5) усиление чувств от проявления собственной власти над партнером;
- 6) усиление чувств от проявления власти партнером;
- 7) переживание удовольствия;
- 8) произведение потомства.

Первая пара сексуальных побуждений предполагает чувство привязанности и позитивного отношения, возникающие со стороны обоих партнеров, включенных в сексуальное взаимодействие. Вторая – связана с состраданием, третья –

Наряду с традиционными побуждениями, связанными с удовольствием и репродукцией, были выделены несколько социально ориентированных типов побуждений, мотивирующих сексуальное поведение. В первую очередь, это побуждения, связанные с привязанностью между людьми и силой взаимного влияния, проявлением власти

олицетворяет выражение власти (силы влияния). Оставшиеся два побуждения могут не столь жестко быть связанными с партнерскими отношениями, а, наоборот, исключать их. Так, например, было установлено, что при некоторых обстоятельствах ориентация на получение удовольствия может несколько противоречить ориентации на деторождение, а акцент на деторождении – вызывать негативную установку на удовольствие (Hill, Preston, 1996).

Наряду с традиционными побуждениями, связанными с удовольствием и репродукцией, были выделены несколько социально ориентированных типов побуждений, мотивирующих сексуальное поведение. В первую очередь, это побуждения, связанные с привязанностью между людьми и силой взаимного влияния, проявлением власти. Помимо этого, переживание удовольствия может зависеть от фокуса активности, то есть, от того, чувствует ли индивид себя агентом или получателем определенных действий. Во время сексуального взаимодействия индивиды могут выступать как в одной, так и в другой роли, а иногда и одновременно в обеих ролях.

Диспозиционные сексуальные мотивы регулярно активизируют или инициализируют сексуальные чувства и могут способствовать усиленному сексуальному желанию. Кроме того, отмечается, что диспозиционные сексуальные мотивы оказывают устойчивое, повторяющееся побудительное влияние на сексуальное желание, независимо от ситуации (Hill, Preston, 1996).

В целом в ряде исследований отмечается, что процесс социализации, гендерно-ролевые предписания в современном обществе, опыт и частота сексуальных отношений могут определять половые и возрастные различия в ценностных значениях сексуальных отношений. Однако данные об этом влиянии в литературе очень противоречивые (Carroll, Volk, Hyde, 1985; Denney, Field, Quadagno,

1984; Leigh, 1989; Whitley, 1988; Hatfield, Luckhurst, Rapson, 2011; Baumeister, Catanese, 2001; Jonason, Fisher, 2009).

Исходя из этого, исследования, направленные на определение и более точное осмысление гендерных и возрастных различий причин вовлеченности в половые отношения должны строиться на изучении типов мотивов, которые побуждают к сексуальным действиям.

Описание исследования

В исследовании приняли участие 836 человек (мужчины, N= 387; женщины, N= 449), в возрасте 17–20 лет (N = 314, Возр_Гр1), 21–30 лет (N = 322, Возр_Гр2) и 31–45 лет (N = 200, Возр_Гр3).

В качестве методики исследования использовался адаптированный, отвечающий всем психометрическим требованиям, русскоязычный «Опросник аффективных мотивационных ориентаций в сексуальной жизни» – «AMORE» (Hill, Preston, 1996; Фурманов, 2016).

Данная методика состоит из 62 вопросов, направленных на выявление диспозиционных сексуальных мотивов:

1. Подчинение – ощущение властвования партнера (M₁).
2. Значимость партнера – подтверждение ценности партнера (M₂).
3. Комфорт – получение эмоциональной разрядки от стресса или негативных психологических состояний (M₃).
4. Произведение потомства – воспроизведение рода (M₄).
5. Власть – усиление чувств от проявления собственной власти над партнером (M₅).
6. Собственная значимость – подтверждение собственной ценности для партнера (M₆).
7. Забота о партнере – проявление заботы с целью улучшения психологического состояния партнера (M₇).
8. Удовольствие – переживание удовольствия (M₈).

Вопросы представляли собой независимые утверждения, не затрагивающие какие-либо особенности интимной жизни опрашиваемых. Оценка утверждений производилась в соответствии со степе-

ню согласия респондентов по пятибалльной шкале Лайкерта: от 1 – полностью не согласен, до 5 – полностью согласен.

Результаты

Иерархия мотивов

Анализ результатов исследования показал (рисунок 1), что в иерархии диспозиционных мотивов доминирующее положение занимают α -мотивы: значимости партнера (M= 3.76, SD= 0.67), удовольствия (M= 3.63, SD= 0.64) и заботы о партнере (M= 3.17, SD= 0.82).

Субординационное положение занимают мотивы комфорта (M= 2.95, SD= 0.80), собственной значимости (M= 2.93, SD= 0.65), власти (M= 2.92, SD= 0.73) и подчинения (M= 2.81, SD= 0.71). В позиции ω -мотива располагается мотив произведения потомства (M= 2.45, SD= 0.81).

По половому признаку иерархии диспозиционных мотивов практически

идентичны, о чем свидетельствует высокий коэффициент ранговой корреляции между иерархиями мотивов мужчин и женщин ($r_s = 0.98, p < 0.0001$).

По возрастному признаку иерархии диспозиционных мотивов являются сходными в Возр_Гр1 и Возр_Гр2 ($r_s = 0.95, p < 0.0001$) – доминирующими побуждениями являются мотивы значимости партнера, удовольствия и заботы о партнере. Однако существенные отличия наблюдаются в Возр_Гр3 – наряду с мотивами значимости партнера и удовольствия, в группу доминирующих побуждений и у мужчин, и у женщин входят мотивы власти и комфорта.

Половые различия

Анализ полученных данных позволил выявить (рисунок 2), что у женщин, по сравнению с мужчинами, существенно выше интенсивность мотивов подчинения (M= 2.87, SD= 0.74 против M= 2.75, SD= 0.68, U= 79060.0, $p=0.024$) и значимости партнера (M= 3.82, SD= 0.66 против M= 3.69, SD= 0.68, U= 78265.0, $p=0.013$).

Полученные данные свидетельствуют, что женская сексуальная мотивация во взаимоотношениях привязанности и власти в большей степени, чем мужская, носит односторонний характер, смещенный в сторону партнера. Вероятно, одним из объяснений данного факта может служить перенос некоторых особенностей патриархальных гендерных отношений, сохранившихся в нашем обществе, в сферу сексуальных отношений, когда продолжает сохраняться фиксированное разделение социальных ролей на «собак сверху» (мужчин) и «собак снизу» (женщин). Исходя из чего, позиция подчиненной, покорной, преклоненной, смотрящей с обожанием и пиететом на мужчину женщины выглядит вполне закономерно.

Возможно, это связано также с более сильными переживаниями женщин по поводу угрозы разрыва отношений, опасениями утраты партнера. Отсюда всяческое подчеркивание в сексуальных отношениях силы, власти и значимости партнера. Вполне вероятно, что таким образом, бессознательно или косвенно женщины манифестируют свои ожидания по поводу поведения мужчины в других сферах отношений, помимо сексуальных.

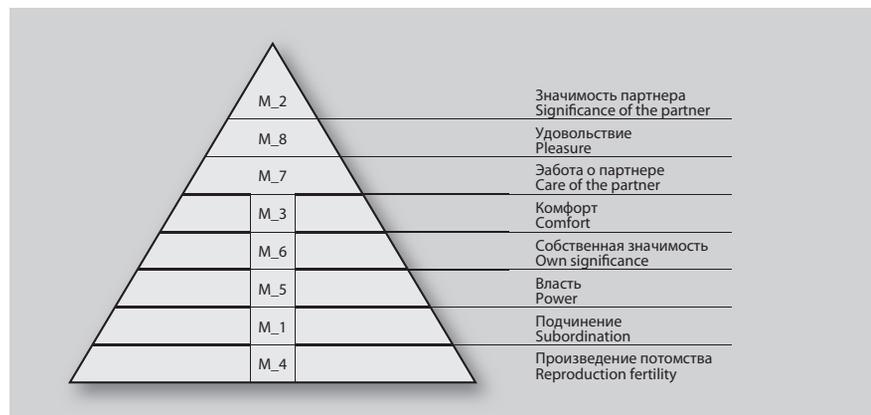

Рис. 1. Иерархия сексуальных диспозиционных мотивов

Fig. 1. Hierarchy of sexual disposition motives

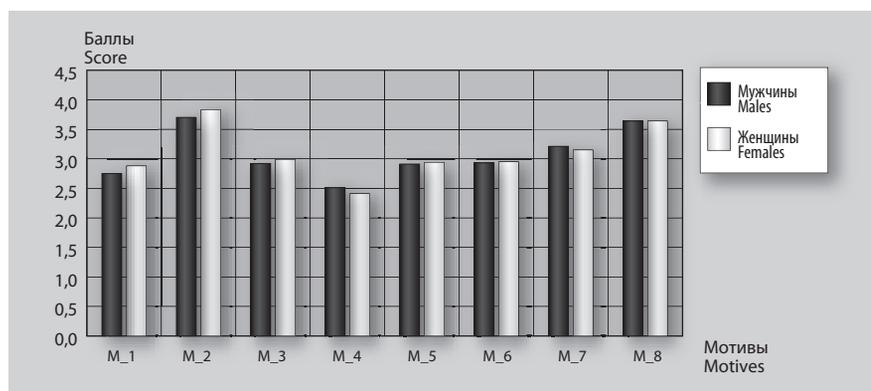

Рис. 2. Половые различия в сексуальных диспозиционных мотивах

Fig. 2. Sexual differences in sexual disposition motives

Полученные данные определенным образом согласуются с результатами исследований, в которых было установлено, что тревога, вызванная угрозой привязанности, значимо положительно коррелирует с сексуальными мотивами, связанными с ощущением опасности (страх потерять партнера), с совладанием с негативными переживаниями и со стремлением к подчинению (получению ощущения властвования) (Schachner, Shaver, 2004).

В других исследованиях делается вывод, что секс, основанный на привязанности, является типичным для женщин, а любовь – главная, если не самая главная, причина, мотивирующая женщин вступать в половые отношения. Секс воспринимается ими как важное средство трансляции собственной любви партнеру и подтверждения надежды на взаимные чувства. Этим доказывается значимость для женщин любви и обязательств в сексуальных отношениях. Женщины в меньшей степени рассматривают половые отношения как просто физические отношения, для них существенным является именно психологическая вовлеченность. Отмечается, что сущность женской сексуальности состоит в удовлетворении потребности в любви и получении подтверждения – любовь действительно существует и она взаимна (Carroll, Volk, Hyde, 1985).

У мужчин большей силой, чем у женщин, обладают мотивы производства потомства ($M=2.50$, $SD=0.77$ против $M=2.40$, $SD=0.83$, $U=78510.5$, $p=0.016$). Вероятно, это можно объяснить с точки зрения теории сексуальных стратегий (Buss, Schmitt, 1993), согласно которой репродуктивные возможности и ограничения у мужчин и женщин существенно различаются. У мужчин репродуктивный успех зависит от количества партнеров – плодородных женщин, которых они могут «осеменить», а у женщин – прежде всего, от количества и качества внешних ресурсов, которыми они могут обеспечить себя, своих детей и, возможно, только во вторую очередь, от качества генов мужчины.

Полученные данные отчасти согласуются с результатами других исследований. В частности, было установлено, что секс с целью зачатия детей для жен-

щин редко выступает действенным мотивом, поскольку лишь небольшой процент женщин отметили его как значимое побуждение (Cooper et al., 1998). Действительно, в большинстве случаев во время гетеросексуального полового акта женщины пытаются сделать все, чтобы не забеременеть (Dawson, 1990). Таким образом, хотя репродуктивные цели могут лежать в основе сексуального поведения и как мужчин, и женщин на некотором бессознательном или «защитом» уровне, не правомерно ожидать, что сознательное желание забеременеть может объяснить большинство регулярных сексуальных контактов женщин, скорее наоборот.

По силе других сексуальных мотивов половые различия не обнаружены.

Возрастные различия

В результате сопоставления диспозиционных мотивов *Возр_Гр1* и *Возр_Гр2* было установлено, что с возрастом увеличивается интенсивность мотивов значимости партнера ($M=3.68$, $SD=0.68$ против $M=3.78$, $SD=0.64$, $U=45186.0$, $p=0.02$) и удовольствия ($M=3.4$, $SD=0.56$ против $M=3.68$, $SD=0.72$, $U=43769.0$, $p=0.003$), а снижается интенсивность мотивов заботы о партнере ($M=3.46$, $SD=0.62$ против $M=3.18$, $SD=0.91$, $U=43631.0$, $p=0.003$), собственной значимости ($M=3.02$, $SD=0.63$ против $M=2.87$, $SD=0.66$, $U=43536.0$, $p=0.002$) и власти ($M=2.90$, $SD=0.66$ против $M=2.75$, $SD=0.71$, $U=43848.0$, $p=0.004$) (см. рисунок 3).

При сравнении диспозиционных мотивов *Возр_Гр2* и *Возр_Гр3* было установлено, что с возрастом увеличивается интенсивность мотивов ком-

форта ($M=2.90$, $SD=0.78$ против $M=3.15$, $SD=0.74$, $U=26250.0$, $p<0.0001$) и власти ($M=2.75$, $SD=0.71$ против $M=3.27$, $SD=0.76$, $U=20958.0$, $p<0.0001$), а снижается интенсивность мотивов подчинения ($M=2.89$, $SD=0.72$ против $M=2.57$, $SD=0.68$, $U=23264.0$, $p<0.0001$) и заботы о партнере ($M=3.18$, $SD=0.91$ против $M=2.71$, $SD=0.75$, $U=21648.0$, $p<0.0001$).

Более детальный анализ возрастных различий позволил определить тенденции динамики силы мотивов, независимо от пола. Были выявлены следующие закономерности:

- Мотив подчинения. Сила этого мотива у первых двух возрастных групп сохраняет относительную стабильность, но его интенсивность значимо снижается у индивидов третьей возрастной группы.
- Мотив значимости партнера. Данный мотив имеет плавную тенденцию усиливаться с увеличением возраста.
- Мотив комфорта. Сила этого мотива у первых двух возрастных групп сохраняет относительную стабильность, но его интенсивность значимо увеличивается у индивидов третьей возрастной группы.
- Мотив производства потомства. Сила данного мотива не изменяется в зависимости от возраста.
- Мотив власти. Этот мотив имеет скачкообразную тенденцию усиливаться с увеличением возраста.
- Мотив собственной значимости. Сила его снижается у индивидов второй возрастной группы и далее с увеличением возраста сохраняет стабильность.
- Мотив заботы о партнере. Интенсивность названного мотива имеет устойчивую тенденцию снижаться с возрастом.

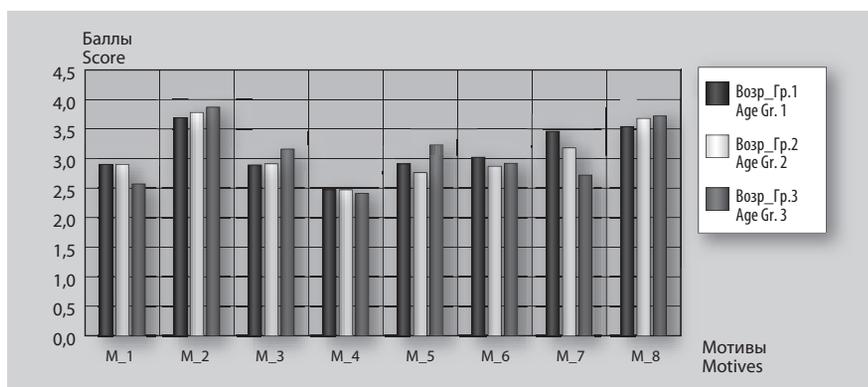

Рис. 3. Возрастные различия в сексуальных диспозиционных мотивах

Fig. 3. Age differences in sexual disposition motives

– Мотив удовольствия. Его сила нарастает у индивидов второй возрастной группы и далее с увеличением возраста сохраняет стабильность.

растом секс все чаще рассматривается как средство регуляции собственного негативного эмоционального состояния, нежели партнерского.

Независимо от пола и возраста, в иерархии диспозиционных мотивов доминирующее положение занимают мотивы значимости партнера, удовольствия и заботы о партнере, а субординационное положение – мотивы комфорта, собственной значимости, власти и подчинения

Исходя из полученных данных, можно выделить некоторые общие мотивационные тенденции в сексуальной мотивации в зависимости от возраста. В частности, в сфере партнерских отношений обращают на себя внимание следующие закономерности:

1. Изменяется интенсивность побуждений, предполагающих чувство привязанности и позитивного отношения – мотив значимости партнера с увеличением возраста имеет тенденцию усиливаться, а мотив собственной значимости – снижаться. Указанная пара мотивов позволяет судить о ценности эмоциональных вкладов в другого индивида и в отношения (Hill, 2002). Таким образом, с возрастом усиливается сосредоточенность на сексуальном партнере как на уникальной, ценной и достойной личности в ущерб собственной ценности. Вероятно, это может свидетельствовать о том, что явное выражение чувства привязанности и аттракции в отношении партнера, концентрация на его положительных чертах подразумевают, что партнер и позитивные отношения с ним будут желанны в будущем.
2. Изменяется интенсивность побуждений, связанных с состраданием – мотив комфорт с увеличением возраста имеет тенденцию усиливаться, а мотив заботы о партнере – снижаться. Указанная пара мотивов позволяет судить о степени беспокойства относительно негативных событий, которые произошли с партнерами, и попыток смягчить ощущение стресса, чувства гнева и грусти. Полученные данные, вероятно, могут свидетельствовать, что с воз-

3. Изменяется интенсивность побуждений, связанных с властью – мотив подчинения с увеличением возраста имеет тенденцию снижаться, а мотив власти – увеличиваться. Полученные данные могут свидетельствовать о неудовлетворенности партнеров их статусными положениями во взаимоотношениях и о желании переменить их. Стремление к реализации властных действий скорее указывает на намерение «перевести» партнера в более низкий статус, потенциально оскорбительное положение, а также на безразличие по поводу благополучия и самооценки партнера. В связи с этим, из-за большей обеспокоенности собственным благополучием и превосходящим статусом властные действия индивидов вряд ли можно рассматривать как свидетельства готовности к эмоциональным затратам, адресованным партнеру.

Вместе с тем, как показывают исследования, в некоторых ситуациях возможность реализовать власть усиливает сексуальное возбуждение и волнение. Кроме того, можно допустить, что многие люди участвуют в связанных с проявлением власти формах сексуального поведения с целью удовлетворения собственных сексуальных фантазий и достижения сексуального удовлетворения, а не для того, чтобы выразить свой гнев или запугать своего партнера (Hill, 2002). Это согласуется с результатами других исследований, в которых было установлено, что мотивация власти коррелирует с более низким уровнем удовлетворенности интимными отношениями (Schwabish, 1990, Stewart, Rubin, 1974). Таким образом, проявление власти в сексуальных отноше-

ях может выступать одним из факторов, стимулирующих поддержание сексуального возбуждения и получение удовольствия от сексуальных отношений с партнером даже на протяжении длительного времени.

Сохранение интенсивности мотива деторождения явно указывает на интерес к установлению и поддержанию близких отношений и готовность к совместным и дополнительным вкладам в детей. Интерес к рождению совместных детей с партнером может также подразумевать, что индивид обеспокоен благополучием детей и своего партнера в будущем. Это является ядром феномена связанности обязательствами и представляет собой потенциал для эмоционального вклада в партнера. В рамках инвестиционной модели (Rusbult et al., 1998) желание иметь совместных детей трактуется как готовность к инвестированию очень важных ресурсов и как основной фактор, увеличивающий связанность отношений.

Выводы

В результате проведенного исследования было установлено, что, независимо от пола и возраста, в иерархии диспозиционных мотивов доминирующее положение занимают мотивы значимости партнера, удовольствия и заботы о партнере, а субординационное положение – мотивы комфорта, собственной значимости, власти и подчинения. Женщины, по сравнению с мужчинами, отличаются более высокой интенсивностью мотивов подчинения и значимости партнера, в то время как мужчины – большей силой мотива произведения потомства. Выявлено, что с возрастом интенсивность мотивов значимости партнера, комфорта, власти и удовольствия имеет тенденцию к увеличению, а мотивов подчинения, собственной значимости, заботы о партнере – к снижению. Сила мотива произведения потомства с возрастом не изменяется.

Литература:

- Кашенко Е.А., Агарков С.Т. Сексуальность в цивилизации: социогенез сексуальности. – Москва : Издательские решения, 2015. – 600 с.
Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности / З. Фрейд Психология бессознательного. – Москва : Просвещение, 1990. – С. 123–201.

- Фурманов И.А. Половые и возрастные различия сексуальной мотивации в период ранней взрослости // Психологическое здоровье в контексте развития личности : материалы VII Республиканской научно-практ. конференции. – Брест : БРГУ, 2016. – С. 22–25.
- Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – Санкт-Петербург : Питер ; Москва : Смысл, 2003. – 860 с.
- Aron, A., & Aron, E.N. (1991) Love and sex-uality. In K. McKinney, S. Sprecher (Eds.), *Sexuality in close relationships*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 25–48.
- Baumeister, R. F., Catanese, K. R., & Vohs, K. D. (2001) Is there a gender difference in strength of sex drive? Theoretical views, conceptual distinctions, and a review of relevant evidence. *Personality and Social Psychology Review*, 5(3), 242–273. 10.1207/S15327957PSPR0503_5
- Beck, J.G., Bozman, A.W., & Qualtrough, T. (1991) The experience of sexual desire: Psychological correlates in a college sample. *The Journal of Sex Research*, 28, 443–456. 10.1080/00224499109551618
- Buss, D.M., Schmitt, D.P. (1993) Sexual strategies theory: An evolutionary perspective on human mating. *Psychological Review*, 100, 204–232. 10.1037/0033-295X.100.2.204
- Carroll, J.L., Volk, K.D., & Hyde, J.S. (1985). Differences between males and females in motives for engaging in sexual intercourse. *Archives of Sexual Behavior*, 14 (2), 131–139. 10.1007/BF01541658
- Cooper, M. L., Shapiro, C. M., & Powers, A. M. (1998). Motivations for risky sexual behavior among adolescents and young adults: A functional perspective. *Journal of Personality and Social Psychology*, 75(6), 1528–1558. 10.1037/0022-3514.75.6.1528
- Dawson, D.A. (1990). Trends in use of oral contraceptives: Data from the 1987 National Health Interview Survey. *Family Planning Perspectives*, 22, 169–172. 10.2307/2135608
- Denney, N.W, Field, J.K., & Quadagno, D. (1984). Sex differences in sexual needs and desires. *Archives of Sexual Behavior*, 13, 233–245. 10.1007/BF01541650
- Gorman, P. (2002) *Motivation and emotion*. Routledge modular psychology series, 127. Retrieved from: <http://www.eBookstore.tandf.co.uk>
- Hatfield, E., Luckhurst, C.L., & Rapson, R.L. (2010) Sexual motives: Cultural, evolutionary, and social psychological perspectives. *Sexuality and Culture*, 14, 173–190. 10.1007/s12119-010-9072-z
- Hatfield, E., Luckhurst, C.L., & Rapson, R.L. (2011) Sexual Motives: The Impact of Gender, Personality, and Social Context on Sexual Motives and Sexual Behavior – Especially Risky Sexual Behavior. *An International Journal on Personal Relationships*, 5 (2), 95–133. 10.5964/ijpr.v5i2.60
- Hill, C.A. (2002) Gender, Relationship Stage, and Sexual Behavior: The Importance of Partner Emotional Investment Within Specific Situations. *The Journal of Sex Research*, 39(3), 228–240. 10.1080/00224490209552145
- Hill, C.A., Preston, L.K. (1996) Individual differences in the experience of sexual motivation: Theory and measurement of dispositional sexual motives. *The Journal of Sex Research*, 33, 27–45. 10.1080/00224499609551812
- Hull, C. (1943). *Principles of Behavior: An Introduction to Behavior Theory*. Oxford, England: Appleton-Century-Crofts, 422.
- Jonason, P.K., & Fisher, T.D. (2009) The power of prestige: Why young men report having more sex partners than young women. *Sex Roles*, 60, 151–159. 10.1007/s11199-008-9506-3
- Kelley, H.H., & Thibaut, J.W. (1978) *Interpersonal relations: A theory of interdependence*. New York: Wiley, 352.
- Kinsey, A.C., Pomeroy, W.B. & Martin, C.E. (1948) *Sexual behavior in the human male*. Philadelphia, W.B. Saunders, 804.
- Leigh, B.C. (1989) Reasons for having and avoiding sex: Gender, sexual orientation, and relationship to sexual behavior. *The Journal of Sex Research*, 26, 199–209. 10.1080/00224498909551506
- Masters, W H., Johnson, V. E. (1966). *Human sexual response*. Boston: Little & Brown, 366.
- Murray, H.A. (1938) *Explorations in personality: A clinical and experimental study of fifty men of college age*. New York, Oxford University Press, 761.
- Rosen, R.C., & Beck, J.G. (1988) *Patterns of sexual arousal: Psychophysiological processes and clinical applications*. New York, Guilford, 404.
- Rusbult, C.E., Martz, J.M., & Agnew C.R. (1998) The Investment Model Scale: Measuring commitment level, satisfaction level, quality of alternatives, and investment size. *Personal Relationships*, 5, 357–391. 10.1111/j.1475-6811.1998.tb00177.x
- Rusbult, C.E., Martz, J.J., & Agnew, C.R. (1998) The Investment Model Scale: Measuring commitment level, satisfaction level, quality of alternatives, and investment size. *Personal Relationships*, 5, 357–391. 10.1111/j.1475-6811.1998.tb00177.x
- Schachner, D.A., & Saver P.R. (2004) Attachment dimensions and sexual motives. *Personal Relationships*, 11, 179–195. 10.1111/j.1475-6811.2004.00077.x
- Schwabish, R.M. (1990) *Power and intimacy motives of males in same-sex and opposite-sex dating couples*. Unpublished doctoral dissertation, Hofstra University, Hempstead, NY.
- Stewart, A.J., & Rubin, Z. (1974) The power motive in the dating couple. *Journal of Personality and Social Psychology*, 34, 305–309. 0.1037/0022-3514.34.2.305
- Whitley, B.E. (1988). The relation of gender-role orientation to sexual experience among college students. *Sex Roles*, 19, 619–638. 10.1007/BF00289740

References:

- Aron, A., & Aron, E.N. (1991) Love and sex-uality. In K. McKinney, S. Sprecher (Eds.), *Sexuality in close relationships*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 25–48.
- Baumeister, R. F., Catanese, K. R., & Vohs, K. D. (2001) Is there a gender difference in strength of sex drive? Theoretical views, conceptual distinctions, and a review of relevant evidence. *Personality and Social Psychology Review*, 5(3), 242–273. 10.1207/S15327957PSPR0503_5
- Beck, J.G., Bozman, A.W., & Qualtrough, T. (1991) The experience of sexual desire: Psychological correlates in a college sample. *The Journal of Sex Research*, 28, 443–456. 10.1080/00224499109551618
- Buss, D.M., Schmitt, D.P. (1993) Sexual strategies theory: An evolutionary perspective on human mating. *Psychological Review*, 100, 204–232. 10.1037/0033-295X.100.2.204
- Carroll, J.L., Volk, K.D., & Hyde, J.S. (1985). Differences between males and females in motives for engaging in sexual intercourse. *Archives of Sexual*

Behavior, 14 (2), 131–139. 10.1007/BF01541658

Cooper, M. L., Shapiro, C. M., & Powers, A. M. (1998). Motivations for risky sexual behavior among adolescents and young adults: A functional perspective. *Journal of Personality and Social Psychology*, 75(6), 1528–1558. 10.1037/0022-3514.75.6.1528

Dawson, D.A. (1990). Trends in use of oral contraceptives: Data from the 1987 National Health Interview Survey. *Family Planning Perspectives*, 22, 169–172. 10.2307/2135608

Denney, N.W., Field, J.K., & Quadagno, D. (1984). Sex differences in sexual needs and desires. *Archives of Sexual Behavior*, 13, 233–245. 10.1007/BF01541650

Fourmanov, I.A. (2016) Polovoye i vozrastnyerazlichiyaseksualnoymotivatsii v period ranneyvzroslosti. [Psikhologicheskoezdorove v konteksterazvitiyalichnosti. Materilay VII Respublikanskoy nauchno-prakticheskoy Konferentsii]. Brest, BRGU, 22–25.

Freud, S. (1990) Tri ocherkapoteoriiseksualnosti. [Psikhologiya bessoznatel'nogo]. Moscow, Prosveschenie, 123–201.

Gorman, P. (2002) Motivation and emotion. Routledge modular psychology series, 127. Retrieved from: <http://www.eBookstore.tandf.co.uk>

Hatfield, E., Luchhurst, C.L., & Rapson, R.L. (2010) Sexual motives: Cultural, evolutionary, and social psychological perspectives. *Sexuality and Culture*, 14, 173–190. 10.1007/s12119-010-9072-z

Hatfield, E., Luchhurst, C.L., & Rapson, R.L. (2011) Sexual Motives: The Impact of Gender, Personality, and Social Context on Sexual Motives and Sexual Behavior – Especially Risky Sexual Behavior. *An International Journal on Personal Relationships*, 5 (2), 95–133. 10.5964/ijpr.v5i2.60

Hekhauzen, H. (2003) Motivatsiya i deyatelnost'. 2nd ed. SPb. Piter, Moscow, Smysl, 860.

Hill, C.A. (2002) Gender, Relationship Stage, and Sexual Behavior: The Importance of Partner Emotional Investment Within Specific Situations. *The Journal of Sex Research*, 39(3), 228–240. 10.1080/00224490209552145

Hill, C.A., Preston, L.K. (1996) Individual differences in the experience of sexual motivation: Theory and measurement of dispositional sexual motives. *The Journal of Sex Research*, 33, 27–45. 10.1080/00224499609551812

Hull, C. (1943). Principles of Behavior: An Introduction to Behavior Theory. Oxford, England: Appleton-Century-Crofts, 422.

Jonason, P.K., & Fisher, T.D. (2009) The power of prestige: Why young men report having more sex partners than young women. *Sex Roles*, 60, 151–159. 10.1007/s11199-008-9506-3

Kaschenko, E.A., & Agarkov, S.T. (2015) Seksualnost v tsivilizatsii: sotsiogenez seksualnosti. Moscow, Izdatelskiy eresheniya, 600.

Kelley, H.H., & Thibaut, J.W. (1978) Interpersonal relations: A theory of interdependence. New York: Wiley, 352.

Kinsey, A.C., Pomeroy, W.B. & Martin, C.E. (1948) Sexual behavior in the human male. Philadelphia, W.B. Saunders, 804.

Leigh, B.C. (1989) Reasons for having and avoiding sex: Gender, sexual orientation, and relationship to sexual behavior. *The Journal of Sex Research*, 26, 199–209. 10.1080/00224498909551506

Masters, W H., Johnson, V. E. (1966). Human sexual response. Boston: Little & Brown, 366.

Murray, H.A. (1938) Explorations in personality: A clinical and experimental study of fifty men of college age. New York, Oxford University Press, 761.

Rosen, R.C., & Beck, J.G. (1988) Patterns of sexual arousal: Psychophysiological processes and clinical applications. New York, Guilford, 404.

Rusbult, C.E., Martz, J.M., & Agnew C.R. (1998) The Investment Model Scale: Measuring commitment level, satisfaction level, quality of alternatives, and investment size. *Personal Relationships*, 5, 357–391. 10.1111/j.1475-6811.1998.tb00177.x

Rusbult, C.E., Martz, J.J., & Agnew, C.R. (1998) The Investment Model Scale: Measuring commitment level, satisfaction level, quality of alternatives, and investment size. *Personal Relationships*, 5, 357–391. 10.1111/j.1475-6811.1998.tb00177.x

Schachner, D.A., & Saver P.R. (2004) Attachment dimensions and sexual motives. *Personal Relationships*, 11, 179–195. 10.1111/j.1475-6811.2004.00077.x

Schwabish, R.M. (1990) Power and intimacy motives of males in same-sex and opposite-sex dating couples. Unpublished doctoral dissertation, Hofstra University, Hempstead, NY.

Stewart, A.J., & Rubin, Z. (1974) The power motive in the dating couple. *Journal of Personality and Social Psychology*, 34, 305–309. 0.1037/0022-3514.34.2.305

Whitley, B.E. (1988). The relation of gender–role orientation to sexual experience among college students. *Sex Roles*, 19, 619–638. 10.1007/BF00289740

История развития и современное состояние китайской военной психологии

А.Г. Караяни

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия.

Поступила 3 октября 2017 / Принята к публикации: 26 октября 2017

History of development and modern condition of Chinese military psychology

Aleksandr G. Karayani

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Received October 3, 2017 / Accepted for publication: October 26, 2017

Актуальность (контекст) тематики статьи. Российская военная психология активно анализирует обретенные за годы своего реформирования достижения и с огромным интересом обращается к военно-психологическому опыту зарубежных армий. Знакомство с этим опытом позволяет российской военной психологии определить свое место в мировой военно-психологической науке, оценить динамику и верность генерального направления развития. В этом плане весьма интересным представляется знакомство с состоянием, возможностями, важнейшими ориентирами развития китайской военной психологии.

Цель. Цель статьи познакомить с бесценным опытом проб и ошибок, взлетов и падений, зстоя и настоящих прорывов, который можно почерпнуть, изучив историю и современное функционирование психологических структур китайской армии.

Описание хода исследования. В статье рассматриваются многовековая история и современное состояние военной психологии в Китае. Показано, что методологическими основами китайской военной психологии выступают философские идеи даосизма, конфуцианства и буддизма. Теоретические источники китайской военной психологии коренятся в трудах великих мыслителей и полководцев древнего Китая. Выделены два наиболее энергично развивающихся направления военной психологии – психологический отбор военнослужащих, теория и практика психологической войны. Дан исторический анализ развития традиций и технологий психологического отбора за 4 тыс. лет.

Проанализированы исторические тенденции развития и особенности китайской парадигмы теории и практики психологической войны. Психологическая война рассматривается как компонент информационно-психологического противоборства, наряду с правовой и медиа-войнами. Дан общий обзор других направлений военно-психологических исследований: изучение влияния боя на психику воинов, боевого стресса, посттравматического стрессового расстройства и посттравматического роста; разработка методов психологической подготовки и формирования психологической устойчивости у военнослужащих; изучение психологических аспектов системы «человек-машина» и т.д.

Выводы. В конце статьи делается вывод о том, что китайская военная психология становится существенной созидательной силой в системе обеспечения боеспособности Народно-освободительной армии Китая и ее опыт достоин внимательного и всестороннего изучения.

Ключевые слова: военная психология, психология в Китае, психологический отбор, психологическое тестирование, психологическая война, психологическая подготовка, психологическая устойчивость.

Background. Russian military psychology is actively analyzing the achievements gained over the years of its reform and with great interest turns to the military psychological experience of foreign armies. Acquaintance with this experience allows Russian military psychology to assess its place in the world military psychological science, to assess the dynamics and fidelity of the general direction of development. In this regard, it is quite interesting to get acquainted with the state, capabilities, and the most important guidelines for the development of the Chinese military psychology.

Objective. The objective of this paper is to get acquainted with the invaluable experience of trial and error, ups and downs, stagnation and real breakthroughs, which can be learnt through getting acquainted with the history and modern functioning of the psychological structures of the Chinese army.

Design. The paper considers the centuries-old history and a modern condition of military psychology in China. The methodological foundations of the Chinese military psychology are proved to be the philosophical ideas of Taoism, Confucianism and Buddhism. Theoretical sources Chinese military psychology is rooted in the writings of the great thinkers and generals of ancient China – Sun Tzu, Wu Tzu, Zhuge Liang. The two most vigorously developing areas of military psychology: the psychological selection of military personnel, theory and practice of psychological warfare.

The historical analysis of traditions and technologies development for the period of four thousand years is given. The development of psychological selection in the army of China was affected by cooperation with the American psychologists during the Second World War. The overall state and program approach to perfect the system of selecting military men using the psychology methods is underlined. Historical development tendencies and the Chinese paradigm of the theory and practice of psychological war are analyzed. Psychological war is considered as a component of an information psychological antagonism, along with legal and media-wars. Such types of psychological war as operation-coercion, operation-deceit, operation-dissociation, operation-defense are identified. Methods of psychological war are highlighted. The general review of other trends of military psychological research is given: studying combat influence on soldier mental condition, stress resistance, post combat frustration and posttraumatic growth; collaborating on methods of psychological training and psychological resilience in military men; studying psychological aspects of «man-technics» system, etc.

Results. To conclude, the Chinese military psychology is becoming an essential creative force in the PLA's combat preparedness system and its experience is worthy of careful and in-depth study.

Keywords: military psychology, psychology in China, psychological selection, psychological testing, psychological war, psychological training, psychological resilience

Российская военная психология активно анализирует обретенные за годы своего реформирования достижения и с огромным интересом обращается к военно-психологическому опыту зарубежных армий. В последнее время вышли аналитические работы, в которых дан общий обзор развития военной психологии в мире (Караяни, 2016), анализируется исторический путь и современное состояние российской военной психологии (Караяни, Волобуева, 2007), исследуются кардинальные преобразования в американской военной психологии (Караяни А.Г., Караяни Ю.М., Зинченко, 2014), очерчиваются контуры британской военно-психологической науки и практики (Karayani, 2015). В истории и повседневном функционировании психологических структур зарубежных армий содержится бесценный опыт проб и ошибок, взлетов и падений, зстоя и настоящих прорывов. Знакомство с этим опытом позволяет российской военной психологии оценить свое место в мировой военно-психологической науке, оценить динамику и верность генерального направления развития. В этом плане весьма интересным представляется знакомство с состоянием, возможностями, важнейшими ориентирами развития китайской военной психологии.

В истории и повседневном функционировании психологических структур зарубежных армий содержится бесценный опыт проб и ошибок, взлетов и падений, зстоя и настоящих прорывов. Знакомство с этим опытом позволяет российской военной психологии оценить свое место в мировой военно-психологической науке, оценить динамику и верность генерального направления развития

Дефицит русскоязычных работ, посвященных китайской военной психологии, значительно усложняет задачу ее анализа. Вместе с тем, определенная информация содержится в англоязычной

психологической литературе, в том числе публикуемой китайскими авторами, в ряде гражданских психологических исследований и в интернет-публикациях.

Предваряя непосредственный анализ состояния китайской военной психологии, необходимо подчеркнуть, что он немыслим без рассмотрения того исторического контекста, который выступает благодатной почвой для ее развития. На наш взгляд, важно обратить внимание на четыре контекстуальных момента:

- 1) наличие одной из старейших и авторитетнейших в мире философской традиции, играющей роль методологического фундамента для всего китайского научного знания;
- 2) эвристическое и перманентно актуальное военно-психологическое наследие древнекитайских военных мыслителей и полководцев;
- 3) активная «колонизация» китайской военной психологии западными военно-психологическими идеями и традициями;
- 4) масштабное, динамичное и «заразительное» развитие ведущих отраслей психологической науки в современном Китае.

Философский платформой для китайской военной психологии выступают сформулированные тысячелетия назад и

творчески осмысливаемые философские идеи даосизма (Лао Цзы, VI век до н. э.), конфуцианства (Конфуций, V век до н.э.) и буддизма (Сиддхартха Гаутама, VI век до н. э.). Их релевантность для военной пси-

хологии определяется тем, что, во-первых, эти идеи пронизаны духом позитивизма и охватывают важные для военной психологии объекты: личность, долг, ответственность, честь, человеческие отношения, общение, учение, управление, власть, коллектив, общество и др. Во-вторых, выраженный «общечеловеческий» характер этих идей обуславливает их «живучесть» в условиях идеологической «турбулентности». Эти идеи одинаково приемлемы в качестве методологического основания, как для коммунистической идеологии, так и для буржуазного мировоззрения. В-третьих, эти идеи разделяются различными слоями китайского общества, что дает возможность использовать их в качестве духовных скреп китайской армии.

Актуальной теоретической основой китайской военной психологии является военно-психологическое наследие великих военных мыслителей и полководцев Древнего Китая, собранное в известном на всем Дальнем Востоке «Семикнижье». Жемчужинами «Семикнижья» являются два трактата, авторами которых являются два прославленных китайских стратега. Это – «Трактат о военном искусстве» Сунь-цзы (Сунь-цзы, 2003) и «Трактат о военном искусстве» У-цзы (У-цзы, 2003).

Чаще всего эти трактаты, особенно первый, рассматривают как систематическое изложение военной стратегии, реже – как сборники принципов психологической войны. Однако, на наш взгляд, оба произведения являются первыми в истории трудами по военной психологии. В них изложено психологическое понимание войны, в котором психологическими мыслятся цели войны (слово воли и способности противника к сопротивлению), средства ведения боевых действий (обман, устрашение, дезинтеграция, дезорганизация противника), последствия противоборства (не уничтожение живой силы и богатств противника, а приобщение их к своим силам и богатствам). Спустя более 1,5 тыс. лет, военно-психологические идеи Сунь-цзы и У-цзы проникли в европейское сознание и кристаллизовались в знаменитом трактате «О войне» К. фон Клаузевица (Клаузевиц, 2002). В 30–70-х гг. прошлого столетия они были творчески переосмыслены русским военным мыслителем Э. Месснером (Месснер, 2005). Сегодня психологическая трактов-

Александр Григорьевич Караяни – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, академик Академии военных наук, Военный Университет Министерства обороны Российской Федерации, факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: karayani@mail.ru
Web: <https://istina.msu.ru/profile/karayani/>

ка войны «по Сунь-цзы» находит свое воплощение в концепции гибридных войн. Закономерно, что она составляет теоретико-методологическую основу современной китайской военной психологии.

Говоря об «импорте» китайскими военными психологами западных военно-психологических идей, необходимо отметить, что он достигает весьма внушительных масштабов. Интерес к американской, британской, канадской психологии связан с прозападной ориентацией Китайского психологического общества (КПО), на сайте которого электронный адрес Американской психологической ассоциации выделен кнопкой быстрого доступа.

Анализируя современное состояние китайской психологии, следует отметить, что она прошла полный драматизма путь исторического развития и сегодня находится в расцвете своих возможностей. Ее современная история начинается в 1921 г. с создания Китайского психологического общества (КПО), появившегося в числе первых семи психологических сообществ в мире.

В 1999 г. министерство науки и технологии Китая включило психологию в число 18 ключевых научных дисциплин, которые поддерживаются государством. Это связано с тем, что китайская психология доказала свою состоятельность, социальную полезность и рассматривается в качестве реальной созидательной силы общества. Как следствие, психологические исследования и образование в этой сфере хорошо финансируются и технологически обеспечиваются, даже по сравнению с такими дисциплинами, как биология и медицина. Пожалуй, психологи занимают лидирующее положение среди специалистов, обучающихся за границей (Buxin Nan, Kan Zhang, 2017).

В настоящее время в Китае действуют 300 факультетов психологии, и в большинстве университетов читаются курсы по психологии (Zhipeng Gao, Wo Wang, 2014, С. 221–227). Сегодня в этих учреждениях около 10 тыс. студентов обучаются по программам бакалавриата, более 2 тыс. – по 2–4-летним магистерским программам и более 300 – по 3–6 летним программам подготовки докторов наук (Buxin Nan, Kan Zhang, 2017). Выпускники с базовой психологической под-

готовкой востребованы в университетах и институтах, школах, колледжах, госпиталях, клиниках, правительственных учреждениях.

В Китае широко ведутся научные исследования в области когнитивной, сравнительной, возрастной, социальной, спортивной, клинической, медицинской, экономической психологии, психологии религии, нейропсихологии, психологии труда, эргономики. Здесь, как правило, за эталон принимаются западные подходы, но заметны попытки определить и собственные научные подходы. Тон в научных исследованиях задается Институтом психологии Академии наук Китая (Buxin Nan, Kan Zhang, 2017).

В последние десятилетия китайская психология активно осваивает мировое психологическое пространство. В 1980 г. КПО становится членом Международного союза психологической науки. В 2004 г. Китай с успехом принимает XXVIII Международный психологический конгресс – первый психологический форум такого масштаба на Азиатском кон-

Релевантный философский фундамент, актуальное военно-психологическое наследие, положительная динамика развития психологии в стране создают благоприятные условия для развития китайской военной психологии. Судя по доступным источникам, наиболее мощными направлениями развития военно-психологической науки и практики в Китае являются профессиональный психологический отбор и теория и практика психологической войны

тиненте. В Конгрессе приняли участие шесть тысяч психологов из 78 стран мира. В 2009–2012 гг. в Китае прошли крупные международные региональные форумы (Zhipeng Gao, Wo Wang, 2014, С. 221–227). 14–16 октября 2016 года в городе Сиань состоялся Съезд КПО. В нем приняли участие Президент Международного союза психологической науки при ЮНЕСКО профессор С. Купер, представители индийского, пакистанского, монгольского, американского и российского психологических сообществ. Общее количество участников съезда превысило 3000 человек.

Генератором преобразований в психологии выступает Китайское психологическое общество, которое, как это видно на его сайте, объединяет 20 профессиональных отраслей (комитетов) и 31 региональное психологическое сообщество, представляющих все основные сферы психологической науки и практики. Его полноправной частью является и военная психология. Площадками для презентации научных достижений являются два психологических журнала. Журнал «Психология» (*Acta Psychologica Sinica*) издается с 1956 г. с перерывом (1966–1979 гг.) ежемесячно КПО и Институтом психологии Академии наук. Журнал «Психологическая наука» выходит с 1981 г. раз в два месяца. Он издается КПО совместно с рядом психологических факультетов.

Общая энергия прогресса китайской психологии выступает своеобразным «допингом» для военных психологов.

Таким образом, релевантный философский фундамент, актуальное военно-психологическое наследие, положительная динамика развития психологии

в стране создают благоприятные условия для развития китайской военной психологии. Судя по доступным источникам, наиболее мощными направлениями развития военно-психологической науки и практики в Китае являются профессиональный психологический отбор и теория и практика психологической войны.

Профессиональный психологический отбор

В совершенствовании профессионального психологического отбора от-

ражаются историческая традиция и современная позиция государства, самым внимательным образом относящегося к качеству профессиональных кадров.

Хотя отбор персонала – явление преимущественно XX в., первые системные попытки организации этой деятельности относятся к 2200 г. до н.э., когда китайский император ввел практику один раз в три года оценивать профессиональную пригодность своих служащих. На протяжении последующих столетий эта практика постоянно совершенствовалась, и во время правления династии Хань (202 г. до н.э.–200 г. н.э.) был утвержден письменный экзамен. Экзамен включал пять тем: гражданское право, военное дело, агрокультура, доходы и география. Свою окончательную форму система государственного профессионального отбора в Китае приобрела в 1370 г. В связи с широким недовольством суровостью испытаний (порой длились по несколько суток) они были отменены указом императора в 1906 г. (Gregory, 2004, С. 4).

Древним китайским военным мыслителям и деятелям принадлежит и первая известная технология отбора талантливых и способных людей на службу. Легендарный китайский полководец Чжунэ Лян (181–234 гг.) учил: «Испытай его правдой и ложью и узнаешь его волю, понаблюдай за ним в споре и узнаешь, как он изменится, посоветуйся с ним при планировании и узнаешь его ум, сообщи ему о трудностях и опасностях и узнаешь его храбрость, напои его до пьяна и узнаешь его характер, покажи ему выгоду и узнаешь его бескорыстие, испытай его ожиданием и узнаешь его веру».

В самом конце Второй мировой войны состоялось событие, оказавшее заметное влияние на развитие военного профессионального психологического отбора в Китае. В мае 1945 г. в Китай, по согласованию с гоминьдановским руководством, прибыла группа американских психологов во главе с Г.А. Мюрреем (автор Тематического апперцептивного теста) для оказания помощи китайским психологам в налаживании психологического отбора диверсантов, забрасываемых в японский тыл для проведения разведывательных, диверсионных и боевых действий. В группу входили американские психологи китайского происхождения

Р.С. Лиман (R.S. Lyman) и Р. Чин (R. Chin). Мюррей пригласил для совместной работы известного китайского психолога – профессора психологии Юго-западного объединенного университета С.К. Чу (S.K. Chou), который с декабря 1943 г. работал над созданием теста для психологической оценки офицеров. Для работы на специально созданной психологической станции Чу привлек китайских (или работавших в Китае) коллег-психологов (Cao Richang, Ting Tsan, Fan Chun, Rukang Tian, Ma Qiwei, Zhao Wanhe, Dai Bingham) (Yan Shu-Chang, Chen Jing, Zhang Hong-Mei, Siegen K., 2012).

Сотрудниками станции из нескольких тысяч парашютистов-десантников были отобраны физически здоровые и умеющие читать кандидаты. В июне 1945 г. психологи приступили к психологическому обследованию кандидатов. На первом этапе отсеивались лица с низким IQ. На втором этапе оценивались 6 факторов:

- 1) образовательный уровень,
- 2) интеллект,
- 3) наблюдательность и память,
- 4) мотивация, социальные отношения, эмоциональная стабильность,
- 5) лидерские качества,
- 6) физические возможности.

Для этого использовались методы интервью, «наведения мостов», преодоления препятствий, тесты на наблюдательность и память. Было отобрано 220 всесторонне пригодных кандидатов, из которых созданы 19-я и 20-я парашютно-диверсионные команды и группа оперативного командования.

В августе 1945 г. китайские участники проекта R. Cao и R. Tian были направлены для обучения в Европу. В 1946 г. Fan Zhun, Zhao Wanhe и Ma Qiwei были рекомендованы для обучения в Гарвардском университете, Университете Северной Каролины и Спрингфилдском колледже физического образования соответственно. В 1946 г. Мюррей обратился в Фонд Рокфеллера с просьбой обеспечить 1–2-х годичное обучение T. Tsan в США. Чу (Chun) работал в США в течении 1947–1948 гг. как ученый по приглашению. В 1980-х гг. Tian совершил турне по США с лекциями, где он принимался как американский ветеран.

В конце августа 1945 г. в Китае был официально основан Институт психологического тестирования. Чу провел

большую работу по развитию китайской военной психологии с эмпирической позицией, то есть создавая ее изнутри, на национальной почве. Некоторые его психологические идеи прошли апробацию в ходе войны с Японией (1937–1945 гг.). По оценкам специалистов, военно-психологические воззрения и практическая деятельность Чу являются «ориентирами для современной военной психологии» (Yan Shu-Chang, Chen Jing, Zhang Hong-Mei, Siegen K., 2012).

Сотрудничество китайских и американских психологов, несмотря на последние политические события в Китае, имело ряд положительных последствий для китайской военной психологии. Во-первых, китайские психологи познакомились с технологиями психологического отбора и получили опыт работы под началом крупного американского психолога Г. Мюррея. Во-вторых, группе китайских психологов удалось пройти обучение в известных европейских и американских университетах и критически осмыслить новейшие достижения психологии того времени. В-третьих, это сотрудничество обусловило дальнейшую ориентацию китайской психологии на методологию, теорию и технологии американской психологии.

После войны теория и практика психологического отбора продолжали развиваться. До 1949 г. Сяо Сяожун проводил тестирование коллективной сообразительности офицеров. Чжоу Сяньгэн, Дин Цзуинь и Сан Ланьлань осуществляли психологическую оценку парашютистов и умственных способностей офицеров.

В 50–60 гг. XX в. руководство КНР отчетливо осознало важность психического здоровья и высоких морально-боевых качеств военнослужащих. В связи с этим было налажено систематическое психологическое тестирование военных летчиков, астронавтов и военных водителей (Chinese People's Liberation ..., URL: <http://www.wri-irg.org/node/947>. 2006.).

На рубеже XX–XXI вв. в Китае произошли серьезные политические изменения. Политика открытости привела к существенным изменениям в психологических характеристиках сегодняшнего китайского призванного. На первый план выдвинулись проблемы мотивации, ответственности, лояльности, игровой,

наркотической и других зависимостей, коммуникативные проблемы и др. Серьезные изменения происходили в технологиях и технике ведения современной войны. В это же время в вооруженных силах США осуществлялся пересмотр парадигмы психологического отбора персонала. Он заключался в существенном усилении внимания к не когнитивным критериям оценки военнослужащих. Все это подтолкнуло китайское военно-политическое руководство к революционному обновлению системы профессионального психологического отбора.

Был спланирован и осуществлен масштабный проект по созданию современной системы профессионального психологического отбора военнослужащих на военную службу. Государство выделило солидные гранты, привлекло к реализации проекта Институт психологии и другие подразделения Китайской академии наук, сотни рекрутинговых агентств, психологов и медицинских специалистов Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Исследования проводились на масштабной выборке (по некоторым данным она составила от 15 до 18 миллионов человек) в НОАК, Народной вооруженной милиции, отделах народного вооружения (аналог наших военкоматов) провинциального и уездного уровней.

В результате были пересмотрены, обновлены, оптимизированы и прошли государственную оценку содержание, стандарты и методы психологического отбора.

Специалистами четвертой военно-медицинской академии НОАК был разработан и апробирован метод психофизической компьютерной диагностики. Данная методика позволяет эффективно выявлять психосоматические и другие расстройства в поведении личности, коммуникативные проблемы, игровые, наркотические и иные зависимости, а также различные хронические заболевания. Она достаточно четко определяет профессиональную пригодность и профориентацию кандидата, включая степень его умственного развития и состояние ряда важных функций (восприятие, внимание, память, способность оперировать пространственными представлениями, логическое мышление). Программа самостоятельно определяет конкретные элементы (тесты или зада-

Был спланирован и осуществлен масштабный проект по созданию современной системы профессионального психологического отбора военнослужащих на военную службу. Государство выделило солидные гранты, привлекло к реализации проекта Институт психологии и другие подразделения Китайской академии наук, сотни рекрутинговых агентств, психологов и медицинских специалистов Народно-освободительной армии Китая

ния) и порядок предъявления диагностического материала обследуемому, анализирует характер его ответов, ограничивает предъявление вопросов, на которые получены усредненные ответы, и детализирует анализ наиболее выраженных ответов. Это дает возможность более глубоко изучать наиболее важные и выраженные психологические качества военнослужащих НОАК. Для изучения индивидуально-психологических качеств военнослужащих используются также опросные листы, содержащие тесты Л. Сонди, М. Люшера, К. Леонгарда, Дж. Голланда, Иовайши, Ч. Спилбергера, Айзенка (Опыт проведения ..., 2016).

Значительный вклад в развитие системы психологического отбора китайских военных специалистов внес известный китайский психолог Кан Чанг, являвшийся на протяжении ряда лет директором Института психологии Китайской академии наук. Он возглавлял группу ученых по разработке системы психологического отбора специалистов и технического персонала (в том числе летчиков и астронавтов), а также методов их психологической поддержки. В 1991, 2001 и 2010 гг. ученый был награжден высокими премиями за деятельность в этой области.

Китайские психологи ведут активную работу по разработке собственных методов психологической оценки и по адаптации американских диагностиче-

На протяжении многих веков китайские полководцы считали воздействие на морально-психологическое состояние противника более эффективным способом достижения военно-политических целей, чем сами боевые действия. Из многочисленных средств ведения войны они нередко предпочитали именно психологическое воздействие на стратегию и дипломатию противника, демонстрацию собственной силы и отказ от слепой веры в удачу

ских методик к задачам психологического отбора в армии. Так, Miao Danming, Luo Zhengxue, Liu Xufeng, Li Yunbo, Wang Jingsheng, Su Jinkuan (2006) исследовали методические средства психологическо-

го отбора курсантов Военной академии ((Miao Danming, Luo Zhengxue, Liu Xufeng, Li Yunbo, Wang Jingsheng, Su Jinkuan, 2006). Yuanjun Xie, Li Peng, Xin Zuo, Min Li (2016) провели психометрическую оценку Шкалы упругости Коннора-Дэвидсона в интересах ее использования в системе отбора китайских военнослужащих (Yuanjun Xie, Li Peng, Xin Zuo, Min Li, URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0148843> 2016).

Психологическое противоборство

Информационно-психологическое противоборство является второй важнейшей областью приложения китайской военной психологии к практике решения оборонных задач. Содержание и технологии психологических операций (ПСО), проводимых китайскими военными специалистами определяется тысячелетними традициями ведения психологической войны и адаптированным современным западным (прежде всего, американским) опытом информационно-психологического противоборства.

Базовыми целями ПСО являются заветы-наставления Сунь-цзы. Говоря о целях, методах и эффектах психологической войны, стратег утверждал: «Лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не

сражаясь. Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска. Самое худшее – осаждать крепости». «Война –

это путь обмана ... тот, кто умеет вести войну, – говорил Сунь-цзы, – покоряет чужую армию не сражаясь; берет чужие крепости, не осаждая; сокрушает чужое государство, не держа свое войско долго» (Сунь-цзы, 2003, С. 13–16).

Несмотря на различные трактовки психологической войны представителями разных военно-психологических школ, ее цель видится в искажении, ограничении, изменении мыслей, эмоций и привычек противника и усилении психологических возможностей дружеских сил

В дальнейшем на протяжении многих веков китайские полководцы считали воздействие на морально-психологическое состояние противника более эффективным способом достижения военно-политических целей, чем сами боевые действия. Из многочисленных средств ведения войны они нередко предпочитали именно психологическое воздействие на стратегию и дипломатию противника, демонстрацию собственной силы и отказ от слепой веры в удачу. Подтверждение этого дается в более позднем китайском трактате о стратегии – «Шесть искусств ведения войны». В нем отмечается, что в боевых штабах китайских войск порой более четверти специалистов занимались исключительно вопросами психологической войны: пропагандировали мощь армии, расхваливали доблесть своих войск, изучали намерения противника, провоцировали чувство неуверенности у неприятеля, подрывая его веру в богов и духов (Авраменко, Старунский, 2005).

Главными целями психологического воздействия на противника были его запугивание и введение в заблуждение. Для этого активно использовались листовки, слухи, лазутчики, устрашающие рисунки и надписи на стенах замков, воздушных змеях и знаменах, пугающие элементы боевого снаряжения, дикие и домашние животные, огонь и воздушные змеи и т.п.

В литературе описываются некоторые из применявшихся в то время приемов. Так, специалисты привязывали тростниковые дудочки к воздушным змеям и запускали их ночью в направлении лагеря противника. Дудочки издавали на ветру звуки, угнетающе на неприятеля действовавшие. В другой раз в ночное время к рогам домашнего скота привязывали камыш, пропитанный нефтью, поджигали его и затем гнали обезумевшее ста-

до на лагерь противника, сея панику и ужас в стане врага (Timothy, URL: <http://www.iwar.org.uk/psyops/resources/china/chinesepsyop.pdf>).

В настоящее время военно-политическое руководство КНР, изучив опыт ин-

формационно-психологического противоборства в войнах конца XX – начала XXI века утвердилось в мысли о том, что информационные и психологические операции стали важнейшим и эффективным компонентом современной войны. В 2003 г. была утверждена и в 2010 г. скорректирована концепция «Трех войн», определяющая принципы и ключевые условия достижения превосходства в информационно-психологическом противоборстве. Такое противоборство рассматривается как диалектическое единство психологической, правовой и медиа- войн.

Психологическая война, по мнению китайских специалистов, является самым «подрывным элементом» информационно-психологического противоборства. Она нацеливается на сдерживание, устрашение и деморализацию личного состава противника и поддерживающего его гражданского населения, на подрыв способности противника принимать правильные решения и вести военные операции. Медиа-война призвана оказывать влияние на мнения внутренней и зарубежной аудитории с целью привлечения их к поддержке военных действий Китая и удержания противника от действий, противоречащих китайским национальным интересам. Правовая война использует национальное и международное право для достижения национальных интересов. Это может быть урезание возможностей свободы и ограничение пространства действий противника. Она также направляется на достижение международной поддержки и регулирование возможных политических последствий китайских военных действий (China: The three Warfares ..., URL: <https://cryptome.org/2014/06/prc-three-wars.pdf>).

Принятие концепции «Трех войн» активизировало научные изыскания в об-

ласти информационно-психологического противоборства. В период с 2002 по 2005 г. журнал «Китайская военная наука» опубликовал шесть научных статей, раскрывающих историю, состояние и перспективы теории и практики ведения психологической войны: Wang Zhenxing, Yang Suping «Психологическая война в современных высокотехнологических локальных войнах», Wu Juncang, Zhang Qiancheng «Доктрина психологических операций в Древне Китае», Xu Hezhen «Сосредоточенность на психологических операциях на фоне Большой стратегии» и «Психологические операции в контексте Большой стратегии», Wang Lianshui, Ma Jingcheng, Yan Jianhong «Сравнение психологических операций Китая и Запада», Li Yuankui, Wang Yanzheng, Yang Xiaoli «Оборона в современной психологической войне» (Timothy, URL: <http://www.iwar.org.uk/psyops/resources/china/chinesepsyop.pdf>).

В 2012 г. Шаньдунская исследовательская ассоциация им. Сунь-цзы совместно с Военным комитетом Китайского психологического общества провели симпозиум на тему «Побеждать без боя – Древнекитайская мысль и опыт психологической войны», в котором приняли участие 45 специалистов этой области. Было принято решение о разработке учебника по вопросам психологической войны для курсантов вузов НОАК.

Несмотря на различные трактовки психологической войны представителями разных военно-психологических школ, ее цель видится в искажении, ограничении, изменении мыслей, эмоций и привычек противника и усилении психологических возможностей дружеских сил. В результате ее осуществления противник должен быть психологически и информационно изолирован, утратить занимаемые позиции, обрести имидж источника негативных намерений, принужден оправдываться на различные обвинения и рассеивать свою энергию. В военное время психологические акции должны вызывать у военных и гражданских руководителей неприятеля всех уровней ошибочное восприятие и мышление, смущение, сомнения, беспокойство, страх, ужас, сожаления, чувства неуверенности, нерешительности, безнадёжности, ошибки в принятии решений

и психическое истощение (Cheng Dean, URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2012/11>, accessed on 15 June 2013).

Психологические операции, как формы ведения психологической войны, могут направляться на вражеские и на дружеские, на внешние и на внутренние, на военные и гражданские аудитории, на лидеров и население стран в целом, на союзников и на весь мир, осуществляться различными методами (дипломатическими, политическими, культурологическими, специальными), средствами (листовками, аудио-листовками, листовками, спроецированными на облака, радио-, теле- и звуковещанием, Интернет-технологиями, агентами влияния и т.д.). В век информатизации китайские специалисты полагают, что победа в войне связана с доминированием в сфере информации, со способностью быстрее находить, собирать, анализировать, модифицировать, шире и точнее распространять необходимую информацию, а также затруднять распространение враждебной информации.

Аналитики выделяют такие типы китайских психологических операций, как операция-принуждение, операция-обман, операция-разобложение, операция-защита (Cheng Dean, URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2012/11>, accessed on 15 June 2013).

Операция-принуждение состоит в деморализации противника. Она нацелена на то, чтобы заставить противника отказать от своих планов или от сопротивления путем формирования у него убеждения в том, что сопротивление бесполезно. Цели такой операции достигаются демонстрацией превосходства в военной мощи, в информационных технологиях, боевой и психологической подготовке войск, стратегической позиции, а также уязвимости противника. Успешное принуждение позволяет избежать военного конфликта.

Операция-обман состоит в дезориентации противника, в порождении у него ошибочных впечатлений, оценок, решений, действий. Речь идет о влиянии посредством СМИ и различных Интернет-технологий на когнитивные процессы противника с целью их искажения, замедления, блокирования. При этом акцент делается на незаметное встраива-

ние ошибок в существующие верования и системы ценностей противника. Реализуется принцип «мусор в мусоре»: использование ошибочной информации при принятии решения ведет к принятию ошибочных решений.

В настоящее время в Китае создана мощная государственная система информационно-психологического противоборства, способная оказывать массированное информационно-психологическое воздействие на вероятного противника как в мирное, так и в военное время

Операция-разобложение нацеливается на привнесение в лагерь противника подозрений, ревности, разногласий, трений и отчуждения, на нарушение связей между населением и руководством, между руководителями, между союзниками, между военными и гражданским населением. Для реализации принципа «крепости лучше брать изнутри», по мнению китайских специалистов, нужно хорошо знать и учитывать индивидуальную и групповую психологию противника, его слабости и уязвимые места. Внесение разобщенности в действия противника делает его «более ломким и легко разрушающимся».

Операция-защита призвана противодействовать попыткам противника вести операции принуждения, обмана и разобщения против собственной стороны. Она заключается в формировании духовного, идейного и социального единства нации, «иммунизации» руководства, населения, военнослужащих против вражеской пропаганды, удержании контроля за СМИ с целью блокирования деморализующих слухов и настроений.

Вопросами разработки теоретико-методологических основ, технологий и принципов ведения психологической войны занимается Военная академия НОАК, а также специально созданный Институт психологической войны (г. Сиань, провинция Шанси). Последний осуществляет подготовку специалистов в области психологической борьбы. Подготовка специалистов осуществляется по направлениям: военная психология, социальная психология, психологическая борьба, теория психологической войны, практика психологической войны, психология солдат. Первый выпуск офицеров в институте состоялся в 2001 году (Институт психо-

логической ..., URL: <http://www.abirus.ru/content/564/623/631/11311/11323.html>).

Анализ открытых литературных и интернет-источников показывает, что в последние годы отмечается интенсивное оснащение подразделений психологиче-

ской войны Китая современным технологическим оборудованием, системами сбора, анализа, разработки и распространения информации. Так, в СМИ прошла информация о принятии на вооружение службой психологической войны НОАК нового самолета для проведения психологических операций на территории противника – Y-8GX7 (на базе советского АН-12). Этот самолет способен вести телевизионную и радиотрансляцию, а также передавать радио- и телесообщения в зоне конфликтов. Все это должно приводить противника в замешательство и принуждать к бегству или сдаче в плен.

Таким образом, в настоящее время в Китае создана мощная государственная система информационно-психологического противоборства, способная оказывать массированное информационно-психологическое воздействие на вероятного противника как в мирное, так и в военное время. Наиболее эффективным ее компонентом является психологическая война.

Военно-психологические исследования

Наряду с теорией и практикой психологического отбора и психологической войны в Китае активно развиваются и другие отрасли военной психологии. При этом, хотя тематика и стиль военно-психологических исследований в существенной степени отражают основные тенденции американской военной психологии, очевидно стремление китайских военных психологов найти собственный путь в военно-психологической науке и практике.

По оценкам китайских специалистов, до 1949 г. (1 октября 1949 г. образована

Китайская народная республика) военно-психологические исследования велись без особой активности. Военная психология делала лишь первые шаги, не имела научной системы и специального исследовательского аппарата. Так, Сяо Сяожу-

и воспитания, психологической подготовки, психологии военного управления, психологического отбора, психологии военной службы, воинского коллектива, боевой деятельности, военной пропаганды, военной маскировки и др.

Для предупреждения психических расстройств у военнослужащих необходимо проводить систематическое психологическое обследование лиц, участвующих в экстремальной деятельности, их обучение принципам сохранения психического здоровья и консультирование по методам решения психологических проблем

ном изучалось настроение военнослужащих, психология воинской деятельности, проблемы психологической войны. Им была опубликована книга «Военная психология», осуществлен перевод ряда зарубежных военно-психологических трудов. Чжоу Сяньгэн, Дин Цзуинь и Сан Ланьлань вели исследования в области авиационной медицины. В 1940-х гг. был опубликован ряд книг по военной психологии: «Психогигиена военнослужащих», «Психология в бою», «Психология воинской деятельности». Профессором Тэном была переведена на китайский язык книга Н. Коупленда «Психология и солдат» (Лю Хунсун, 1986).

Сразу после образования КНР военные психологи сосредоточились на изучении авиационной психологии, психологии боя и бойца, психологии военного управления, создании системы психологического отбора. Были переведены на китайский язык и изданы советские книги «Авиационная психология», «Военная психология», «Военная психология и педагогика», а также труды «Исследование психологии бойца» и «Психология бойца».

В 1986 г. наблюдался своеобразный «бум» в развитии китайской военной психологии. Вышли книги Вэнь Сяньгана «Психология управления войсками» (Вэнь Сяньган, 1986), Чэнь Цзианя и Ван Вэйпина «Основы военной психологии» (Чэнь Цзиань, Ван Вэйпин, 1986) и первый систематизированный труд по военной психологии – «Военная психология» Лю Хунсуна (Лю Хунсун, 1986). Последняя по сей день является одной из самых масштабных (390 страниц) и богатых по содержанию военно-психологических работ. В ней подверглись анализу вопросы истории и методологии военной психологии, психологии воинского обучения

Сегодня китайские психологи осуществляют исследование широкого круга актуальных военно-психологических вопросов. Так, известный китайский психолог Кан Чанг занимается исследованием проблем внимания, психических нагрузок, ситуаций осознания, управления, деятельности в системе «человек-техника».

Китайские военные психологии целенаправленно изучают последствия влияния экстремальной обстановки на психическое состояние и деятельность военнослужащих. В качестве примера можно привести крупное исследование (n=1913) переживания острого стресса военнослужащими, участвовавшими в четырех разных видах экстремальной деятельности: в ликвидации последствий землетрясения в провинции Сычуань, в горном тренинге в провинции Ганьсу, в обеспечении социальной стабильности в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе, в интенсивном тренинге в провинции Хэнань.

Обследование проводилось с помощью разработанной Xia Zhu и ее коллегами «Шкалы реакций острого стресса» (The Acute Stress Response Scale (ASRS)). Результаты исследования показали, что экстремальная обстановка вызывает острый стресс у военнослужащих. Наиболее выраженный стресс отмечался в группе горного тренинга, где к общей физической и климатической нагрузке добавилась гипоксия. При этом стрессовому воздействию в большей степени подверглись когнитивный и эмоциональный кластеры и в меньшей степени – поведенческий и психиатрический кластеры. Исследователями сделан вывод о необходимости проведения своевременных психологических интервенций с целью профилактики развития у военнослужащих хроническо-

го стресса и посттравматического стрессового расстройства (Huang, Zhang, Miao, Zhu, 2014).

Группой китайских исследователей (Xin-Yang Sun, Lin Zhao, Chun-Xia Chen, Xue-Lian Cui, Jian Guo, Li-Yi Zhang) в 2014 г. изучалось влияние сложных погодных-климатических, социальных и военных условий на психическое здоровье китайских военнослужащих, выполняющих миротворческую миссию в Либерии. Было установлено, что предварительно проведенный психологический отбор и тренинг военнослужащих сыграли важную роль в сохранении их психического здоровья. Психических расстройств в ходе выполнения военнослужащими миротворческой миссии не выявлено. Однако психологических проблем после их возвращения на родину избежать не удалось. Исследователями сделан вывод о том, что для предупреждения психических расстройств у военнослужащих необходимо проводить систематическое психологическое обследование лиц, участвующих в экстремальной деятельности, их обучение принципам сохранения психического здоровья и консультирование по методам решения психологических проблем. Поэтому в миротворческие контингенты должно включаться достаточное количество психотерапевтов и психиатров для проведения своевременных психологических интервенций в целях предупреждения психических расстройств и поддержания психического здоровья военнослужащих (Mental Health ..., URL: http://scielo.isciii.es/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0213-61632014000200001&lng=es&nrm=iso).

Еще одна группа исследователей (Xue C., Ge Y., Tang B., Liu Y., Kang P., Wang M. и др.) провела метаанализ факторов риска посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР), связанных с участием в боевых действиях среди военнослужащих и ветеранов (2015). Анализ показал, что существенными факторами развития ПТСР являются предбоевые, боевые и послебоевые события (например, применение оружия, вид раненых и убитых), тяжесть травмы и неблагоприятные жизненные события. Таким образом, для прогнозирования ПТСР больше внимания следует уделять роли личностных переменных и факторов окружающей среды.

Военные руководители должны обеспечивать непрерывную поддержку военнослужащих до, во время и после их боевого развертывания (Xue, Ge, Tang, et al., 2015).

Предметом научного анализа Lei Shi, Yongju Yu, Li Peng, Botao Liu, Yi Miao, Min Li и Xue Lv явился посттравматический рост, вызванный стрессовыми событиями курса молодого бойца кадетов медицинской академии. Используя Опросник устойчивости Коннор-Дэвидсон (CD-RISC), Вопросник посттравматического роста (PTGI), Шкалу регуляции эмоций (ERS), Шкалу позитивных и негативных аффектов (PANAS) и Вопросник регуляции эмоций (ERQ), исследователи установили, что посттравматический рост имеет существенные положительные корреляции с психологической устойчивостью, регулированием торможения и отреагирования, положительными эмоциями и когнитивной переоценкой, а также отрицательную корреляцию с негативными эмоциями. Эта корреляция позволяет предсказывать посттравматический рост у военнослужащих (Lei Shi, Yongju Yu, Li Peng et al., 2015).

Исследование влияния экстремальной деятельности на ее участников не является для китайских военных психологов самоцелью. Традиционным для них является внимание к вопросам боевой и психологической подготовки, особенно это касается подготовки личного состава спецподразделений. С китайскими военнослужащими проводятся специальные тренинги в сложных природно-географических и погодно-климатических условиях, в условиях экстремально высоких и низких температур окружающей

среды, в горах, пустынях, горно-лесистой местности, в акваториях рек и морей. При этом, наряду с развитием психологических и морально-боевых качеств отдельных военнослужащих, оптимизируются психологические характеристики воинских коллективов.

Исследование влияния экстремальной деятельности на ее участников не является для китайских военных психологов самоцелью. Традиционным для них является внимание к вопросам боевой и психологической подготовки, особенно это касается подготовки личного состава спецподразделений

Китайские военные специалисты ищут пути обеспечения эффективности различных видов деятельности военнослужащих. Так, Zheng-Xue Luo, Kan Shi, Wen-Dong Li, Dan-Min Miao исследовали психологические факторы эффективности воинской деятельности (n=15 офицеров и 80 солдат). Главными факторами эффективности воинской деятельности, по результатам исследования, названы «самодисциплина», «выполнение заданий», «помощь другим», «военное обучение», «достижение организационных выгод», «любовь к учению» (Zheng-Xue Luo, Kan Shi, Wen-Dong Li, Dan-Min Miao, 2008).

После принятия в вооруженных силах США концепции подготовки всесторонне подготовленного солдата (2008 г.), китайские военные психологи сосредоточились также на изучении и формировании у военнослужащих психологической устойчивости (упругости), на разработке методологии и технологий специальных психологических тренингов (Miao, Feng, Li et al., 2010; Peng, Zhang, Li et al., 2012; Peng, Li, Zuo et al., 2014; Shi, Chen, Bi, Li et al., 2013).

В ряде открытых источников имеются ссылки на то, что кроме психиатров и психотерапевтов в НОАК действуют специалисты по психологической работе. Однако информация об их статусе, количестве и направлениях деятельности продолжает оставаться закрытой.

Таким образом, современная китайская военная психология развивается высокими темпами. На ее содержание оказывают влияние традиционная философия древних китайских мыслителей, многовековая история военно-психологических идей, бурно развивающиеся отрасли «гражданской» психологии, опыт западной, прежде всего, американской военной психологии. В структуре китайского военно-психологического знания и практики выделяются, особенно, направления профессионального психологического отбора и психологической войны. В последнее время существенное внимание уделяется исследованию боевого стресса, посттравматического стрессового расстройства, посттравматического роста, а также формированию психологической устойчивости военнослужащих к стресс-факторам современного боя.

Все это позволяет сделать вывод о том, что китайская военная психология становится существенной созидательной силой в системе обеспечения боеспособности НОАК, и ее опыт достоин внимательного и всестороннего изучения.

Литература:

- Авраменко А., Старунский А. Психологические операции Народно-освободительной армии Китая // Зарубежное военное обозрение. – 2005. – № 4. – С. 14–19.
- Введение в исследование военной социальной психологии // Материалы Первой научной конференции по проблемам военной психологии / под ред. Ши Миньцзэна и Ли Цинъяна. – Шэньян, 1986.
- Вэнь Сяньтан Психология управления войсками. – Пекин, 1986.
- Институт психологической войны НОАК // Военно-учебные заведения по подготовке кадров для родов войск и другие военно-учебные заведения Китая [Электронный ресурс] // Абирус : [сайт] : URL : //http://www.abirus.ru/content/564/623/631/11311/11323.html – (дата обращения 15.10.2017).
- Караяни А.Г. Волобуева Ю.М. Военная психология как область специального научного знания и практики // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2007. – № 4. – С. 20–33.
- Караяни А.Г., Караяни Ю.М., Зинченко Ю.П. Американская военная психология как область специальной практики // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 63–71. doi: 10.11621/npj.2014.0107

- Караяни А.Г. Военная психология. В 2 ч. Часть 1. – Москва : Юрайт, 2016.
- Клаузевиц К. фон. О войне. В 2 тт. Т. 1. – Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2002.
- Лю Хунсун Военная психология. – Пекин, 1986.
- Месснер Е.Э. Хочешь мира, победи мятежвойну! – Москва, 2005.
- Ныязбекова К.С. Система высшего образования в Китае: психология [Электронный ресурс] // [сайт] : URL: http://www.rusnauka.com/3_ANR_2013/Pedagogica/2_126077.doc.htm/ – (дата обращения 15.10.2017).
- Опыт проведения профессионального психологического отбора кандидатов на военную службу по контракту в армиях иностранных государств и силовых ведомствах Российской Федерации : научный сборник. – Москва : 2016.
- Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве // Сунь-цзы: Искусство войны. Стратегия и тактика победителя. – Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2003. – С. 8–43.
- У-цзы. Трактат о военном искусстве // Сунь-цзы: Искусство войны. Стратегия и тактика победителя. – Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2003. – С. 425–455.
- Чэнь Цзиань, Ван Вэйпин Основы военной психологии. – Пекин, 1986.
- Abhijit, Singh (2013) China's 'Three Warfares' and India. *Journal of Defence Studies*, 7(4), October-December, 27–46.
- Buxin, Han, & Kan, Zhang. Retrieved from: <https://thepsychologist.bps.org.uk/volume-20/edition-12/psychology-china> (accessed: 11.01.2017).
- Chen, C.X., Xu, L.L., Zhang, L.L., Shi, J.A., Wang, J.L., You, M. & et al. (2010) CMMHS' application in screening psychological diseases among new military recruits. *Renmin Junyi*. 53(4), 243–244.
- Cheng Dean (2012) Winning without Fighting: Chinese Public Opinion Warfare and the Need for a Robust American Response. The Heritage Foundation, 26 November 2012. Retrieved from: <http://www.heritage.org/research/reports/2012/11>, (accessed: 15 June 2013).
- (2006) Chinese People's Liberation Army adds psychological test to recruitment process. Retrieved from: <http://www.wri-irg.org/node/947>. (accessed: 11.01.2017).
- Gregory, R. J. (2004) Psychological testing: History, principles, and applications. Needham Heights, MA, Allyn & Bacon. xxv 694, 4.
- Halper, Stefan (prof., University of Cambridge) (2014) China: The three Warfares. For Andy Marshall director, office of net assessment office of the secretary of defense Washington, D.C. Retrieved from: <https://cryptome.org/2014/06/prc-three-wars.pdf>
- Huang P, Zhang T, Miao D., & Zhu X. (2014) Acute stress responses in Chinese soldiers performing various military tasks. 20 November 2014. *International Journal of Mental Health Systems*. doi: 10.1186/1752-4458-8-45
- Johnson, Matthew D. (2011) Propaganda and Sovereignty in Wartime, China: Morale Operations and Psychological Warfare under the Office of War Information. *Modern Asian Studies*, 45(2), 303–04. doi: 10.1017/S0026749X11000023
- Karayani, A.G. (2015) The power of weakness: review of the book by Mark Neville and Jamie Hacker Hughes "Battle against stigma". *Psychology in Russia: State of Art*, 8(3), 157–160. doi: 10.11621/pir.2015.0312
- Lei, Shi, Yongju, Yu, Li, Peng, Botao, Liu, Yi, Miao, Min, Li, & Xue Lv. (2015) Posttraumatic Growth in Fresh Medical Cadets after Military Training and its Influencing Factors. *J Psychiatry*, 18, 3.
- (2014) Mental Health of Chinese Peacekeepers in Liberia. *Eur. J. Psychiat*, 28(2). Zaragoza abr./jun. Retrieved from: http://scielo.isciii.es/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0213-61632014000200001&lng=es&nrm=iso. (accessed: 11.01.2017).
- Miao, Danming, Luo, Zhengxue, Liu, Xufeng, Li, Yunbo, Wang, Jingsheng, & Su, Jinkuan (2006) Predictive Research on Psychological Selection of Cadets in Military Academy (Article written in Chinese). *Acta Psychologica Sinica*, 38(2), 308–316. Retrieved from: <http://www.fed.cuhk.edu.hk/ceric/aps/200600380002/0308.htm> (accessed: 11.01.2017).
- Miao Y, Feng GJ, Li M, Chu Q, Zhi L, et al. (2010) Resilience in China recruits and its influencing factors. *Chin J Behav Med & Brain Sci*, 19, 1105–1107.
- Peng, L, Zhang, JJ, Li M, Li, PP, & Zhang Y, et al. (2012) Negative life events and mental health of Chinese medical students: The effect of resilience, personality and social support. *Psychiatr Res*, 196, 138–141. doi: 10.1016/j.psychres.2011.12.006
- Peng, L, Li, M, Zuo X, Miao, Y, & Chen, L, et al. (2014) Application of the Pennsylvania resilience training program on medical students. *Personal and Ind Differ*, 62, 47–51. doi: 10.1016/j.paid.2014.01.006
- Shi, L, Chen, L, Bi, JY, Li, M, & Qian, JJ, et al. (2013) Resilience of Students and Life Adaptation in Military University (In Chinese). *China Journal of Health Psychology*, 8, 1272–1274.
- Timothy, L. Thomas New Developments in Chinese Strategic Psychological Warfare. Retrieved from: <http://www.iwar.org.uk/psyops/resources/china/chinesepsyop.pdf>. <http://www.fed.cuhk.edu.hk/ceric/aps/200600380002/0308.htm>
- Veraksa A.N., Leonov S.V. (2016). The Congress of the Chinese Psychological Society. *National Psychological Journal*, 3, 34. doi: 10.11621/npj.2016.0406
- Xie, YR, Yu, YJ, Peng, L, Chen, L, & Li, JW, et al. (2013) Posttraumatic growth and related factors in new recruits after first training (J) (In Chinese). *J Third Mil Med Univer*, 35, 2088–2091.
- Xue, C, Ge, Y, Tang, B, Liu, Y, Kang, P, & Wang, M, et al. (2015) A Meta-Analysis of Risk Factors for Combat-Related PTSD among Military Personnel and Veterans. *PLoS ONE* 10(3): e0120270. doi: 10.1371/journal.pone.0120270
- Yan, J, Wang, L.J, Chen, Q, Miao, DM, & Zhang, LY, et al. (2008) Estimated mental health and analysis of relative factors for new Chinese recruits. *Mil Med*, 173, 1031–1034. doi: 10.7205/MILMED.173.10.1031
- Yang, Z, Cao, F, Lu, H, Zhu, X, & Miao, D. (2014) Changes of anxiety in Chinese military personnels over time: a cross-temporal meta-analysis. *Int J Ment Heal Syst.*, 8, 19–10.
- Yuanjun, Xie, Li, Peng, Xin, Zuo, & Min, Li (2016) The Psychometric Evaluation of the Connor-Davidson Resilience Scale Using a Chinese Military Sample. Retrieved form: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0148843>.
- Yan, Shu-Chang, Chen, Jing, Zhang, Hong-Mei, & Siegen K. (2012) Chou's Military Psychological Practices and Thoughts During the War of Resistance

Against Japan(J). *Acta Psychologica Sinica*, 44(11), 1554–1562.

Yan, S. C. Collaboration Between Chinese and American Psychologists on Assessing Intelligence Paratroop Commandos During the Second Sino-Japanese War (in Chinese). *The Chinese Journal for the History of Science and Technology*, 36(3), 355–363.

Zhang, LY, Wang, YH, Zhou, XD, Lin, H, Liu, YY, & Xu, ZX, et al. (2011) Establishment of the norm for Chinese Military Personnel Mental Disorder Prediction Scale. *Jiefangjun Yixue Zazhi*, 36(11), 1220–1222.

Zhang LY, Wang YZ, Shi JA, Chen C, Li N, Zhang SY. (2007) Reliability and validity analysis of the Chinese Military Mental Health Scale. *Renmin Junyi*, 50(11), 662–663.

Zheng-Xue, Luo, Kan, Shi, Wen-Dong, Li, & Dan-Min, Miao (2008) Construct of job performance: Evidence from Chinese military soldiers. *Asian Journal of Social Psychology*, 11, 222–231. doi: 10.1111/j.1467-839X.2008.00261.x

Zhipeng, Gao, Bo, Wang (2014) Chinese Psychology. *Encyclopedia of Critical Psychology*. Springer New York, 221–227.

References:

Abhijit, Singh (2013) China's 'Three Warfares' and India. *Journal of Defence Studies*, 7(4), October-December, 27–46.

Avramenko, A., & Starunsky, A. (2005) Psychological Operations of the People's Liberation Army of China. [*Zarubezhnoe voennoe obozrenie*], 4, 14–19.

Buxin, Han, & Kan, Zhang. Retrieved from: <https://thepsychologist.bps.org.uk/volume-20/edition-12/psychology-china> (accessed: 11.01.2017).

Clausewitz, K. von (2002) About war. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, AST; St. Petersburg: Terra Fantastica.

Chen, C.X., Xu, L.L., Zhang, L.L., Shi, J.A., Wang, J.L., You, M. & et al. (2010) CMMHS' application in screening psychological diseases among new military recruits. *Renmin Junyi*. 53(4), 243–244.

Cheng Dean (2012) Winning without Fighting: Chinese Public Opinion Warfare and the Need for a Robust American Response. The Heritage Foundation, 26 November 2012. Retrieved from: <http://www.heritage.org/research/reports/2012/11>, (accessed: 15 June 2013).

(2006) Chinese People's Liberation Army adds psychological test to recruitment process. Retrieved from: <http://www.wri-irg.org/node/947>. (accessed: 11.01.2017).

(2016) Experience in conducting professional psychological selection of candidates for military service under a contract in the armies of foreign states and law enforcement agencies of the Russian Federation: a scientific collection. Moscow.

Gregory, R. J. (2004) Psychological testing: History, principles, and applications. Needham Heights, MA, Allyn & Bacon. xxv 694, 4.

Halper, Stefan (prof., University of Cambridge) (2014) China: The three Warfares. For Andy Marshall director, office of net assessment office of the secretary of defense Washington, D.C. Retrieved from: <https://cryptome.org/2014/06/prc-three-wars.pdf>

Huang P., Zhang T., Miao D., & Zhu X. (2014) Acute stress responses in Chinese soldiers performing various military tasks. 20 November 2014. *International Journal of Mental Health Systems*. doi:10.1186/1752-4458-8-45

Institute of psychological warfare of the PLA. [*Voенно-учебные заведения по подготовке кадров для родов войск и другие военно-учебные заведения Китая*]. Abirus. Retrieved from: <http://www.abirus.ru/content/564/623/631/11311/11323.html> - (accessed: 15.10.2017).

Johnson, Matthew D. (2011) Propaganda and Sovereignty in Wartime, China: Morale Operations and Psychological Warfare under the Office of War Information. *Modern Asian Studies*, 45(2), 303–04. doi: 10.1017/S0026749X11000023

Karayani, A.G., & Volobueva, Yu.M. (2007) Military psychology as a field of special scientific knowledge and practice. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 14. Psychology, 4, 20–33.

Karayani, A.G., Karayani, Yu.M., & Zinchenko, Yu.P. (2014) American military psychology as a field of special practice. *National psychological journal*, 1, 63–71. doi: 10.11621/npj.2014.0107

Karayani, A.G. (2016) Military psychology. Part 1. Moscow, Yurayt.

Karayani, A.G. (2015) The power of weakness: review of the book by Mark Neville and Jamie Hacker Hughes "Battle against stigma". *Psychology in Russia: State of Art*, 8(3), 157–160. doi: 10.11621/pir.2015.0312

Lei, Shi, Yongjiu, Yu, Li, Peng, Botao, Liu, Yi, Miao, Min, Li, & Xue Lv. (2015) Posttraumatic Growth in Fresh Medical Cadets after Military Training and its Influencing Factors. *J Psychiatry*, 18, 3.

Liu, Hongsong (1986) Military psychology. Beijing.

(2014) Mental Health of Chinese Peacekeepers in Liberia. *Eur. J. Psychiatr*, 28(2). Zaragoza abr./jun. Retrieved from: http://scielo.icsii.es/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0213-61632014000200001&lng=es&nrm=iso. (accessed: 11.01.2017).

Messner, E.E. (2005) If you want peace, defeat the mutiny! Moscow.

Miao, Danming, Luo, Zhengxue, Liu, Xufeng, Li, Yunbo, Wang, Jingsheng, & Su, Jinkuan (2006) Predictive Research on Psychological Selection of Cadets in Military Academy (Article written in Chinese). *Acta Psychologica Sinic*, 38(2), 308–316. Retrieved from: <http://www.fed.cuhk.edu.hk/ceric/aps/200600380002/0308.htm> (accessed: 11.01.2017).

Miao Y, Feng GJ, Li M, Chu Q, Zhi L, et al. (2010) Resilience in China recruits and its influencing factors. *Chin J Behav Med & Brain Sci*, 19, 1105–1107.

Nyyazbekova, K.S. The system of higher education in China: psychology Retrieved from: http://www.rusnauka.com/3_ANR_2013/Pedagogica/2_126077.doc.htm/ (accessed: 15.10.2017).

Peng, L, Zhang, JJ, Li M, Li, PP, & Zhang Y, et al. (2012) Negative life events and mental health of Chinese medical students: The effect of resilience, personality and social support. *Psychiatr Res*, 196, 138–141. doi: 10.1016/j.psychres.2011.12.006

Peng, L, Li, M, Zuo X, Miao, Y, & Chen, L, et al. (2014) Application of the Pennsylvania resilience training program on medical students. *Personal and Ind Differ*, 62, 47–51. doi: 10.1016/j.paid.2014.01.006

Shi, L, Chen, L, Bi, JY, Li, M, & Qian, JJ, et al. (2013) Resilience of Students and Life Adaptation in Military University (In Chinese). *China Journal of Health Psychology*, 8, 1272–1274.

- Shi Mintsen, & Li Qingyang (Eds.) (1986) Introduction to the study of military social psychology. [Materialy Pervoy nauchnoy konferentsii po problemam voennoy psikhologii]. Shenyang.
- Sun, Tzu (2003) A treatise on military art. [Sun'-tszy: Iskusstvo voyny. Strategi i taktika pobeditelya]. Moscow, Eksmo; St. Petersburg, Terra Fantastica, 8–43.
- Timothy, L. Thomas New Developments in Chinese Strategic Psychological Warfare. Retrieved from: <http://www.iwar.org.uk/psyops/resources/china/chinesepsyop.pdf>. <http://www.fed.cuhk.edu.hk/ceric/aps/200600380002/0308.htm>
- U, Tzu (2003) A treatise on military art. [Sun'-tszy: Iskusstvo voyny. Strategiya i taktika pobeditelya]. Moscow, Eksmo; St. Petersburg, Terra Fantastica, 425–455.
- Chen, Jian, & Wang Weiping (1986) The fundamentals of military psychology. Beijing.
- Veraksa A.N., Leonov S.V. (2016). The Congress of the Chinese Psychological Society. *National Psychological Journal*, 3, 34. doi: 10.11621/npj.2016.0406
- Wen Xiantang (1986) Psychology of command and control. Beijing.
- Xie, YR, Yu, YJ, Peng, L, Chen, L, & Li, JW, et al. (2013) Posttraumatic growth and related factors in new recruits after first training (J) (In Chinese). *J Third Mil Med Univer*, 35, 2088–2091.
- Xue, C, Ge, Y, Tang, B, Liu, Y, Kang, P, & Wang, M, et al. (2015) A Meta-Analysis of Risk Factors for Combat-Related PTSD among Military Personnel and Veterans. *PLoS ONE* 10(3): e0120270. doi: 10.1371/journal.pone.0120270
- Yan, J, Wang, L.J, Chen, Q, Miao, DM, & Zhang, LY, et al. (2008) Estimated mental health and analysis of relative factors for new Chinese recruits. *Mil Med*, 173, 1031–1034. doi: 10.7205/MILMED.173.10.1031
- Yang, Z, Cao, F, Lu, H, Zhu, X, & Miao, D. (2014) Changes of anxiety in Chinese military personnels over time: a cross-temporal meta-analysis. *Int J Ment Heal Syst.*, 8, 19–10.
- Yuanjun, Xie, Li, Peng, Xin, Zuo, & Min, Li (2016) The Psychometric Evaluation of the Connor-Davidson Resilience Scale Using a Chinese Military Sample. Retrieved form: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0148843>.
- Yan, Shu-Chang, Chen, Jing, Zhang, Hong-Mei, & Siegen K. (2012) Chou's Military Psychological Practices and Thoughts During the War of Resistance Against Japan(J). *Acta Psychologica Sinica*, 44(11), 1554–1562.
- Yan, S. C. Collaboration Between Chinese and American Psychologists on Assessing Intelligence Paratroop Commandos During the Second Sino-Japanese War (in Chinese). *The Chinese Journal for the History of Science and Technology*, 36(3), 355–363.
- Zhang, LY, Wang, YH, Zhou, XD, Lin, H, Liu, YY, & Xu, ZX, et al. (2011) Establishment of the norm for Chinese Military Personnel Mental Disorder Prediction Scale. *Jiefangjun Yixue Zazhi*, 36(11), 1220–1222.
- Zhang LY, Wang YZ, Shi JA, Chen C, Li N, Zhang SY. (2007) Reliability and validity analysis of the Chinese Military Mental Health Scale. *Renmin Junyi*, 50(11), 662–663.
- Zheng-Xue, Luo, Kan, Shi, Wen-Dong, Li, & Dan-Min, Miao (2008) Construct of job performance: Evidence from Chinese military soldiers. *Asian Journal of Social Psychology*, 11, 222–231. doi: 10.1111/j.1467-839X.2008.00261.x
- Zhipeng, Gao, Bo, Wang (2014) Chinese Psychology. *Encyclopedia of Critical Psychology*. Springer New York, 221–227.

Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел

В.Л. Кубышко

Департамент государственной службы и кадров МВД России, Москва, Россия

Поступила 1 декабря 2017/ Принята к публикации: 14 декабря 2017

Improvement of psychological work in the system of moral and psychological support for the operational activities in the internal affairs personnel

Vladimir L. Kubyshko

Department of Civil Service and Human Resources of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Received December 1, 2017 / Accepted for publication: December 14, 2017

Актуальность (контекст) тематики статьи. Поскольку психологическая работа в МВД России является одним из видов системы морально-психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников, то ее подразделения призваны выполнять задачи двух уровней: профессионально-специфические и общесистемные. Первые, представленные тремя группами, сводятся к индивидуальной и групповой психодиагностике, личностно-профессиональному развитию, профессионально-психологическому сопровождению. Их выполнение подчинено общесистемным целям, главная из которых заключается в формировании государственно-патриотического мировоззрения, корпоративной культуры и профессионально значимых качеств сотрудников.

Цель. В контексте такого подхода в статье рассматриваются статическая и динамическая модели психологической работы в МВД России на современном этапе, выявляются ее актуальные проблемы и определяются пути их разрешения.

Описание хода исследования. На основании краткого анализа статической модели психологической работы автор делает вывод о наличии сил и средств для успешного выполнения поставленных задач и подтверждает это внешними критериальными показателями. При характеристике динамической модели определяются проблемы научно-методического, организационно-кадрового и общесистемного (мировоззренческого) характера. Автор уточняет их суть и содержание, а также обосновывает пути их конструктивного устранения.

Результаты исследования. Автор констатирует, что проблемы мировоззренческого характера требуют особого внимания, поскольку для их решения необходим целый комплекс мер, связанных с расширением функциональных обязанностей психологов, работающих в системе МВД.

Выводы. В условиях негативного информационно-психологического воздействия на профессионально-корпоративное сознание сотрудников МВД, повышенного внимания отдельных исследователей к отрицательным моментам истории полиции при игнорировании ее героических страниц, психологи должны использовать весь арсенал психологических подходов и методов для противостояния данным деструктивным воздействиям. Особое значение должно уделяться формированию мотивационной сферы сотрудников как важнейшей составляющей их профессиональной направленности.

Ключевые слова: работники органов внутренних дел, ведомственная подготовка психологов, морально-психологическое обеспечение служебной деятельности, историческая память, психология понимания, статическая и динамическая модель психологической работы.

Background. Since psychological work in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation is one of the professional activities, the departments must perform the tasks of the following two tiers: professionally-based and system-wide. Those tasks of the first tier perform the three groups of individual and group diagnostics, personal and professional development, and professional and psychological support. When implemented they are determined by system-wide goals, with the main one shaping the patriotic worldview, corporate culture and the significant professional properties of the employees.

Objective. Within the framework of the approach mentioned above, the paper considers static and dynamic models of psychological work in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the present stage, current issues and ways to resolve them are revealed.

Progress Report. Based on the brief analysis of the static model of psychological work it is concluded that there are forces and means for the successful accomplishment of the assigned tasks which is confirmed by the external indicators.

When considering the on-line dynamic model issues, the issues of scientific and methodological character are identified and also the corporate personnel and the system-wide (worldview) type of work are determined. Their essence and content are specified, and also the ways to constructively eliminate these issues are highlighted.

Research results. The author emphasizes that the worldview issues require special consideration as their solution demand a set of measures connected with the extension of the functional duties of the psychologists working in the Ministry of Internal Affairs.

Conclusion. In the conditions of negative information and psychological impact on the professional and corporate consciousness of the Ministry of Internal Affairs employees, the increased attention of some researchers to the negative moments of the history of the police when its heroic pages are ignored, the psychologists should use the entire toolkit of psychological approaches and methods to withstand the aforementioned destructive influences. Particular importance should be attached to the development of the employee motivational sphere as the most important component of their career orientation.

Keywords: employees of internal affairs agencies, departmental training of psychologists, moral and psychological support of official activity, historical memory, psychology of understanding, static and dynamic model of psychological work.

Психологическая работа в органах внутренних дел является, наряду с воспитательной, социальной, культурно-просветительной работой, а также деятельностью по укреплению служебной дисциплины и законности, одним из видов системы морально-психологического обеспечения их оперативно-служебной деятельности (Приказ МВД России ..., 2010). В силу специфики решаемых задач профессионального образования и используемого инструментария психологи призваны быть компетентными помощниками руководителей, других должностных лиц этой системы и играть ключевую роль в ее совершенствовании.

Этим обусловлено внимание руководства МВД России к текущему состоянию и совершенствованию ведомственной профессионально-практической психологии, регулярное рассмотрение этих вопросов на коллегиях, оперативных совещаниях и других связанных с подбором, подготовкой, деятельностью и поведением личного состава мероприятиях (Основные тезисы расширенного ..., 2017).

Несмотря на накопленный опыт, интегрированная в систему морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел ведомственная психология нуждается в анализе эффективности, поиске резервов для совершенствования, развитии связей с другими отраслями психологии, мониторинге перспективных идей и подходов

Проводится значительное количество мероприятий организационной, научной, методической и практической направленности на министерском и региональном уровнях (Актуальные проблемы совершенствования ..., 2015; Открытый конкурс ДГСК МВД России, 2017 и др.).

Осуществляется ведомственная подготовка психологов по программам специ-

алитета, воспитание и обучение кадров высшей квалификации, а также разноплановое дополнительное профессиональное образование. Регулярно проводятся учебно-методические сборы, конкурсы на звание лучшего по профессии и т.д. Очередной из них состоялся в октябре 2017 года на базе Краснодарского университета МВД России (Всероссийский конкурс профессионального ..., URL: [HTTP://ППО.ПФ/NEWS/NEWS_RPO/INDEX.PHP?NEWS=6754](http://ппо.пф/news/news_rpo/index.php?news=6754)). В двух ведомственных вузах (Академии управления и Московском университете) функционируют диссертационные советы по психологическим наукам. Четыре ведомственных журнала входят в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по психологическим наукам.

В 2017 году проведены три международные конференции: в Академии управления, Московском и Санкт-Петербургском университетах МВД России (В Академии управления ..., URL: <https://мвд.пф/news/item/11710200/>; Профессиональное образование сотрудников..., URL: <https://мосу.мвд.пф/Press-sluzhba/>

Novosti/item/10368977; Актуальные проблемы совершенствования ..., 2017). Этот перечень можно продолжить.

Однако мы живем в динамичном мире – меняется общество, вместе с ним система государственной власти, в том числе органы внутренних дел (их задачи, структура, штатная численность, условия функционирования). Повышаются требования к уровню профессиональной

подготовленности и личностным качествам сотрудников, прежде всего, руководителей. Поэтому несмотря на накопленный опыт, интегрированная в систему морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел (далее – морально-психологическое обеспечение) ведомственная психология нуждается в анализе эффективности, поиске резервов для совершенствования, развитии связей с другими отраслями психологии, мониторинге перспективных идей и подходов, реализуемых в Минобороны, МЧС, ФСИН России, а также в других силовых структурах. При этом мы едины в понимании того, что функционирование ее подразделений должно быть подчинено системным интересам формирования, поддержания и восстановления у личного состава морально-психологического состояния, обеспечивающего успешную профессиональную деятельность.

В контексте этого, как следует из таблицы 1, психологи выполняют комплекс специфических задач (Приказ МВД России ..., URL: <http://docs.cntd.ru/document/902252453>).

Первые семь задач, направленные «на деятельность» (тогда как восьмая – «на себя»), непротиворечиво объединяются в три взаимообусловленные группы, связанные с:

- а) психодиагностикой личностных и социально-психологических особенностей и феноменов;
- б) личностно-профессиональным развитием сотрудников, служебных коллективов, руководителей;
- в) профессионально-психологическим сопровождением сотрудников и членов их семей.

Их реализация по внешне критерияльным показателям является вполне удовлетворительной, поскольку в определенных положительных результатах выполнения возложенных на МВД России функций есть безусловный вклад ведомственных психологов.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в видеообращении к сотрудникам органов внутренних дел в честь профессионального праздника отметил, что полиция уверенно стоит на страже общественного порядка, прав и свобод граждан, активно противодействует экстремизму,

Владимир Леонидович Кубышко – кандидат педагогических наук, начальник Департамента Государственной службы и кадров МВД России
E-mail: kvm@fsvgroup.ru

Табл. 1. Задачи подразделений психологической работы МВД России

№ п/п	Наименование
1.	Изучение индивидуально-психологических особенностей личности кандидатов, стажеров, сотрудников, перемещаемых по службе, прогноз их профессиональной успешности
2.	Обеспечение формирования благоприятного социально-психологического климата в служебных коллективах
3.	Психологическая подготовка личного состава
4.	Развитие психолого-педагогической компетентности руководителей, психологическое просвещение сотрудников
5.	Психологическое сопровождение работы с личным составом
6.	Профилактики конфликтных ситуаций
7.	Психологическая помощь сотрудникам и членам их семей
8.	Внедрение передового опыта работы, использование современных психотехнологий

Tabl. 1. Tasks of the psychological work units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

##	Name/Title
1.	The study of individual psychological personality features in candidates, trainees, promoted employees, the forecast of their career success
2.	Ensuring a favorable social and psychological climate in corporate structures of service personnel
3.	Psychological training of personnel
4.	Development of psychological and teacher-training competence of managers, psychological education of employees
5.	Psychological support of the personnel
6.	Prevention of conflict situations
7.	Psychological assistance to employees and their families
8.	Introduction of best practices, using modern psychotechnologies

коррупции, незаконному обороту наркотиков, нелегальной миграции, другим вызовам и угрозам (Поздравление по случаю ..., URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56035>). Статистические данные свидетельствуют об уменьшении общего числа зарегистрированных преступлений в 2017 году. Уровень преступности снизился в 68 регионах страны.

По оценке руководства Министерства, морально-психологическая готовность и устойчивость личного состава, как важнейшие составляющие его морально-психологического состояния, поддерживаются на уровне, обеспечивающем выполнение задач оперативно-служебной деятельности в любых условиях. В текущем году за проявленные мужество и героизм более 400 полицейских удостоены государственных наград.

Отмечаются положительные тенденции и в работе по укреплению служебной дисциплины и законности. Это во многом объясняет возросший до рекордных 67% уровень доверия населения к сотрудникам полиции своего региона (Общественное мнение. Работа ..., URL: <https://мвд.рф/publicopinion>).

Находясь непосредственно в составе подразделений, в том числе выполняющих задачи в особых условиях (оперативной группировки в Северо-Кавказском регионе, сводных отрядов, обеспечи-

вающих безопасность и правопорядок при проведении крупных международных спортивных и общественно-политических мероприятий и др.), психологи не только разделяют со своими коллективами всю тяжесть службы, сопряженные с ней риски и ответственность, но и обеспечивают поддержание и восстановление у сотрудников необходимых личностных качеств.

Вместе с тем психологическая работа в системе морально-психологического обеспечения еще далека от предела своих возможностей в достижении как специфически видовых, так и общих целей. Последнее очевидно в контексте комплекса проводимых мероприятий, посвященных приближающемуся юбилею – 300-летию российской полиции. Данное событие дает повод осмыслить весь многовековой путь одной из самых авторитетных и развитых правоохранительных структур мира, подключить к этой деятельности профессиональное, научное и педагогическое сообщество, средства массовой информации, деятелей культуры, ветеранов МВД России и всех неравнодушных к его прошлому и настоящему.

Эта деятельность призвана послужить, прежде всего, делу формирования государственно-патриотического мировоззрения, корпоративной полицейской культуры, профессионально значимых

качеств сотрудников в контексте уроков истории и славного наследия предыдущих поколений защитников правопорядка. В ней также очевиден мощный потенциал для поддержания позитивного имиджа современной российской полиции в глазах граждан и совершенствования профориентационной работы среди молодежи (Кубышко, 2016). Как показывает практика, в общей системе работы с личным составом в этом направлении есть немало проблем и противоречий собственно психологического свойства, требующих понимания и учета в практической деятельности (Кубышко, 2017).

МВД России располагает достаточными силами и средствами для эффективного выполнения задач психологической работы. В штатах соответствующих подразделений насчитывается более 2,5 тысяч специалистов. Это один из самых многочисленных ведомственных отрядов отечественной психологии.

Данные таблицы 2, наглядно характеризующие статическую модель психологической работы, свидетельствуют о достаточности ресурсов для успешного выполнения стоящих перед ней задач. Вместе с тем, картина динамической модели психологической работы указывает на три группы проблем научно-методического, организационно-кадрового и мировоззренческого характера.

Табл. 2. Силы и средства подразделений психологической работы

№ п/п	Наименование	Кол-во
1.	Должностей психологов по штату	2627
2.	Из них аттестованных должностей	2003
3.	Не имеют высшего психологического образования	162
4.	Из них прошли профильную переподготовку в вузах МВД России	144
5.	Кабинетов психологической регуляции	982
6.	Отдельных рабочих кабинетов психологов	2046
7.	Психологических реабилитационных центров	43
8.	Подвижных комплексов психологической работы на базе а/м Газель	5
9.	Компьютерных полиграфов	589
10.	Аппаратно-программных психодиагностических комплексов	378

Tabl. 2. Forces and resources of psychological work units

##	Name/Title	Amount
1.	Positions of psychologists according to the staff schedule	2627
2.	Certified posts out of the number mentioned above	2003
3.	Without high psychological education	162
4.	Those who took retraining programmes in the universities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation	144
5.	Offices of psychological assistance	982
6.	Psychologist offices	2046
7.	Psychological Rehabilitation Centers	43
8.	Movable office premises (Gazel Van)	5
9.	Computer polygraph	589
10.	Psychodiagnostic hardware and software	378

Проблемы научно-методического характера.

1. Высокие трудозатраты психологов на проведение психологических тестирований, по сравнению с другими группами выполняемых задач.

В 2017 году проведено около 500 тыс. обследований индивидуально-психологических особенностей кандидатов на службу в органах внутренних дел и сотрудников. Коэффициент задействования в них ведомственных психологов составляет 0,4 (40% от общего числа). Такой показатель представляется не вполне оптимальным.

2. Недостаточная эффективность применяемого психодиагностического инструментария.

Результаты выборочных исследований, проведенных в 2016–2017 гг. рабочей группой под руководством И.Н. Носса на статистически значимой выборке, свидетельствуют, что из 56 показателей используемой тестовой батареи методик профессионального психологического отбора эффективно «работают» только 16. При этом оптимальны – всего 9.

Данные таблицы 3 вызывают обеспокоенность состоянием

лично-профессиональной диагностики. Возможно, за этим кроется так называемый «потолок предсказуемости» влияния индивидуальных различий на деятельность и поведение человека в конкретной ситуации. Ведь Walter Mischel (Mischel, 1968), обнаружив, что достоверность проводимых тогда личностных исследований не превышает 18%, перевернул представление о них и обрел всемирную известность. А последующие попытки его опровергнуть не смогли поднять

этот показатель выше 30% (Росс, Нисбет, 1999).

3. Некоторая избыточность специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа.

Его применение повышает степень защиты органов внутренних дел от проникновения потенциально опасных лиц, равно как и избавления от тех, кто становится или стал таковым. Вместе с тем, приступая к его массовому использованию в скрининговых исследованиях, мы отчетливо понимали,

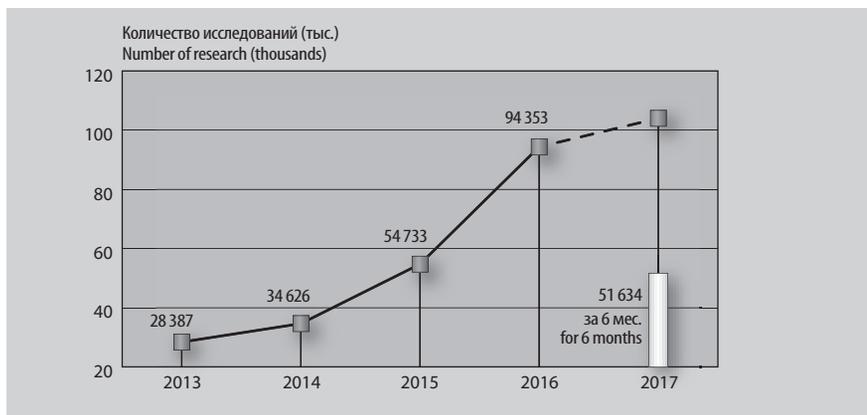

Рис. 1. Динамика роста количества проводимых специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа

Fig 1. Growth dynamics of special psychophysiological studies using a polygraph

Табл. 3. Средние значения оптимально работающих показателей тестов

№ п/п	Показатель теста	тест ($p \leq 0,05$)	μ по сотрудникам	
			эффект.	неэффект.
1.	Матрицы Равена, количество правильных ответов	0,01	24,59	21,14
2.	Аналогии, эффективность	0,00	47,12	29,73
3.	Словарь, количество правильных ответов	0,00	16,54	12,04
4.	КОТ, количество правильных ответов	0,00	24,97	20,21
5.	ММИЛ, тревожность	0,01	3,76	5,55
6.	ММИЛ, шизоидность	0,00	2,90	5,32
7.	УСК, интернальность межличностных отношений	0,01	12,17	10,82
8.	УСК, интернальность семейных отношений	0,04	5,30	4,64
9.	Правосознание, деловая сфера	0,04	5,48	4,54

Tabl. 3. Average values of optimally working test scores

##	Test Score	Test ($p \leq 0.05$)	μ Employees	
			Efficient	Inefficient
1.	Raven Progressive Matrices, number of correct answers	0,01	24,59	21,14
2.	Analogy, efficiency	0,00	47,12	29,73
3.	Vocabulary, number of correct answers	0,00	16,54	12,04
4.	Short Orientation Test, number of correct answers	0,00	24,97	20,21
5.	Method of Multilateral Personality Study, anxiety	0,01	3,76	5,55
6.	Method of Multilateral Personality Study, schizoid type	0,00	2,90	5,32
7.	Subjective Control Test, internal interpersonal relationship	0,01	12,17	10,82
8.	Subjective Control Test, internal family relationship	0,04	5,30	4,64
9.	Legal awareness, business sphere	0,04	5,48	4,54

что этот метод в личностной психодиагностике является дополнительным, его результаты носят вероятностный характер и не должны быть достаточным основанием для принятия кадровых и иных управленческих решений (Совершенствование психологической работы ..., 2014; Актуальные проблемы совершенствования ..., 2015). Однако при нормативно заданном подходе количество таких исследований растет лавинообразно (см. рис. 1). В их проведении на постоянной основе задействовано более 500 психологов или свыше 20% от их общей численности.

Таким образом, доля специалистов, занимающихся только частью первой группы задач психологической работы, сегодня существенно превышает 60%. Поэтому наступило время переосмыслить подходы к личностной психодиагностике, в целом, и к применению полиграфа, в частности.

Эти проблемы могут быть решены следующим образом:

- Посредством углубленного исследования путей совершенствования ведомственной психодиагностики, в том числе за счет методов, основанных на системно-ситуативном анализе дея-

тельности и поведения сотрудников. С этой целью было бы целесообразным создание совместной с факультетом психологии МГУ им. М.В. Ломоносова рабочей группы.

- Созданием штатного научно-исследовательского центра проблем ведомственной психологии при одной из ведущих в этой области образовательных организаций МВД России.
- Переходом к психодиагностике, основанной на разработанных личностно-профессиональных моделях сотрудников в соответствии с основными полицейскими специальностями.
- Обобщением практики полиграфных исследований и оптимизацией их количества, с сохранением их обязательного характера для кандидатов на должности, замещение которых связано с коррупционными и иными рисками.

Необходимо также учесть наработки в области обеспечения надежности сотрудника, в ходе которых апробированы перспективные психотехнологии системно-ситуативного анализа, непрерывной оценки, оценки динамики развития служебного коллектива (Крук, Носс, Федотов, 2017).

Проблемы организационно-кадрового характера.

1. Наличие среди психологов, наряду с аттестованными сотрудниками органов внутренних дел, значительной доли «гражданских» служащих работников – более 20%. «Гражданские» специалисты имеют ограничения при выполнении определенных задач. Они требуют повышенного внимания, контроля и поддержки. У них более продолжительная адаптация к условиям деятельности, чаще встречаются ошибки и т.д. Среди них выше текучесть кадров.
2. Абсолютное преобладание доли женщин среди специалистов-психологов (92%). Это в значительной степени связано с невысокими специальными званиями, предусмотренными для аттестованных сотрудников-психологов, несформированностью траектории служебной карьеры и др. В результате они обречены на горизонтальную «карьеру исполнителя».
3. Снижающаяся потребность в психологах-выпускниках ведомственных образовательных организаций, а также неполное соответствие уровня подготовки некоторых из них предъявляемым требованиям.

Табл. 4. Подготовка психологов по программам дополнительного профессионального образования

№ п/п	Наименование программы	Пов. квалиф.					Переп.	
		1	2	3	4	5	6	7
1.	Руководители подразделений психологической работы	+						
	Психокоррекция психологической травмы		+					
2.	Интегративные методы работы психолога		+					
3.	Психологи подразделений ГИБДД			+				
4.	Технологии психорегуляции (дистанционно)				+			
5.	Профилактика и разрешение конфликтных ситуаций					+		
6.	Тренинговые технологии					+		
7.	Работа с нуждающимися в повышенном внимании					+		
8.	Профессиональный психологический отбор					+		
9.	Оптимизация социально-психологического климата					+		
10.	Основы профайлинга для безопасности на транспорте					+		
11.	Профессиональный психологический отбор						+	
12.	Специальные психофизиологические исследования с использованием полиграфных устройств						+	+
13.	Технологии обеспечения надежности сотрудника						+	

где 1–7 – вузы МВД России: 1 – Академия управления МВД РФ; 2 – Краснодарский университет МВД России; 3 – Орловский юридический институт МВД России; 4 – Уральский юридический институт МВД России; 5, 7 – Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 6 – Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Табл. 4. Training of psychologists within the programs of additional vocational education

##	Programme	Further Training					Retraining	
		1	2	3	4	5	6	7
1.	Heads of the psychological work units	+						
	Psychocorrection of psychological trauma and PTSD		+					
2.	Integrative methods of psychologis work		+					
3.	STSI psychologists			+				
4.	Technologies of psychological regulation (remote training)				+			
5.	Prevention and resolution of conflict situations					+		
6.	Training technologies					+		
7.	Work with those who demand increased attention					+		
8.	Professional psychological selection					+		
9.	Optimization of the social and psychological climate					+		
10.	Basics of profiling for transport security					+		
11.	Professional psychological selection						+	
12.	Special psychophysiological studies using polygraph						+	+
13.	Technologies to ensure employee reliability						+	

1–7 – higher schools of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: 1 – Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2 – Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 3 – Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 4 – Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 5, 7 – All-Russian Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 6 – Kikotya Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia

Подготовка психологов в системе МВД России началась в 2002 году. На разных этапах ее осуществляли четыре ведомственных вуза: Санкт-Петербургский, Московский и Краснодарский университеты, а также Уральский юридический институт МВД России. С учетом выпуска 2017 года всего подготовлено 1069 специалистов, и к настоящему времени вакантные должности психологов практически полностью укомплектованы. В процессе преподавания дисциплин психологического профиля задействовано более 100 человек, в том числе

10 докторов психологических наук и около 70 кандидатов психологических наук. В 2018 году предполагается сокращение набора по данной специальности.

Проблемы данной группы мы решаем следующими путями.

- Укомплектованием должностей служащих и работников специалистами-психологами, уволенными со службы в органах внутренних дел по выслуге лет.
- Назначением, при наличии вакансий, наиболее достойных гражданских специалистов-психологов на должности аттестованных сотрудников.

- Присвоением аттестованным сотрудникам специального звания на ступень выше предусмотренного по занимаемой должности.

- Сохранением научно-педагогических кадров и сложившихся научных школ за счет оптимизации системы профессионального образования, в том числе дополнительного.

В настоящее время переподготовка и повышение квалификации психологов проводится в 6 образовательных организациях по 14 программам с ежегодной наполняемостью более трехсот слуша-

телей. Как следует из таблицы 4, задействованное в этом процессе количество образовательных организаций, а также тематика и формы обучения могут быть скорректированы.

Проблемы мировоззренческого характера.

1. Психологи не в полной мере задействованы в решении основных задач морально-психологического обеспечения, связанных с формированием государственно-патриотического мировоззрения сотрудников, профессионально-корпоративной полицейской культуры, профессионально значимых качеств личности полицейского. Их участие в этой деятельности обусловлено сущностью и содержанием системы морально-психологического обеспечения, цели которого достигаются лишь скоординированными усилиями всех его субъектов.
2. Недостаточно внимания уделяется работе в рамках мероприятий, посвященных 300-летию российской полиции, направленных на достижения поставленных целей. Они ориентированы на решение задач, связанных с особенностями функционирования индивидуального и профессионально-корпоративного сознания. Имеется в виду необходимость осмысления и преодоления все еще существующих негативных стереотипов, в том числе связанных с пониманием исторического прошлого российской правоохранительной системы. В их числе – противоречия между глубоко укоренившимися догмами советского периода, нередко встречающимися и в современных средствах массовой информации, о якобы однозначно антинародной роли российской полиции и тем, что открывается при непредвзятом обращении к историческому наследию, примерам позитивной, необходимой обществу деятельности представителей данной профессиональной группы (Кубышко, Крук, Богачев, 2017).

Парадокс истории заключается в том, что образ легендарной некогда советской милиции, сформировавшийся в глазах абсолютного большинства

из нас на рубеже веков, также подвергся деформации. Несмотря на это, память о позитивной деятельности предыдущих поколений сотрудников органов внутренних дел, унаследованные поведенческие модели, система ценностей существуют в индивидуальном и профессионально-корпоративном сознании, играя мотивирующую роль. В противном случае в сознании начинает доминировать ущербность, которая, чтобы окончательно не разрушить личность или не стать чертой характера, вытесняется или трансформируется в другие качества с помощью защитных механизмов личности (Кубышко, 2017).

В условиях негативного информационно-психологического воздействия на профессионально-корпоративное сознание по поводу исторического прошлого

Парадокс истории заключается в том, что образ легендарной некогда советской милиции, сформировавшийся в глазах абсолютного большинства из нас на рубеже веков, также подвергся деформации. Несмотря на это, память о позитивной деятельности предыдущих поколений сотрудников органов внутренних дел, унаследованные поведенческие модели, система ценностей существуют в индивидуальном и профессионально-корпоративном сознании, играя мотивирующую роль

российской полиции возникают далеко не риторические вопросы. Во-первых, наследниками какой исторической памяти являются сотрудники МВД России? Во-вторых, воспитываем ли мы сотрудников на примерах и событиях истории российской полиции и в какой модальности? Это касается не только осмысления истории нашей полиции. Подобного рода проблемы обсуждаются и исследуются в ряде стран мира, являются предметом острых дебатов в историографии, философии, социологии, психологии и др. (Анкерсмит, 2007; Кукарцева, 2008; Гусельцева, 2016). И это тоже весомый аргумент в пользу серьезности обсуждаемого вопроса.

Наш анализ свидетельствует об очевидной диспропорции между повышенным вниманием отдельных исследователей к негативу, его смакование, с одной стороны, и забвением героических страниц истории российской полиции, с другой (Кубышко, Крук, 2017). Между тем, имеется ряд исследований, убедительно свидетельствующих о заслугах перед Отечеством таких личностей,

как основатель правоохранительной системы России Петр I, первый генерал-полковник Санкт-Петербурга А.М. Девьер, первый министр внутренних дел В.П. Кочубей, организаторы и мастера сыска дела А.Ф. Кошко и И.Д. Путилин и др. Известны также примеры массового героизма полицейских в Отечественной войне 1812 года и многие другие примеры их добросовестной и самоотверженной службы обществу (Лен, 2016; Минер, 2016; Николаенко, 2017).

Нам представляется, что психологи обязаны не только знать и учитывать это, но и доносить до каждого сотрудника. На каких примерах и как воспитывать морально-психологическую готовность и устойчивость личного состава к выполнению оперативно-служебных задач? Психологи, призванные быть передовым

отрядом системы морально-психологического обеспечения МВД России, призваны противостоять и деструктивному воздействию на сознание сотрудников. Они также обязаны принять на себя ответственность за формирование целостной профессиональной направленности личности полицейского. При этом надо использовать весь арсенал психологических подходов и методов формирования мотивационной сферы сотрудника как важнейшей составляющей его профессиональной направленности.

Готовы ли психологи к так необходимой сегодня координации усилий со всеми субъектами морально-психологического обеспечения в реализации его задач? В общегражданском смысле ответы на эти вопросы очевидны. А в профессионально-психологическом смысле один из его вариантов конструктивно представлен в психологии понимания многомерного мира (Знаков, 2016).

Мы целенаправленно работаем в данном направлении. Однако это – предмет отдельного и более обстоятельного рассмотрения.

Литература:

- Актуальные проблемы психологической работы в системе обеспечения надежности сотрудника: учеб. пособие для студентов вузов / В.М. Крук, И.Н. Носс, А.Ю. Федотов ; под ред. В.М. Крука. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017.
- Актуальные проблемы совершенствования деятельности подразделений психологической работы органов внутренних дел Российской Федерации : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. В.Л. Кубышко. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2015.
- Актуальные проблемы совершенствования психологической работы в системе МВД России (Васильевские чтения – 2017) : материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 20 апреля 2017 года. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб-го ун-та МВД России, 2017.
- Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – Москва : Европа, 2007.
- В Академии управления МВД России прошла Первая международная научно-практическая конференция полицейских психологов оценки – [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/news/item/11710200/> – (дата обращения 30.11.2017).
- Всероссийский конкурс профессионального мастерства психологов органов внутренних дел. [Электронный ресурс] // Российское психологическое общество : [сайт]. URL: [HTTP://РПО.РФ/NEWS/NEWS_RPO/INDEX.PHP?NEWS=6754](http://РПО.РФ/NEWS/NEWS_RPO/INDEX.PHP?NEWS=6754) – (дата обращения 04.12.2017).
- Гусельцева М.С. Культурно-историческая парадигма в психологии и социогуманитарных науках. [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2016. – Т. 9. – № 48. – С. 9. [сайт]. URL: <http://psystudy.ru> – (дата обращения: 20.11.2017).
- Знаков В.В. Психология понимания многомерного мира человека // Вестник СПбГУ. – 2016. – Серия 16. – Выпуск 1. – С. 47–57.
- Кубышко В.Л. Актуальные проблемы деятельности психологов МВД России в понимании роли полиции Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 2. – С. 8–13.
- Кубышко В.Л. Возрождение права на память: к 300-летию российской полиции // Полиция. – 2016. – № 2. – С. 44–47.
- Кубышко В.Л., Крук В.М., Богачев С.В. Образ полиции в дискурсе установления безопасности в Российской империи // European Social Science Journal. – 2017. – № 6. – С. 464–487.
- Кубышко В.Л., Крук В.М. К междисциплинарно-психологическому анализу отечественных диссертационных исследований полиции Российской империи // European Social Science Journal. – 2017. – № 2–2. – С. 176–197.
- Кубышко В.Л. Психологические условия понимания роли полиции в истории Отечества: к 300-летию ее образования // Психология обучения. – 2017. – № 5. – С. 111–120.
- Кукарцева М.А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – 2008. – Вып. 24. – С. 5–34.
- Лен К.В. Знаменитые сыщики Российской империи (XVIII – начало XX в.) : монография. – Барнаул: Барнаульский юридический ин-т МВД России, 2016.
- Минер В.Л. История полиции. Полиция Российской империи. В 3 т. Т. 1 / под общ. ред. И.А. Калининко. – Москва : Московский ун-т МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.
- Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России : монография. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017.
- Общественное мнение. Работа полиции: доверие и оценки. [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/publicopinon> – (дата обращения 13.11.2017).
- О проведении открытого конкурса МВД России на лучшие методические рекомендации по психологической работе. [Электронный ресурс] // Департамент государственной службы и кадров МВД России : [сайт]. URL: <https://дгск.мвд.рф/news/item/10798049> – (дата обращения: 04.12.2017).
- Основные тезисы расширенного заседания коллегии МВД России 09 марта 2017. [Электронный ресурс] // РЕН ТВ : [сайт]. URL: <http://ren.tv/novosti/2017-03-09/osnovnye-tyezisy-rashirenogo-zasedaniya-kolleгии-mvd-rossii> – (дата обращения: 04.12.2017).
- Поздравление по случаю Дня сотрудника органов внутренних дел. [Электронный ресурс] // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56035> – (дата обращения 13.11.2017).
- Приказ МВД России от 11.2.2010 № 80 «О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации : [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902252453> – (дата обращения: 04.12.2017).
- Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы : сб. науч. трудов Междунар. конф., посвященной празднованию 15-летия Московского университета МВД Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (30-31 мая 2017 г.). [Электронный ресурс] // Московский университет МВД Российской Федерации имени В.Я. Кикотя : [сайт]. URL: <https://мосу.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/item/10368977> – (дата обращения: 04.12.2017).
- Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / пер. с англ. В. В. Румынского; под ред. Е. Н. Емельянова, В. С. Магуна. – Москва : Аспект Пресс, 1999.
- Совершенствование психологической работы с личным составом в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности: актуальные вопросы и пути их решения : сб. науч. статей научно-практической конференции МВД России 18–19 сентября 2013 г. – Москва : ДГСК МВД России, 2014.
- Mischel, W. Personality and assessment. New York: Wiley, 1968.

References:

- The Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation hosted the First International Scientific and Practical Conference of Police Psychologists Evaluation. [Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy federatsii]. Retrieved from: <https://www.rf/news/item/11710200/> – (accessed: November 30, 2017).
- All-Russian competition of psychologist professional skills of law enforcement agencies. [Rossiyskoe psikhologicheskoe obshchestvo]. Retrieved from: http://РПО.РФ/NEWS/NEWS_RPO/INDEX.PHP?NEWS=6754 – (accessed 04.12.2017).
- Ankersmit, F.R. (2007) An exalted historical experience. Moscow, Evropa.
- Congratulations on the occasion of the Day of the Internal Affairs Officer. [President Rossii]. Retrieved form: <http://www.kremlin.ru/events/president/>

news/56035 (accessed 13.11.2017).

Guseltseva, M.S. (2016) Cultural historical paradigm in psychology and social sciences and humanities. [*Psikhologicheskie issledovaniya*], 48(9), 9. Retrieved from: <http://psystudy.ru> – (accessed: November 20, 2017).

(2014) Improvement of psychological work with personnel in the system of moral and psychological support of operational activities: current issues and ways of solution: collected papers of the scientific and practical conference of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. September 18–19, 2013. Moscow, DGSK MVD Rossii.

Kruk, V.M. (Ed.), Noss, I.N., & Fedotov, A.Yu. (2017) Vital issues of psychological work in the system ensuring employee reliability: Textbook for university students. Moscow, UNITY-DANA.

Kubyshko, V.L. (Ed.) (2015) Vital issues of improving the activities of the psychological work units of the Internal Affairs of the Russian Federation: manual. Domodedovo, VIPK MVD Rossii.

Kubyshko, V.L. (2017) Vital issues of the psychologist activity of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in understanding the role of the police of the Russian Empire. [*Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*], 2, 8–13.

Kubyshko, V.L. (2016) Revival of the right to memory: to the 300th anniversary of the Russian police. [*Politsiya*], 2, 44–47.

Kubyshko, V.L., Kruk, V.M., & Bogachev, S.V. (2017) The image of the police in the discourse of establishing trustworthiness in the Russian Empire. *European Social Science Journal*, 6, 464–487.

Kubyshko, V.L., & Kruk, V.M. (2017) On the interdisciplinary and psychological analysis of the Russian thesis research of the police of the Russian Empire. *European Social Science Journal*, 2, 176–197.

Kubyshko, V.L. (2017) Psychological conditions for understanding the role of the police in the history of the Fatherland: the 300th anniversary of establishment. [*Psikhologiya obucheniya*]. 5, 111–120.

Kukartseva, M.A. (2008) Hayden White and the practice of historical research of the 20th century. [*Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noy istorii*], 24, 5–34.

Len, K.V. (2016) Famous detectives of the Russian Empire (18th – early 20th century.): monograph. Barnaul, Barnaul'skiy yuridicheskiy institut MVD Rossii.

The main theses of the extended meeting of the collegium of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on March 9, 2017. [REN TV]. Retrieved from: <http://ren.tv/novosti/2017-03-09/osnovnye-tezisy-rasshirennoho-zasedaniya-kolleгии-mvd-rossii> (accessed 04.12.2017).

Miner, V.L. (2016) The history of the police. Police of the Russian Empire. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, Moskovskiy universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya.

Mischel, W. (1968) Personality and assessment. New York: Wiley.

Nikolayenko, P.D. & Knyaz', V.P. (2017) Kochubei is the first Minister of the Interior Affairs of Russia: monograph. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPburgskogo universiteta MVD Rossii.

On holding an open competition of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the best methodological recommendations on psychological work. [*Departament gosudarstvennoy sluzhby i kadrov MVD Rossii*]. Retrieved form: <https://dgsk.md.rf/news/item/10798049> (accessed 04.12.2017).

Public opinion. Police work: trust and evaluation. [*Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy federatsii*]. Retrieved form: <https://www.rf/publicopinion> (accessed 11/13/2017).

Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia as of 11.2.2010 # 80 «On the moral and psychological support of the operational and official activities of the internal affairs of the Russian Federation». [*Elektronnyy fond pravovoy i normativno-tehnicheskoy dokumentatsii*]. Retrieved from: <http://docs.cntd.ru/document/902252453> (accessed 04.12.2017).

Professional education of law enforcement employees. Pedagogy and psychology of official activity: state and prospects: collected works of the International conference dedicated to the 15th anniversary of the Kikotya Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation (May 30–31, 2017). [*Moskovskiy universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya.*]. Retrieved from: <https://мосу.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/item/10368977> (accessed 04.12.2017).

Ross L., & Nisbett, R. (1999) A person and the situation. Perspectives of social psychology. Moscow, Aspekt Press.

(2017) Vital issues of improving psychological work in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Vasiliev Readings – 2017): Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, April 20, 2017. St. Petersburg, Izdatel'stvo St. Petersburgskogo Universiteta MVD Rossii.

Znakov, V.V. (2016) Psychology of understanding the multidimensional world of man. [*Vestnik SpbGU*], Series 16. Issue 1, 47–57.

Депрессия у детей младенческого и раннего возраста

М.Г. Киселева

Национальный медицинский исследовательский центр сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Россия

Поступила 10 октября 2017 / Принята к публикации: 28 октября 2017

Depression in infants and toddlers

Mariya G. Kiseleva

A.N. Bakoulev Scientific Center for Cardiovascular Surgery, Moscow, Russia

Received October 10, 2017 / Accepted for publication: October 28, 2017

Актуальность. Изучение ранней траектории эмоционального развития может иметь ключевое значение для распознавания случаев депрессии и особенностей ее протекания у детей в возрасте до трех лет, когда заблаговременное вмешательство может дать так называемое «окно возможностей» для большего терапевтического эффекта.

Цель. Целью данной статьи стал обзор литературы, посвященной проблеме депрессии у детей младенческого и раннего возраста, и выявление факторов риска ее развития, в частности, риска развития материнской депрессии.

Описание хода исследования. Нами был проведен анализ источников литературы, посвященной теме материнской и детской депрессии. Проведено исследование, направленное на получение данных о наличии депрессивной симптоматики у 233 матерей детей младенческого возраста с врожденным пороком сердца в период хирургического лечения.

Результаты. В статье приведены данные, подтверждающие, что материнская депрессия негативно сказывается на детско-родительском взаимодействии и является фактором развития депрессии ее у ребенка.

Анализ результатов исследования уровня депрессивной симптоматики среди матерей детей с ВПС в период хирургического лечения (клиническая группа) выявил следующее. 27,1% матерей детей с врожденным пороком сердца младенческого возраста имели признаки субклинической депрессии, а 17,7% – выраженной депрессии (за два дня до хирургической операции на сердце у ребенка). Через две недели после операции 30,04% матерей таких детей имели признаки субклинической депрессии, а 18,22% – выраженной депрессии, что является негативным фактором для психологического развития детей данного возраста.

Выводы. Явление депрессии детей младенческого и раннего возраста остается темой для обсуждения в научном сообществе. Однако, становится ясным, что материнская депрессия, если и не вызывает ответную депрессию у ее ребенка, то вносит негативный вклад в его психическое развитие, что требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: депрессия, материнская депрессия, эмоциональная компетентность, ранний возраст, младенческий возраст.

Background. The study of early trajectories of emotional development may be crucial for detecting cases of depression and peculiarities of disease in children under the age of three, when early intervention may give the so-called «window of opportunity» for greater therapeutic effect.

Objective. The objective of this paper is to review the literature on the issue of depression in children of infantile and early age and to identify risk factors for the development of depression in children of infantile and early childhood, particularly maternal depression.

Design. The reference literature on the subject of maternal and child depression is analysed. The study aimed at obtaining data on depressive symptoms in 233 mothers of infants with congenital heart disease during the period of surgical treatment was conducted.

Results. The paper provides evidence that maternal depression negatively affects child-parent interaction and is a factor of developing depression in the child. Analysis of the results shows that the level of depressive symptoms in mothers of children with CHD in the period of surgical treatment (clinical group) shows that in mothers of children with congenital heart disease 27.1 per cent reveal subclinical depression, and 17.7 per cent reveal severe depression (two days before heart surgery). Two weeks after surgery 30.04 per cent of mothers had the symptoms of subclinical depression and 18.22 per cent showed signs of severe depression, which was a negative factor in the psychological development of children of the age under consideration.

Conclusion. The phenomenon of depression in children of infantile and early age remains a topic of further discussion for the scientific community. However, it is clear that maternal depression, if it does not cause reciprocal depression in the child, usually makes a negative contribution to the child's mental development that requires further research.

Keywords: depression, maternal depression, emotional competence, early age, infant age.

Отношение специалистов в области психического здоровья и развития ребенка к концепции проявления депрессии в самом раннем возрасте постоянно менялось в течение последних десятилетий. Еще в 40-х годах прошлого века была обнаружена и описана клиническая (анаклитическая) депрессия у детей первого года жизни, лишенных связей со взрослым, осуществляющим первичный уход за ребенком (Spitz, 1946). Однако в последующие годы превалировала теория, предполагающая, что такие дети слишком малы, чтобы испытывать основополагающие эмоции, связанные с депрессией. Таким образом, вообще исключалась возможность проявления клинической депрессии в дошкольном возрасте (Rie, 1966). Но последние исследования в области базового эмоционального развития человека опровергли данное утверждение, продемонстрировав эмоциональную развитость детей до трех лет, ранее не признаваемую исследователями (Shonkoff, Phillips, 2000). Получение эмпирических данных для обоснования и описания клинического депрессивного синдрома у детей первого года жизни и детей до трех лет, остается крайне сложной задачей.

ции ранних эмоциональных переживаний и проявлений. Еще в начале XX века Дарвин предполагал, основываясь на наблюдениях за выражением лица, что некоторые базовые эмоции присутствуют у человека уже с момента рождения. В последующие годы эмпирические исследования подтвердили эту гипотезу (Izard, Malatesta, 1987). Но, несмотря на эти открытия, достаточный массив эмпирических данных, необходимых, чтобы очертить траекторию раннего эмоционального развития, появился лишь к концу 1980-х годов. В последние десятилетия появились данные о том, как дети осознают и выражают отдельные простые эмоции, как у них развивается способность регулировать эмоциональные реакции, понимать причины и последствия эмоций, а также испытывать более сложные, комплексные эмоции (Saarni, 1999). Эти данные предоставили ученым возможность проиллюстрировать то, что эмоциональная компетенция развивается у человека в более раннем возрасте, чем считалось. Однако многие детали того, когда и как разворачивается эмоциональное развитие в течение первого года жизни и в дошкольном возрасте, остаются недостаточно изученными. Дальнейшее

ное значение с точки зрения здравоохранения, не только потому, что облегчение страданий ребенка – это достойное и важное дело, но и потому, что раннее вмешательство может дать так называемое «окно возможностей» для большего терапевтического эффекта. Исключительная действенность раннего вмешательства в дошкольном возрасте была подтверждена в отношении нескольких специфических детских психических расстройств, в частности, заболеваний аутистического спектра и расстройств социального поведения (Dawson et al., 2003). Раннее вмешательство может иметь особое значение при депрессии, принимая во внимание далеко не оптимальные реакции на лечение и высокую степень сопротивляемости терапии, которая проявляется у детей более старшего возраста, страдающих депрессией (Kennard et al., 2006). По этим причинам, а также исходя из клинических наблюдений за депрессивным аффектом на ранних этапах развития ребенка, депрессия считается таким расстройством, при котором как можно более раннее выявление является перспективным с точки зрения общественного здравоохранения, а, значит, является достойным предметом научного исследования.

Задача выявления депрессии на самом раннем возможном этапе развития ребенка может иметь весьма существенное значение с точки зрения здравоохранения, не только потому, что облегчение страданий ребенка – это достойное и важное дело, но и потому, что раннее вмешательство может дать так называемое «окно возможностей» для большего терапевтического эффекта

Центральным при исследовании депрессии с ранним началом или, шире, расстройств настроения, является вопрос – можно ли выявить вариации в паттернах эмоционального развития. Эта область исследований важна не только для выявления возрастных проявлений расстройств настроения с ранним началом, но, что даже более существенно с клинической точки зрения, для определения потенциальных возрастных мишеней для раннего вмешательства. Признание того факта, что эмоциональная компетентность развивается у ребенка раньше, чем было принято считать, и что она быстро растет в период до года, и позднее – в дошкольном возрасте ведет к предположению, что отклонения или вариации в этой области, возможно, связаны с ранним началом проявления расстройств настроения. Следовательно, их необходимо изучать.

Чтобы выяснить, может ли депрессия развиваться в таком раннем возрасте, и как она может проявляться, необходимо понимать нормативную траекторию раннего эмоционального развития. Нормативное эмоциональное развитие – это те рамки, которые помогут оценить вариации

изучение этой ранней траектории может иметь ключевое значение для распознавания случаев депрессии и особенностей ее развития в раннем возрасте.

Задача выявления депрессии на самом раннем возможном этапе развития ребенка может иметь весьма существен-

Чарльз Дарвин первым предположил, что человек рождается со способностью выражать ограниченный спектр отдель-

Мария Георгиевна Киселева –

кандидат психологических наук, медицинский психолог Национального медицинского исследовательского центра сердечно-сосудистой хирургии имени А.Н. Бакулева Министерства здравоохранения Российской Федерации
E-mail: zenzench@yandex.ru

ных простых эмоций. Позднее психолог Каррол Айзард (Carrol Izard) – специалист по развитию и его коллеги собрали эмпирические данные, подтверждающие, что дети до года демонстрируют конкретные дискретные выражения лица, соответствующие событиям, созданным для того, чтобы вызвать определенные эмоциональные состояния (Izard, Malatesta, 1980). Нормативное развитие таких эмоций, как грусть и радость, также имеет отношение к развитию депрессии в возрасте до года. Группа ученых (Shiuer, Izard, Nembree, 1986) показали, что выражение грусти можно с четкостью и уверенностью отличить от других отрицательных эмоций у ребенка уже к возрасту двух месяцев. Позднее, к шести месяцам, грустное выражение лица появляется у ребенка как реакция на события, вызывающие грусть, или одновременно с ними (Shiuer, Izard, Nembree, 1986). Аналогично другие исследования показали, что дети демонстрируют дискретное выражение грусти на лице уже в 6–8 месяцев. Что касается более дифференцированного выражения эмоций, включающего в себя более тонкие и сложные проявления, то таковые наблюдаются у ребенка уже после года (Demos, 1986). Полученные результаты, показывающие, что человек способен испытывать грустные или радостные переживания в течение первых шести месяцев жизни, говорят о том, что депрессивные аффекты, видимо, также возможны на этой ранней стадии развития ребенка. Тем не менее, как будет отмечено ниже, за исключением убедительных клинических наблюдений на данном этапе у нас отсутствуют эмпирические данные для того, чтобы однозначно утверждать, бывает депрессия на первом году жизни или нет.

По понятным причинам гораздо больше эмпирических данных имеется об эмоциональных выражениях грусти и радости, равно как и распознавании этих и более сложных чувств, таких как, чувство вины, в более старшем – дошкольном возрасте. Один из изучаемых вопросов: начинают ли дети дошкольного возраста, страдающие депрессией, раньше осознавать и давать название отрицательным эмоциям, по сравнению с детьми, не страдающими депрессией. Результаты исследований продемонстри-

ровали, что дети дошкольного возраста, страдающие депрессией, с большей готовностью распознают выражение грусти на женском лице, чем дети из контрольной группы. Эти данные говорят о том, что способность распознавать и определять отрицательные эмоции, в частности грусть, может развиваться быстрее у детей дошкольного возраста, которые испытывают депрессию. Важно провести целенаправленные дополнительные исследования по этому вопросу.

Результаты исследований продемонстрировали, что дети дошкольного возраста, страдающие депрессией, с большей готовностью распознают выражение грусти на женском лице, чем дети из контрольной группы. Эти данные говорят о том, что способность распознавать и определять отрицательные эмоции, в частности грусть, может развиваться быстрее у детей дошкольного возраста, которые испытывают депрессию

Современные исследования депрессии у детей в дошкольном возрасте сосредоточены на изучении развития более сложных эмоций, в частности, чувства вины и стыда. Группа ученых (Kochanska et al., 2002) показали, что дети понимают переживание вины уже в трехлетнем возрасте. В свете этого открытия мы предположили, что дошкольники, страдающие депрессией, как и люди более старшего возраста в этом состоянии, испытывают более глубокое чувство вины, чем здоровые дети. Для оценки глубины чувства вины у детей дошкольного возраста

тистике психических расстройств» (DSM-IV). Это такие расстройства, как синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), расстройство поведения, а также тревожные расстройства (Luby et al., 2008). Еще одно важное наблюдение – у дошкольников, страдающих депрессией, меньше проявлялась тенденция к произведению действий для исправления чувства вины. Эти данные свидетельствуют о том, что чрезмерное чувство вины является центральной чертой депрессии

уже в дошкольном периоде, а, значит, на него должны быть направлены методики раннего вмешательства.

Несмотря на достаточное внимание, уделяемое вопросам депрессии у детей первого года жизни, на сегодняшний день нет систематизированных данных, которые позволяли бы сделать вывод о том, возможно ли развитие настоящего депрессивного синдрома до трехлетнего возраста. Хотя самые первые наблюдения депрессивного аффекта у детей первого года жизни были сделаны еще в середине 40-х годов прошлого века,

Несмотря на достаточное внимание, уделяемое вопросам депрессии у детей первого года жизни, на сегодняшний день нет систематизированных данных, которые позволяли бы сделать вывод о том, возможно ли развитие настоящего депрессивного синдрома до трехлетнего возраста

были использованы две качественно разные методики. В первом случае использовался отчет родителей под названием «Мой ребенок» о том, насколько ребенок склонен демонстрировать чувство вины и предпринимать какие-либо действия, чтобы исправить породившую его ситуацию (Kochanska, 2002).

Полученные данные продемонстрировали, что дети, страдающие депрессией, испытывают более сильное чувство вины, чем дети более младшего возраста из нескольких контрольных групп, включая детей, страдающих расстройствами социального поведения, перечисленными в «Руководстве по диагностике и ста-

огда психоаналитик Рене Шпитц выпустил убедительные отчеты о социальном отчуждении, апатии, подавленном настроении, неспособности успешно развиваться у воспитанников казенных учреждений (Spitz, 1946). Автор описывает данный синдром как «анаклитическую» депрессию, рассуждая о том, что она, скорее всего, является реакцией ребенка на разлучение со взрослым, осуществляющим за ним основной уход. Такие дети не могли успешно развиваться даже при наличии адекватного питания и физического ухода, что подтверждало жизненно важное значение эмоциональных элементов ранних отношений ре-

бенок–основной взрослый. Эти выводы убедительно подтверждали наличие депрессивного аффекта и задержки физического развития, явно являющихся следствием психосоциальной депривации. Несмотря на это, наблюдения Р. Шпитца, теперь считающиеся фундаментальными, не оказали большого влияния на признание возможности развития депрессии с очень ранним началом специалистами традиционной психиатрии.

К настоящему времени проведено большое количество исследований, результаты которых, совпадая, подтверждают, что депрессия у матери, которая приходится на первый год жизни ребенка и дошкольный период, может неблагоприятно воздействовать на его эмоциональное развитие

Через несколько десятилетий после того, как Р. Шпитц опубликовал убедительное описание депрессивного аффекта у детей первого года жизни, специалисты в области психологии развития разработали новую системную методику для исследования настроений и аффектов у младенцев, чьи матери страдают депрессией, то есть принадлежащих к группе гипотетического риска, связанного как с генетическими, так и с психологическими факторами (Cohn, Tronick, 1983; Field, Diego, Hernandez-Reif, 2009; Murray, 1992). Эта группа представляла особый интерес, поскольку пред- и послеродовая депрессия у матерей считается фактором риска по целому ряду проблем развития ребенка (Murray, Sinclair, Cooper, Ducournau, Turner, 1999; Abrams et al., 1995; Adamsom, Frick, 2003; Anokhin

ри. Матери, переживающие хроническую депрессию, также дают детям меньше социальной стимуляции – меньше дотрагиваются до них, реже играют и меньше разговаривают с ними. По результатам исследований, данные недостатки ухода за ребенком приводят к целому ряду негативных эмоциональных последствий и проблем развития, то есть являются существенным фактором риска для ребенка первого года жизни.

К настоящему времени проведено большое количество исследований, результаты которых, совпадая, подтверждают, что депрессия у матери, которая приходится на первый год жизни ребенка и дошкольный период, может неблагоприятно воздействовать на его эмоциональное развитие (Downey, Coyle, 1990). Для исследований были разработаны экспериментальные парадигмы, позволяющие наблюдать за выражением лица ребенка первого года жизни и его моторной активностью, проявляющимися в результате определенных стимулирующих действий, и систематически оценивать эти реакции, делая заключения об эмоциональном состоянии ребенка. Многие группы исследователей использовали «Каменное лицо» (Still Face Paradigm) (Cohn, Tronick, 1983) – лабо-

Межличностное взаимодействие и факторы окружения на раннем этапе могут оказать существенное влияние на эмоциональное развитие ребенка, что может иметь значение для психопатологии развития и расстройств настроения

et al., 2006; Atkinson et al., 2000; Austin et al., 2005). Депрессия у молодой матери, продолжающаяся дольше обычного послеродового синдрома, который проходит сам, приводит к ненадлежащему уходу за ребенком, поскольку мать проявляет меньше чуткости и поддержки (Downey, Coyle, 1990). По наблюдениям, матери, страдающие депрессией, оказываются недостаточно открытыми и отзывчивыми, демонстрируют меньше позитивного аффекта и даже реже смотрят на своих малышей, чем не страдающие этим мате-

раторный эксперимент, в котором матери просили специально сохранять нейтральное выражение лица, вместо того чтобы реагировать на сигналы ребенка. Эта методика позволяла успешно дифференцировать детей из группы риска и контрольной группы.

По наблюдениям исследователей, дети матерей, страдающих депрессией, оказывались менее активными и более замкнутыми, демонстрировали меньше позитивного аффекта при контакте с матерью, чем другие дети. Что немаловажно,

во время эксперимента «Каменное лицо» такие дети проявляли меньше недовольства, чем дети матерей, не страдающих депрессией. Это говорит о том, что они привыкли к недостаточной открытости и чуткости своих матерей. Эти данные впервые указали на то, что дети первого года жизни чутко реагируют на эмоциональное состояние взрослого, осуществляющего основной уход за ними. Они подтвердили, что межличностное взаимодействие и факторы окружения на раннем этапе могут оказать существенное влияние на эмоциональное развитие ребенка, что может иметь значение для психопатологии развития и расстройств настроения.

Анализ результатов нашего исследования, в котором приняли участие 233 диады, (дети с ВПС первого года жизни на стадии хирургического лечения и их матери; средний возраст детей составил $6,61 \pm 2,22$ месяца), показал, что в группе матерей детей с врожденным пороком сердца (ВПС) в период хирургического лечения (клиническая группа) уровень депрессии составил $19,38 \pm 7,18$ баллов, а в группе матерей со здоровыми детьми (основная группа) – $11,22 \pm 6,23$ баллов. В клинической группе 27,1% матерей имели признаки субклинической депрессии (более 9 баллов по Шкале депрессии Центра эпидемиологических исследований – ЦЭС, а 17,7% – выраженной депрессии (более 25 баллов по ЦЭС) за два дня до хирургической операции на сердце у ребенка. Через две недели после операции в клинической группе 30,04% матерей имели признаки субклинической депрессии (более 9 баллов по ЦЭС), а 18,22% – выраженной депрессии (более 25 баллов по ЦЭС). Таким образом, видно, что депрессивная симптоматика увеличивалась после проведенной хирургической операции. Корреляционный анализ не выявил статистически значимой взаимосвязи уровня депрессивной симптоматики до и после операции (Киселева, 2016).

За два дня до операции в клинической группе 48,5% матерей имели высокий уровень ситуативной тревоги, 22,3% – повышенный, через две недели после операции в клинической группе 30,54% матерей имели высокий уровень тревоги, что негативно сказывалось на психоло-

гическом функционировании их детей. Уровень тревоги снижался после проведенной хирургической операции (Киселева, 2016).

Группа исследователей (Abrams et al., 1995) показала, что негативный аффект у ребенка первого года жизни распространяется на взаимодействие с другими взрослыми (чужими). Однако позднее другие исследования выяснили, что дети матерей, страдающих депрессией, демонстрируют меньше депрессивных проявлений при взаимодействии с другими значимыми взрослыми – воспитательницей или отцом, который депрессией не страдает (Hossain et al., 1994). Иными словами, если у ребенка есть близкие отношения с другим взрослым, не страдающим депрессией, эти отношения служат неким буфером, защищающим его от негативного воздействия депрессии матери. Эти данные подчеркивают необходимость дополнительных благополучных отношений ребенка из группы риска с другими взрослыми.

Современное понимание факторов, влияющих на эмоциональное развитие в течение первого года жизни, основано не только на визуальной оценке различий в эмоциональных реакциях (по выражению лица или двигательной активности), но и на других психологических маркерах реактивности, таких как мозговая активность или изменения частоты сердечных сокращений. У взрослых, страдающих депрессией, наблюдается энцефалографическая асимметрия (ЭЭГ), в частности, снижение активности в левой лобной доле (Wheeler, Davidson, Tomarken, 1993). Данные большого количества исследований, проведенных на взрослых и на очень маленьких детях, показывают, что функции лобной доли мозга и асимметрия в активации связаны с дискретными эмоциями. В частности, активация правой лобной доли происходит с большей вероятностью при плаче и грусти, тогда как относительно более сильная активация левой лобной доли происходит от радости. Эти данные указывают на потенциально важные нейрофизиологические изменения, связанные с депрессивными эмоциями.

G. Dawson с коллегами выдвинули гипотезу о том, что индивидуальные различия в активации лобной доли головного

мозга у детей, возможно, являются следствием жизненного опыта, а не врожденных биологических факторов. Некоторые из этих различий могут быть связаны с той важной ролью, которую родители играют в эмоциональном развитии ребенка и выработке у него соответствующих навыков: регуляции, экспрессии, распознавания эмоций и др. Эмпирические данные показывают, что у детей первого года жизни во время приятных

развития пациента) под названием «Диагностическая классификация психических расстройств и нарушений развития у детей первого года жизни и дошкольников» (уточненная) (Carter A., Briggs, 2004). Эта классификация основана на опыте работы многопрофильной группы клиницистов-специалистов по психическому здоровью детей первого года жизни и дополнена базой эмпирических данных. Раздел, посвященный депрессии

Современное понимание факторов, влияющих на эмоциональное развитие в течение первого года жизни, основано не только на визуальной оценке различий в эмоциональных реакциях (по выражению лица или двигательной активности), но и на других психологических маркерах реактивности, таких как мозговая активность или изменения частоты сердечных сокращений

игровых взаимодействий со взрослыми, осуществляющими за ними основной уход, обычно наблюдается большая активация левой фронтальной области. G. Dawson с коллегами обнаружили, что у детей, матери которых страдают депрессией, нет различий между левосторонней и правосторонней активацией фронтальной области. Это говорит о том, что для этих детей, возможно, взаимодействие с матерью не является особенно приятным (Dawson et al., 1992). Остается неизвестным, распространяются ли эти изменения на взаимодействие с другими взрослыми, осуществляющими уход за ребенком. Эти данные подтверждают концепцию о том, что социальное взаимодействие со взрослыми может влиять на фронтальную асимметрию. Они также подтверждают важную роль динамики отношений как фактора, определяющего ранние биологические процессы.

На текущий момент крупномасштабных систематических эмпирических исследований клинической депрессии у детей первого года жизни и до трех лет не проводилось. Несмотря на такой пробел в эмпирических данных, весь коллективный опыт клиницистов и убедительные описания соответствующих случаев позволяют говорить о том, что данный синдром может встречаться у детей до трех лет. На основании имеющихся наблюдений диагностические критерии и описания симптомов депрессии, применимые к детям этого возраста, были изложены в альтернативной диагностической системе (принимавшей во внимание стадию

у детей первого года жизни и дошкольников, содержит описания симптомов депрессии на различных этапах раннего развития и охватывает две диагностические категории: глубокая депрессия и неспецифическое депрессивное расстройство (НДР). В эту классификацию также входит категория – «продолжительное чувство утраты/тоски», подразумевающая обычно временный депрессивный аффект, который может возникнуть в результате потери взрослого, осуществляющего основной уход. Эти категории могут использоваться как удобная структура, с помощью которой клиницисты могли бы определять имеющиеся отклонения, а также в качестве направления дальнейших эмпирических изысканий.

Первые эмпирические исследования клинических симптомов депрессии у детей дошкольного возраста были проведены группой Kashanai с коллегами в 80-е годы прошлого века. Исследователей интересовало, могут ли у детей дошкольного возраста проявляться симптомы депрессии, описанные в «Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам» (третьем издании) (Carter A., Briggs, 2004). Этот вопрос ранее не рассматривался в рамках эмпирических исследований. Данная группа ученых предложила описания клинических случаев у детей дошкольного возраста, симптомы которых совпадали с критериями «большого депрессивного расстройства» (БДР) по DSM-III (MDD) (Kashanai et al., 1986). Кроме того, они задались вопросом, можно ли выде-

лить дошкольников, страдающих данным расстройством, среди общего населения. Выявив некоторое количество дошкольников с тревожными симптомами, которые, однако, не совпадали в точности с критериями БДР по DSM-III, они заключили, что, возможно, этим критериям требуется доработка в соответствии с возрастными особенностями развития (Kashani, Holcomb, Otvashel, 1986).

Выводы, сделанные этой группой, вкупе с данными по аффективным изменениям у детей, чьи матери страдают депрессией, подтолкнули ученых Медицинского института при Вашингтонском университете к новому исследованию, связанному с детьми дошкольного возраста, в рамках программы «Раннее эмоциональное развитие». Их работа внесла несколько существенных дополнений в существующую методологию. Во-первых, в практику было добавлено соответствующее возрасту структурированное собеседование с ребенком, которое позволяло оценивать симптомы, адаптированные к соответствующей стадии его развития. Например, ангедония описывалась как «неспособность получать удовольствие от занятий и игр» (а не как отсутствие либидо – симптом, который можно легко определить у взрослого пациента). Кроме того, сравнение проводилось с двумя контрольными группами: здоровой и психиатрической, чтобы установить специфичность симптомов именно для депрессии.

Данные этого исследования явились обоснованием для выделения специфической и стабильной группы симптомов, которые проявляются у детей от трех до пяти с половиной лет (Luby et al., 2008). Кроме того, основываясь на данных о психиатрическом статусе кровных родственников ребенка (прямое и не прямое родство), был сделан вывод, что дети дошкольного возраста, страдающие депрессией, происходят из семей, в которых чаще встречались связанные аффективные расстройства, по сравнению с семьями из «здоровой» контрольной группы. На основании этих сведений, сообщенных родителями, ученые заключили, что очевидно детям в дошкольном периоде депрессия передается в семье, так же, как взрослым и более старшим детям, как это было показано ранее (Jaffee et al., 2002).

Тот факт, что склонность к депрессии передается в семье (генетически либо психологически), и наличие группы специфических и стабильных симптомов явились основными аргументами в пользу объективного признания психиатрических расстройств. Так пишут в своей работе Robins and Guze (Robins, Guze, 1970).

Исследователи также рассмотрели вопрос о том, проявляют ли дети «замаскированные» симптомы депрессии, такие как соматические недомогания или регресс в развитии. Этот вопрос интересовал их, поскольку клинически всегда считалось, что маленькие дети не могут демонстрировать «настоящие» симптомы депрессии и вместо этого демонстрируют «замаскированные», но эмпирически это утверждение никогда не исследовалось. Примечательно, что дети дошкольного возраста, участвовавшие в исследовании, гораздо чаще проявляли «настоящие» симптомы по DSM с поправкой на возраст, чем «замаскированные» симптомы (Luby et al., 2008). Тем не менее, и «замаскированные» симптомы депрессии также чаще встречались в обследуемой группе, чем в контрольных группах.

Это наблюдение совпало с более ранними данными, касающимися детей школьного возраста, страдающих депрессией (Carlson, Cantwell, 1980). Тот факт, что у маленьких детей могут проявляться основные симптомы депрессии, и что они проявляются чаще, чем «замаскированные», очень важен. Он говорит о том, что клиницистам следует обращать внимание на типичные симптомы, скорректированные по возрасту ребенка, даже у дошкольников.

Это исследование также добавило несколько маркеров реальности депрессии, проявляющейся уже в дошкольный период. У дошкольников был выявлен признак, указывающий на отклонение – ключевой показатель степени соответствия принятых критериев диагностики для конкретного состояния данному пациенту в системе DSM. Отклонение сложно обнаружить у ребенка этого возраста, поскольку у него нет большой необходимости действовать в структурированных обстоятельствах, что приводит к неоднозначности его оценки (Carter, Briggs-Gowan, 2000)

Ученые установили наличие группы специфических и стабильных симптомов, похожих на расстройство в семейном анамнезе и факты, свидетельствующие о нарушении социализации – важные маркеры наличия психиатрического расстройства и депрессии в дошкольном возрасте. Однако объективные данные предоставляют более высокий уровень научной достоверности. Поэтому, чтобы подтвердить возможность депрессии в дошкольном возрасте, ученые интересуются измеряемыми биологическими параметрами в качестве маркеров депрессии. У взрослых однозначно наблюдаются изменения физиологической реакции на стресс со стороны оси гипоталамус–гипофиз–кора надпочечников (ГТКН) (Francis et al., 2002). На основании этих данных было показано, что приобретенная дисфункция стресс-ответа является одним из центральных элементов психопатологии развития и этиологии депрессии. Следуя этому образцу, было проведено исследование стресс-ответа у дошкольников с симптомами депрессии в сравнении с двумя контрольными группами: психиатрической группой, но без депрессии и здоровой.

Современные исследователи измеряли уровень кортизола в слюне перед, во время и после умеренно стрессогенного лабораторного задания (Luby et al., 2008). Задание представляло собой экспериментальную парадигму, рассчитанную на то, чтобы вызвать несильный психологический стресс с целью исследования реактивности оси ГТКН у детей, страдающих депрессией, в сравнении с детьми с иными психиатрическими расстройствами и здоровыми детьми. У детей, страдающих депрессией, выявилась другая структура кортизолной реактивности на стресс, по сравнению со здоровыми детьми и психиатрической контрольной группой. Примечательно, что дети дошкольного возраста, страдающие депрессией, демонстрировали уникальный, повторяющийся сценарий повышения уровня кортизола в течение всего периода оценивания, что совпадало со сценариями, которые наблюдались у более старших детей и взрослых. Этот сценарий отличался от более типичного, вероятно адаптивного сценария, наблюдаемого у двух контрольных групп, при

котором уровень кортизола падал после входа в лабораторию, что соотносится с акклиматизацией в новой ситуации. Эти данные представляют собой важное достижение на пути обоснования наличия депрессии у дошкольников, поскольку представляют собой объективный показатель физиологических изменений, аналогичный ранее отмеченным изменениям при взрослой форме заболевания.

Далее подобные изменения стресс-ответа оси ГГКН также наблюдались у детей, чьи матери страдали депрессией (Dawson et al., 2001). Данные о том, что подобные изменения при этом расстройстве обнаруживаются и у более взрослых пациентов, говорит об определенном по-

стоянстве в базовой патофизиологии депрессии во всех возрастах. Следуя этому принципу, дополнительные факты, подтверждающие это постоянство, могли бы дать представление о психопатологии депрессивных расстройств в разные периоды развития.

этому моменту не проводилось систематических исследований на предмет лечения данного расстройства. В литературе отражены некоторые описания случаев заболевания и разнообразные виды терапии. Однако для улучшения клинической практики необходимо

Дети дошкольного возраста, страдающие депрессией, демонстрировали уникальный, повторяющийся сценарий повышения уровня кортизола в течение всего периода оценивания, что совпадало со сценариями, которые наблюдались у более старших детей и взрослых

Поскольку сам факт возможности наличия депрессии у детей младенческого и раннего возраста начал признаваться специалистами не так давно, к настоя-

проводить крупномасштабные эмпирические исследования с использованием стандартизованных методик и контролируемых оценок.

Литература

- Киселева М.Г. Особенности психического развития детей раннего возраста с врожденным пороком сердца // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2016. – Т. 5. – №4 (17). – С. 358–361.
- Шпиц Р.А., Коблинер У.Г. Первый год жизни. Психоаналитическое исследование нормального и отклоняющегося развития объектных отношений / пер. с англ. Л.Б. Сумм; под ред. А.М. Боковикова. – Москва : Академический Проект, 2006. – 362 с.
- Abrams, S. M., Field, T., Scafidi, F., & Prodrmidis, M. (1995) Newborns of depressed mothers. *Infant Mental Health Journal*, 16, 233–239. doi: 10.1002/1097-0355(199523)16:3<233::AID-IMHJ2280160309>3.0.CO;2-1
- Adamson, L. B., & Frick, J. E. (2003) The still face: A history of a shared experimental paradigm. *Infancy*, 4, 451–473. doi: 10.1207/S15327078IN0404_01
- Anokhin, A. P., Heath, A. C., & Myers, E. (2006) Genetic and environmental influences on frontal EEG asymmetry: A twin study. *Biological Psychology*, 71, 289–295. doi: 10.1016/j.biopsycho.2005.06.004
- Atkinson, L., Paglia, A., Coolbear, J., Niccols, A., Parker, K. C. H., & Guger, S. (2000) Attachment security: A meta-analysis of maternal mental health correlates. *Clinical Psychology Review*, 20, 1019–1040. doi: 10.1016/S0272-7358(99)00023-9
- Austin, M.-P., Hadzi-Pavlovic, D., Leader, L., Saint, K., & Parker, G. (2005) Maternal trait anxiety, depression, and life event stress in pregnancy: Relationships with infant temperament. *Early Human Development*, 81(2), 183–190. doi: 10.1016/j.earlhumdev.2004.07.001
- Bevilacqua, F., Palatta, S., Mirante, N., Cuttini, M., Seganti, G., & Dotta, A., et al. (2013) Birth of a child with congenital heart disease: emotional reactions of mothers and fathers according to time of diagnosis. *J Matern Fetal Neonatal Med*, 26(12), 1249. doi: 10.3109/14767058.2013.776536
- Carlson, G., & Cantwell, D. (1980) Unmasking mask depression. *American journal of psychiatry*, 145, 1222–1225.
- Carter, A., Briggs, & Gown M. (2004) Assessment of children's development and psychopathology. *J of child psychology and psychiatry*, 45, 109–134. doi: 10.1046/j.0021-9630.2003.00316.x
- Carter, A. S., Briggs-Gowan, M. J. (2000). *The Infant-Toddler Social and Emotional Assessment (ITSEA)*. New Haven, CT, Yale University, Department of Psychology.
- Cohn, J. F., & Tronick, E. Z. (1983) Three-month-old infants' reaction to simulated maternal depression. *Child development*, 54, 185–193. doi: 10.2307/1129876
- Dawson, G., Grofer, Klinger, L., Panagiotides, H., Spieker, S., & Frey, K. (1992) Infants of mothers with depressive symptoms: Electroencephalographic and behavioral findings related to attachment status. *Development and Psychopathology*, 4, 67–80. doi: 10.1017/S0954579400005563
- Dawson, G., Klinger, L., Hill, D., & Spieker, S. (1992) Frontal lobe activity and affective behavior of infants. *Child development*, 63, 725–737. doi: 10.2307/1131357
- Dawson, G., Ashman, S. B., Hessl, D., Spieker, S., Frey, K., & Panagiotides, H., et al. (2001) Autonomic and brain electrical activity in securely- and insecurely-attached infants of depressed mothers. *Infant Behavior and Development*, 24, 135–149. doi: 10.1016/S0163-6383(01)00075-3
- Dawson, G., Ashman, S. B., Panagiotides, H., Hessl, D., Self, J., & Yamada, E., et al. (2003) Preschool outcomes of children of depressed mothers: Role of maternal behavior, contextual risk, and children's brain activity. *Child Development*, 74, 1158–1175. doi: 10.1111/1467-8624.00599
- Dawson, G., Frey, K., Panagiotides, H., Osterling, J., & Hessl, D. (1997) Infants of depressed mothers exhibit atypical frontal brain activity: A replication and extension of previous findings. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 38, 179–186. doi: 10.1111/j.1469-7610.1997.tb01852.x
- Dawson, G., Grofer, Klinger, L., Panagiotides, H., Hill, D., & Spieker, S. (1992) Frontal lobe activity and affective behavior in infants of mothers with depressive symptoms. *Child Development*, 63, 725–737. doi: 10.2307/1131357
- Dawson, G., Hessl, D., & Frey, K. (1994) Social influences on early developing biological and behavioral systems related to risk for affective disorder. *Development and Psychopathology*, 6, 759–779. doi: 10.1017/S0954579400004776
- Dawson, G., Panagiotides, H., Grofer, Klinger, L., & Hill, D. (1992) The role of frontal lobe functioning in the development of infant self-regulatory behavior. *Brain and Cognition*, 20, 152–175. doi: 10.1016/0278-2626(92)90066-U
- Demos, V. (1986) Crying in early infancy. *Affect and early infancy*, 39–73.

- Downey, G., & Coyle, J. (1990) Children of depressed parents. *Psychological bulletin*, 108, 50–76. doi: 10.1037/0033-2909.108.1.50
- Field, T.M., Sandberg, D., & Garcia, R. et al. (1985) Pregnancy problems, postpartum depression and early mother-infant interactions. *Developmental psychology*, 21, 1152–1156. doi: 10.1037/0012-1649.21.6.1152
- Field, T. (2002) Prenatal effects of maternal depression. In S. H. Goodman & I. H. Gotlib (Eds.) *Children of depressed parents*. Washington, DC, American Psychological Association.
- Field, T., Diego, M., Dieter, J., Hernandez-Reif, M., Schanberg, S., & Kuhn, C., et al. (2004) Prenatal depression effects on the fetus and the newborn. *Infant Behavior and Development*, 27(2), 216–229. doi: 10.1016/j.infbeh.2003.09.010
- Field, T., Hernandez-Reif, M., & Diego, M. (2006) Intrusive and withdrawn depressed mothers and their infants. *Developmental Review*, 26(1), 15–30. doi: 10.1016/j.dr.2005.04.001
- Field, T., Diego, M., & Hernandez-Reif, M. (2009) Depressed mothers' infants are less responsive to faces and voices. *Infant Behavior and Development*, 32(3), 239–244. doi: 10.1016/j.infbeh.2009.03.005
- Francis, D. D., Diorio, J., Plotsky, P. M., & Meaney, M. J. (2002) Environmental enrichment reverses the effects of maternal separation on stress re-activity. *Journal of Neuroscience*, 22(18), 7840–7843.
- Hossain, Z., & Pickens J. (1994) Infants of depressed mothers interact better with their non-depressed fathers. *Infant mental health J*, 15, 384–357. doi: 10.1002/1097-0355(199424)15:4<348::AID-IMHJ2280150404>3.0.CO;2-Y
- Izard, C., & Malatesta, C. (1987) Perspectives on emotional development. New-York, Wiley, 677.
- Jaffe, S., Moffitt, T., Caspi, A., & Martin, J. (2002) Differences in early childhood risk factors. *Archives of general psychiatry*, 59, 215–222. doi: 10.1001/archpsyc.59.3.215
- Johanson, R., Chapman, G., Murray, D., Johnson, I., Cox, J. (2000) The North Staffordshire Maternity Hospital prospective study of pregnancy-associated depression. *Journal of Psychosomatic Obstetrics and Gynaecology*, 21, 93–97. doi: 10.3109/01674820009075614
- Kashani, J., Ray, J., & Carlson, G. (1984) Depression in preschool children, *American journal of psychiatry*, 141, 1397–1402.
- Kiseleva, M., & Zinchenko, Yu. (2016) The role of maternal depression symptoms in psychological functioning of infants with congenital heart disease subjected to heart surgery. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 233, 445–449. doi: 10.1016/j.sbspro.2016.10.182
- Koshanska, G., Gross, J., Lin, M., & Nicholas, K. (2002) Guilt in young children. *Child development*, 72, 461–482. doi: 10.1111/1467-8624.00418
- Luby, J., Stalets, M., Blankenship, S., & Pautch, J., McGrath (2008) Treatment of pre school bipolar disorder. New-York, Guilford press.
- Martins, C., & Gaffan, E. (2002) Effects of early maternal depression on patterns of infant-mother attachment: A meta-analytic investigation. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 41(6), 737–746.
- Matthews, C. A., & Reus, V. I. (2001) Assortative mating in the affective disorders: A systematic review and meta-analysis. *Comprehensive Psychiatry*, 42, 257–262. doi: 10.1053/comp.2001.24575
- McMahon, C. A., Barnett, B., Kowalenko, N. M., & Tennant, C. C. (2006) Maternal attachment state of mind moderates the impact of postnatal depression on infant attachment. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 47(7), 660–669. doi: 10.1111/j.1469-7610.2005.01547.x
- Mezulis, A. H., Hyde, J. S., & Clark, R. (2004) Father involvement moderates the effect of maternal depression during a child's infancy on child behavior problems in kindergarten. *Journal of Family Psychology*, 28(4), 575–588. doi: 10.1037/0893-3200.18.4.575
- Monroe, S. M., & Hadjiyannakis, K. (2004) The social environment and depression: Focusing on severe life stress. In I. H. Gotlib & C. L. Hammen (Eds.). *Handbook of depression*. New York, Guilford Press, 340.
- Moore, G. A., Cohn, J. F., & Campbell, S. B. (2001) Infant affective response to mother's still-face at 6 months differentially predicts externalizing and internalizing behaviors at 18 months. *Developmental Psychology*, 37, 706–714. doi: 10.1037/0012-1649.37.5.706
- Murray, L., Sinclair, D., Cooper, P., Ducourneau, P., Turner, P., & Stein, A. (1999) The socioemotional development of 5-year-old children of postnatally depressed mothers. *Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines*. 40(8), 1259–1271. doi: 10.1111/1469-7610.00542
- Murray L. (1992) The impact of postnatal depression on infant development. *J of child psychology and psychiatry and allied disciplines*, 33(3), 543–561. doi: 10.1111/j.1469-7610.1992.tb00890.x
- O'Connor, T. G., Heron, J., Glover, V., & Team, T. A. S. (2002) Antenatal anxiety predicts child behavioral emotional problems independently of postnatal depression. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 41, 1470–1477. doi: 10.1097/00004583-200212000-00019
- O'Sullivan, C. (2004) The psychosocial determinants of depression: A lifespan perspective. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 192, 585–594. doi: 10.1097/01.nmd.0000138225.19549.dd
- Paulson, J. F., Dauber, S., & Leiferman, J. A. (2006) Individual and combined effects of postpartum depression in mothers and fathers on parenting behavior. *Pediatrics*, 118(2), 659–668. doi: 10.1542/peds.2005-2948
- Poehlmann, J., & Fiese, B. H. (2001) The interaction of maternal and infant vulnerabilities on developing attachment relationships. *Development and Psychopathology*, 13(1), 1–11. doi: 10.1017/S0954579401001018
- Porges, S. W. (2001) The polyvagal theory: Phylogenetic substrates of a social nervous system. *International Journal of Psychophysiology*, 42, 123–146. doi: 10.1016/S0167-8760(01)00162-3
- Porges, S. W. (2005) The role of social engagement in attachment and bonding: A phylogenetic perspective. In C. S. Carter, L. Ahnert, K. E. Grossman, S. B. Hrdy, & M. E. Lamb (Eds.) *Attachment and bonding: A new synthesis*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Rich-Edwards, J. Wf, Kleinman, K., Abrams, A., Harlow, B., McLaughlin, T. J., & Joffe, H., et al. (2006) Sociodemographic predictors of antenatal and postpartum depressive symptoms among women in a medical group practice. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 60, 221–227. doi: 10.1136/jech.2005.039370
- Rie, H. (1966) Depression in childhood. *J of the American academy of Child and adolescent psychiatry*, 5, 653–685. doi: 10.1016/S0002-7138(09)61960-9
- Robins, E., & Guze, S. (1970) Establishment of diagnostic validity. *American journal of psychiatry*, 126, 983–986. doi: 10.1176/ajp.126.7.983

Saarni, C. (1999) The development of social competence. New-York, Guilford press.

Shiuer, V. M., Izard, C. E., & Hembree, E. A. (1986) Patterns of emotion expression during separation in the strange situation procedure *Developmental psychology*, 22(3), 378–382.

Shonkoff, J., Phillips, D. From neurons to neighborhoods. Washington, National Academy press.

Spits, R.A., & Kobliner, U.G. (2006) The first year of life. Psychoanalytic study of normal and deviant development of object relations. Moscow, Akademicheskii Proekt, 362.

Wheeler, R. E., Davidson, R. J., Tomarken, A. J. (1993) Frontal brain asymmetry and emotional reactivity: A biological substrate of affective style. *Psychophysiology*, 30, 82–89. doi: 10.1111/j.1469-8986.1993.tb03207.x

References:

Abrams, S. M., Field, T., Scafidi, F., & Prodrmidis, M. (1995) Newborns of depressed mothers. *Infant Mental Health Journal*, 16, 233–239. doi: 10.1002/1097-0355(199523)16:3<233::AID-IMHJ2280160309>3.0.CO;2-1

Adamson, L. B., & Frick, J. E. (2003) The still face: A history of a shared experimental paradigm. *Infancy*, 4, 451–473. doi: 10.1207/S15327078IN0404_01

Anokhin, A. P., Heath, A. C., & Myers, E. (2006) Genetic and environmental influences on frontal EEG asymmetry: A twin study. *Biological Psychology*, 71, 289–295. doi: 10.1016/j.biopsycho.2005.06.004

Atkinson, L., Paglia, A., Coolbear, J., Niccols, A., Parker, K. C. H., & Guger, S. (2000) Attachment security: A meta-analysis of maternal mental health correlates. *Clinical Psychology Review*, 20, 1019–1040. doi: 10.1016/S0272-7358(99)00023-9

Austin, M.-P., Hadzi-Pavlovic, D., Leader, L., Saint, K., & Parker, G. (2005) Maternal trait anxiety, depression, and life event stress in pregnancy: Relationships with infant temperament. *Early Human Development*, 81(2), 183–190. doi: 10.1016/j.earlhumdev.2004.07.001

Bevilacqua, F., Palatta, S., Mirante, N., Cuttini, M., Seganti, G., & Dotta, A., et al. (2013) Birth of a child with congenital heart disease: emotional reactions of mothers and fathers according to time of diagnosis. *J Matern Fetal Neonatal Med*, 26(12), 1249. doi: 10.3109/14767058.2013.776536

Carlson, G., & Cantwell, D. (1980) Unmasking mask depression. *American journal of psychiatry*, 145, 1222–1225.

Carter, A., Briggs, & Gown M. (2004) Assessment of children's development and psychopathology. *J of child psychology and psychiatry*, 45, 109–134. doi: 10.1046/j.0021-9630.2003.00316.x

Carter, A. S., Briggs-Gowan, M. J. (2000). *The Infant-Toddler Social and Emotional Assessment (ITSEA)*. New Haven, CT, Yale University, Department of Psychology.

Cohn, J. F., & Tronick, E. Z. (1983) Three-month-old infants' reaction to simulated maternal depression. *Child development*, 54, 185–193. doi: 10.2307/1129876

Dawson, G., Grofer, Klinger, L., Panagiotides, H., Spieker, S., & Frey, K. (1992) Infants of mothers with depressive symptoms: Electroencephalographic and behavioral findings related to attachment status. *Development and Psychopathology*, 4, 67–80. doi: 10.1017/S0954579400005563

Dawson, G., Klinger, L., Hill, D., & Spieker, S. (1992) Frontal lobe activity and affective behavior of infants. *Child development*, 63, 725–737. doi: 10.2307/1131357

Dawson, G., Ashman, S. B., Hessl, D., Spieker, S., Frey, K., & Panagiotides, H., et al. (2001) Autonomic and brain electrical activity in securely- and insecurely-attached infants of depressed mothers. *Infant Behavior and Development*, 24, 135–149. doi: 10.1016/S0163-6383(01)00075-3

Dawson, G., Ashman, S. B., Panagiotides, H., Hessl, D., Self, J., & Yamada, E., et al. (2003) Preschool outcomes of children of depressed mothers: Role of maternal behavior, contextual risk, and children's brain activity. *Child Development*, 74, 1158–1175. doi: 10.1111/1467-8624.00599

Dawson, G., Frey, K., Panagiotides, H., Osterling, J., & Hessl, D. (1997) Infants of depressed mothers exhibit atypical frontal brain activity: A replication and extension of previous findings. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 38, 179–186. doi: 10.1111/j.1469-7610.1997.tb01852.x

Dawson, G., Grofer Klinger, L., Panagiotides, H., Hill, D., & Spieker, S. (1992) Frontal lobe activity and affective behavior in infants of mothers with depressive symptoms. *Child Development*, 63, 725–737. doi: 10.2307/1131357

Dawson, G., Hessl, D., & Frey, K. (1994) Social influences on early developing biological and behavioral systems related to risk for affective disorder. *Development and Psychopathology*, 6, 759–779. doi: 10.1017/S0954579400004776

Dawson, G., Panagiotides, H., Grofer Klinger, L., & Hill, D. (1992) The role of frontal lobe functioning in the development of infant self-regulatory behavior. *Brain and Cognition*, 20, 152–175. doi: 10.1016/0278-2626(92)90066-U

Demos, V. (1986) Crying in early infancy. *Affect and early infancy*, 39–73.

Downey, G., & Coyle, J. (1990) Children of depressed parents. *Psychological bulletin*, 108, 50–76. doi: 10.1037/0033-2909.108.1.50

Field, T.M., Sandberg, D., & Garcia, R. et al. (1985) Pregnancy problems, postpartum depression and early mother-infant interactions. *Developmental psychology*, 21, 1152–1156. doi: 10.1037/0012-1649.21.6.1152

Field, T. (2002) Prenatal effects of maternal depression. In S. H. Goodman & I. H. Gotlib (Eds.) *Children of depressed parents*. Washington, DC, American Psychological Association.

Field, T., Diego, M., Dieter, J., Hernandez-Reif, M., Schanberg, S., & Kuhn, C., et al. (2004) Prenatal depression effects on the fetus and the newborn. *Infant Behavior and Development*, 27(2), 216–229. doi: 10.1016/j.infbeh.2003.09.010

Field, T., Hernandez-Reif, M., & Diego, M. (2006) Intrusive and withdrawn depressed mothers and their infants. *Developmental Review*, 26(1), 15–30. doi: 10.1016/j.dr.2005.04.001

Field, T., Diego, M., & Hernandez-Reif, M. (2009) Depressed mothers' infants are less responsive to faces and voices. *Infant Behavior and Development*, 32(3), 239–244. doi: 10.1016/j.infbeh.2009.03.005

Francis, D. D., Diorio, J., Plotsky, P. M., & Meaney, M. J. (2002) Environmental enrichment reverses the effects of maternal separation on stress reactivity. *Journal of Neuroscience*, 22(18), 7840–7843.

Hossain, Z., & Pickens J. (1994) Infants of depressed mothers interact better with their non-depressed fathers. *Infant mental health J*, 15, 384–357. doi:

- 10.1002/1097-0355(199424)15:4<348::AID-IMHJ2280150404>3.0.CO;2-Y
- Izard, C., & Malatesta, C. (1987) Perspectives on emotional development. New-York, Wiley, 677.
- Jaffe, S., Moffit, T., Caspi, A., & Martin, J. (2002) Differences in early childhood risk factors. *Archives of general psychiatry*, 59, 215–222. doi: 10.1001/archpsyc.59.3.215
- Johanson, R., Chapman, G., Murray, D., Johnson, I., Cox, J. (2000) The North Staffordshire Maternity Hospital prospective study of pregnancy-associated depression. *Journal of Psychosomatic Obstetrics and Gynaecology*, 21, 93–97. doi: 10.3109/01674820009075614
- Kashani, J., Ray, J., & Carlson, G. (1984) Depression in preschool children, *American journal of psychiatry*, 141, 1397–1402.
- Kiseleva, M., & Zinchenko, Yu. (2016) The role of maternal depression symptoms in psychological functioning of infants with congenital heart disease subjected to heart surgery. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 233, 445–449. doi: 10.1016/j.sbspro.2016.10.182
- congenital heart disease. [*Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*], 5(4), 358–361.
- Koshanska, G., Gross, J., Lin, M., & Nicholas, K. (2002) Guilt in young children. *Child development*, 72, 461–482. doi: 10.1111/1467-8624.00418
- Luby, J., Stalets, M., Blankenship, S., & Pautch, J., McGrath (2008) Treatment of pre school bipolar disorder. New-York, Guilford press.
- Martins, C., & Gaffan, E. (2002) Effects of early maternal depression on patterns of infant-mother attachment: A meta-analytic investigation. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 41(6), 737–746.
- Matthews, C. A., & Reus, V. I. (2001) Assortative mating in the affective disorders: A systematic review and meta-analysis. *Comprehensive Psychiatry*, 42, 257–262. doi: 10.1053/comp.2001.24575
- McMahon, C. A., Barnett, B., Kowalenko, N. M., & Tennant, C. C. (2006) Maternal attachment state of mind moderates the impact of postnatal depression on infant attachment. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 47(7), 660–669. doi: 10.1111/j.1469-7610.2005.01547.x
- Mezulis, A. H., Hyde, J. S., & Clark, R. (2004) Father involvement moderates the effect of maternal depression during a child's infancy on child behavior problems in kindergarten. *Journal of Family Psychology*, 28(4), 575–588. doi: 10.1037/0893-3200.18.4.575
- Monroe, S. M., & Hadjijannakis, K. (2004) The social environment and depression: Focusing on severe life stress. In I. H. Gotlib & C. L. Hammen (Eds.). *Handbook of depression*. New York, Guilford Press, 340.
- Moore, G. A., Cohn, J. F., & Campbell, S. B. (2001) Infant affective response to mother's still-face at 6 months differentially predicts externalizing and internalizing behaviors at 18 months. *Developmental Psychology*, 37, 706–714. doi: 10.1037/0012-1649.37.5.706
- Murray, L., Sinclair, D., Cooper, P., Ducourneau, P., Turner, P., & Stein, A. (1999) The socioemotional development of 5-year-old children of postnatally depressed mothers. *Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines*. 40(8), 1259–1271. doi: 10.1111/1469-7610.00542
- Murray L. (1992) The impact of postnatal depression on infant development. *J of child psychology and psychiatry and allied disciplines*, 33(3), 543–561. doi: 10.1111/j.1469-7610.1992.tb00890.x
- O'Connor, T. G., Heron, J., Glover, V., & Team, T. A. S. (2002) Antenatal anxiety predicts child behavioral emotional problems independently of postnatal depression. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 41, 1470–1477. doi: 10.1097/00004583-200212000-00019
- O'Sullivan, C. (2004) The psychosocial determinants of depression: A lifespan perspective. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 192, 585–594. doi: 10.1097/01.nmd.0000138225.19549.dd
- Paulson, J. F., Dauber, S., & Leiferman, J. A. (2006) Individual and combined effects of postpartum depression in mothers and fathers on parenting behavior. *Pediatrics*, 118(2), 659–668. doi: 10.1542/peds.2005-2948
- Poehlmann, J., & Fiese, B. H. (2001) The interaction of maternal and infant vulnerabilities on developing attachment relationships. *Development and Psychopathology*, 13(1), 1–11. doi: 10.1017/S0954579401001018
- Porges, S. W. (2001) The polyvagal theory: Phylogenetic substrates of a social nervous system. *International Journal of Psychophysiology*, 42, 123–146. doi: 10.1016/S0167-8760(01)00162-3
- Porges, S. W. (2005) The role of social engagement in attachment and bonding: A phylogenetic perspective. In C. S. Carter, L. Ahnert, K. E. Grossman, S. B. Hrdy, & M. E. Lamb (Eds.). *Attachment and bonding: A new synthesis*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Rich-Edwards, J. W., Kleinman, K., Abrams, A., Harlow, B., McLaughlin, T. J., & Joffe, H., et al. (2006) Sociodemographic predictors of antenatal and postpartum depressive symptoms among women in a medical group practice. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 60, 221–227. doi: 10.1136/jech.2005.039370
- Rie, H. (1966) Depression in childhood. *J of the American academy of Child and adolescent psychiatry*, 5, 653–685. doi: 10.1016/S0002-7138(09)61960-9
- Robins, E., & Guze, S. (1970) Establishment of diagnostic validity. *American journal of psychiatry*, 126, 983–986. doi: 10.1176/ajp.126.7.983
- Saarni, C. (1999) The development of social competence. New-York, Guilford press.
- Shiuer, V. M., Izard, C. E., & Hembree, E. A. (1986) Patterns of emotion expression during separation in the strange situation procedure. *Developmental psychology*, 22(3), 378–382.
- Shoncoff, J., Phillips, D. From neurons to neighborhoods. Washington, National Academy press.
- Spitz, R. A. (1946) Anaclitic depression. *Psychoanalytic study of the child*, 2, 313–342.
- Spits, R.A., & Kobliner, U.G. (2006) The first year of life. Psychoanalytic study of normal and deviant development of object relations. Moscow, Akademicheskii Proekt, 362.
- Wheeler, R. E., Davidson, R. J., Tomarken, A. J. (1993) Frontal brain asymmetry and emotion-val reactivity: A biological substrate of affective style. *Psychophysiology*, 30, 82–89. doi: 10.1111/j.1469-8986.1993.tb03207.x

Личностные факторы принятия моральной ответственности в подростковом возрасте

С.В. Молчанов

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 4 октября 2017 / Принята к публикации: 30 октября 2017

Personal factors of moral responsibility in adolescence

Sergey V. Molchanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received October 4, 2017 / Accepted for publication: October 30, 2017

Актуальность (контекст) тематики статьи. Ответственность как мера свободы личности наступает лишь при условии свободы выбора и способности предвосхищать и учитывать последствия поступков. Поэтому личностные факторы играют ключевую роль в принятии моральной ответственности. Учеными были изучены личностные основания ответственности – автономия, самостоятельность, уверенность, локус контроля, мотивация достижения, уровень притязаний. Однако роль морального Я и моральной идентичности в детерминации ответственности исследована недостаточно.

Цель. Целью исследования стало изучение связи моральной идентичности личности и готовности к принятию моральной ответственности в подростковом возрасте. Исходя из общей гипотезы о существенной роли моральной идентичности в принятии и реализации моральной ответственности, были сформулированы две частные гипотезы, конкретизирующие роль ценности и моральной самооценки в принятии моральной ответственности.

Описание хода исследования. Было проведено эмпирическое исследование подростков в возрасте 13–17 лет. Испытуемыми стали учащиеся образовательных учреждений общего образования г. Москвы (всего 314 испытуемых). В исследовании поставлены задачи по изучению готовности к принятию моральной ответственности подростками в ситуации моральной дилеммы, связи морально-ценностной ориентации подростков и готовности к принятию моральной ответственности, связи самооценки моральных качеств и готовности подростков к принятию моральной ответственности. Были использованы методика оценки моральной ответственности в ситуации решения моральной дилеммы «Моральные ситуации из реальной жизни» (МОРС), модифицированный вариант методики М. Рокича для оценки ценностных ориентаций, методика структурированной моральной самооценки (А.И. Подольский, П. Хейманс, О.А. Карабанова).

Результаты исследования. Результаты выявили влияние отношений участников моральной дилеммы и характера последствий (нанесение ущерба или предоставление выгоды участнику дилеммы) на готовность подростков к принятию моральной ответственности, а также влияние морально-ценностной ориентации на принцип заботы и моральной самооценки. Выявлено, что самооценка таких моральных качеств как, ответственность, честность, отзывчивость, заботливость выше у подростков, обнаруживающих высокую готовность к принятию моральной ответственности в моральной дилемме.

Выводы. Доказано, что моральная идентичность как стремление сохранить высокую позитивную самооценку моральных качеств соответственно принятой системе ценностей составляет базис нормативной моральной саморегуляции личности.

Ключевые слова: ответственность, моральная идентичность, моральная дилемма, морально-ценностная ориентация, самооценка, подростковый возраст.

Background. Responsibility as a measure of individual freedom comes only under the condition of freedom of choice and the ability to anticipate and take into account the consequences of acts. Therefore, personal factors play a key role in taking moral responsibility. Scholars have studied the personal bases of responsibility that comprises autonomy, independence, confidence, the locus of control, the motivation to achieve a goal, the level of aspiration. However, the role of the moral self and moral identity in the determination of responsibility is not sufficiently studied.

Objective. The objective of the research is to study the relationship between the moral identity of the individual and the willingness to accept moral responsibility in adolescence. Proceeding from the general hypothesis about the essential role of moral identity in adopting and actualising themoral responsibility, two specific hypotheses are articulated, specifying the role of values and moral self-esteem in taking moral responsibility.

Design. An empirical study of adolescents aged 13–17 years was conducted. Subjects are students of educational institutions of general education in Moscow (a total of 314 subjects). The study poses the challenges of studying the readiness to accept moral responsibility by adolescents in the situation of a moral dilemma, the connection of the moral and value orientation of adolescents and the willingness to accept moral responsibility, the connection of self-esteem of moral qualities and the readiness of adolescents to accept moral responsibility.

The methodology for assessing moral responsibility in the situation of solving the moral dilemma «Moral Situations from Real Life» (MORS), a modified version of M. Rokich's method for evaluating value orientations, the method of structured moral self-esteem (A.I. Podolsky, P. Heymans, O.A. Karabanova) are used.

Conclusion. The results revealed the influence of the participants' moral dilemma and the nature of the consequences (damage or profit to the participant of the dilemma) on the adolescents' willingness to accept moral responsibility, as well as the role of moral value orientation in the principle of care and moral self-esteem. It was revealed that the self-esteem of such moral qualities as responsibility, honesty, responsiveness, caring is higher in adolescents, showing a high willingness to accept moral responsibility in a moral dilemma.

Moral identity is proved to be a desire to maintain a high positive self-esteem of moral qualities according to the accepted system of values develops the basis of the normative moral self-regulation of the individual.

Keywords: responsibility, moral identity, moral dilemma, moral-value orientation, self-esteem, adolescence.

Введение в проблему

О моральной ответственности личности можно говорить только при наличии определенных условий. Во-первых, активность человека и его способность повлиять на событие должна быть причиной события как следствия действий личности. Во-вторых, человек должен быть способен учитывать последствия своих действий/поступка, и, в-третьих, должна быть свобода выбора действий и их реализации как проявления автономия поведения человека (Йонас, 2004; Eshleman, 2009). Моральная ответственность возникает в ситуации моральной дилеммы, т.е. в ситуации свободного вы-

борные диспозиции (Аристотель, 1983). При этом, согласно Аристотелю, свобода проявляется в двух отношениях: в выборе между имеющимися альтернативами и в возможности саморазвития и самозменения личности таким образом, что сама личность трансформирует исходные диспозиции морального выбора. Томас Гоббс, представитель классического компатибилизма, пишет, что свободная воля человека – это свобода поступать в соответствии со своими волевыми и желаниями (Гоббс, 2001). Джон Стюарт Милль писал, что человек свободен, когда он становится хозяином своих привычек и искушений, в то время как несвободный человек подчиняется своим желани-

тегральной детерминантой человеческих действий. В работе «Свобода и негодование», британский философ П.Ф. Строссон, отстаивая положение о единстве свободы и детерминизма в моральной ответственности, писал о том, что чувства и действия людей как эмоциональные ответные реакции/установки в ответ на поступки других определяются их отношениями с ними. Моральная ответственность наступает лишь при условии адекватности ответных установок, определяется характером взаимоотношений с другими людьми.

Таким образом, признавая свободу воли личности в осуществлении выбора действий в ситуации моральной дилеммы, ключевым вопросом исследования моральной ответственности становится вопрос о личностных факторах принятия моральной ответственности (Беседин, 2015).

Э. Хиггинс выделяет три уровня условий, влияющих на решение моральных дилемм трех уровней. Первый уровень включает условия с необходимостью влияющие на решение дилемм: возможность принять позицию другого, взаимные отношения участников дилеммы, степень справедливости и гармонии общества. Эти условия определяют развитие понимания, морального рассуждения и принятия решений (Higgins, 1987, 2006). Вместе с тем, как утверждал Л. Кольберг; хотя эти универсальные условия обеспечивают функционирование морального сознания, но они не гарантируют следование моральной норме в поведении (Kohlberg, 1984, 1994). Условия второго уровня определяют специфические свойства ситуации, такие как роли, отношения и социальные обязательства, определяющие значение конкретных ситуаций и действия участников, причем, свойства ситуации могут быть как моральными, так и квази-моральными и не-моральными. Третий уровень условий – это индивидуально-личностные характеристики человека и его установки в отношении необходимых и специфических условий моральной ситуации.

В психологии морального развития получило признание положение о том, что два основных принципа – принцип справедливости, утверждающий идею социального договора о том, что морально то, что

Моральная ответственность возникает в ситуации моральной дилеммы, т.е. в ситуации свободного выбора, если же человек действует под влиянием внешних обстоятельств, то вопрос о его моральной ответственности приобретает дискуссионный характер

бора, если же человек действует под влиянием внешних обстоятельств, то вопрос о его моральной ответственности приобретает дискуссионный характер. В философии, где проблема ответственности рассматривается в контексте проблемы свободы и необходимости человека, можно выделить две основные позиции в ее решении. С точки зрения позиции детерминистской жесткой причинности, моральная ответственность человека отрицается, если событие наступает в силу того, что оно обусловлено физическими и природными законами и не может не произойти. Вторая позиция компатибилизма совмещает представление о причинности и детерминированности явлений с признанием моральной ответственности и свободной воли личности (Nichols, Knobe, 2007). Человек может осуществлять выбор между теми альтернативами, которые есть, опираясь на лич-

ям, даже если у него есть все основания не делать этого (Милль, 1993). Позиция Д.Ст. Милля перекликается с позицией И. Канта в положении о том, что разум есть носитель свободы, но он утверждает, превосходя современных философов, что свободный человек является тем, чьи внутренние желания не противоречат его разуму. И. Кант попытался преодолеть противоречие детерминизма и свободы для моральной ответственности, рассматривая человеческую природу в духе дуализма. В «Критике практического разума» Кант утверждал, что люди свободны, когда их действия управляются разумом и свободной волей.

Теория Канта требует, чтобы разум был независим от причинного порядка, чтобы человек был способен самостоятельно выбирать и действовать, и в то же время быть связанным с каузальным порядком таким образом, чтобы стать ин-

Сергей Владимирович Молчанов –

кандидат психологических наук,

доцент кафедры возрастной психологии факультета

психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: s-molch2001@mail.ru

Web: <http://www.psy.msu.ru/people/molchanov.html>

Для цитирования: Молчанов С.В. Личностные факторы принятия моральной ответственности в подростковом возрасте // Национальный психологический журнал. – 2017. – №4 (28). – С. 114–120. doi: 10.11621/npj.2017.0411

For citation: Molchanov S.V. (2017) Personal factors of moral responsibility in adolescence. National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskyy zhurnal], 4, 114–120. doi: 10.11621/npj.2017.0411

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2017
© Russian Psychological Society, 2017

составляет максимальное благо для максимального числа людей, и акцентирующий значение когнитивных процессов, и принцип заботы, основанный на эмпатии и сопереживании другому, определяют личностный выбор в моральной дилемме. Когнитивно-структуралистский подход (Ж. Пиаже, Л. Кольберг) исходит из принципа справедливости, определяющего развитие морального сознания (Молчанов, 2011; Пиаже, 2006; Helkama, 1981; Kohlberg, 1984). Эмпатийный подход (К. Гиллиган) утверждает принцип заботы, как ориентации на потребности, чувства и переживания другого человека (Кант, 1999; Пиаже, 2006; Eisenberg, 2000). Эти два подхода нередко противопоставляют друг другу, рассматривая как альтернативные, но все чаще отчетливо заявляет о себе противоположная позиция – сближения и даже интеграции двух указанных подходов. Понятие моральной идентичности как самооценки личности, опосредствованной системой принятых моральных ценностей, позволяет выявить в качестве основы такой интеграции морально-ценностную ориентацию. Моральная ответственность предполагает как необходимое условие объективную возможность выбора, в котором стремление соответствовать принятым ценностно-нормативным требованиям, предъявляемым личностью к себе, становится основой моральной саморегуляции. Моральная идентичность личности как выражение в поступке верности принятым ценностям обеспечивает высокую самооценку и готовность к принятию моральной ответственности как взятого обязательства отчитываться в своих действиях и их возможных последствиях.

Учеными были изучены личностные основания ответственности – автономия, самостоятельность, уверенность, локус контроля, мотивация достижения, уровень притязаний (Дементий, 2001; Молчанов и др., 2017; Муздыбаев, 2010; Eisenberg, 2000; Lapsley, Lasky, 2001). Однако роль морального Я и моральной идентичности в детерминации ответственности исследована недостаточно. Введение понятий моральное Я и идентичность в контекст исследований морального развития и функционирования необходимы. Во-первых, они позволяют понять, как именно моральное поведе-

ние личности связано с разумными и неосознаваемыми намерениями человека и, во-вторых, служат объяснением феномена разрыва между моральным суждением и моральным действием. Юность – период кризиса идентичности (Э. Эриксон) и одновременно переход с конвенционального на пост-конвенциональный уровень морального сознания (Л. Кольберг). По мнению Э. Хиггинс, это период интеграции личности и морали, определяющей идеологию и жизненные планы человека, основа перехода от детства ко взрослой жизни (Higgins, 1987, 2006). Множественность Я, характерная для этого возраста, находит выражение и во множественности Я-морального.

Моральная ответственность предполагает как необходимое условие объективную возможность выбора, в котором стремление соответствовать принятым ценностно-нормативным требованиям, предъявляемым личностью к себе, становится основой моральной саморегуляции

W. Damon полагает, что моральная идентичность представляет собой единство системы моральных ценностей и принципов, декларируемых личностью как свои убеждения, и стремление соответствовать этим ценностям в поступках (Damon, Gregory, 1997; Damon, Hart, 1992; Damon, 1984). Моральная идентичность определяет моральный выбор личности в ситуации моральной дилеммы. Факторами, определяющими развитие моральной идентичности, становятся обратная связь от окружающих, дающих оценку поведению ребенка, собственный опыт наблюдения за поведением других людей, рефлексия собственного опыта и оценка своих действий, влияние социокультурного окружения – школы, семьи, масс-медиа и религиозных институтов. Именно родителям принадлежит ведущая роль в формировании моральной идентичности как сплава системы представлений о себе и своих моральных принци-

Исходя из общей гипотезы о существенной роли моральной идентичности в принятии и реализации моральной ответственности, мы сформулировали две частные гипотезы, конкретизирующие роль ценностей и моральной самооценки в принятии моральной ответственности

пах (Aquino, Freeman, Reed, 2009; Aquino, Reed, 2002; Jordan, Mullen, Murnighan, 2011; Lapsley, Lasky, 2001; Mulder, 2013). Хотя в исследованиях С.Г. Якобсон было показа-

но, что уже в дошкольном возрасте самооценка становится значимым фактором следования моральной норме в ситуации моральной дилеммы (Якобсон, 1984).

Ход исследования

Целью нашего исследования стало изучение связи моральной идентичности личности и готовности к принятию моральной ответственности в подростковом возрасте. Этот возраст выбран нами потому, что развитие моральной идентичности, как представления человека о своих моральных качествах и характере, начинается именно в подростковом

возрасте, трансформируясь от определения «Я» в терминах умений и навыков, предпочтений и интересов в младшем школьном возрасте к осознанию своих морально-этических характеристик – честный, правдивый, ответственный и пр. в подростковом возрасте. Моральная идентичность понимается нами как самооценка личностью своих моральных качеств в контексте принятой ею системы ценностей. Иерархия моральных ценностей обуславливает готовность личности к принятию моральной ответственности, причем, ориентация на принцип заботы в отношениях между людьми составляет основу моральной ответственности. Исходя из общей гипотезы о существенной роли моральной идентичности в принятии и реализации моральной ответственности, мы сформулировали две частные гипотезы, конкретизирующие роль ценностей и моральной самооценки в принятии моральной ответственности.

Гипотеза 1. Ориентация на ценность заботы в отношениях с другими людьми более выражена у подростков, обнаруживающих высокую готовность к принятию

моральной ответственности в моральной дилемме.

Гипотеза 2. Самооценка моральных качеств выше у подростков, обнаруживающих высокую готовность к принятию моральной ответственности в моральной дилемме.

Для проверки выдвинутых гипотез было проведено эмпирическое исследование подростков в возрасте 13–17 лет, учащихся ОУ общего образования г. Москвы (всего 314 испытуемых). В исследовании были поставлены задачи:

- 1) изучение готовности к принятию моральной ответственности подростками в ситуации моральной дилеммы;
- 2) изучение связи морально-ценностной ориентации подростков и готовности к принятию моральной ответственности;
- 3) изучение связи самооценки моральных качеств и готовности подростков к принятию моральной ответственности.

В исследовании были использованы следующие методики: методика оценки моральной ответственности в ситуации решения моральной дилеммы «Моральные ситуации из реальной жизни» (МОРС), модифицированный вариант ме-

тодики М. Рокича для оценки ценностных ориентаций, методика структурированной моральной самооценки (А.И. Подольский, П. Хейманс, О.А. Карабанова). Методика МОРС была специально разработана для выявления готовности принятия ответственности в ситуации моральной дилеммы. Испытуемому предлагалось дать оценку действиям героя в 8 ситуациях, содержащих моральную дилемму, в соответствии с тремя вопросами: 1. Как Вы оцениваете поведение героя, нарушившего моральную норму? 2. В какой степени, по Вашему мнению, герой должен нести ответственность за происходящее? 3. Чего, по Вашему мнению, заслуживает герой (наказания или поощрения)?

Методика структурированной моральной самооценки была нацелена на выявление уровня самооценки подростком 20 моральных качеств, включая «Я-реальное», «Я-зеркальное» (глазами родителей, друзей и учителей) и «Я-идеальное».

Результаты исследования

Кластерный анализ результатов выполнения методики МОРС позволил вы-

делить две группы подростков: группу с высоким уровнем готовности принятия моральной ответственности и группу с низким уровнем (см. табл. 1).

Для обеих групп выявлена разная степень чувствительности к принятию моральной ответственности в зависимости от того, кто является участником моральной дилеммы, в отношении которого была нарушена моральная норма, и от того, кто получал выгоду от нарушения моральной нормы. Высокая готовность к признанию моральной ответственности была зафиксирована в условиях близкой межличностной дистанции, когда действия героя дилеммы приводят к нанесению ущерба близкому сверстнику либо сверстнику и близкому взрослому (ситуация 3, 8; выделено курсивом). И, напротив, низкая моральная ответственность имела место в случаях, когда при нарушении моральной нормы действия героя обеспечивали выгоду или иные привилегии и преимущества близкому сверстнику (ситуация 5, выделено курсивом). Низкая готовность к признанию моральной ответственности была также выявлена при нарушении моральной нормы в отношении незнакомого взро-

Табл. 1. Распределение подростков по группам, различающихся готовностью принятия моральной ответственности

№	Моральная дилемма	Высокая готовность к принятию моральной ответственности	Низкая готовность к принятию моральной ответственности
1	Нарушение нормы, ущерб для незнакомого взрослого	2.29	1.49
2	Нарушение нормы, ущерб для незнакомого взрослого	2.47	1.37
3	<i>Нарушение нормы, ущерб для близкого сверстника, выгода для себя</i>	2.87	2.66
4	Риск ущерба для близкого сверстника, выгода для себя	2.37	1.85
5	<i>Конфликт норм, выгода для близкого сверстника</i>	1.89	1.40
6	Конфликт норм, выгода для себя, ущерб для сверстника	2.67	1.91
7	Нарушение нормы, ущерб для сверстника, выгода для себя	2.80	2.51
8	<i>Конфликт норм, выгода для близкого сверстника, ущерб для близкого взрослого</i>	2.56	2.18
Распределение по кластерам		150	164

Table 1. Adolescents grouped by diverse degree of willingness to accept moral responsibility

№	Moral Dilemma	High willingness to accept moral responsibility	Low willingness to accept moral responsibility
1	Violation of the norm, damage to an unfamiliar adult	2.29	1.49
2	Violation of the norm, damage to an unfamiliar adult	2.47	1.37
3	<i>Violation of the norm, damage to a close peer, personal benefit</i>	2.87	2.66
4	Violation of the norm, damage to a close peer, personal benefit	2.37	1.85
5	<i>Conflict of norms, benefits for a close peer</i>	1.89	1.40
6	Conflict of norms, personal benefits, damage to peers	2.67	1.91
7	Violation of the norm, damage to peers, personal benefit	2.80	2.51
8	<i>Violation of the norm, damage to a close peer, personal benefit</i>	2.56	2.18
Distribution by Cluster		150	164

слово. Эти результаты согласуются с фактами сензитивности личности к содержанию моральной дилеммы (Муздыбаев, 2010; Colby et. al., 1987; Nichols, Knobe, 2007). Были получены статистически значимые различия в готовности признать моральную ответственность между выделенными кластерами в ситуации нарушения нормы в отношении незнакомого взрослого (ситуации 1, 2) и нанесения ущерба сверстнику при получении личной выгоды героем (ситуации 4, 6, 7) (по критерию Манна-Уитни).

Сравнительный анализ ценностно-моральной ориентации подростков из групп с разным уровнем готовности к принятию моральной ответственности позволил выявить ряд различий (критерий Манна-Уитни). Так, для подростков с низкой степенью готовности к признанию моральной ответственности оказались более значимыми терминальная ценность равноправия ($p=0.014$), инструментальных ценностей общительности ($p=0.026$), умения быть лидером ($p=0.009$). Для подростков с высокой степенью готовности к признанию моральной ответственности более значимы инструментальные ценности искренности ($p=0.012$), добросовестности ($p=0.034$), эмпатийности ($p=0.026$). Иначе говоря, для этой группы более значимы инструментальные ценности общения, сотрудничества, взаимопонимания с партнером, а для группы с низкой готовностью к принятию ответственности инструментальные ценности, позволяющие приобрести социальное признание: высокий статус в группе сверстников и признание взрослых. Эти предпочтения нашли выражение в явной ориентации подростков из группы с низкой готовностью принятия моральной ответственности на ценности справедливости, а подростков из группы с высокой готовностью к принятию моральной ответственности – на ценности заботы (критерий Манна-Уитни, $p=0.04$).

С целью проверки гипотезы о том, что самооценка моральных качеств выше у подростков, обнаруживающих высокую готовность к принятию моральной ответственности в моральной дилемме, мы провели сравнительный анализ уровня самооценки для Я-реального, Я-зеркального и Я-идеального (см. табл. 2).

Для подростков, отнесенных нами к группе с высокой готовностью к принятию моральной ответственности, выявлена более высокая самооценка по

хранить ее позитивное значение оказались существенным фактором, определяющим готовность подростка к принятию моральной ответственности.

Взаимные отношения участников дилеммы и способность к децентрации на основе принятия позиции участника моральной дилеммы составляют психологическую основу проявления заботы о партнере и принятия моральной ответственности как обязательства следовать принятым нормам и ценностям

таким моральным качествам, как ответственность, честность, отзывчивость, за-

Вместе с тем, было показано, что специфические свойства ситуации, такие,

Табл. 2. Значимость различий самооценки моральных качеств у подростков с высокой и низкой готовностью к принятию моральной ответственности (критерий Манна-Уитни).

Моральное свойство	Я-реальное	Я-зеркальное «глазами родителей»	Я-зеркальное «глазами друга»	Я-зеркальное «глазами учителей»	Я-идеальное
Смелый	$p=0.048$				
Честный	$p=0.036$	$p=0.045$	$p=0.025$		
Ответственный	$p=0.016$	$p=0.028$	$p=0.038$	$p=0.007$	
Трудолюбивый		$p=0.027$			
Заботливый			$P=0.003$		
Ленивый					$p=0.045$
Старательный					$p=0.016$

Table 2. Differences in the self-esteem of moral qualities in adolescents with a high and low willingness to accept moral responsibility (the Mann-Whitney test)

Moral Quality	Real Self	Mirror Self by My Parents Eyes	Mirror Self by My Friend's Eyes	Mirror Self by My Teachers' Eyes	Ideal Self
Courageous	$p=0.048$				
Honest	$p=0.036$	$p=0.045$	$p=0.025$		
Responsible	$p=0.016$	$p=0.028$	$p=0.038$	$p=0.007$	
Industrious		$p=0.027$			
Caring			$P=0.003$		
Lazy					$p=0.045$
Diligent					$p=0.016$

ботливость. Обратим внимание на то, что выше всего респонденты оценивают себя именно по качеству ответственность, полагая, что столь же высокий уровень ответственности признает и их социальное окружение: родители, учителя и друзья.

Обсуждение результатов

В нашем исследовании мы получили подтверждение значимости морально-ценностной ориентации подростка для принятия моральной ответственности. Моральная самооценка и стремление со-

как роли, отношения и социальные обязательства в отношении сверстников и взрослых, дистанция межличностного взаимодействия, определяющие значение конкретных ситуаций и действия участников, оказывают значительное влияние на моральный выбор и суждения подростков об ответственности. Взаимные отношения участников дилеммы и способность к децентрации на основе принятия позиции участника моральной дилеммы составляют психологическую основу проявления заботы о партнере и принятия моральной ответственности как обязательства следовать принятым нормам и ценностям.

Выводы

1. Характер отношений и межличностная дистанция взаимодействия участников моральной дилеммы, а также характер последствий (нанесение ущерба или предоставление выгоды участнику дилеммы) являются значимыми факторами, определяющими готовность подростков к принятию ответственности.
2. Морально-ценностная ориентация определяет готовность подростков к

принятию моральной ответственности в моральной дилемме. Ориентация на принцип заботы обуславливает более высокую готовность.

3. Моральная идентичность составляет важное звено в нормативной моральной саморегуляции личности, находя выражение в стремлении сохранить высокую позитивную самооценку моральных качеств и готовности к принятию ответственности за поступок и его последствия.

4. Самооценка таких моральных качеств, как ответственность, честность, отзывчивость, заботливость выше у подростков, обнаруживающих высокую готовность к принятию моральной ответственности в моральной дилемме.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 16-36-01113.

Литература:

- Аристотель Большая этика // Аристотель Сочинения в 4 тт. Т. 4. – Москва : Мысль. – 1983. – С. 295–374.
- Беседин А.П. Натуралистический аргумент П. Стросона в пользу моральной ответственности // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2015. – № 6. – С. 8–16.
- Гоббс Т. Левиафан. – Москва : Мысль. – 2001.
- Дементий Л.И. Ответственность: типология и личностные основания. – Омск : Изд-во Омск, ун-та, 2001. – 192 с.
- Йонас Г. Принцип ответственности: опыт этики для технологической цивилизации. – Москва : Айрис-Пресс, 2004. – 480 с.
- Кант И. Критика чистого разума. – Москва : Наука, 1999. – 655 с.
- Милль Дж. О свободе // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10–15; № 12. – С. 21–26.
- Молчанов С.В. Мораль справедливости и мораль заботы: зарубежные и отечественные подходы к моральному развитию // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – Т. 14. – № 2. – С. 59–72.
- Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н., Запуниди А.А. Личностная автономия как фактор развития ответственности подростков // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 1(25). – С. 84–90. doi: 10.11621/npj.2017.01110
- Муздыбаев К. Психология ответственности. – Москва : URSS, 2010. – 248 с.
- Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка. – Москва : Академический проект, 2006. – 480 с.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. – Москва : Прогресс. – 2001. – 352 с.
- Якобсон С.Г. Психологические проблемы этического развития детей. – Москва : Педагогика, 1984. – 144 с.
- Aquino K., Freeman D., Reed I. I., Americus Lim, V. K. G., & Felps W. (2009) Testing a social-cognitive model of moral behavior: the interactive influence of situations and moral identity centrality. *J. Pers. Soc. Psychol.* 97, 123–141. doi: 10.1037/a0015406
- Aquino K., & Reed A. (2002) The self-importance of moral identity. *J. Pers. Soc. Psychol.* 83, 1423–1440. doi: 10.1037/0022-3514.83.6.1423
- Colby, A., Kohlberg, L., Speicher, B., Hewer, A., Candee, D., Gibbs, J., & Power, C. (1987) *The Measurement of Moral Judgment. Theoretical Foundation and Research Validation. Vol. 1.* NY, Cambridge University Press, 397.
- Damon, W., & Gregory, A. (1997) The youth charter: Towards the formation of adolescent moral identity. *J. of Moral education*, 26(2), 117–131. doi: 10.1080/0305724970260201
- Damon, W., & Hart, D. (1992) Self-understanding and its role in social and moral development, in *Developmental Psychology: An Advanced Textbook*, 3rd Edn., eds Bornstein M. H., Lamb M. E., editors. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 421–464.
- Damon, V. (1984) Self-understanding and moral development from childhood and adolescence. In W.M. Curtines W. & J.L. Gergitz (eds.) *Morality, moral behavior and moral development*. N-Y., John Willey, 109–127.
- Eisenberg, N. (2000) Emotion, regulation, and moral development. *Ann. Rev. Psychol.* 51, 665–697. doi: 10.1146/annurev.psych.51.1.665
- Eshleman, A. (2009) Moral Responsibility *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford: Stanford University Press. Retrieved from: <https://plato.stanford.edu/archives/win2009/entries/moral-responsibility/>
- Gilligan, C. (1977) In a different voice: Women's conceptions of self and morality. *Harvard Educational Review*, 47, 1–26. doi: 10.17763/haer.47.4.g6167429416hg510
- Helkama, K. (1981) *Toward a cognitive developmental theory of attribution of responsibility*. Helsinki, 203.
- Higgins, E. T. (1987) Self-discrepancy: a theory relating self and affect. *Psychol. Rev.* 94, 319–340. doi:10.1037/0033-295X.94.3.319
- Higgins E. T. (2006) Moral Functioning, moral identity, and moral self-concepts. *Symposium on Personality and Moral Character*. October 12–14, 2006.
- Jordan, J., Mullen, E., & Murnighan, J. K. (2011) Striving for the moral self: the effects of recalling past moral actions on future moral behavior. *Personal. Soc. Psychol. Bull.* 37, 701–713. doi:10.1177/0146167211400208
- Kohlberg, L. (1984) *Essays on moral development. Vol. 2.* In Kohlberg L. (eds.) *The psychology of moral development*. San-Francisco, Harper & Row, 580.
- Kohlberg, L. (1994) Stage and sequence: the cognitive-developmental approach to socialization. *Defining Perspectives in Moral Development*, ed. Puka B. New York, NY, Garland Publishing, 1–134.
- Lapsley, D. K., & Lasky, B. (2001) Prototypic moral character. *Identity. J. Theory Res.* 1, 345–363. doi:10.1207/S1532706XID0104_03

- Mulder, L. B., & Aquino, K. (2013) The role of moral identity in the aftermath of dishonesty. *Organ. Behav. Hum. Decis. Process.* 121, 219–230. doi: 0.1016/j.obhdp.2013.03.005
- Shaun Nichols, & Joshua Knobe (2007) Moral Responsibility and Determinism: The Cognitive Science of Folk Intuitions. *Noûs*, 41(4), 663–685. DOI:10.1111/j.1468-0068.2007.00666.
- Wark, G., & Krebs, D.L. (1996) Gender and dilemma differences in real-life moral judgment. *Developmental Psychology*, 32, 220–230. doi: 10.1037/0012-1649.32.2.220

References:

- Aristotle (1983) Great ethics. [*Aristotle Sochineniya v 4 tomakh*]. Vol. 4. Moscow, Mysl', 295–374.
- Aquino K., Freeman D., Reed I. I., Americus Lim, V. K. G., & Felps W. (2009) Testing a social-cognitive model of moral behavior: the interactive influence of situations and moral identity centrality. *J. Pers. Soc. Psychol.* 97, 123–141. doi: 10.1037/a0015406
- Aquino K., & Reed A. (2002) The self-importance of moral identity. *J. Pers. Soc. Psychol.* 83, 1423–1440. doi: 10.1037/0022-3514.83.6.1423
- Besedin, A.P. (2015) The naturalistic argument of P. Strawson in favor of moral responsibility. [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 7. Philosophy, 6, 8–16.
- Colby, A., Kohlberg, L., Speicher, B., Hewer, A., Candee, D., Gibbs, J., & Power, C. (1987) The Measurement of Moral Judgment. Theoretical Foundation and Research Validation. Vol. 1. NY, Cambridge University Press, 397.
- Damon, W., & Gregory, A. (1997) The youth charter: Towards the formation of adolescent moral identity. *J. of Moral education*, 26(2), 117–131. doi: 10.1080/0305724970260201
- Damon, W., & Hart, D. (1992) Self-understanding and its role in social and moral development, in *Developmental Psychology: An Advanced Textbook*, 3rd Edn., eds Bornstein M. H., Lamb M. E., editors. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 421–464.
- Damon, V. (1984) Self-understanding and moral development from childhood and adolescence. In W.M. Curtines W. & J.L. Gergitz (eds.) *Morality, moral behavior and moral development*. N-Y., John Willey, 109–127.
- Dementy, L.I. (2001) Responsibility: typology and personal grounds. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo universiteta, 192.
- Eisenberg, N. (2000) Emotion, regulation, and moral development. *Ann. Rev. Psychol.* 51, 665–697. doi: 10.1146/annurev.psych.51.1.665
- Erickson, E. (2001) Identity: youth and crisis. Moscow, Progress, 352.
- Eshleman, A. (2009) Moral Responsibility *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford: Stanford University Press. Retrieved from: <https://plato.stanford.edu/archives/win2009/entries/moral-responsibility/>
- Gilligan, C. (1977) In a different voice: Women's conceptions of self and morality. *Harvard Educational Review*, 47, 1–26. doi: 10.17763/haer.47.4.g6167429416hg5l0
- Helkama, K. (1981) Toward a cognitive developmental theory of attribution of responsibility. Helsinki, 203.
- Higgins, E. T. (1987) Self-discrepancy: a theory relating self and affect. *Psychol. Rev.* 94, 319–340. doi:10.1037/0033-295X.94.3.319
- Higgins E. T. (2006) Moral Functioning, moral identity, and moral self-concepts. *Symposium on Personality and Moral Character*. October 12–14, 2006.
- Hobbes, T. (2001) Leviathan. Moscow, Mysl'.
- Jonas, G. (2004) The principle of responsibility: the experience of ethics for technological civilization. Moscow, Iris Press, 480.
- Jordan, J., Mullen, E., & Murnighan, J. K. (2011) Striving for the moral self: the effects of recalling past moral actions on future moral behavior. *Personal. Soc. Psychol. Bull.* 37, 701–713. doi:10.1177/0146167211400208
- Kant, I. (1999) Critique of Pure Reason. Moscow, Nauka, 655.
- Mill, J. (1993) On freedom. [*Nauka I Zhizn'*]. 11 (10–15); 12(21–26).
- Molchanov, S.V. (2011) Morality of justice and morality of care: foreign and domestic approaches to moral development [*Vestnik Moskovskogo universiteta*]. Series 14. Psychology, 14(2), 59–72.
- Molchanov, S.V., Almazova, O.V., Poskrebysheva, N.N., & Zapunidi, A.A. (2017) Personal autonomy as a factor in the development of responsibility for adolescents. *National Psychological Journal*, 1, 84–90. doi: 10.11621 / npj.2017.0110
- Muzdybaev, K. (2010) Psychology of responsibility. Moscow: URSS, 248.
- Kohlberg, L. (1984) Essays on moral development. Vol. 2. In Kohlberg L. (eds.) The psychology of moral development. San-Francisco, Harper & Row, 580.
- Kohlberg, L. (1994) Stage and sequence: the cognitive-developmental approach to socialization. *Defining Perspectives in Moral Development*, ed. Puka B. New York, NY, Garland Publishing, 1–134.
- Lapsley, D. K., & Lasky, B. (2001) Prototypic moral character. *Identity. J. Theory Res.* 1, 345–363. doi:10.1207/S1532706XID0104_03
- Mulder, L. B., & Aquino, K. (2013) The role of moral identity in the aftermath of dishonesty. *Organ. Behav. Hum. Decis. Process.* 121, 219–230. doi: 0.1016/j.obhdp.2013.03.005
- Piaget, G. (2006) Moral judgment of the child. Moscow, Academicheskiiy Proekt, 480.
- Shaun Nichols, & Joshua Knobe (2007) Moral Responsibility and Determinism: The Cognitive Science of Folk Intuitions. *Noûs*, 41(4), 663–685. DOI:10.1111/j.1468-0068.2007.00666.
- Wark, G., & Krebs, D.L. (1996) Gender and dilemma differences in real-life moral judgment. *Developmental Psychology*, 32, 220–230. doi: 10.1037/0012-1649.32.2.220
- Yakobson, S.G. (1984) Psychological issues of the ethical development of children. Moscow, Pedagogika, 144.

Групповая сплоченность в спортивных командах разного профессионального уровня

В.М. Девишвили

МГУ имени М.В. Ломоносова Москва, Россия

М.О. Мдивани

Психологический институт Российской академии образования Москва, Россия

Д.С. Елгина

МГУ имени М.В. Ломоносова Москва, Россия

Поступила 16 июля 2017/ Принята к публикации: 23 августа 2017

Group cohesion in sports teams of different professional level

Vazha M. Devishvili

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Marina O. Mdivani*

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Daria S. Elgina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: mmdivani@me.com

Received July 16, 2017 / Accepted for publication: August 23, 2017

Актуальность (контекст) тематики статьи. Командные виды спорта являются не только самыми зрелищными спортивными событиями, но и сложной деятельностью, предъявляющей к игрокам серьезные требования. Эффективность команды зависит как от высокого уровня игрового взаимодействия, так и от отношений, складывающихся между игроками. Работа выполнена на материале спортивных команд и посвящена исследованию феномена групповой сплоченности.

Цель. Основной целью работы является исследование связи между уровнем сплоченности команды и субъективными переживаниями единства ее игроками. В качестве дополнительных переменных в исследовании присутствует вид спорта (футбол и волейбол) и уровень команды (любительская и профессиональная). В качестве базовой модели авторы выбирают 4-х факторную модель, описывающую сплоченность в спортивных командах. В работе также рассмотрен феномен возникновения совокупного субъекта в процессе совместной деятельности, когда участники ощущают себя единым целым и испытывают чувства удовлетворения и прилива энергии.

Описание хода исследования. В исследовании были использованы две методики (Опросник сплоченности спортивной команды и Индекс субъектного единства), которые позволяют не только определить общий уровень сплоченности и единства, но и выявить структуру того и другого феномена. В исследовании приняли участие две мужские волейбольные и две мужские футбольные команды разных возрастов: 8–9 лет (39 спортсменов); 12–14 лет (24 спортсмена) и 18–25 лет (41 спортсмен).

Результаты исследования. Для любительских коллективов, представленных детскими и подростковыми спортивными командами, получены значимые корреляции между сплоченностью и единством ($r=0.618, p<0.01$; $r=0.477, p<0.05$). Для профессиональных команд значимых корреляций не обнаружено. Влияние вида спорта на сплоченность также различно для любительских и профессиональных команд. В первом случае сплоченность выше у футболистов ($U=118, p<0.05$), а во втором случае – у волейболистов ($U=124, p<0.05$).

Выводы. Полученные данные свидетельствуют, что профессиональный уровень игроков влияет на групповую сплоченность и феномены группового единства. Авторы объясняют это тем, что для профессионалов главным мотивом деятельности является получение вознаграждения за игру, а для любителей – удовольствие от совместных действий.

Ключевые слова: сплоченность группы, структура сплоченности спортивной команды, субъект-субъектное взаимодействие, уровень субъектного единства, любительские и профессиональные команды, вид спорта, спортивная психология.

Background. Team sports are not only the most exciting sporting events, but also complex activities that make serious demands on players. The effectiveness of the team depends not only on the high level of gaming interaction, but also on the relationship between the players.

The work is based on the material of sports teams and is devoted to the study of the phenomenon of group cohesion. As a basic model, the authors choose a 4-factor model that describes cohesion in sports teams. The paper also considered the phenomenon of the emergence of the aggregate subject in the process of joint activity, when the participants feel themselves as a whole and experience feelings of satisfaction and a surge of energy.

Objective. The main objective of the work is to investigate the relationship between the level of team cohesion and subjective feelings of unity of its players. As additional variables in the study there is a sport (football and volleyball) and team level (amateur and professional).

To test the assumptions. two methods were used (the Sport Team Cohesion Questionnaire and the Subject Unity Index), which allow not only to determine the overall level of cohesion and unity, but also to reveal the structure of both phenomena. The study involved two men's volleyball and two men's football teams of different ages: 8-9 years (39 athletes); 12-14 years (24 athletes) and 18-25 years (41 athletes).

Design. For amateur groups represented by children's and teenage sports teams, significant correlations between unity and unity were obtained ($r = 0.618, p < 0.01$; $r = 0.477, p < 0.05$). For professional teams, no significant correlations were found. Influence of the sport on cohesion is also different for amateur and professional teams. In the first case, the cohesion is higher for football players ($U = 118, p < 0.05$), and in the second case for volleyball players ($U = 124, p < 0.05$).

Results. The findings indicate that the professional level of players affects group cohesion and the phenomenon of group unity. The authors explain this by the fact that for professionals the main motive of the activity is to receive a reward for the game, and for the amateurs - the pleasure from joint actions.

Keywords: cohesion of the group, cohesion of the sports team, subject-subject interaction, level of subjective unity, amateur and professional teams, kind of sport.

Спорт предъявляет жесткие требования к эффективности индивида, как в индивидуальной, так и в групповой деятельности. В групповых видах спорта ключевое значение для результативности приобретает феномен сплоченности команды, который понимается как сила, которая удерживает и побуждает членов группы или команды оставаться вместе (Filho et al, 2014). Многообразие подходов к изучению сплоченности свидетельствует о том, что она представляет собой сложный социально-психологический феномен.

которое выявляется на основе межличностного сравнения (Festinger, 1954). В теории социальной идентичности считается, что сплоченность обусловлена осознанием каждого члена команды своей принадлежности к группе (Turner, Giles, 1981). В теории самокатегоризации сплоченность зависит от того, насколько воспринимаемое индивидами различие между своей и чужими группами превосходит различие внутри группы (Немов, 2003; Тернер, 2003). Существует точка зрения на сплоченность как на результат символической активности

ным условием сплоченности (Сидоренков, 2005).

А.В. Петровский разработал стратометрическую концепцию групповой активности, согласно которой структура малой группы состоит из трех страт, которые выступают также в качестве трех уровней развития группы. Первоначально сплоченность группы основывается на эмоциональных контактах членов группы друг с другом. В дальнейшем совместный процесс деятельности приводит к более тесному сплочению и совпадению системы ценностей. На третьем уровне группа достигает той степени интеграции, при которой члены группы осознанно разделяют общие цели групповой деятельности (Петровский, 1982).

В зарубежной психологии стало традицией рассматривать сплоченность как многомерный конструкт (Benson et al, 2016). Так, в середине 1980-х гг. В. Видмеер, Л. Брэули и А. Кэррон предложили многомерную модель сплоченности спортивной команды, которая привлекла к себе повышенный интерес и стала подвергаться проверке применительно к иным типам групп (Carron, Brawley, 2000).

Они выделяют два измерения сплоченности: индивидуальный уровень и уровень групповой интеграции. Первый индивидуальный уровень представлен двумя аспектами: эмоциональным и когнитивно-деятельностным. В первом аспекте речь идет об удовлетворенности индивида общением с членами группы, их привлекательностью и персональными отношениями. Второй аспект свидетельствует об удовлетворенности действиями команды, ее результативностью и выгодой, которую получает индивид от участия в совместных действиях.

Второй уровень измерения сплоченности – это собственно групповая интеграция, когда группа действует как единое целое и индивид ощущает себя неотъемлемой ее частью. На этом уровне В. Видмеер, Л. Брэули и А. Кэрролл также выделяют два аспекта: социальный и деятельностный. В первом случае речь идет о единстве группы в общении, то есть, когда члены группы чувствуют себя единым целым и стремятся оставаться вместе, не разрывая возникшие связи. Второй аспект касается деятельност-

Существует точка зрения на сплоченность как на результат символической активности взаимодействующих индивидов. Именно создание единого символического пространства в группе является главным условием сплоченности

Так, в теории социального сравнения предполагается, что сплоченность группы зависит от сходства ее членов,

взаимодействующих индивидов. Именно создание единого символического пространства в группе является глав-

Важа Михайлович Девишвили – кандидат биологических наук, доцент кафедры психофизиологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vmdev@mail.ru
Web: <https://istina.msu.ru/profile/DEVISHVILI/>

Марина Отаровна Мдивани – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института Российской академии образования
E-mail: mmdivani@me.com
Web: <http://www.pirao.ru/workers/mdivani-marina-otarovna/>

Дарья Сергеевна Елгина – выпускница факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: washington.capitals@mail.ru

ного единства, когда группа действует как один организм, и ее члены стремятся вкладывать максимум усилий для достижения результата.

На основе 4-х факторной модели был разработан опросник групповой среды (Group Environment Questionnaire, GEQ) (Widmeyer, Brawley, Carron, 1985), который содержит четыре шкалы, репрезентирующие данные факторы.

Многие исследователи, выделяя как социальную, так и деятельностную составляющую сплоченности, считают, что основное чувство, которое удерживает людей вместе, это – аттракция, то есть взаимная привлекательность в процессе взаимодействия (Folkes, 1982). Социально-психологическое взаимодействие – это сложный процесс, где участвуют как минимум две стороны или два субъекта взаимодействия. В исследованиях взаимодействий рассматривают два его типа: субъект-объектный и субъект-субъектный. Субъект-объектный тип взаимодействия – это когда участник или участники используют других участников в качестве объектов, без учета их личностных качеств. В случае субъект-субъектных взаимодействий личностные особенности всех участников процесса учитываются или проявляются в совместной деятельности. Очевидно, что именно субъект-субъектный тип взаимодействия должен приводить к групповой сплоченности команды.

Взаимодействию субъектов посвящено немало исследований, как в нашей стране, так и за рубежом (Брушлинский, 2003; Bosselut et al, 2012; Bruner & Spink, 2010; Dunn & Holt, 2004). Однако, применительно к данному исследованию, наиболее интересным является изучение коллективного субъекта или полисубъекта деятельности.

Феномен полисубъекта представляет собой совместную активную деятельность, в результате которой субъектность каждого изменяется, способствуя личностному развитию. Были выделены такие характеристики совокупного субъекта, как отраженная субъектность (Петровский, 1998) и общее семантическое поле (Петренко, 1997). Были описаны стадии формирования полисубъекта (Вачков, 2002) и выделен особый тип экопсихологических взаимодействий

с социальной средой, который его порождает (Панов, 2013).

Для изучения полисубъекта в рамках эмпирического исследования была разработана методика, основанная на описании субъективных феноменов, которые переживают члены группы в процессе совместной деятельности. Методика была названа «Индекс субъектного единства». Исследование, проведенное на военных курсах, показало высокий уровень взаимосвязи между индексом субъектного единства и уровнем групповой сплоченности (Мдивани, Марков, 2015).

Многие исследователи, выделяя как социальную, так и деятельностную составляющую сплоченности, считают, что основное чувство, которое удерживает людей вместе, это – аттракция, то есть взаимная привлекательность в процессе взаимодействия

Целью данной работы – понять, существует ли взаимосвязь между сплоченностью группы и уровнем субъектного единства в спортивных командах разного профессионального уровня.

Методы исследования

В исследовании приняли участие мужские команды по футболу и волейболу разных возрастов и разного профессионального уровня: 8–9 лет (39 спортсменов); 12–14 лет (24 спортсмена) и 18–25 лет (41 спортсмен). Испытуемые заполняли русский вариант опросника групповой сплоченности (Group Environment Questionnaire) (Мдивани, Девишвили, Корнеев, 2013; Eys et al, 2009) и опросник «Индекс субъектного единства» (Мдивани, 2015).

Опросник групповой сплоченности состоит из 18 утверждений. Респондентам предлагалось оценить согласие с каждым из них по девятибалльной шкале от 1 (абсолютно не согласен) до 9 (абсолютно согласен). Результаты подсчитывались в среднем по всем утверждениям и отдельно – по четырем шкалам: «индивидуальная привлекательность отношений», «индивидуальная привлекательность деятельности», «групповое единство в общении» и «групповое единство в деятельности».

Опросник «Индекс субъектного единства» позволяет оценить степень пережи-

вания индивидом того чувства, которое сопровождает существование коллективного субъекта деятельности. Опросник состоит 16-ти высказываний, которые репрезентируют 4 основных фактора/признака полисубъектного взаимодействия с точки зрения его участников:

- удовлетворенность от деятельности;
- прилив энергии;
- симпатия к партнерам;
- уверенность в успехе деятельности.

Участники исследования оценивали свое согласие/несогласие с каждым высказыванием по 7-балльной шкале. Ис-

пользуя ответы на высказывания, содержащиеся в опроснике, для каждого респондента можно подсчитать степень его согласия с признаками полисубъектного взаимодействия. Сумма всех признаков составляет общий индекс субъектного единства.

Статистический анализ данных проводился с помощью IBM SPSS 23.0

Результаты и обсуждение

Корреляционный анализ позволил выделить взаимосвязь между уровнем групповой сплоченности и индексом субъектного единства лишь в непрофессиональных командах (детской и подростковой), тогда как во взрослых командах этой связи не обнаружено (таблица 1). Причем, сила связи (величина коэффициента корреляции) больше у детей, чем у подростков.

В таблице 2 представлены коэффициенты корреляции между структурой групповой сплоченности и факторами индекса субъектного единства у детей.

Наиболее тесная связь обнаружилась между шкалой групповой сплоченности «индивидуальная привлекательность общения» и такими признаками субъектного единства, как «удовлетворенность от деятельности», «прилив энергии» и «симпатия к партнерам». Это может свидетельствовать о сильной эмоциональной стороне командного спорта для детей. Им

Табл. 1. Коэффициенты ранговой корреляции между индексом субъектного единства и групповой сплоченностью у детей, подростков и взрослых.

Дети	Коэффициент корреляции	0,618
	Знач. (2-сторон.)	0
	N	39
Подростки	Коэффициент корреляции	0,477
	Знач. (2-сторон.)	0,018
	N	24
Взрослые	Коэффициент корреляции	0,15
	Знач. (2-сторон.)	0,35
	N	41

Table 1. Coefficients of rank correlation between the subjective unity index and the group cohesion in children, adolescents and adults.

Children	Correlation Coefficient	0,618
	Two-tailed significance	0
	N	39
Adolescents	Correlation Coefficient	0,477
	Two-tailed significance	0,018
	N	24
Adults	Correlation Coefficient	0,15
	Two-tailed significance	0,35
	N	41

Табл. 2. Коэффициенты ранговой корреляции между шкалами групповой сплоченности и факторами индекса субъектного единства у детей (статистически значимые корреляции выделены курсивом)

	Удовлетворенность от деятельности	Прилив энергии	Симпатия к партнерам	Уверенность в успехе деятельности.
Индивидуальная привлекательность общения	<i>,478</i>	0,351	0,440	0,207
Индивидуальная привлекательность деятельности	0,262	0,266	0,174	<i>,527</i>
Групповое единство в общении	0,281	0,181	0,07	0,299
Групповое единство в деятельности	0,422	0,099	0,416	0,309

Table 2. Coefficients of rank correlation between the scales of group cohesion and the factors of the subjective unity index in children (statistically significant correlations are in italics)

	Satisfied with Activity	The rush of energy	Affection for Partners	Confidence in the success of doing something
Individual appeal of communication	<i>.478</i>	0.351	0.440	0.207
Individual appeal of activity	0.262	0.266	0.174	<i>.527</i>
Group unity in communication	0.281	0.181	0.07	0.299
Group unity in communication	0.422	0.099	0.416	0.309

важна энергия и положительный заряд. В процессе эффективного взаимодействия в командах ощущаются не только индивидуальные усилия, но и возникшая совокупная энергия, благодаря которой команда может добиться успеха. Связь между шкалой групповой сплоченности «групповое единство деятельности» и факторами индекса субъектного единства «удовлетворенность от деятельности» и «симпатия к партнерам» подтверждает наши предположения о том, что дети получают удовольствие от игры друг с другом, им нравится взаимодействовать вместе и добиваться общих целей.

В таблице 3 представлены коэффициенты корреляции между структурой групповой сплоченности и факторами индекса субъектного единства у подростков. У подростков, так же как и у детей, наблюдается высокое удовлетворение от совместной игры. Однако, если для детей важнее всего общение, то для подростков – энергия, которой они заражаются друг от друга в процессе взаимодействия. Фактор индекса субъектного единства «прилив энергии» коррелирует со всеми шкалами групповой сплоченности. Таким образом, у подростков уровень совокупной энергии больше, чем у детей. Групповое единство деятельности объединяет их, появляются тесные контакты с друг другом, симпатия.

Результаты дисперсионного анализа показывают, что общий уровень субъектного единства выше в командах детей и подростков, чем во взрослых командах ($\chi^2=73.625$ при $p=0.01$). И, как видно на рисунке 1, у детей и подростков все факторы выражены практически одинаково и статистически не отличаются друг от друга. У взрослых по всем факторам наблюдаются низкие показатели, это может говорить о том, что игроки более профессионального уровня не играют ради эмоций и удовольствия от деятельности. Их игра оплачивается, вознаграждается.

Они не зависят от эмоционального настроения друг друга, им не важно мнение друг о друге. Игра приносит им прибыль, они играют за деньги. То есть, детские и подростковые команды являются любительскими, а взрослые – профессиональными в буквальном значении этих слов. Это подтверждается и тем, что средний уровень сплоченности также значи-

мо выше в детских и подростковых командах, чем во взрослых ($\chi^2=68.526$ при $p=0.01$).

Как меняется структура групповой сплоченности в зависимости от профессионального уровня игроков видно на рисунке 2.

Любительские команды практически не отличаются друг от друга, тогда как уровень сплоченности у взрослых профессиональных команд заметно ниже по всем четырем шкалам. Это еще раз подтверждает наш вывод о том, что игра за деньги меняет эмоциональную составляющую в команде (Bruner et al, 2013).

В качестве дополнительной переменной в нашем исследовании выступил вид спорта. Мы предположили, что сплоченность и уровень субъектного единства может быть разным в волейбольных и футбольных командах. Поскольку правила этих спортивных игр заметно отличаются друг от друга, и волейболисты все время находятся на своей половине площадке и взаимодействуют друг с другом теснее, чем с противником, то и сплоченность и уровень субъектного единства у них может быть выше, чем у футболистов.

Анализ показал, что нет значимых различий среднего уровня сплоченности и субъектного единства у футбольных и волейбольных команд. Однако такие различия существуют по некоторым шкалам сплоченности и факторам субъектного единства, причем, эти различия неодинаковы в командах разного возраста.

Так, в детских командах обнаружены различия между волейболистами и футболистами ($U=118$, $p<0,05$) по такому фактору субъектного единства, как «прилив энергии». Переживание прилива энергии выше в футбольной команде, чем в волейбольной, то есть у детей футбол способствует большему единению, чем волейбол, возможно потому, что это более подвижный и энергозатратный вид спорта.

В подростковых командах значимые различия обнаружились по единственной шкале сплоченности – «индивидуальная привлекательность деятельности» ($U=35$, $p<0,05$). Причем, совместная деятельность для подростков более привлекательна в футболе, чем в волейболе. Возможно это связано с тем, что футбол более популярный вид спорта, а игроки

Табл. 3. Коэффициенты ранговой корреляции между шкалами групповой сплоченности и факторами индекса субъектного единства у подростков (статистически значимые корреляции выделены курсивом)

	Удовлетворенность от деятельности	Прилив энергии	Симпатия к партнерам	Уверенность в успехе деятельности.
Индивидуальная привлекательность общения	0,422	0,472	0,082	0,141
Индивидуальная привлекательность деятельности	0,3	0,564	0,004	0,234
Групповое единство в общении	0,312	0,541	0,264	0,214
Групповое единство в деятельности	0,282	0,507	0,405	0,274

Table 3. Coefficients of rank correlation between the scales of group cohesion and factors of the subjective unity index in adolescents (statistically significant correlations are in italics)

	Satisfied with Activity	The rush of energy	Affection for Partners	Confidence in the success of doing something
Individual appeal of communication	0.422	0.472	0.082	0.141
Individual appeal of activity	0.3	0.564	0.004	0.234
Group unity in communication	0.312	0.541	0.264	0.214
Group unity in communication	0.282	0.507	0.405	0.274

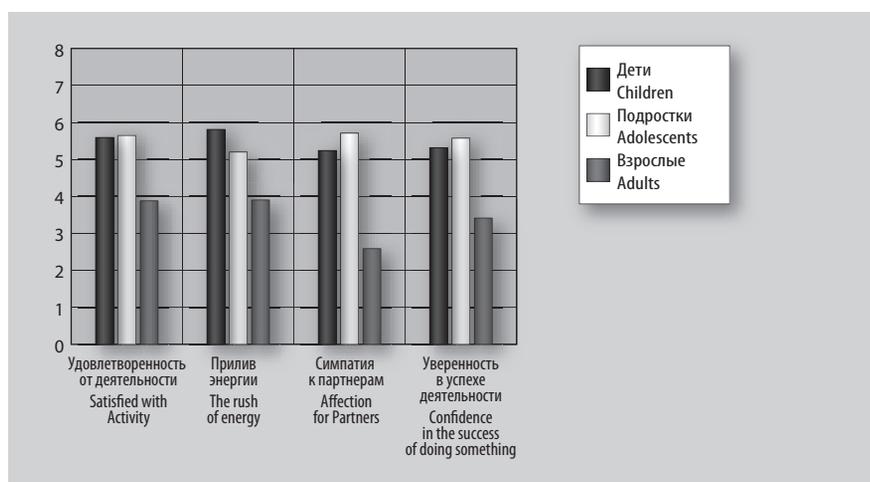

Рис. 1. Выраженность факторов индекса субъектного единства в командах разного профессионального уровня

Fig. 1. The factors of the subjective unity index in teams of different professional level

Что нет значимых различий среднего уровня сплоченности и субъектного единства у футбольных и волейбольных команд. Однако такие различия существуют по некоторым шкалам сплоченности и факторам субъектного единства, причем, эти различия неодинаковы в командах разного возраста

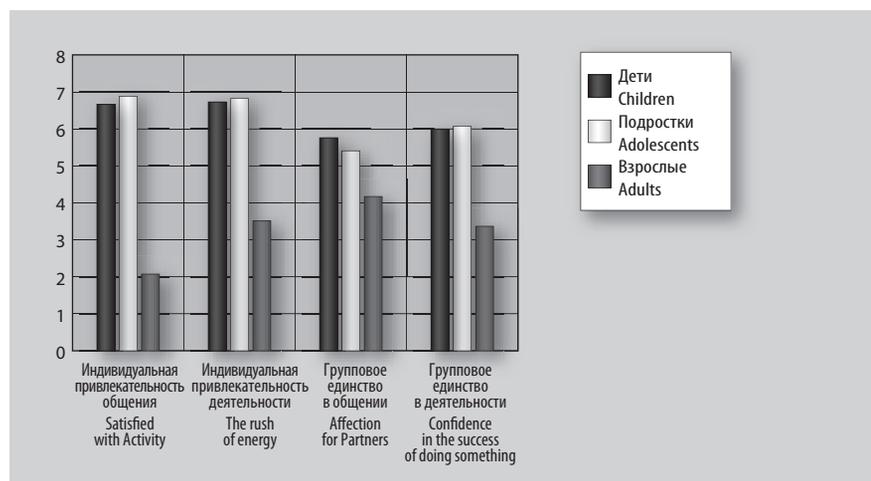

Рис. 2. Выраженность шкал групповой сплоченности в командах разного профессионального уровня

Fig. 2. The group cohesion scales in the teams of different professional level

известных футбольных команд станут заметными персонами не только в мире спорта, но и в мире рекламы и поп-культуры.

одно объяснение этого явления. Правила в волейболе предполагают потерю очка не только за потерю мяча, но и за технику исполнения спортивных движений. За

Прямая зависимость между сплоченностью и эффективностью команды неоднократно доказана на практике. Сплоченность команды зависит от многих факторов, и в том числе от субъективных феноменов группового единства, возникающих в процессе совместной деятельности

Во взрослых профессиональных командах также существуют значимые различия ($U=124, p<0,05$) в сплоченности между футболистами и волейболистами. Однако в данном случае наблюдается обратная картина: показатели шкалы «индивидуальная привлекательность общения» выше для игроков волейбольной команды, чем для футбольной.

Таким образом, наше первоначальное предположение подтвердилось лишь для взрослых профессиональных команд. Волейболисты ближе друг к другу во время игры, они непосредственно контактируют лишь друг с другом, а не с противником, как в футболе. Возможно еще

малейшие отступления от эталона при исполнении приема или передачи мяча, или постановки блока очко присуждается противнику. Именно поэтому в волейболе очень важно внимание к партнеру по команде и хорошие отношения.

Выводы

Командные виды спорта – это как самые зрелищные спортивные события, так и сложная деятельность, предъявляющая к игрокам серьезные требования. Эффективность команды зависит не только от высокого уровня игрово-

Профессиональный уровень игроков влияет на групповую сплоченность и феномены группового единства. Игра взрослых команд, участвовавших в исследовании, оплачивается, поэтому личные показатели для них важнее, чем групповая сплоченность и удовольствие от совместной деятельности

го взаимодействия, но и от отношений, складывающихся между игроками. Прямая зависимость между сплоченностью и эффективностью команды неоднократно доказана на практике. Сплоченность команды зависит от многих факторов, и в том числе от субъективных феноменов группового единства, возникающих в процессе совместной деятельности. В исследовании проанализирована взаимосвязь между структурой сплоченности команды и феноменами группового единства в командах разного профессионального уровня и разных видов спорта.

В результате проведенного исследования можно утверждать, что взаимосвязь групповой сплоченности с индексом субъективного единства существует у детей и подростков. Результаты свидетельствуют о том, что детям нравится взаимодействовать друг с другом, и они получают удовлетворение от совместной деятельности. У подростков уровень совокупной энергии больше, чем у детей. Групповое единство деятельности объединяет их, появляются тесные контакты с друг другом, симпатия.

Профессиональный уровень игроков влияет на групповую сплоченность и феномены группового единства. Игра взрослых команд, участвовавших в исследовании, оплачивается, поэтому личные показатели для них важнее, чем групповая сплоченность и удовольствие от совместной деятельности.

Вид спорта по разному влияет на структуру сплоченности и феномены группового единства у команд разного профессионального уровня. Так, членам любительских детских и подростковых команд футбол приносит больше энергии, и для них он более привлекателен как вид спортивной деятельности, чем волейбол. В профессиональных взрослых командах, напротив, волейбол требует большего внимания к партнеру, и такая шкала сплоченности как «индивидуальная привлекательность общения» у волейболистов более выражена, чем у футболистов.

Литература

Брушлинский А.В. Психология субъекта. – Санкт-Петербург : Алетей, 2003. – 272 с.

Вачков И.В. Полисубъектное взаимодействие в образовательной среде // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 2. – С. 36–50.

- Мдивани М.О. Индекс субъектного единства: к разработке методики : тезисы 7-й Российской конференции по экпсихологии. 28–29 сентября 2015 г. / под общ. ред. М.О. Мдивани. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. – С. 118–119.
- Мдивани М.О., Девишвили В.М., Корнеев И.С. Сплоченность спортивной команды и коммуникативная структура группы // Спортивный психолог. – 2013. – № 3(30). – С. 14–18.
- Мдивани М.О., Марков А.С. Субъектные взаимодействия в сплоченных коллективах // Российский научный журнал. – 2015. – №3. – С. 167–173.
- Немов Р.С. Межличностные отношения в группах и коллективах. – Москва : ВЛАДОС, 2003. – 688 с.
- Панов В.И. Экпсихологические взаимодействия: виды и типология // Социальная психология и общество. – 2013. – № 3. – С. 13–27.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – Москва : МГУ, 1997. – 400 с.
- Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. – Москва : Политиздат, 1982. – 255 с.
- Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – Москва : Горбунок, 1992. – 224 с.
- Сидоренков А.В. Анализ исследования малых групп в отечественной психологии по публикациям в журналах «Вопросы психологии» и «Психологический журнал» // Вопросы психологии. – 2005. – № 2. – С. 58–67.
- Тернер Д. Социальное влияние. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 256 с.
- Bea, D.J.; Cohen, R.; Burke, M.J. & McLendon, C. L. (2003) Cohesion and performance in groups: A meta-analytic clarification of construct relation. *Journal of Applied Psychology*, 88 (6), 989–1004. doi: 10.1037/0021-9010.88.6.989
- Benson, A.J., Šiška, P., Eys, M., Priklerová, S. & Slepčák, P. (2016) A prospective multilevel examination of the relationship between cohesion and team performance in elite youth sport. *Psychology of Sport and Exercise*, 27, 39–46. doi: 10.1016/j.psychsport.2016.07.009
- Bosselut, G., McLaren, C.D., Eys, M.A. & Heuzé, J.P. (2012). Reciprocity of the relationship between role ambiguity and group cohesion in youth interdependent sport. *Psychology of Sport and Exercise*, 13, 341–348. doi: 10.1016/j.psychsport.2011.09.002
- Bruner, M.W., Eys, M.A., Beauchamp, M.R. & Côté, J. (2013) Examining the origins of team building in sport: A citation network and genealogical approach. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, 17, 30–42. doi: 10.1037/a0030114
- Bruner, M.W. & Spink, K.S. (2010) Evaluating a team building intervention in a youth exercise setting. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, 14, 304–317. doi: 10.1037/a0018296
- Brushlinsky, A.V. (2003) The psychology of the subject. St. Petersburg. Aletya, 272.
- Carron, A.V. & Brawley, L.R. (2000) Cohesion: Conceptual and measurement issues. *Small Group Research*, 31(1), 89–106. doi: /104649640003100105
- Carron, A.V., Widmeyer, W.N. & Brawley, L.R. (1985) The development of an instrument to assess cohesion in sport teams: The Group Environment Questionnaire. *Journal of Sport Psychology*, 7, 244–266. doi: 10.1123/jsp.7.3.244
- Cota, A.A.; Evans, C.R.; Dion, K.L.; Kilik, L. & Longman, R.S. (1995) The structure of group cohesion. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 21(6), 572–580. doi: /10.1177/0146167295216003
- Dunn, J. G. H., & Holt. N. L. (2004) A qualitative investigation of a personal-disclosure mutual-sharing team building activity. *The Sport Psychologist*, 18, 363–380. doi: 10.1123/tsp.18.4.363
- Heuze, J.P., Raimbault, N., & Fontayne, P. (2006) Relationships between cohesion, collective efficacy and performance in professional basketball teams: an examination of mediating effects. *J. Sports Sci*, 24(1), 59–68. doi: 10.1080/02640410500127736
- Gillespie, A. (2005) G.H. Mead: Theorist of the social act. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 35, 19–39. doi: 10.1111/j.0021-8308.2005.00262.x
- Eys, M., Loughhead, T., Bray, S.R. & Carron, A.V. (2009). Development of a cohesion questionnaire for youth: The Youth Sport Environment Questionnaire. *Journal of Sport & Exercise Psychology*, 31, 390–408. doi: 10.1123/jsep.31.3.390
- Festinger, L. (1954) A Theory of Social Comparison Processes. *Human Relations*, 7, 117–140. doi: 10.1177/001872675400700202
- Filho, E., Dobersek, U., Gershgoren, L., Becker, B. & Tenenbaum, G. (2014) The cohesion-performance relationship in sport: A 10-year retrospective meta-analysis. *Sport Sciences for Health*, 10, 165–177. doi: 10.1007/s11332-014-0188-7
- Folkes, V.S. (1982) Forming relationships and the matching hypothesis. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 8, 631–636. doi: 10.1177/0146167282084005
- Forsyth, D.R. (2010) Components of cohesion. *Group Dynamics. 5th Edition*. Wadsworth, Cengage Learning, 118–122.
- Lundgren, D.C. (2004) Social feedback and self-appraisals: Current status of the Mead-Cooly hypothesis. *Symbolic Interaction*, 27, 267–286. doi: 10.1525/si.2004.27.2.267

References:

- Bea, D.J.; Cohen, R.; Burke, M.J. & McLendon, C. L. (2003) Cohesion and performance in groups: A meta-analytic clarification of construct relation. *Journal of Applied Psychology*, 88 (6), 989–1004. doi: 10.1037/0021-9010.88.6.989
- Benson, A.J., Šiška, P., Eys, M., Priklerová, S. & Slepčák, P. (2016) A prospective multilevel examination of the relationship between cohesion and team performance in elite youth sport. *Psychology of Sport and Exercise*, 27, 39–46. doi: 10.1016/j.psychsport.2016.07.009
- Bosselut, G., McLaren, C.D., Eys, M.A. & Heuzé, J.P. (2012). Reciprocity of the relationship between role ambiguity and group cohesion in youth interdependent sport. *Psychology of Sport and Exercise*, 13, 341–348. doi: 10.1016/j.psychsport.2011.09.002
- Bruner, M.W., Eys, M.A., Beauchamp, M.R. & Côté, J. (2013) Examining the origins of team building in sport: A citation network and genealogical approach. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, 17, 30–42. doi: 10.1037/a0030114
- Bruner, M.W. & Spink, K.S. (2010) Evaluating a team building intervention in a youth exercise setting. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, 14, 304–317. doi: 10.1037/a0018296

- Brushlinsky, A.V. (2003) The psychology of the subject. St. Petersburg. Aleteya, 272.
- Carron, A.V. & Brawley, L.R. (2000) Cohesion: Conceptual and measurement issues. *Small Group Research*, 31(1), 89–106. doi: /104649640003100105
- Carron, A.V., Widmeyer, W.N. & Brawley, L.R. (1985) The development of an instrument to assess cohesion in sport teams: The Group Environment Questionnaire. *Journal of Sport Psychology*, 7, 244–266. doi: 10.1123/jsp.7.3.244
- Cota, A.A.; Evans, C.R.; Dion, K.L.; Kilik, L. & Longman, R.S. (1995) The structure of group cohesion. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 21(6), 572–580. doi: /10.1177/0146167295216003
- Dunn, J. G. H., & Holt. N. L. (2004) A qualitative investigation of a personal-disclosure mutual-sharing team building activity. *The Sport Psychologist*, 18, 363–380. doi: 10.1123/tsp.18.4.363
- Heuze, J.P., Raimbault, N., & Fontayne, P. (2006) Relationships between cohesion, collective efficacy and performance in professional basketball teams: an examination of mediating effects. *J. Sports Sci*, 24(1), 59–68. doi: 10.1080/02640410500127736
- Gillespie, A. (2005) G.H. Mead: Theorist of the social act. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 35, 19–39. doi: 10.1111/j.0021-8308.2005.00262.x
- Eys. M., Loughead. T., Bray. S.R., & Carron. A.V. (2009). Development of a cohesion questionnaire for youth: The Youth Sport Environment Questionnaire. *Journal of Sport & Exercise Psychology*, 31, 390–408. 0.1123/jsep.31.3.390
- Festinger. L. (1954) A Theory of Social Comparison Processes. *Human Relations*, 7, 117–140. doi: 10.1177/001872675400700202
- Filho, E., Dobersek, U., Gershgoren, L., Becker, B. & Tenenbaum, G. (2014) The cohesion-performance relationship in sport: A 10-year retrospective meta-analysis. *Sport Sciences for Health*, 10, 165–177. doi: 10.1007/s11332-014-0188-7
- Folkes, V.S. (1982) Forming relationships and the matching hypothesis. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 8, 631–636. doi: 10.1177/0146167282084005
- Forsyth, D.R. (2010) Components of cohesion. *Group Dynamics. 5th Edition*. Wadsworth. Cengage Learning, 118–122.
- Lundgren, D.C. (2004) Social feedback and self-appraisals: Current status of the Mead-Cooley hypothesis. *Symbolic Interaction*, 27, 267–286. doi: 10.1525/si.2004.27.2.267
- Mdivani, M.O. (2015) Index of subjective unity: to the development of methodology: the theses of the 7th Russian Conference on ecopsychology. September 28–29, 2015. St. Petersburg. Nestor-Istoriy, 118–119.
- Mdivani, M.O., Devishvili, V.M. & Korneev, I.S. (2013) The cohesion of the sports team and the communicative structure of the group. [*Sportivnyy psikholog*], 3(30), 14–18.
- Mdivani, M.O. & Markov, A.S. (2015) Subjective interactions in cohesive collectives. [*Rossiyskiy nauchnyy zhurnal*], 3, 167–173.
- Nemov, R.S. (2003) Interpersonal relations in groups and collectives. Moscow. VLADOS, 688.
- Panov, V.I. (2013) Ecopsychological interactions: types and typology. [*Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*], 3, 13–27.
- Petrenko, V.F. (1997) Fundamentals of psychosemantics. Moscow. MGU, 400.
- Petrovsky, A.V. (1982) Personality. Activity. Team. Moscow. Politizdat, 255.
- Petrovsky, V.A. (1992) Psychology of non-adaptive activity. Moscow. Gorbunok, 224.
- Sidorenkov, A.V. (2005) An analysis of the research of small groups in Russian psychology on publications in the journals «Questions of Psychology» and «Psychological Journal». [*Voprosy psikhologii*], 2, 58–67.
- Turner, D. (2003) Social influence. St. Petersburg. Piter, 256.
- Turner, J. & Giles, H. (1981) The experimental social psychology of intergroup behavior. *Intergroup Behaviour*. Oxford, 66–101.
- Vachkov, I.V. (2014) Polysubject interaction in the educational environment. [*Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*], 11(2), 36–50.

Особенности переживания психологических проблем девиантными подростками

О.А. Белобрыкина, Р.А. Лимонченко

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Поступила 9 марта 2017/ Принята к публикации: 22 мая 2017

Features of experiencing psychological problems in deviant adolescents

Olga A. Belobrykina*, Roman A. Limonchenko

Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk, Russia

* Corresponding author E-mail: belobr@mail.ru

Received March 9, 2017 / Accepted for publication: May 22, 2017

Актуальность тематики статьи. Специфика индивидуально-личностных характеристик подростков с отклоняющимся поведением определили актуальность и новизну исследования, цель которого состояла в выявлении особенностей эмоционального переживания конкретных психологических проблем девиантными подростками.

Гипотеза исследования. Мы полагаем, что переживание подростками с отклоняющимся поведением психологических проблем (связанных с будущим, со школой, с общением со сверстниками, с самим собой, с проведением досуга, со здоровьем, с развитием общества) будут качественно отличаться от таковых, свойственных подросткам с социально-нормативным поведением.

Описание хода исследования. В качестве основной исследовательской процедуры избрана диагностическая методика «Психологические проблемы подростков» (Л.А. Регуш, Е.В. Алексеева, А.В. Орлова, Ю.С. Пежемская). К исследованию привлечено 50 испытуемых из числа учащихся общеобразовательной школы, дифференцированных на две группы по показателю типа поведения. В первую группу вошли 25 испытуемых, характеризующихся частыми поведенческими нарушениями, во вторую – 25 испытуемых с социально приемлемым поведением. Сравнимые группы унифицированы по показателям возраста (14–16 лет) и половой принадлежности (лица мужского пола).

Результаты исследования. Анализ данных показал, что у подростков с поведенческими нарушениями средние показатели значительно выше (кроме шкалы «проблемы, связанные с развитием общества»), чем у подростков с социально-приемлемым поведением. На уровне выраженной статистической тенденции зафиксированы различия в переживании подростками с поведенческими нарушениями проблем, связанных с развитием общества ($p \leq 0,016$) и родительским домом ($p \leq 0,023$).

Выводы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что эмоциональные переживания девиантными подростками отдельных психологических проблем отличаются от таковых, свойственных их сверстникам с социально приемлемым поведением. Выявленные различия указывают на необходимость своевременной разработки мер социально психологической профилактики эмоциональной дестабилизации и/или реконструирования системы переживаний подростка с девиантной траекторией развития. На основе полученных результатов разработан и проходит апробацию формирующий эксперимент, направленный на амплификацию переживаний подростков с девиантным поведением.

Ключевые слова: девиантное поведение, подростки, эмоциональные переживания, психолого-педагогическое сопровождение.

Background Experience as a psychological phenomenon is a subjective attitude of a person to the world around him, in which the ideological attitudes of the person are reflected. In the adolescent period, the cardinal changes of interests, values and outlook take place in general, thus experiences acquire a special course. Modern adolescents are especially concerned about the problems of the future: life planning after graduation, further relationships with friends and parents, career choice, establishing contacts with peers, etc.

Objective The specific features of adolescents with deviant behaviour determine the relevance and novelty of this research. The objective is to identify the emotional experience of the specific psychological problems of deviant adolescents. A diagnostic method "Psychological problems of adolescents" (L.A. Regush, E.V. Alekseeva, A.V. Orlova, Yu.S. Pezhemskaya) was used as the main research procedure.

Design The study involved 50 secondary school students divided into two groups according to behaviour type. The first group consisted of 25 subjects characterized by frequent behavioural disorders, the second group consisted of 25 subjects with socially acceptable behaviour. The compared groups are unified in terms of age (14-16 y.o.) and gender (male).

Results The data analysis showed that in adolescents with behavioural disorders average indicators are much higher (except for the scale "issues related to the society development") than in adolescents with socially acceptable behaviour. The excess of an upper limit of the permissible values for deviant adolescents is fixed according to scales of psychological problems connected with "the self", "school", and "parents' place". Based on the statistical analysis using the Mann-Whitney U test, significant differences in the scales on "school related issues" ($p \leq 0,000$), "future related issues" ($p \leq 0,011$) and "self related issues" ($p \leq 0,014$). The differences in the experience issues related to the society development ($p \leq 0,016$) and the parent's place related issues ($p \leq 0,023$) were recorded in adolescents with behavioural disorders. The lack of the statistical support of the number of assumptions (the severity of the experience of problems related to peer interaction, leisure, and health) is due primarily to the fact that the content of the method «Psychological problems of adolescents» does not take into account a full range of the needs, motives, values, attitudes, etc., specific to the system of experiences of adolescents with deviant behaviour. This aspect actualizes the need to design a diagnostic tool for solving the social-psychological and psychological pedagogical objectives of deviance studies in their applied orientation.

Conclusion The revealed differences point to the need for timely development of the measures for the social psychological prevention of emotional destabilization and / or the reconstruction of the system of experiences of adolescents with a deviant development trajectory. Based on the obtained results, an educational experiment designed to amplify the experiences of adolescents with deviant behavior has been developed and is being tested.

Keywords: deviant behaviour, adolescents, emotional experiences, psychological and pedagogical assistance.

Переживание – одна из самых уникальных способностей человека. Переживается все, начиная от межличностных отношений и заканчивая общественными событиями. Именно социальные явления, а точнее, происходящие в структуре и функционировании общества изменения (в частности, возрастающая экономическая нестабильность, формализация отношений, дестабилизация системы и содержания ценностей, информационное насилие и т.п.) обуславливают актуальность исследования переживаний, особенно в подростковый возраст – период активного социокультурного развития.

Впервые к рассмотрению переживания, как психологического феномена, обратились В. Дильтей и Н.Я. Грот в конце XIX века. Позже оно стало предметом исследования в психоанализе, гуманистической и трансперсональной психологии (Дорохова, 2016). Особое внимание изучению категории переживания в отечественной психологии уделяли Л.С. Выготский (Выготский, 1984), С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 2003), Ф.Е. Василюк (Василюк, 1984). Так, С.Л. Рубинштейн считал, что непосредственное переживание – это субъективное отношение человека к окружающему миру. Это отношение всегда выражается в виде эмоций – неопредмеченных, связанных с органическими потребностями

и, как правило, неосознаваемых предметных чувств – интеллектуальных, эстетических, моральных и иных, обобщенных или мировоззренческих (Рубинштейн, 2003). Вводя параметр культуры в качестве основополагающего вектора развития, Л.С. Выготский обозначает переживание в качестве наиболее значимой, далее неделимой единицы целостности внутреннего мира человека. В онтогенезе через отношение ребенка к другим складываются специфические чувства к самому себе, а через них проявляются потребности и ценности. Эти чувства определяют кризисные этапы развития, поэтому, как отмечал Л.С. Выготский, невозможно рассматривать влияние среды на ребенка без его отношения к ней (Выготский, 1984).

В настоящее время, кроме традиционного понимания переживания как эмоции, его все чаще рассматривают как процесс установления «смыслового соответствия между сознанием и бытием» (Василюк, 1984, С. 30). Введение такого понимания феномена переживания было необходимо в практических целях для того, чтобы показать, что в кризисных ситуациях отношение к себе и среде можно не только констатировать, но и изменять, реконструировать. По мнению И.П. Чердниченко, переживание, как составляющая эмоциональной сферы, связано с социальным пространством (с эмоциогенными внешними события-

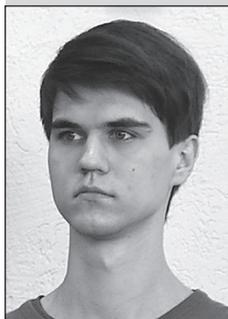
ми), а как процесс – с экзистенциальным пространством (направленным на познание подлинного «Я», часто сопровождаемым страхом, скукой, отчаянием или иными чувствами, в комплекс которых они входят) (Чердниченко, 2010). Присутствие обоих видов переживания в жизни человека обеспечивают его социализацию-индивидуализацию (Пронина, 2010) и «более полное восприятие жизни и погружение в нее» (Чердниченко, 2010, С. 194). Так как в период кризиса подросткового возраста происходит кардинальное изменение потребностей, ценностей и мировоззрения в целом, то особое протекание приобретают и переживания.

Одним из первых зарубежных психологов, обратившим внимание на изменение эмоционального реагирования подростка на окружающее, был Э. Шпрингер (Выготский, 1984). Он отмечал возникновение рефлексии в подростковый период и способности осознания своей индивидуальности, связанное, по замечанию Л.С. Выготского, с образованием новых отношений между психическими функциями. «Мир внутренних переживаний, закрытый от ребенка раннего возраста, сейчас раскрывается перед подростком и составляет чрезвычайно важную сферу в содержании его мышления» (Выготский, 1984, С. 65). В это же время у подростка появляются новые интересы: эгодоминанты – преобладающий интерес к самому себе; дали – установки на обширные масштабы интересов, субъективно более приемлемые, по сравнению с текущими; усилия – сопротивление и протест против воспитательных воздействий; романтика – стремление к социальному героизму. Также наблюдаются резкие колебания настроения, стремление к одиночеству и самоизоляции, общее беспокойство, преобладание негативных переживаний (угнетенности, подавленности, тоски). В целом, как отмечал Л.С. Выготский, подростковый возраст можно охарактеризовать как «годы усиленного ломания головы над проблемами жизни» (Выготский, 1984, С. 62).

С развитием рефлексии и активного самоанализа внутреннего мира в подростковом возрасте изменяется характер переживания психологических проблем. Отдельные исследования выя-

Ольга Альфонсасовна Белобрыкина – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии Новосибирского государственного педагогического университета
E-mail: olga.belobrykina@gmail.com
Web: <http://www.spbpo.ru/members/professorskoprepodavatelskoe-otdelenie/254-belobrykina-olga-alfonsasovna/>

Роман Андреевич Лимонченко – студент 4 курса факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета
E-mail: romaleg@mail.ru

вили высокую озабоченность подростков своим будущим (в т.ч. выбором профессии), отношениями с родителями и со сверстниками, школьными проблемами. Так, в исследовании Л.А. Ретуш определены различия в степени переживания разных проблем подростками в зависимости от пола. В частности, обнаружено, что мальчики больше переживают взаимоотношения с противоположным полом, а девочки – школьные неудачи. Мотив самоутверждения среди сверстников у большинства подростков в школе является более значимым, чем познавательный. Подростки с негативным самоотношением в межличностных отношениях выражают свои отрицательные переживания посредством повышенной конфликтности, снижением адаптации к эмоциогенным ситуациям (Ретуш, 2009). На интенсивность переживания психологических проблем подростками оказывают влияние социальные условия их развития. По сравнению со сверстниками «образца» 2002 года, современные подростки более озабочены проблемами здоровья и жизни общества, наименее актуальными для них стали проблемы взаимоотношений с родителями и сверстниками. Наблюдаются особенности переживания проблем подростками в зависимости от типа школы, в которой они учатся (гимназия, частная, общеобразовательная или сельская школа) (Ретуш, Алексеева, Орлова, Пежемская, 2012). По данным исследования З.К. Селивановой среди подростков в последние годы выявлено усиление прагматизма в выборе профессии, рост «мизантропических ... агрессивных настроений» (Селиванова, 2013, С. 94) и более выраженное стремление к материальному достатку, в связи с чем отмечается рост престижа «доходных» профессий. Негативную оценку качественного изменения переживания современных подростков дают А.М. Прихожан и Н.Н. Толстых из-за их низкой рефлексивности. Они отмечают, что «если школьники конца 50-х обладают достаточно высоким уровнем рефлексии, то у подростков 80-х она оказывается слабо выраженной, а у современных подростков практически не выявляется» (Прихожан, Толстых, 2011, С. 20). У них отсутствует потребность размышления о себе, самоуглубления, стремления к оди-

ночеству из-за возрастания потребности утверждения своего уникального «Я», доминирования «зрелищного общения» (Прихожан, Толстых, 2011, С. 22).

Абрисный анализ исследований показал, что интенсивность переживания психологических проблем подростками зависит от пола, самоотношения (Ретуш, 2009), типа школы, в которой они обучаются (Ретуш, Алексеева, Орлова, Пежемская, 2012), от социальной среды (макро- и микро), в которой происходит их жизнедеятельность в целом (Се-

На интенсивность переживания психологических проблем подростками оказывают влияние социальные условия их развития. По сравнению со сверстниками «образца» 2002 года, современные подростки более озабочены проблемами здоровья и жизни общества, наименее актуальными для них стали проблемы взаимоотношений с родителями и сверстниками

ливанова, 2013; Jacobs, Vernon, Eccles, 2004; Dryman, Gardner, Weeks, Heimberg, 2016; Koshenova, 2016), от уровня развитости рефлексии (Прихожан, Толстых, 2011; Кõiv, 2016), степени сформированности эмоциональной компетентности (Denham, 2006; Gutiérrez-García, Calvo, 2017) и пр. Вместе с тем, несмотря на достаточную изученность содержания и валентности переживаний, свойственных ребенку в период подросткового возраста, недостаточно внимания уделено особенностям переживаний подростков с поведенческими нарушениями.

Была сформулирована рабочая гипотеза о том, что переживание подростками с отклоняющимся поведением конкретных психологических проблем будут качественно отличаться от таковых, свойственных подросткам с социально-нормативным поведением

Следует отметить, что распространенность девиантных форм поведения среди детей и подростков в настоящее время становится поистине национальной проблемой (Реан, 2015; Шнейдер, 2016; Koshenova, 2016).

В ряде исследований выявлена специфика индивидуально-личностных характеристик подростков с отклоняющимся поведением, в том числе особенности их эмоционального развития. В частности, показано, что у девиантных подростков снижена способность к рефлексии и недостаточно выражены регуляторные функции (Буторина, Макаров, Буторин, 2002; Hirtenlehner, Pauwels, Mesko, 2014;

Kenny, Blacker, Allerton, 2014; Milojević, Dimitrijević, 2014; Kenchadze, 2015; Шнейдер, 2016). Им свойственны искаженные формы идентификации (личностной, социальной, телесной, гендерной), коммуникативной направленности и мотивационно-ценностной структуры, неадекватная самооценка (Ясная, 2013; Белобрыкина, Белобрыкина, 2014; Реан, 2015; Шнейдер, 2016; Sanches, Gouveia-Pereira, Marçó, Gomes, Roncon, 2016; Berger, Keshet, Gilboa-Schechtman, 2017; Cutrín, Gómez-Fraguela, Maneiro, Sobral,

2017), эмоциональное недоразвитие – они менее эмпатичны (Ashraf, Khalid, Ahmed, 2014; Kiverstein, 2015; Morrison, Mateen, Brozovich, Zaki, Goldin, Heimberg, Gross, 2016; Лимонченко, Белобрыкина, 2015), у них слабее проявляется субъективное переживание одиночества и альтруистическая направленность, более выражена алекситимическая тенденция, агрессивность (Bassett, Beagan, Ristovski-Slijepcevic, Chapman, 2008; Milojević, Dimitrijević, 2014; Kenchadze, 2015; Кõiv, 2016; Лимонченко, Белобрыкина, 2015). Эти отличия определяют актуальность и

новизну нашего исследования, цель которого состояла в выявлении особенностей эмоционального переживания конкретных психологических проблем подростками с девиантным поведением.

Гипотеза

Исходя из индивидуально-личностных особенностей девиантных подростков с отклоняющимся поведением, была сформулирована рабочая гипотеза о том, что переживание подростками с отклоняющимся поведением конкретных психологических проблем будут качествен-

но отличаться от таковых, свойственных подросткам с социально-нормативным поведением. Гипотеза включала ряд допущений, основанных на следующих положениях:

1. По данным В.А. Ясной, девиантным подросткам свойственны высокий уровень неосознанности, недифференцированности и нереалистичности представлений о будущем (Ясная, 2013). Испытывая трудности в самоопределении (из-за неопределенности в настоящем, отсутствия поддержки со стороны взрослых и сверстников) подростки с девиантным поведением, по нашему предположению, интенсивнее переживают проблемы, связанные с будущим (с семьей, друзьями, профессией, материальным достатком).
2. Некоторые исследователи отмечают (Реан, 2015; Шнейдер, 2016) наличие у девиантных подростков негативного образа родителей, отрицательно окрашенных взаимоотношений в семье. Это дает нам основание предположить, что подростки с девиантным поведением сильнее переживают проблемы, связанные с родительским домом.
3. Неадекватная самооценка, свойственная девиантным подросткам, мешает им объективно оценивать свои возможности и личностные качества, вследствие чего неудачи и трудности в освоении учебного материала, замечания со стороны учителей провоцируют возникновение у данной категории подростков внутри- и межличностных конфликтов, вспышек агрессии (Шнейдер, 2016; Kernberg, Weiner, Bardenstein, 2008; Hirtenlehner, Pauwels, Mesko, 2014; Kenchadze, 2015; Kõiv, 2016; Berger, Keshet, Gilboa-Schechtman, 2017). Исходя из этого, мы предполагаем, что подростки с девиантным поведением сильнее переживают проблемы, связанные со школой.
4. Исследование Е.А. Белобрыкиной и О.А. Белобрыкиной показало, что в общении у подростков с девиантным поведением более выражен страх быть отвергнутым в группе. Вместе с тем, у них отсутствует стремление находить одобрение своим поступкам в коллективе сверстников и в обществе, ярко выражена эгоцентричность. Несформированность регулирующей функции

общения и преобладание его персонафицированной направленности создает сложности в общении с окружающими: «Подростки с отклоняющимся поведением, хотя и стремятся к общению, но при этом не заинтересованы в получении социального одобрения, оно, вероятно, не имеет для них такой личностной значимости, как для их ровесников с социально приемлемым поведением» (Белобрыкина, Белобрыкина, 2014, С. 51). Это позволяет допустить, что подросткам с девиантным поведением свойственно выраженное переживание проблем, связанных с общением со сверстниками.

5. Л.Б. Шнейдер отмечает доминирование таких систем убеждений и стратегий отношений среди подростков с девиантным поведением, которые направлены на утверждение положительного личного образа, поиск причин собственных неудач не в себе, а во внешнем мире. К ним, в частности, относятся: самовозвеличивание (демонстрация исключительности), манипулирование другими, эмоциональный шантаж, уход от ответственности и ее отрицание (Шнейдер, 2016). Неадекватное стремление постоянно поддерживать положительный личный образ позволяет предположить, что у подростков с девиантным поведением будет более выражено переживание проблем, связанных с оценкой себя.
6. У девиантных подростков ярче выражены спортивные и гедонистические интересы (Ясная, 2013). Высокая потребность в отдыхе, развлечениях и способах снятия эмоционального напряжения дает основание предполагать, что подросткам с девиантным поведением свойственно переживание проблем, связанных с проведением досуга.
7. Так как подростковый возраст – период бурного психофизиологического созревания, то очевидно, что зависимое поведение и наличие аддиктивных потребностей (которые часто являются причиной поведенческих девиаций), вызывая симптомы разных заболеваний (Буторина, Макаров, Буторин, 2002), оказывает неблагоприятное влияние на развитие всех систем организма. Поэтому можно предположить, что

девиантных подростков больше заботят проблемы, связанные со здоровьем.

8. Свойственная подросткам с поведенческими нарушениями ориентация на антиобщественные нормы (Райс, Долджин, 2010; Шнейдер, 2016; Bassett, Beagan, Ristovski-Slijepcevic, Chapman, 2008; Kenny, Blacker, Allerton, 2014; Fariña, Vásquez, Arce, 2014; Aderanti, Williams, Womiloju, 2015) позволяет предположить, что они в меньшей мере будут переживать проблемы, связанные с развитием общества.

Методы и организация исследования

В качестве наиболее релевантной обозначенному комплексу гипотетических допущений и отвечающей психометрическим требованиям была избрана стандартизированная диагностическая методика «Психологические проблемы подростков», разработанная Л.А. Ретуш, Е.В. Алексеевой, А.В. Орловой, Ю.С. Пеземской (2012). Методика используется «как инструмент, позволяющий объяснить проявление тех или иных психологических особенностей и поведенческих проявлений подростков, на которые могут влиять переживаемые подростком психологические проблемы» (Ретуш и др., 2012, С. 25).

Выборка испытуемых

Выборку пилотажного исследования составили 50 испытуемых из числа учащихся общеобразовательной школы, дифференцированных на две группы по показателю типа поведения. В первую группу вошли 25 испытуемых, характеризующихся частыми поведенческими нарушениями (из них 16 состоят на учете в ОПДН, 9 – на внутришкольном учете); во вторую – 25 испытуемых с социально-приемлемым поведением (имеют высокую академическую успеваемость, характеризуются положительной коммуникацией со сверстниками, преобладанием в поведении ориентации на социальные нормы, соответствующие статусу школьника). Сравнимые группы унифицированы по показателям возраста

(14–16 лет) и половой принадлежности (лица мужского пола).

Результаты и их обсуждение

Сравнительно-сопоставительный анализ средних значений (таблица 1) показал, что по большинству шкал показатели выраженности переживаний психологических проблем подростками находятся в диапазоне нормативных величин. Вместе с тем, у подростков с поведенческими нарушениями средние показатели значительно выше (кроме шкалы «проблемы, связанные с развитием общества»), чем у подростков с социально-приемлемым поведением. Причем, превышение верхнего предела допустимых значений у девиантных подростков зафиксировано по шкалам, отражающим наличие психологических проблем, связанных «с самим собой», «со школой», «с родительским домом». Возможно, сильные переживания проблем, связанных с собственной личностью, являются следствием частой критики окружающими не только поступков девиантных подростков, но и их личностных качеств (лености, несдержанности, вспыльчивости и пр.). С другой стороны, отмечаемые исследователями (Рван, 2015; Шнейдер, 2016; Bassett, Beagan, Ristovski-Slijepcevic, Chapman, 2008; Hirtenlehner, Pauwels, Mesko, 2014; Koshenova, 2016) искаженные социальные установки, преобладание неадекватных форм социальной адаптации (привлечение внимания демонстрационными выпадами, активный и пассивный показ власти, мщение) и взаимоотношений с окружающими (манипулирование другими, обман, уход от ответственности), обусловленные, в том числе, выраженной алекситимической тенденцией, сниженными эмпатичностью, альтруистичностью и субъективным переживанием одиночества (Ashraf, Khalid, Ahmed, 2014; Kiverstein, 2015; Cutrín, Gómez-Fraguela, Maneiro, Sobral, 2017; Лимонченко, Белобрыкина, 2015), часто приводят девиантных подростков к отвержению в среде сверстников, что заставляет их чувствовать себя «не такими как все». Об отвержении может свидетельствовать наличие у более 30 % под-

ростков-девиантов высоких уровневых показателей переживания по шкале «проблемы, связанные с общением со сверстниками» (таблица 2), а также отрицание наличия проблем во взаимоотношениях со сверстниками у 12 % испытуемых данной группы. Причем, отрицание проблем во взаимоотношениях со сверстниками можно рассматривать как проявление своеобразной защитной реакции, о которой указывают и авторы методики, отмечая, прежде всего, доминирование у подростков механизмов «вытеснения и компенсации» (Регуш и др., 2012, С. 19).

ем общества. Наличие у 40 % респондентов низкого уровня переживаний по этой шкале (таблица 2) не дает оснований утверждать, что у девиантных подростков отсутствуют эмоционально окрашенные размышления о проблемах наркомании, насилия, войны, несоблюдения прав и законов и т.д. (в соответствии с содержанием шкалы, заданным авторами-разработчиками). Они, скорее всего, оценивают общественные проблемы с более эгоцентрической позиции, обладая преконвенциональным уровнем нравственного развития, для которого свойствен-

Табл. 1. Средние значения (в баллах) результатов исследования переживания психологических проблем подростками

Шкалы переживания проблем, связанных:	Диапазон нормы	Подростки с поведенческими нарушениями (n=25)	Подростки с социально-приемлемым поведением (n=25)
С будущим	1,73 – 3,19	3,13	2,4
С родительским домом	1,7 – 3,1	3,35	2,8
Со школой	1,94 – 3,2	3,69	2,57
С общением со сверстниками	1,11 – 2,75	2,19	1,85
С самим собой	1,54 – 3,04	4,41	2,37
С проведением досуга	1,43 – 2,85	2,76	2,11
Со здоровьем	1,54 – 2,9	2,4	2,1
С развитием общества	2,18 – 3,94	2,9	3,39

Table 1. Mean values (in points) of the study results of psychological problems experienced by adolescents

Scale of experiencing problems related to:	Norm Range	Delinquent Adolescents (n=25)	Adolescents with Socially Acceptable Behaviour (n=25)
Future	1.73 – 3.19	3.13	2.4
Parent Place	1.7 – 3.1	3.35	2.8
School	1.94 – 3.2	3.69	2.57
Interaction with Peers	1.11 – 2.75	2.19	1.85
Oneself	1.54 – 3.04	4.41	2.37
Leisure pastime	1.43 – 2.85	2.76	2.11
Health	1.54 – 2.9	2.4	2.1
Society Development	2.18 – 3.94	2.9	3.39

Переживание отношений с родителями, как значимой психологической проблемы, возможно, обусловлено частыми замечаниями с их стороны по поводу «неправильного поведения» (школьной неуспеваемости, конфликтов с окружающими, эгоистичности и пр.), которые расцениваются девиантными подростками как несправедливые и необоснованные.

Информативным для анализа является распределение результатов у подростков с девиантным поведением по шкале переживаний проблем, связанных с развити-

на доминанта собственных интересов и потребностей. «Прежде всего, они рассматривают ситуацию так: то, что хорошо для них, – хорошо, и это следует принимать; то, что плохо для них, – плохо вообще, и этого следует избегать» (Райс, Долджин, 2010, С. 597). Поэтому, низкие результаты по шкале «переживание проблем, связанных с развитием общества» могут свидетельствовать о высокой личной заинтересованности в материальных ценностях, принятии аморальных форм поведения и т.д., на что собственно и ука-

зывает высокий показатель среднего значения по шкале «переживание проблем, связанных с самим собой». Их сверстники с социально-приемлемым поведением, напротив, способны адекватно оценить общественные проблемы и, обладая конвенциональным уровнем нравственного развития, «действуют так, чтобы заслужить одобрение других» (Райс, Долджин, 2010, С. 597).

Кроме того, отвержение подростками с отклоняющимся поведением переживаний, связанных с развитием общества, можно рассматривать как своеобразную защиту в связи с утратой ими «осознания своего предназначения в обществе, ... ощущением собственной незначимости для общества» (Большунова, Белобрыкина, 2009, С. 10), а также тем, что значительная доля респондентов этой группы

имеет выраженную склонность к употреблению наркотических веществ, алкогольной продукции, к периодическому совершению противоправных поступков. Высокие же значения по этой шкале, выявленные у 20 % девиантных подростков, могут свидетельствовать о выраженном беспокойстве «распространенностью равнодушия и безразличия людей друг к другу», которое обусловлено, прежде всего, субъективным представлением о собственной позиции в микро- и макро-цикле.

Для установления статистических различий по параметрам психологических проблем, переживаемых подростками с социально приемлемым и отклоняющимся поведением, нами был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни для независимых переменных. Расчет проводился при помощи программы SPSS Statistika 17.0. Констатация достоверных различий признавалась значимой при условии, если $U_{эмп} \leq U_{кр}$. По результатам статистического анализа в сравниваемых выборках выявлены достоверные различия по шкалам «проблемы, связанные со школой» ($U_{эмп} = 123,5$ для $p \leq 0,000$), «проблемы, связанные с будущим» ($U_{эмп} = 182$ для $p \leq 0,011$) и «проблемы, связанные с самим собой» ($U_{эмп} = 186,5$ для $p \leq 0,014$).

Можно полагать, что основным полем «школьной» озабоченности у девиантных подростков являются следствия низкой учебной мотивации – плохие оценки, негативное отношение к учителям, конфликты с ними из-за кажущейся несправедливости и т.д. В свою очередь, неблагополучие, переживаемое подростком в школьном пространстве, оказывает негативное влияние на эмоциональное восприятие им личных перспектив, ближних и дальних планов на свое будущее (что подтверждается преобладанием высоких значений (таблица 2) по шкалам переживания проблем, связанных со школой и будущим). Причем, сложившаяся ситуация осложняется тем, что гипертрофированное переживание девиантным подростком собственной личности не позволяет ему адекватно оценить свое настоящее и будущее.

На уровне выраженной статистической тенденции зафиксированы различия в переживании подростков с по-

Табл. 2. Распределение процентной доли испытуемых по показателю уровневых значений по шкалам методики

Шкалы переживания	Подростки с поведенческими нарушениями (n=25)			Подростки с социально-приемлемым поведением (n=25)		
	Уровень выраженности показателя					
	низкий	средний	высокий	низкий	средний	высокий
Проблемы, связанные с будущим	0	48	52	8	80	12
Проблемы, связанные с родительским домом	0	48	52	0	80	20
Проблемы, связанные со школой	0	20	80	20	52	28
Проблемы, связанные с общением со сверстниками	12	52	36	0	100	0
Проблемы, связанные с самим собой	8	48	44	8	80	12
Проблемы, связанные с проведением досуга	0	68	32	8	80	12
Проблемы, связанные со здоровьем	20	60	20	8	92	0
Проблемы, связанные с развитием общества	40	40	20	0	92	8

Table 2. Percent of subjects according to the level values according to the scales

Scale of experiencing problems related to:	Delinquent Adolescents (n=25)			Adolescents with Socially Acceptable Behaviour (n=25)		
	Index Level					
	Low	Average	High	Low	Average	High
Future	0	48	52	8	80	12
Parent Place	0	48	52	0	80	20
School	0	20	80	20	52	28
Interaction with Peers	12	52	36	0	100	0
Oneself	8	48	44	8	80	12
Leisure pastime	0	68	32	8	80	12
Health	20	60	20	8	92	0
Society Development	40	40	20	0	92	8

веденческими нарушениями проблем, связанных с развитием общества ($U_{эмп} = 188,5$ для $p \leq 0,016$) и родительским домом ($U_{эмп} = 195,5$ для $p \leq 0,023$).

Отсутствие достоверных различий по шкале, отражающей «переживание проблем, связанных с общением со сверстниками», объяснимо с позиции ведущего вида деятельности в подростковом возрасте. В тоже время отсутствие статистических различий по шкалам переживания проблем, связанных с проведением досуга и со здоровьем, обусловлено, на наш взгляд, тем, что в утверждениях методики по данным шкалам не нашли отражения потребности, интересы и ценности, свойственные девиантным подросткам, которые лежат в содержательно иной плоскости, чем у подростков с нормативным поведением.

Выводы

Качественно-количественный и статистический анализ эмпирических данных показал правомерность сформулированной гипотезы о специфике переживаний подростков с девиантным поведением ряда психологических проблем. В частности, результаты исследования свидетельствуют о том, что мальчики-подростки, обладающие поведенческими нарушениями, характеризуются более глубоким переживанием проблем, связанных «со школой», «с будущим», «с самим собой».

Отсутствие статистического подтверждения по ряду допущений (о выраженности переживания проблем, связанных с об-

Вывявленные различия по ряду параметров переживания психологических проблем подростками с разным типом поведения со всей очевидностью указывают на необходимость своевременной разработки мер социально-психологической превенции эмоциональной дестабилизации и/или реконструирования системы переживаний подростков с девиантной траекторией развития

щением со сверстниками, с проведением досуга, со здоровьем) мы связываем с тем, что при общей информативности методики «Психологические проблемы подростков» (Регуш, Алексеева, Орлова, Пежемская, 2012) ее содержание не учитывает всей полноты потребностей, мотивов, ценностей, установок и пр., специфичных для системы переживаний подростков с девиантным поведением. Этот аспект со всей очевидностью актуализирует необходимость создания диагностического инструментария для решения социально-психологических и психолого-педагогических задач девиантологии в их прикладной направленности.

Заключение

Вывявленные различия по ряду параметров переживания психологических проблем подростками с разным типом поведения со всей очевидностью указывают на необходимость своевременной разработки мер социально-психологической превенции эмоциональной дестабилизации и/или реконструирования системы переживаний подростков с девиантной траекторией развития.

Организация психолого-педагогического сопровождения девиантных подростков очевидна и предполагает, прежде

всего, формирование у них коммуникативной компетентности со сверстниками и взрослыми в условиях школьного пространства, создание условий и эмоционально привлекательных ситуаций для становления адекватной самооценки, развития рефлексии и профессионального самоопределения, определения социально адекватных и личностно эффективных перспектив будущей жизнедеятельности.

На основе полученных результатов разработан и проходит апробацию формирующий эксперимент, направленный на амплификацию переживаний подростков с девиантным поведением (Лимонченко, 2017). Содержание формирующего эксперимента реализуется в форме тренинговой работы и включает:

- 1) актуализацию личностных ресурсов подростка, достигаемую через участие в активных формах самопознания (моделируемые ситуации, рефлексивные упражнения и пр.);
- 2) расширение диапазона социальных эмоций, значимых в выстраивании взаимоотношений с окружающими (взрослыми, сверстниками) и предполагающих ориентацию на соответствие поведения социально заданным нормам;
- 3) освоение средств и способов саморегуляции эмоционального состояния и поведенческого реагирования.

Литература:

- Белобрыкина Е.А., Белобрыкина О.А. Специфика мотивации общения подростков с отклоняющимся поведением // Актуальные проблемы психологического знания. – 2014. – № 2. – С. 47–58.
- Белобрыкина О.А. Лимонченко Р.А. Особенности субъективного переживания одиночества у подростков с поведенческими нарушениями // Современные проблемы психологии и образования в контексте работы с различными категориями детей и молодежи : материалы научно-практической конференции / отв. ред. Р.Е. Барабанов. – Москва : Московский финансово-юридический университет (МФЮА), 2016. – С. 21–31.
- Большунова Н.Я., Белобрыкина О.А. Принципы и направления работы с безнадзорными детьми // Насилие и пренебрежение по отношению к детям: профилактика, выявление, вмешательство : материалы научного симпозиума / отв. ред. О.Н. Боголюбова. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб-го ун-та, 2009. – С. 10–11.
- Буторина Н.Е., Макаров С.А., Буторин Г.Г. Многоосевая система классификации болезней и диагностика наркологических заболеваний у детей и подростков // Вопросы наркологии. – 2002. – № 2. – С. 38–42.
- Василук Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) : монография. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
- Выготский Л.С. Детская психология // Л.С. Выготский Собрание сочинений в 6 тт. Т. 4 / под ред. Д.Б. Эльконина. – Москва: Педагогика, 1984. – С. 6–110.
- Дорохова С.В. Переживание как психологический феномен // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2016. – Т. 16. – № 4. – С. 80–83.

Для цитирования: Белобрыкина О.А., Лимонченко Р.А. Особенности переживания психологических проблем девиантными подростками // Национальный психологический журнал. – 2017. – №4 (28). – С. 129–138. doi: 10.11621/npj.2017.0413

For citation: Belobrykina O.A., Limonchenko R.A. (2017) Features of experiencing psychological problems in deviant adolescents. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 28 (4), 129–138. doi: 10.11621/npj.2017.0413

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2017
© Russian Psychological Society, 2017

- Лимонченко Р.А., Белобрыкина О.А. Особенности проявления социальных эмоций у подростков с поведенческими нарушениями // Психология : сборник научных статей международной научной школы «Парадигма»: Лето-2015. В 8 тт. Т. 4. / под ред. А.В. Берлова, Л.Ф. Чупрова. – Варна : ЦНИИ «Парадигма», 2015. – С. 185–193.
- Лимонченко Р.А. Психологическое обоснование использования метода формирующего эксперимента при сопровождении подростков группы риска в условиях образовательного учреждения [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 39 : [сайт]. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970651.htm> – (дата обращения: 31.05.2017).
- Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Подросток в учебнике и в жизни: кризис тринадцати лет // На пороге взросления : сборник научных статей к третьей Всероссийской научно-практической конференции. Серия «Психология развития». – Москва : Российский гуманитарный научный фонд, 2011. – С. 14–22.
- Пронина А.Н. Научные аспекты изучения переживания человека в структуре социализации-индивидуализации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2010. – № 2. – С. 117–120.
- Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста. – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 816 с.
- Реан А.А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 4 (20). – С. 105–110. doi: 10.11621/npj.2015.0410
- Регуш Л.А. Самоотношение подростков и переживание проблем школьной жизни // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 100. – С. 57–65.
- Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. «Психологические проблемы подростков»: стандартизированная методика : научно-методические материалы. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. – 34 с.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – 713 с.
- Селиванова З.К. Ценностный мир российских подростков: формирование, динамика, управление (социологический аспект) : монография. – Москва : Изд-во МЭИ, 2013. – 200 с.
- Чередниченко И.П. Переживание в экзистенциальном пространстве // Гуманитарный вектор. Серия «Педагогика, психология». – 2010. – № 2. – С. 188–194.
- Шнейдер Л.Б. Психология подростковой девиантности и аддиктивности : учебно-методическое пособие для студентов. – Москва : Изд-во Московского психолого-социального университета, 2016. – 300 с.
- Ясная В.А. Искажения идентичности у подростков с отклоняющимся поведением // Психология и право. – 2013. – № 4. – С. 121–131.
- Aderanti, R. A., Williams, T.M., Womiloju, A. (2015) Socio-personal and social factors as determinants of antisocial behaviours among adolescents in Ikenne, Ogun state. *European Scientific Journal*, 11, 323–332.
- Ashraf, S., Khalid, S., & Ahmed, F. (2014) A Study of emotional empathy and delinquency. *European Scientific Journal. Special edition*, 385–395.
- Bassett, R., Beagan, B. L., Ristovski-Slijepcevic, S., & Chapman, G.E. (2008) Tough teens. The methodological challenges of interviewing teenagers as research participants tough. *Journal of Adolescent Research*, 23(2), 119–131. doi: 10.1177/0743558407310733
- Berger, U., Keshet, H., & Gilboa-Schechtman, E. (2017) Self-evaluations in social anxiety: The combined role of explicit and implicit social-rank. *Personality and Individual Differences*. 104, 368–373. doi: 10.1016/j.paid.2016.08.023
- Cutrín, O., Gómez-Fraguela, J.A., Maneiro, L., & Sobral, J. (2017) Effects of parenting practices through deviant peers on nonviolent and violent antisocial behaviours in middle- and late-adolescence. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, 9 (2), 75–82. doi: 10.1016/j.ejpal.2017.02.001
- Denham, S.A. (2006) Social-emotional competence as support for school readiness: What is it and how do we assess it? *Early Education and Development*, 17, 57–89. doi: 10.1207/s15566935eed1701_4
- Dryman, M. T., Gardner, S., Weeks, J.W., & Heimberg, R.G. (2016) Social anxiety disorder and quality of life: How fears of negative and positive evaluation relate to specific domains of life satisfaction. *Journal of Anxiety Disorders*, 8, 1–8. doi: 10.1016/j.janxdis.2015.12.003
- Fariña, F., Vásquez, M. J., & Arce, R. (2014) Is Offence Severity and the Chronicity of Juvenile Delinquency Mediated by Cognitive-Behavioural Competence? *Universitas Psychologica*, 13(3), 15–27.
- Gutiérrez-García, A., M.G. (2017) Social anxiety and threat-related interpretation of dynamic facial expressions: Sensitivity and response bias. *Personality and Individual Differences Volume*, 107(1), 10–16. doi: 10.1016/j.paid.2016.11.025
- Hirtenlehner, H., Pauwels, L., & Mesko, G. (2014) Is the effect of perceived deterrence on juvenile offending contingent on the level of self-control? Results from three countries. *Br. Journal Criminol.* 54(1), 128–150. doi: 10.1093/bjc/azt053
- Jacobs, Ja. E., Vernon, M. K., & Eccles, Ja. S. (2004) Relations between social self-perceptions, time use, and prosocial or problem behaviors during adolescence. *Journal of Adolescent Research*, 19(1), 45–62. doi: 10.1177/0743558403258225
- Kenchadze, E. (2015) Delinquent behavior, its characteristics and determining factors. *European Scientific Journal. Special edition*, 71–74.
- Kenny, D.T., Blacker, S., & Allerton, M. (2014) Reculer Pour Mieux Sauter: A Review of Attachment and Other Developmental Processes Inherent in Identified Risk Factors for Juvenile Delinquency and Juvenile Offending. *Laws*, 3(3), 439–468. doi: 10.3390/laws3030439
- Kernberg, P.F., Weiner, A.S., & Bardenstein, K. K. (2008) *Personality Disorders in Children and Adolescents*. New York: Basic Books.
- Kiverstein, J. (2015) Empathy and the responsiveness to social affordances. *Original Research Article Consciousness and Cognition*, 36, 532–542. doi: 10.1016/j.concog.2015.05.002
- Köiv, K. (2016) Perceived multiple emotional self-concepts in groups of juvenile delinquents and nondelinquents. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 217, 49–56. doi: 10.1016/j.sbspro.2016.02.023
- Koshenova, M.I. (2016) Results of questioning «Behavior of school-aged children concerning health» in the city of Novosibirsk in the context of interregional research. E.V. Markova, M.G. Chukhrova, M.Milankov (Eds). *Science today: from theory to practice: Proceedings of the 7th International Academic Conference «Innovation in Psychology, Pedagogy & Medicine», Mui ne (Vietnam)*. Saint-Louis, Missouri, USA, Science and Innovation Center Publishing House.

- Milojević, S., & Dimitrijević, A. (2014) Empathic capacity of delinquent convicted minors. *Psihologija*, 47 (1), 65–79. doi: 10.2298/PSI1401065M
- Morrison, A. S., Mateen, M. A., Brozovich, F. A., Zaki, J., Goldin, P. R., Heimberg, R. G., & Gross, J. J. (2016) Empathy for positive and negative emotions in social anxiety disorder. *Original Research Article Behaviour Research and Therapy*, 87, 232–242.
- Sanches, C., Gouveia-Pereira, M., Marôco, J., Gomes, H., & Roncon, F. (2016) *Deviant behavior variety scale: development and validation with a sample of Portuguese adolescents. Psicologia: Reflexão e Crítica*. 29 (31), 1–8. doi: 10.1186/s41155-016-0035-7

References:

- Aderanti, R. A., Williams, T.M., Womiloju, A. (2015) Socio-personal factors as determinants of antisocial behaviours among adolescents in Ikenne, Ogun state. *European Scientific Journal*, 11, 323–332.
- Ashraf, S., Khalid, S., & Ahmed, F. (2014) A Study of emotional empathy and delinquency. *European Scientific Journal*. Special edition, 385–395.
- Bassett, R., Beagan, B. L., Ristovski-Slijepcevic, S., & Chapman, G.E. (2008) Tough teens. The methodological challenges of interviewing teenagers as research participants tough. *Journal of Adolescent Research*, 23(2), 119–131. doi: 10.1177/0743558407310733
- Belobrykina, E.A., & Belobrykina, O.A. (2014) Specificity of communication motivation in adolescents with deviant behaviour. [*Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya*], 2, 47–58.
- Belobrykina, O.A. & Limonchenko, R.A. (2016) Features of the subjective experience of loneliness in adolescents with behavioral disorders. [*Sovremennye problemy psikhologii i obrazovaniya v kontekste raboty s razlichnymi kategoriyami detey i molodezhi: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*]. Moscow, Moskovskiy finansovo-yuridicheskiy universitet, 21–31.
- Berger, U., Keshet, H., & Gilboa-Schechtman, E. (2017) Self-evaluations in social anxiety: The combined role of explicit and implicit social-rank. *Personality and Individual Differences*. 104, 368–373. doi: 10.1016/j.paid.2016.08.023
- Bolshunova, N.Ya., & Belobrykina, O.A. (2009) Principles and trends of work with neglected children. [*Nasilie i prenebrezhenie po otnosheniyu k detyam: profilaktika, vyjavlenie, vmeshatel'stvo: materialy nauchnogo simpoziuma*]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sanktpeterburgskogo universiteta, 10–11.
- Butorina, N.E., Makarov, S.A., & Butorin, G.G. (2002) Multi-axis system of disease registration and diagnostics of narcological diseases in children and adolescents. [*Voprosy narkologii*], 2, 38–42.
- Cherednichenko, I.P. (2010) Experience in Existential Space. [*Gumanitarnyy vektor*]. Series «Pedagogy, psychology», 2, 188–194.
- Cutrin, O., Gómez-Fraguela, J.A., Maneiro, L., & Sobral, J. (2017) Effects of parenting practices through deviant peers on nonviolent and violent antisocial behaviours in middle- and late-adolescence. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, 9 (2), 75–82. doi: 10.1016/j.ejpal.2017.02.001
- Denham, S.A. (2006) Social-emotional competence as support for school readiness: What is it and how do we assess it? *Early Education and Development*, 17, 57–89. doi: 10.1207/s15566935eed1701_4
- Dorokhova, S.V. (2016) Experience as a psychological. [*Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo slavyanskogo universiteta*], 16(4), 80–83.
- Dryman, M. T., Gardner, S., Weeks, J.W., & Heimberg, R.G. (2016) Social anxiety disorder and quality of life: How fears of negative and positive evaluation relate to specific domains of life satisfaction. *Journal of Anxiety Disorders*, 8, 1–8. doi: 10.1016/j.janxdis.2015.12.003
- Fariña, F., Vásquez, M. J., & Arce, R. (2014) Is Offence Severity and the Chronicity of Juvenile Delinquency Mediated by Cognitive-Behavioural Competence? *Universitas Psychologica*, 13(3), 15–27.
- Gutiérrez-García, A., & M.G. (2017) Social anxiety and threat-related interpretation of dynamic facial expressions: Sensitivity and response bias. *Personality and Individual Differences Volume*, 107(1), 10–16. doi: 10.1016/j.paid.2016.11.025
- Hirtenlehner, H., Pauwels, L., & Mesko, G. (2014) Is the effect of perceived deterrence on juvenile offending contingent on the level of self-control? Results from three countries. *Br. Journal Criminol.* 54(1), 128–150. doi: 10.1093/bjc/azt053
- Jacobs, Ja. E., Vernon, M. K., & Eccles, Ja. S. (2004) Relations between social self-perceptions, time use, and prosocial or problem behaviors during adolescence. *Journal of Adolescent Research*, 19(1), 45–62. doi: 10.1177/0743558403258225
- Kenchadze, E. (2015) Delinquent behavior, its characteristics and determining factors. *European Scientific Journal. Special edition*, 71–74.
- Kenny, D.T., Blacker, S., & Allerton, M. (2014) Reculer Pour Mieux Sauter: A Review of Attachment and Other Developmental Processes Inherent in Identified Risk Factors for Juvenile Delinquency and Juvenile Offending. *Laws*, 3(3), 439–468. doi: 10.3390/laws3030439
- Kernberg, P.F., Weiner, A.S., & Bardenstein, K. K. (2008) *Personality Disorders in Children and Adolescents*. New York: Basic Books.
- Kiverstein, J. (2015) Empathy and the responsiveness to social affordances. *Original Research Article Consciousness and Cognition*, 36, 532–542. doi: 10.1016/j.concog.2015.05.002
- Köiv, K. (2016) Perceived multiple emotional self-concepts in groups of juvenile delinquents and nondelinquents. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 217, 49–56. doi: 10.1016/j.sbspro.2016.02.023
- Koshenova, M.I. (2016) Results of questioning «Behavior of school-aged children concerning health» in the city of Novosibirsk in the context of interregional research. E.V. Markova, M.G. Chukhrova, M.Milankov (Eds). *Science today: from theory to practice: Proceedings of the 7th International Academic Conference «Innovation in Psychology, Pedagogy & Medicine», Mui ne (Vietnam)*. Saint-Louis, Missouri, USA, Science and Innovation Center Publishing House.
- Limonchenko, R.A., & Belobrykina, O.A. (2015) Features of social emotions in adolescents with behavioral disorders. [*Psikhologiya: sbornik nauchnykh statey mezhdunarodnoy nauchnoy shkoly «Paradigma»: Leto-2015*]. Varna, CNII «Paradigma», 185–193.
- Limonchenko, R.A. (2017) Psychological substantiation of the method of the formative experiment with the support of adolescents at risk in an educational institution. [*Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Koncept»*], 39: Retrieved from: <http://e-koncept.ru/2017/970651.htm> – (Accessed: 31/05/2017).
- Milojević, S., & Dimitrijević, A. (2014) Empathic capacity of delinquent convicted minors. *PSIHOLOGIJA*, 47 (1), 65–79. doi: 10.2298/PSI1401065M
- Morrison, A. S., Mateen, M. A., Brozovich, F. A., Zaki, J., Goldin, P. R., Heimberg, R. G., & Gross, J. J. (2016) Empathy for positive and negative emotions in social anxiety disorder. *Original Research Article Behaviour Research and Therapy*, 87, 232–242.

- Prikhozhan, A.M., & Tolstykh, N.N. (2011) An adolescent in a textbook and in life: the crisis of thirteen years. [*Na poroge vzrosleniya: sbornik nauchnykh statey k tret'ey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Seriya «Psikhologiya razvitiya»*]. Moscow, Rossiyskij gumanitarnyy nauchnyy fond, 14–22.
- Pronina, A.N. (2010) Scientific aspects of the study of human experience in the structure of socialization and individualization. [*Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*]. Series «Social Sciences», 2, 117–120.
- Rice F., & Dolgin K. (2010) Psychology of adolescence and adolescence. St. Petersburg, Peter, 816.
- Rean, A.A. (2015) Risk Factors of Deviant Behaviour: Family Context. *National Psychological Journal*, 20(4), 105–110. doi: 10.11621/npj.2015.0410
- Regush, L.A. (2009) Self-attitude of adolescents and experiencing problems of school life. [*Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*], 100, 57–65.
- Regush, L.A., Alekseeva, E.V., Orlova, A.V., & Pezhemskaya, Yu.S. (2012) «Psychological problems of adolescents»: a standardized methodology: scientific and methodological materials. St. Petersburg, Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 34.
- Rubinshtein, S.L. (2003) Fundamentals of General Psychology. St. Petersburg, Piter, 713.
- Sanches, C., Gouveia-Pereira, M., Marôco, J., Gomes, H., & Roncon, F. (2016) Deviant behavior variety scale: development and validation with a sample of Portuguese adolescents. *Psicologia: Reflexão e Crítica*. 29 (31), 1–8. doi: 10.1186/s41155-016-0035-7
- Selivanova, Z.K. (2013) The value world of Russian adolescents: development, dynamics, management (sociological aspect): monograph. Moscow, Izdatel'stvo MPEI, 200.
- Schneider, L. (2016) Psychology of adolescent deviance and addiction: teaching tips for students. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-social'nogo universiteta, 300.
- Yasnaya, V.A. (2013) Distortions of identity in adolescents with deviant behavior. [*Psikhologiya i pravo*], 4, 121–131.

Информация для авторов

«Национальный психологический журнал» – всероссийское научное информационно-аналитическое издание, на страницах которого отражаются достижения различных направлений современной психологической науки и практики.

Журнал публикует оригинальные научные и практико-ориентированные статьи по актуальным проблемам различных областей психологии, отличающиеся научной новизной и выраженной авторской позицией.

Подача рукописи

Рукописи представляются в редакцию «Национального психологического журнала» в pfrk.xtyuys[электронном ви де. Они должны содержать оригинальный материал, не публиковавшийся ранее и не рассматриваемый для публикации в других изданиях. Для подтверждения этого ставится пометка «Оригинальная статья». Автор сообщает адрес электронной почты, по которому будет проводиться переписка, а также номер телефона и полный почтовый адрес.

Оформление рукописи

В начале статьи должны содержаться: инициалы и фамилия автора (на русском и английском языках, ученое звание и степень, должность, полное название научного учреждения, в котором проведены исследования или разработки (на русском и английском языках), заголовок статьи (на русском и английском языках), аннотация на русском и английском языках (не менее 1700 знаков на русском языке и 250 слов на английском языке), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках, индекс УДК. Далее идет основной текст статьи и библиографический список.

Объем статей – не менее 25 тыс. знаков (с пробелами). Большие материалы могут быть опубликованы в нескольких номерах журнала.

Оформление текста статьи

Публикация материалов в журнале осуществляется на русском языке. Названия зарубежных учреждений приводятся в тексте без кавычек латинскими буквами. После упоминания в тексте фамилий зарубежных ученых, руководителей учреждений и т. д. на русском языке в полукруглых скобках приводится написание имени и фамилии латинскими буквами.

Все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшиф-

рованы, за исключением общепринятых сокращений математических величин и терминов.

Информация о грантах и благодарностях приводится в конце статьи перед списком литературы.

Не допускается использование:

- пробелов и табуляции для форматирования абзацного отступа («красной строки») и выравнивания иного, чем по левому краю или середине,
- расстановки переносов,
- концевых сносок
- курсива, полужирного шрифта и подчеркиваний при оформлении текста статьи,
- выделение заголовков прописными буквами.

В тексте не должно быть двойных пробелов и двойных абзацев (пустых строк).

Ссылки и список литературы

Библиографический список должен включать не меньше 30 ссылок для статей и 50 ссылок для обзоров. 50% ссылок необходимо давать на иностранные источники.

Источники приводятся в алфавитном порядке. Сначала приводятся источники на русском языке, затем на других языках. Нумерация списка сквозная.

Должное внимание следует уделить правильному описанию и полноте библиографической информации. (Образцы библиографических описаний см. в Приложении «Оформление пристатейных списков литературы (или ссылок)» по адресу: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>. Ссылки на электронные публикации в сети Интернет допускаются только на официальные ресурсы, имеющие регистрацию в Роскомнадзоре, с указанием всех данных. В тексте ссылки на литературные источники приводятся в виде указания фамилии автора и года издания, заключенных в скобки (например, (Выготский, 1982). При цитировании добавляется номер страницы (Выготский, 1982, С. 47). Использование сносок в качестве ссылок на литературу не допускается.

Ссылки на иностранные источники оформляются по требованиям Американской психологической ассоциации (APA).

Таблицы, графики, рисунки

Таблицы, рисунки, схемы в тексте должны быть пронумерованы и озаглавлены.

Недопустимо дублирование текстом графиков, таблиц и рисунков. Графики, диаграммы могут быть построены в программе MS Excel. При наличии диаграмм, построенных с помощью MS Excel, обязательно предоставляется файл с исходными данными. Содержащиеся в таблицах и графиках данные должны быть тщательно проверены. За правильность приведенных данных ответственность несет автор.

Рисунки и схемы могут быть построены в графических редакторах и должны допускать редактирование. Рисунки должны быть представлены в форматах jpeg (показатель качества не ниже 8) или tiff (с разрешением не менее 300 dpi без сжатия).

Графики, таблицы и рисунки, а также фотографии, которые не отвечают качеству печати, будут возвращены авторам для замены.

Информация об авторах

Информация об авторах представляется в отдельном файле.

Пожалуйста, укажите фамилию, имя и отчество полностью, научные степени и ученые звания, должность, место работы, количество публикаций. Указывается адрес электронной почты, персонального web-сайта, а так же телефон и почтовый адрес (которые не будут печататься в журнале) и портретную фотографию. При наличии нескольких авторов обязательно указывайте ответственного автора (Corresponding author).

Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются.

Рукописи рецензируются для определения обоснованности предлагаемой тематики, ее новизны, а также научно-практической значимости содержания.

Все рецензенты остаются анонимными. После принятия положительного решения относительно публикации рукописи авторы информируются о нем. При возвращении статьи автору для доработки рецензия прилагается.

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, направленное на придание им лаконичности, ясности в изложении материала и соответствие текста стилю журнала. С точки зрения научного содержания авторский замысел полностью сохраняется.

Information For Authors

“National Psychological Journal” is All-Russian scientific and analytical issue which highlights achievements in different areas of modern psychological science and practice.

The Journal publishes original scientific and practice-oriented articles on topical issues of the various areas of psychology, which is distinguished by scientific novelty and distinctive author's viewpoint.

Submitting Manuscripts

Electronic version of manuscripts is submitted to the Editor of the “National Psychological Journal”. Manuscripts must contain original material, previously unpublished and not under consideration for publication elsewhere. The Author Information includes contact email address, phone number and full postal address.

Manuscript Submission Form

The beginning of the article should contain the author's Russian and English initials and surname, academic title and degree, job title, full name of the institution, where the study or experiment was carried out, Russian and English article title, Russian and English summary (up to 1700 Russian characters within 100-250 English word limit), 5-7 keywords in Russian and in English, UDC identifier, the body of the article and reference literature.

The paper is up to than 25 thousand characters (including spaces).

Large materials can be published in several issues of the Journal.

Article Layout

Publication is in the Russian language. The names of foreign institutions are given in Latin letters without inverted comas. Names of foreign scholars, names of heads of institutions, etc. in the Russian language are followed by transliterated Latin names in parentheses.

Acronyms and abbreviations should be fully deciphered when used for the first time, with the exception of common

abbreviations and terms of mathematical units.

Information about grants and acknowledgments are provided in a footnote at the foot of the first page.

Do not use:

- Spaces and tabs to format indents (new paragraph) and paragraph
- alignment other than left or middle margins;
- Hyphenation;
- Endnotes.

The text should not contain double spaces and double paragraphs (blank lines).

Links and References

The bibliographical list should include not less than 20 links but should not include more than 40 links.

Bibliography should include at least three sources. Sources are listed in alphabetical order. Russian sources are followed by the sources in other languages. List sequential numbering is used.

Due attention should be paid to the correct specification and completeness of reference information. (For samples of reference descriptions see Appendix “Making Article Reference Lists (or Links)” at: <http://www.psy.msu.ru/science/npj/requirements.html>)

The citation of electronic publications on the Internet showing all data are allowed only to the official sources and registered with Roskomnadzor (Federal Supervision Agency for Information Technologies and Communications). In the article text references to literature sources are given in round brackets as surnames followed by the year of publication after the comma, e.g., (Vygotsky, 1982). Footnotes as reference sources are not allowed.

Tables, Graphs, Drawings Tables

Tables, Graphs, Drawings Tables, figures and diagrams in the text should be numbered and titled.

Duplication of text graphs, tables and figures is not allowed.

Charts and diagrams can be built in MS Excel. MS Excel diagrams shall be provided with the original data file. Tables and graphs data should be carefully checked. The author is responsible for the information provided in tables and graphs.

Drawings and diagrams can be built with the use of graphic editors, and should not allow editing. Figures should be submitted in the following formats: Jpeg (quality score of at least 8), or .Tiff (resolution of 300 dpi with no compression).

Charts, tables and figures, and photos that do not meet the print quality will be returned to author and shall be submitted with better quality.

Information About Authors

Information about authors should be submitted in a separate file. Please enter your full last name, first name and patronymic name/middle name, degree and academic title, position, place of work, number of publications. Specify your contact email address, personal website, phone, and postal address (which will not appear in the printed version of the Journal.)

Articles that do not meet these requirements are not published by the decision of the Editorial Board.

Manuscripts are reviewed to reveal the novelty, scientific and practical relevance of content. All reviewers remain anonymous. Author is contacted to be informed about a positive decision regarding the publication of the manuscript. If article is returned to the author for further improvement the revision review is attached.

The editors reserve the right to edit articles to give them brevity and clarity of the presentation form, and to correspond the text style of the Journal. The author's scientific content is preserved.

Краткие рекомендации по написанию авторских резюме (аннотаций, рефератов к статьям)

Guidelines for Abstract Writing

Использованы материалы статьи О.В. Кирилловой (к.т.н., зав. отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) БД SCOPUS) «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии»

Аннотации (рефераты, авторские резюме) на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на неё ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация на английском языке на русскоязычную статью по объему может быть больше аннотации на русском языке, так как за русскоязычной аннотацией идет полный текст на этом же языке.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не быть калькой русскоязычной аннотации);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем до 250 слов).

В аннотациях, которые пишут наши авторы, допускаются самые элементарные ошибки. Чаще всего аннотации представляют прямой перевод русскоязычного варианта, избилуют общими ничего не значащими словами, увеличивающими объем, но не способствующими рас-

крытию содержания и сути статьи. А еще чаще объем аннотации составляет всего несколько строк (3-5). При переводе аннотаций не используется англоязычная специальная терминология, что затрудняет понимание текста зарубежными специалистами. В зарубежной БД такое представление содержания статьи совершенно неприемлемо.

Авторское резюме (аннотации) выполняют следующие функции:

- дают возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа;
- предоставляют информацию о документе и устраняют необходимость чтения
- полного текста документа в случае, если документ представляет для читателя
- второстепенный интерес;
- используются в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Авторское резюме ближе по своему содержанию, структуре, целям и задачам к реферату.

Это – краткое точное изложение содержания документа, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы. Текст авторского резюме (в дальнейшем – реферата) должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

Реферат включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;

- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность изложения содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Предмет, тема, цель работы указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи.

Метод или методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы. В рефератах документов, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

В тексте реферата следует применять значимые слова из текста статьи.